

ЛѢТОПИСЬ

ГРИГОРІЯ ГРЯБЯНКИ.

ДѢЙСТВІЯ

ПРЕЗѢЛЬНОЙ И ОТЪ НАЧАЛА ПОЛЯКОВЪ КРВАВШОЙ НЕБЫВАЛОЙ БРАНИ

БОГДАНА ХМЕЛНИЦКОГО,

ГЕТМАНА ЗАПОРОЖСКОГО,

СЪ ПОЛЯКИ,

ЗА НАЙЯСНѢЙШИХЪ КОРОЛЕЙ ПОЛСКИХЪ ВЛАДИСЛАВА, ПОТОМЪ И КАЗѢМИРА, ВЪ РОКУ 1648, ОТПРАВОВАТИСЯ НАЧАТОЙ И ЗА ЛѢТЪ ДЕСЯТЬ ПО СМЕРТИ ХМЕЛНИЦКОГО НЕОКОНЧЕННОЙ,

ЗЪ РОЗНИХЪ ЛѢТОПИСЦОВЪ И ИЗЪ ДІАРІУША, НА ТОЙ ВОЙНѢ ПИСАННОГ ,

ВЪ ГРАДѢ ГАДЯЧУ,

ТРУДОМЪ

ГРИГОРІЯ ГРЯБЯНКИ,

СОБРАННАЯ И САМОБИТНИХЪ СТАРОЖИЛОВЪ СВѢДИТЕЛЬСТВИ УТВЕРЖДЕННАЯ.

РОКУ 1710.

См. ст. М. Максимовича въ Москв.

ИЗДАНА

ВРЕМЕННОЮ КОММИССІЕЮ

1855 г. NN 17 и 18.

ДЛЯ

РАЗБОРА ДРЕВНИХЪ АКТОВЪ.

КІЕВЪ.

Въ Университетской типографіи.

1854.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Кіевъ, 16 Октября, 1852 года.

Цензоръ Архимандритъ *Леонтій.*

Цензоръ Д. *Мацкевичъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издаваемая нынѣ Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ Лѣтопись Гадяцкаго Полковника Григорія Грабянки, извѣстная подъ заглавіемъ: *дѣйствія презѣльной и отъ начала Поляковъ крвавшой небывалой брани Богдана Хмѣлницкаго, Гетмана Запорожского, съ Поляки, за Найяснѣйшихъ Королей Польскихъ Владислава, потомъ и Казѣмира* и пр., относится къ памятникамъ исторической Литературы начала XVIII столѣтія и вмѣстѣ съ Лѣтописью Величка и Самовидца принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ до насъ дошедшихъ Малороссійскихъ лѣтописей. Въ то самое время когда добросовѣстный и ученый Самоилъ Васильевичъ Величко въ селѣ Жукахъ, Полтавскаго уѣзда, трудился надъ составленіемъ своей драгоцѣнной лѣтописи о событіяхъ въ юго-западной Руси, съ цѣлью передать потомству замѣчательныя дѣла своихъ предковъ и современниковъ, другой труженникъ—

Разборъ Лѣтописи см. Москвитянинъ т. V № 17-18 стр. 145-158 (1855 г.) - Разборъ М. А. Максимовича.

Грабянка — не менѣе безпристрастный и столь же свѣдущій, проникнутый тѣми же самыми убѣжденіями, въ другомъ мѣстѣ—въ Гадячѣ, оканчивалъ свой трудъ, представляемый нынѣ на судъ просвѣщенной публики.

О жизни автора мы имѣемъ самыя скудныя извѣстія. Григорій Грабянка или Гребенка былъ современникъ Петра I, Екатерины I и Петра II-го. Въ 1723 г. вмѣстѣ съ Наказными Полковниками Стародубскимъ Корецкимъ и Переяславскимъ Даниловичемъ Грабянка, тогда еще Судія Гадяцкій, былъ посыланъ Полуботкомъ съ разными представленіями въ Сенатъ и къ Государю и съ третьею просьбою къ Государынѣ объ избраніи Гетмана; поѣздка была неудачна. Въ 1729 году, въ царствованіе Петра II, Грабянка по ходатайству Гетмана Даніила Апостола былъ пожалованъ отъ Государя Гадячскимъ Полковникомъ на мѣсто Милорадовича. Вотъ единственныя свѣдѣнія объ авторѣ нашей Лѣтописи, встрѣчаемыя въ изданныхъ лѣтописяхъ Конискаго, Ригельмана, Самовидца и въ Исторіи Маркевича. Судя по его сочиненію и по тѣмъ источникамъ, которыми пользовался авторъ, онъ былъ человѣкъ ученый, трудолюбивый и хорошо понимавшій свое дѣло.

Лѣтопись Грабянки разсказомъ своимъ обнимаетъ событія Исторіи Малороссіи съ самыхъ древнѣйшихъ временъ ея до начала XVIII столѣтія, т. е. до избранія Гетмана Скоропадскаго, въ 1709 году. Но изъ самаго содержанія лѣтописи, изъ самаго даже ея заглавія нельзя не замѣтить, что главнымъ предметомъ своего повѣствованія

авторъ избралъ славную эпоху Богдана Хмельницкаго; на нее преимущественно онъ обратилъ свое вниманіе и изложилъ событія ея несравненно подробнѣе прочихъ имъ изображаемыхъ происшествій. Со времени смерти Хмельницкаго разсказъ дѣлается менѣе подробенъ, постепенно теряетъ свой интересъ по мѣрѣ приближенія автора къ изображенію временъ позднѣйшихъ, и въ концѣ сочиненія переходитъ въ сухую перечень событій; о гетманствѣ Мазепы лѣтописецъ говоритъ лишъ нѣсколько словъ. Изложеніе же эпохи до Хмельницкаго есть ничто иное, какъ весьма краткій обзоръ событій, составленный авторомъ съ цѣлью изъ самаго хода событій показать необходимость явленій избраннаго времени и вмѣстѣ съ тѣмъ познакомить читателей съ древнѣйшими происшествіями Малороссійской исторіи. И такъ Лѣтопись Грабянки изображаетъ преимущественно событія временъ Хмельницкаго, любимую эпоху Малороссійскихъ лѣтописцевъ.

Рѣдкій умъ Хмельницкаго, его чистая искренняя любовь къ отечеству, чуждая своекорыстныхъ побужденій нѣкоторыхъ изъ его преемниковъ, громкія побѣды надъ Поляками, счастливое окончаніе долговременной борьбы съ ними за вѣру и права, послѣ цѣлаго ряда неуспѣшныхъ попытокъ его предшественниковъ и наконецъ присоединеніе Малороссіи къ единовѣрной державѣ Царя Алексѣя Михайловича, обезсмертивъ имя этого подвижника въ исторіи, вызвали со стороны современниковъ и потомковъ живое, теплое сочувствіе, которое вырази-

лось во многихъ пѣсняхъ, думахъ, преданіяхъ и наконецъ въ сказаніяхъ лѣтописцевъ. Это сочувствіе къ заслугамъ Хмельницкаго отозвалось и въ сочиненіи Грабянки, который жилъ въ такое время, когда могъ бесѣдовать еще съ современниками Хмельницкаго, очевидцами и соучастниками его подвиговъ.

Лѣтопись начинается краткимъ обзоромъ событій до Хмельницкаго. Этому бѣглому очерку предшествуетъ небольшое разсужденіе »о названіи Козаковъ, о ихъ происхожденіи и о ихъ дѣйствіяхъ въ древнѣйшее время«. Говоря о происхожденіи и названіи Козаковъ, авторъ не довольствуется мнѣніями Польскихъ писателей — Коховскаго, Стрыйковскаго и Гвагнина, производившихъ слово козакъ то отъ козъ, которымъ какъ бы уподоблялись Козаки своею быстротою, то отъ какого-то древняго ихъ вождя, именемъ Козака и т. д. Всѣмъ этимъ мнѣніямъ онъ противопоставляетъ свое. Онъ утверждаетъ, что Козаки получили свое названіе отъ праотцевъ своихъ Козаръ, народа Скиѳскаго, названнаго Козарами отъ рѣчки, текущей чрезъ Бухарскую землю въ Хвалинское море, или Алянами отъ горъ Алянскихъ, имѣвшими первоначальное жилище по берегамъ Азовскаго моря и съ незапамятныхъ временъ разселившимися оттуда на западъ по берегамъ Чернаго моря. Подъ словомъ Козары Грабянка разумѣетъ не только народъ, извѣстный въ исторіи подъ этимъ именемъ, но и Болгаръ, Аваръ, Гунновъ, Оботритовъ и нѣкоторыхъ другихъ. Всѣ эти на-

роды, по словамъ его, были ни что иное, какъ Козары, въ различныхъ мѣстахъ получившіе разныя названія. Козаки произошли отъ Козаръ. Въ силу этого положенія авторъ, на основаніи Четій-Миней и Синоксара, излагаетъ довольно подробно исторію Козаръ, особенно Козаръ жившихъ на берегу Азовскаго моря, описываетъ ихъ воинственные нравы и обычаи, суровую пищу, одежду, ихъ отношенія къ Греціи. Этотъ обзоръ исторіи Козаръ есть то, что авторъ называетъ древнѣйшими дѣйствіями Козаковъ. Могущество Козаръ рушилось во время нашествія Монголовъ, въ началѣ XIII вѣка, и въ это-то время, говоритъ авторъ, Козары стали называться Козаками.

Разрѣшивъ такимъ образомъ вопросъ о происхожденіи и названіи Козаковъ, авторъ излагаетъ событія, предшествовавшія эпохѣ Хмельницкаго и излагаетъ ихъ кратко, поверхностно: на пятнадцати страницахъ (17 — 31) онъ обозрѣваетъ слишкомъ цѣлое столѣтіе. Несмотря на свою краткость, на скудость фактовъ, обзоръ этотъ заслуживаетъ полнаго вниманія, потому что заключаетъ въ себѣ древнѣйшія свѣденія о времени до Хмельницкаго: ибо расказъ объ этомъ времени въ драгоцѣнной лѣтописи Велички совершенно утраченъ. Начиная Лѣтопись свою словами Ап. Павла о раздѣленіи царствъ, авторъ характеризуетъ ими всѣ событія юго-западной Руси со временъ смерти Св. Владиміра до соединенія ея съ Литвою. Въ раздѣленіи Руси на части Владиміромъ Св. съ прискорбіемъ онъ видитъ основную причину постепеннаго ея

ослабленія, потери самостоятельности и подпаденія подъ власть сперва Татаръ, потомъ Литовцевъ и Поляковъ, и переходитъ къ изображенію дѣйствій Козаковъ подъ властью послѣднихъ. Здѣсь онъ упоминаетъ сначала о миролюбивыхъ, а потомъ враждебныхъ отношеніяхъ Польскаго правительства къ Козакамъ, бывшихъ причиною удаленія послѣднихъ за Днѣпровскіе пороги, о первой важной услугѣ ихъ, оказанной Полякамъ побѣдою надъ Татарами, въ 1516-мъ году; касается внутренняго быта Козаковъ Запорожскихъ, описываетъ ихъ пищу, питье, оружіе, ихъ обычаи, способъ веденія войны, военное ихъ устройство, и съ чувствомъ національной гордости отзывается объ ихъ воинственности и храбрости, подтверждая свои слова отзывомъ Турецкаго Султана — постояннаго врага Козаковъ; потомъ говоритъ о первыхъ Малороссійскихъ Гетманахъ, объ ихъ славныхъ подвигахъ; съ чувствомъ негодованія называетъ Унію *химерою,* а виновниковъ ея не *пастырями, а наемниками;* исчисляетъ дѣйствія возстававшихъ за вѣру Гетмановъ, Косинскаго, Наливайка, говоритъ о Сагайдачномъ и его заслугахъ Польскому правительству, о войнѣ на Цацорѣ, о происхожденіи Хмельницкаго, участвовавшаго въ этомъ дѣлѣ, о постепенномъ притѣсненіи Козаковъ Поляками по смерти Сагайдачнаго и о возстаніяхъ ихъ подъ начальствомъ Тараса, Павлюка и Остраницы. Построеніемъ Кодака оканчивается обзоръ событій до Хмельницкаго. Нельзя не замѣтить, что многія извѣстія, сообщаемыя

Лѣтописцомъ объ этомъ времени, во многомъ сходны съ исторіею Конискаго. Это даетъ поводъ думать, что Преосвященный Георгій, въ сочиненіи котораго древнѣйшая эпоха описана съ большою подробностію, нежели въ другихъ лѣтописяхъ, въ числѣ другихъ матеріаловъ пользовался и лѣтописью Грабянки.

Сказаніемъ *чесо ради Хмелницкій воста на Поляковъ* (стр. 31) начинается подробный разсказъ о событіяхъ эпохи Хмельницкаго, существенной части Лѣтописи. Авторъ приводитъ два мнѣнія о причинахъ войнъ Козацкихъ: одно изъ нихъ причиною этихъ войнъ полагаетъ Брестскій Соборъ, на которомъ получила начало свое Унія, другое, принадлежащее Польскому писателю Веспасіану Коховскому, притѣсненіе Козаковъ Поляками. Предоставляя читателю судить о справедливости того и другого, авторъ на основаніи свидѣтельства того же Польскаго писателя изображаетъ намъ притѣсненіе Козаковъ Поляками, гоненіе за вѣру, лишеніе правъ и преимуществъ, тщетныя старанія облегчить свою участь просьбами и мольбами; словомъ представляетъ безотрадную картину тогдашняго состоянія Малороссіянъ, изъ котораго единственнымъ выходомъ было возстаніе и переходитъ за тѣмъ къ побудительной причинѣ возстанія — обидѣ нанесенной Хмельницкому Чаплинскимъ, говоритъ о хитрости Хмельницкого посредствомъ которой онъ выманилъ у Барабаша Королевскіи привилегіи, и о бѣгствѣ перваго на Запорожье.

Въ двѣнадцати слѣдующихъ за симъ сказаніяхъ излагаются довольно подробно происшествія съ 1648 по 1655 т. е. до смерти Хмельницкаго; въ слѣдующемъ порядкѣ: описаніе битвы при Жолтыхъ Водахъ, при Корсунѣ, письмо Хмельницкаго къ Владиславу IV изъ подъ Бѣлой Церкви, дѣйствія Полковниковъ Хмельницкаго, Ганджы и Остапа и др. на Подоліи, бѣгство Іереміи Вишневецкаго изъ Украины за Днѣпръ, дѣйствія его за Днѣпромъ противъ Кривоноса и другихъ, о побѣдахъ Хмельницкаго подъ Пилявцами надъ Гетманами Доминикомъ, Фирлеемъ и Вишневецкимъ, смерть Короля Владислава IV, избраніе Хмельницкимъ Гетмановъ, походы его подъ Збаражъ, Броды, Львовъ и Замостя, избраніе Короля Яна Казимира, возвращеніе Хмельницкаго чрезъ Кіевъ въ Чигиринъ, посольство къ нему отъ Поляковъ и другихъ народовъ, пріемъ пословъ, дѣло подъ Збаражемъ и подъ Зборовомъ, статьи Зборовскіе, неудовольствія Поляковъ на Короля за эти статьи, неудачная поѣздка Кіевскаго Митрополита на сеймъ въ Варшаву, посольство къ Царю Алексѣю Михайловичу отъ Хмельницкаго съ извѣстіями о побѣдахъ его надъ Ляхами, посольство къ Турецкому Султану, война съ Волошскимъ Господаремъ, военныя дѣйствія Козаковъ въ Польшѣ и Литвѣ, привилегіи Яна Казимира, данныя Козакамъ 1650 г., неудовольствіе Козаковъ на Хмельницкаго за приведѣніе въ дѣйствіе Зборовскихъ статей, сближеніе Хмельницкаго съ Москвою, неудовольствіе послѣдней на Поль-

шу, посланіе къ Алексѣю Михайловичу съ исчисленіемъ войска, посольство Турецкаго Султана къ Хмельницкому, причины войны Берестецкой, пораженіе Козаковъ подъ Берестечкомъ, дѣйствіе Польскихъ Гетмановъ въ Украинѣ, Бѣлоцерковскій договоръ, постои Польскаго войска въ Малороссіи, слѣдствіе ихъ, война съ Поляками, побѣда Хмельницкаго при Батогѣ, тщетные переговоры съ Польскими Коммисарами, обѣщаніе Хмельницкого поддаться подъ власть Турецкаго Султана, дѣйствія Тимоша въ Валахіи и смерть его, побѣда Хмельницкаго при Жванцѣ, потвержденіе Зборовскихъ договоровъ, вѣроломство Крымскаго Хана, затруднительное положеніе Хмельницкаго, послѣднее посольство его къ Алексѣю Михайловичу, присяга въ Переяславлѣ на подданство Царю, письмо Богдана Хмельницкаго къ Алексѣю Михайловичу, неудовольствіе Польскаго Короля и Хана на Хмельницкаго, война Россіи съ Польшею, подвиги Козаковъ въ Литвѣ и подъ Смоленскомъ подъ начальствомъ Наказнаго Гетмана Золотаренка, дѣйствія Хмельницкаго въ Украйнѣ противъ Поляковъ и Крымскаго Хана, битва на Дрижиполье.

Сказаніемъ о походѣ Хмельницкаго на веснѣ въ Польскіе краи, 1655 г., лѣтописецъ оканчиваетъ гетманство Богдана. Въ этомъ сказаніи описаны военныя дѣйствія Хмельницкаго и Бутурлина съ Поляками 1655 г., свиданіе и разговоръ перваго изъ нихъ съ Крымскимъ Ханомъ, отправленіе посольства въ Москву съ благодарностію за помощь, опредѣленіе границы Малороссіи съ Польшею, бѣдствен-

ное положеніе послѣдней, доведенной до крайности войною съ Шведами и Венграми, посольство къ Хмельницкому отъ Польскаго Короля, политика Хмельницкаго. Сказаніе заключается трогательнымъ описаніемъ послѣднихъ дней жизни Хмельницкаго, созванія рады для избранія новаго Гетмана, смерти его и погребенія, описаніемъ, живо напоминающемъ намъ прекрасную думу подобнаго содержанія (*). При этомъ Лѣтописецъ не приминулъ высказать свою похвалу и свое удивленіе къ достоинствамъ и добродѣтелямъ покойнаго Гетмана; онъ представляетъ намъ его въ видѣ какого-то древняго героя, подобнаго Святославу. Хмельницкій, говоритъ авторъ, былъ мужъ по истинѣ достойный имени Гетманскаго, смѣлый въ опасныхъ предпріятіяхъ онъ былъ еще болѣе благоразуменъ въ преодолѣніи ихъ; труды никогда не изнуряли тѣла его, онъ равно переносилъ и зной и холодъ, въ свободное даже время отъ воинскихъ трудовъ онъ не предавался излишнему покою, и спалъ не на драгоцѣнномъ ложѣ, но на постелѣ, приличной простому воину; ничѣмъ не отличаясь отъ другихъ въ одеждѣ, онъ отличался только оружіемъ и конемъ; часто видѣли его какъ онъ изнуренный трудомъ спалъ между стражами подъ походнымъ плащемъ; онъ первый шелъ на битву и послѣдній оставлялъ ее.

Для исторіи войнъ Хмельницкаго кромѣ позднѣй-

(*) См. «Сборникъ украинскихъ пѣсень, изд. М. Максимовичемъ. Ч. 1. Кіевъ, въ тип. Ѳ. Гликсберга, 1849 г.» стр. 77—80.

шихъ сочиненій Конискаго, Ригельмана и Симоновскаго мы имѣемъ прекрасные обстоятельные источники въ лѣтописи Величко и Самовидца. Первая изъ нихъ неоцѣнимая по множеству офиціальныхъ документовъ, писемъ Хмельницкаго и другихъ лицъ, по рѣдкому безпристрастію, по обширности изложенія, по обилію новыхъ фактовъ, къ сожалѣнію не дошла до насъ въ совершенной цѣлости: въ ней утрачены описаніе важныхъ въ исторіи Хмельницкаго годовъ 1649, 1650 и 1651. Вторая столько же безпристрастная, замѣчательная живостію изложенія, своимъ поэтически-безъискуственнымъ языкомъ, сложеннымъ изъ живой народной рѣчи, едва ли не болѣе всѣхъ извѣстныхъ памятниковъ Южно-Русской Словесности того времени, многими интересными подробностями, вполнѣ сохранившаяся, въ сравненіи съ первою довольно кратка. Издаваемая нынѣ Лѣтопись Грабянки менѣе подробная, нежели лѣтопись Величко, но болѣе пространная, чѣмъ лѣтопись Самовидца, одновременная имъ обоимъ, можетъ занимать между ними средину и служить дополненіемъ той и другой при изложеніи эпохи Хмельницкаго. Притомъ, согласуясь въ изображеніи общаго хода событій съ другими лѣтописями, она отличается не только многими интересными подробностями, ей лишь свойственными, но заключаетъ въ себѣ такія свѣденія, такія данныя, которыя не встрѣчаются ни въ лѣтописи Самовидца, ни въ лѣтописи Величко; эти свѣденія вошли отчасти въ составъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ лѣто-

писей, отчасти вовсе не были до сихъ поръ извѣстны. Къ числу первыхъ можно отнести: 1) письмо Хмельницкаго къ Владиславу IV отъ 2 Іюля 1648, послѣ двухъ первыхъ его побѣдъ при Жолтыхъ Водахъ и Корсунѣ. 2) Письмо Яна Казиміра къ Крымскому Хану и отвѣтъ на него. 3) Привилегіи Яна Казиміра на потвержденіи Зборовскихъ договоровъ, въ ней между прочимъ Король дозволяетъ всѣмъ записоваться въ Козаки въ извѣстной части Украинѣ, которой границы означены въ привилегіи. 4) Копія съ письма къ Алексѣю Михайловичу отъ Богдана Хмельницкаго, 17 Февраля, 1654. 5) Поименованіе важнѣйшихъ плѣнныхъ и убитыхъ въ сраженіяхъ, какъ со стороны Поляковъ, такъ и со стороны Козаковъ. 6) Стихи на Корсунскую и Зборовскую побѣду и пр. Къ послѣднимъ принадлежитъ: 1) *Суплѣка до всей рѣчи Посполитой Польской отъ утѣсненного Ляхами народа Русского поданная,* не задолго до начала войны Хмельницкаго, въ 1632 г. (стр. 35—39). Это одно изъ многихъ тщетныхъ прошеній, которыя были подаваемы Польскому правительству православнымъ населеніемъ на обиды и притѣсненія Поляковъ. Суплѣка эта довольно наглядно представляетъ безотрадное въ то время положеніе Украины, гоненіе на православныхъ и напрасное усиліе послѣднихъ вымолить просьбами возвращеніе прежнихъ привилегій и облегченіе своей участи. Судя по образу изложенія и по многимъ текстамъ, находящимся въ Суплекѣ, этотъ интересный документъ начала XVII сто-

лѣтія принадлежитъ лицу духовнаго званія. 2) Свиданіе Хмельницкаго съ Королемъ послѣ Зборовской битвы (78—79). Сюда же можно отнести: а) Разговоръ Богдана Хмельницкаго съ Крымскимъ Ханомъ Менгли-Гиреемъ, при Озерной, въ 1655 г., послѣ Переяславской присяги. Въ немъ съ сознаніемъ собственнаго достоинства Хмельницкій отвѣчаетъ на негодованіе Менгли-Гирея за соединеніе Малороссіи съ Москвою, въ длинной рѣчи онъ опровергаетъ слова Хана о заслугахъ Татаръ Козакамъ, исчисляетъ свои побѣды надъ Поляками, одержанныя безъ пособія Ханскаго и ясно раскрываетъ корыстолюбіе Татаръ и ихъ вѣроломную политику и въ отношеніи къ Полякамъ и въ отношеніи къ Козакамъ. Этотъ интересный разговоръ встрѣчается только въ Исторіи Конискаго, но въ совершенно другомъ видѣ. б) Исчисленіе Козацкаго войска по полкамъ и въ каждомъ полку порознь съ поименованіемъ Полковниковъ, посланное Хмельницкимъ Царю Алексѣю Михайловичу въ 1650 г., совершенно отличающееся отъ показаній другихъ лѣтописей; по этому исчисленію всѣхъ регистровыхъ Козаковъ въ шестнадцати полкахъ было 33,989.

Въ особенности заслуживаетъ полнаго нашего вниманія та часть Лѣтописи, въ которой описанъ промежутокъ времени, утраченный въ лѣтописи Величка и заключающій въ себѣ разсказъ о происшествіяхъ включительно со времени битвы при Пилявцахъ до войны на Батогѣ, т. е. 1649, 1650 и 1651 годы. Она можетъ

если не совсѣмъ, то отчасти замѣнить утрату Лѣтописи Величкп, какъ потому что Грабянка пользовался большею частію одними и тѣми же источниками съ Величкою, такъ и по самому изложенію болѣе подробному чѣмъ въ другихъ лѣтописяхъ. Здѣсь наиболѣе замѣчательны описанія битвы при Пилявцахъ, подъ Зборажемъ и Зборовомъ, изложенныя гораздо даже подробнѣе нежели въ сочиненіи Ригельмана, хотя послѣдній повѣтствованіе свое въ этомъ случаѣ заимствовалъ изъ нашей Лѣтописи; дѣло подъ Бѣлою Церквою, переговоры съ Польскими Коммисарами и т. п.

Со смерти Хмельницкаго разсказъ Лѣтописи дѣлается менѣе подробенъ, но онъ теряетъ свою описательную форму не вдругъ, а постепенно по мѣрѣ приближенія автора къ изображенію происшествій послѣднихъ годовъ XVII и начальныхъ XVIII вѣка. До 1664 года происшествія излагаются какъ и прежде въ отдѣльныхъ сказаніяхъ, съ этого же года разсказъ переходитъ въ хронологическую перечень событій. Со времени Гетманства Брюховецкаго до конца XVII столѣтія Лѣтопись Грабянки во многихъ мѣстахъ чрезвычайно сходна съ лѣтописью Самовидца, такъ что трудно рѣшить Грабянко ли пользовался лѣтописью Самовидца или на оборотъ. Впрочемъ въ этомъ періодѣ Лѣтопись наша вообще кратче лѣтописи Самовидца. При всей однакожъ краткости своей въ ней встрѣчаются факты, которыхъ не находимъ у Самовидца, а иные годы, какъ напр. 1672, 1674 и др., даже

описаны подробнѣе чѣмъ въ первой, а потому и эта часть Лѣтописи, дополняя извѣстія Самовидца, не лишена интереса.

Лѣтопись написана языкомъ книжнымъ, бывшимъ въ употребленіи въ Малороссіи у писателей конца XVII и начала XVIII столѣтія; въ ней встрѣчаются слова и выраженія чисто народныя, но вездѣ видно сильное преобладаніе церковно-славянскихъ формъ.

При составленіи своей Лѣтописи, Грабянка пользовался различными источниками, какъ-то: лѣтописями, дневниками, актами офиціальными, разсказами современниковъ и пр. Основываясь на словахъ автора (Объявленіе къ читателю и пр. ст. II) и на самомъ содержаніи его Лѣтописи къ такимъ источникамъ можно отнести: 1) *діаріушъ,* веденный во время самой войны Хмельницкаго съ Поляками и къ сожалѣнію для насъ совершенно утраченный; 2) *лѣтописцы духовные и мірскіе,* какъ называетъ ихъ Грабянка, подъ которыми должно разумѣть: Четь-Минеи, Степенныя книги, сочиненія Польскихъ лѣтописцевъ: Стрыйковскаго, Коховскаго и особенно Твардовскаго, сочиненіе коего Война Домова служила однимъ изъ главныхъ источниковъ Лѣтописи; 3) акты офиціальные: договоры съ Польскими Королями, Москвою, различныя привилегіи, письма и пр., отчасти вполнѣ, а отчасти въ извлеченіяхъ вошедшіе въ составъ Лѣтописи, и наконецъ 4) *преданія и разсказы очевидцевъ,* — современниковъ Хмельницкаго, жившихъ еще во времена Гра-

бянки; къ нимъ относятся преданія о построеніи Кодака, о взятіи Хмельницкимъ у Барабаша привилегій, о Польскихъ послахъ подъ Бѣлою Церковью въ 1651 году, о послѣдней радѣ Хмельницкаго и о его смерти и др. Авторъ пользовался всѣми этими источниками съ строгимъ выборомъ, съ крайнею осмотрительностію, съ удивительнымъ безпристрастіемъ, имѣя въ виду одну истину, *ничего не прилагая отъ своего умствованія,* но собирая и придавая *написанію отъ достовѣрныхъ историковъ написанная и отъ очевистыхъ свидѣтелей сказуемая.*

Составленная такимъ образомъ Лѣтопись Грабянки, въ свою очередь, въ послѣдствіи времени, служила немаловажнымъ пособіемъ для позднѣйшихъ лѣтописей, въ особенности для сочиненій Конискаго и Ригельмана. Сравнивая ее съ извѣстнымъ произведеніемъ Конискаго, мы видимъ, что она въ числѣ многихъ другихъ матеріяловъ служила источникомъ для его Исторіи Руссовъ, которую въ недавнее время нѣкоторые изъ новѣйшихъ нашихъ писателей заподозрили на томъ лишь основаніи, что встрѣтили въ ней факты, которыхъ, или вовсе они не нашли, или же нашли въ другомъ видѣ въ лѣтописи Величка и Самовидца, не обративъ вниманія на то, что Конискій могъ пользоваться и дѣйствительно пользовался матеріялами неизвѣстными ни тому, ни другому. Въ этомъ отчасти убѣждаетъ насъ Лѣтопись Грабянки, въ ней мы встрѣчаемъ весьма важное потвержденіе Конискому касательно третьей войны Хмельницкаго съ По-

лаками, побѣды подъ Жванцемъ и потвержденія въ слѣдствіе ея Зборовскихъ договоровъ, происшествій отвергнутыхъ нѣкоторыми, не говоря уже о частностяхъ, напр. объ извѣстіи о смерти Остряницы, построеніи Кодака, и проч.

Сверхъ того Лѣтопись Грабянки была однимъ изъ главныхъ источниковъ для сочиненія Ригельмана »Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи«. Хотя самъ Ригельманъ объ этомъ прямо не говоритъ; но въ »Предувѣдомленіи своемъ къ читателю« между прочемъ онъ упоминаетъ »о двухъ неизвѣстныхъ Малороссійскихъ нарочито между собою сходственныхъ Исторіяхъ«, которыми онъ пользовался для своего повѣствованія. Эти неизвѣстныя исторіи, какъ видно изъ сличенія между собою лѣтописей, были ничто иное какъ лѣтописи Самовидца и Грабянки. Многія мѣста изъ послѣдней внесены въ сочиненіе Ригельмана даже цѣликомъ или же съ весьма малыми измѣненіями. Къ нимъ можно отнести: описаніе пищи, оружія Козацкого и пр. (Лѣтопись Грабянки стр. 19—20; Лѣтопис. повѣст. о Малой Россіи Ригельмана, часть I, стр. 17—18); битва при Жолтыхъ Водахъ и Корсунѣ (Граб. стр. 43—47, Ригельм, часть I, стр. 107—109); истребленіе Поляковъ и Жидовъ въ Нестерварѣ и другихъ городахъ, взятіе Бара (Граб., 52, Ригельм. 119—121); посольство отъ Короля Яна Казиміра и отъ другихъ Монархомъ къ Хмельницкому, пріемъ пословъ (Граб. 61—67, Ригельм. стр. 123—127); дѣло подъ Збаражемъ и Зборовомъ (Граб. 67—80, Ри-

гельм. 128—133); дѣло подъ Берестечкомъ (Граб. 99—105, Ригельм. 154—156); происшествія со времени прихода Польскихъ Коммисаровъ подъ Бѣлую Церковь до смерти Тимоша Хмельницкаго (Граб. 106—120, Ригельм. 161—171); послѣдніе годы Гетманства Хмельницкаго (Граб. 144—152, Ригельм. 213—217); начало гетманства Виговскаго (Граб. 155—160, Ригельм. часть II, стр. 1—4); война съ Пушкаремъ (Граб. 164—165, Риг. 6—8), и другія происшествія его гетманства (Граб. 167—170, Ригельм. 20—24); нѣкоторыя происшествія изъ временъ послѣдующихъ за нимъ Гетмановъ (сравни Граб. стр. 175—178, Ригельм. 51—55) и т. д. Изъ лѣтописи же Грабянки почерпнуты авторомъ Лѣтописнаго Повѣствованія о Малой Россіи: официальные документы—письма: Хмельницкаго къ Владиславу IV послѣ побѣды при Корсунѣ, Короля Яна Казиміра къ Крымскому Хану и отвѣтъ на него, Хмельницкаго къ Алексѣю Михайловичу отъ 17 Февр., 1654 года и др.; стихи на побѣду при Корсунѣ, подъ Зборажемъ и проч.

Лѣтопись Грабянки не дошла до насъ въ подлинникѣ, по крайней мѣрѣ подлинникъ ея остается доселѣ неизвѣстнымъ; но она сохранилась во многихъ спискахъ, сокращенныхъ и полныхъ, различныхъ эпохъ, различныхъ форматовъ. При изданіи Лѣтописи Коммиссія имѣла шесть списковъ ея: три списка, принадлежащіе г. Предсѣдателю Коммиссіи М. О. Судіенко, два списка г. Помощника Попечителя М. В. Юзефовича и одинъ списокъ г. Аѳ. Марковича.

Основнымъ спискомъ при напечатаніи принята рукопись, принадлежащая г. Председателю Коммиссіи какъ самый полнѣйшій и самый древнѣйшій изъ всѣхъ списковъ, находившихся въ распоряженіи Коммиссіи; онъ писанъ въ листъ, на 216 страницахъ, на обыкновенной бумагѣ, среднимъ почеркомъ начала прошедшаго столѣтія, вездѣ одинаковымъ съ небольшими измѣненіями. Послѣ заглавнаго листа предъ началомъ Лѣтописи на стран. 3, 4 и 5 находится предисловіе лѣтописца, или »*Объявленіе къ читателю коея ради вины сія исторія начатся писати*«, потомъ съ 5 по 13 стр. слѣдуетъ подробный перечень Гетмановъ Войска Запорожскаго, бывшихъ предъ Хмельницкимъ, конспектъ его гетманства, имена полковыхъ городовъ и Полковниковъ, современныхъ Хмельницкого и перечень Гетманамъ, слѣдовавшимъ за Хмельницкимъ до Мазепы (*); *похвала вершами Хмельницкому отъ народа Малороссійскаго,* послѣ которой на стр. 14 оставленъ пробѣлъ для портрета Хмельницкаго, сверху его находится замѣчательная надпись слѣдующаго содержанія: *Персона Богдана Хмельницкого, отрисованная слово въ слово съ купшту штихованного магистромъ, упривилїованнымъ отъ Короля Польского, Немчиномъ Кгданскимъ, которого имя и прозваніе на тяб-*

(*) Перечень Гетмановъ, бывшихъ до Хмельницкаго и послѣ него, равно какъ и имена полковыхъ городовъ и Полковниковъ, современныхъ Хмельницкому въ нашемъ изданіи помѣщены въ концѣ Лѣтописи.

лицѣ зъ Нѣмецкого языка на Рускій преведенное такъ ся въ себѣ маетъ: Кгвилгелмъ Гондій, Его Священнѣйшого Кролевского Величества Коперитихеръ, кгредоровалъ за привиліемъ Священнѣйшого Королевского Величества. Въ Гданску року 1650. Внизу же пробѣла слѣдующія слова: *Той же Немчинъ титлу подписалъ Хмельницкого такимъ текстомъ: Богданъ Хмельницкій войскъ Запорожскихъ вождъ, войни за волности изобрѣтатель, и сопротившихся Козаковъ и поспольства Украинского Гетманъ.*

Равнымъ образомъ на стр. 15-й оставлено мѣсто для Малороссійскаго герба; вверху его читаемъ слова: »*Сей на печати Малороссійской войсковій гербъ, то есть, воинъ въ колпаку перекривленномъ, на плещахъ мушкетъ, а при боку шаблю и козацкій рогъ съ прохомъ кулѣ мѣючій, наданъ у войско Запорожское Гетманамъ Малороссійскимъ за кривавоенніе ихъ противу бѣсурманъ заслуги, на вѣчніе часи, отъ Короля Полского и Венгерского Стефана Баторія, въ року 1576*«. »Егдаже, въ року »1708-мъ, Мазепа, змѣною прешедъ до Короля Шведско»го, забралъ зъ собою войсковіе булави и печать Малорос»сійскую, тогда Благочестивѣйшій Государь Петръ Ве»ликій, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, по »наставленіи вмѣсто отпавшого Мазепи на Гетманство »Іоанна Скоропадского, далъ оному при Сенаторахъ изъ »своихъ Монаршихъ рукъ булаву и палашъ, и повелѣ »впрезати войсковую печать зъ прежнимъ тогожъ воина »гербомъ, на которомъ около написано«: *Печать Малой*

Россіи войска Его Царского Пресвѣтлого Величества Запорожского.

Далѣе слѣдуютъ стихи или *верши на гербъ Малороссійскій,* и за тѣмъ уже съ 17-й страницы начинается самая Лѣтопись. Списокъ сохранился вполнѣ. Онъ принадлежалъ первоначально извѣстному своими заслугами и ученостію Депутату Малороссійскаго Шляхетства Григорію Андреевичу Полетикѣ, отъ наслѣдниковъ котораго пріобрѣтенъ г. Предсѣдателемъ Коммиссіи въ числѣ другихъ рукописей и замѣчательныхъ книгъ.

Сверхъ того при изданіи Лѣтописи принимаемы были во вниманіе и другіе пять списковъ, бывшихъ въ распоряженіи Коммиссіи, и найденныя въ нихъ отмѣны и разнорѣчія помѣщены въ выноскахъ. Изъ этихъ списковъ по своимъ особенностямъ заслуживаютъ вниманія только три, именно: два списка г. Помощника Попечителя и списокъ г. Марковича.

Первый изъ нихъ писанъ въ малую четверку, крупнымъ стариннымъ почеркомъ, во многихъ мѣстахъ довольно блѣдными чернилами, на 237 стр. обыкновенной бумаги, на заглавномъ листѣ ея находится приписка: »списана сыя исторія въ гродѣ Сарочинцяхъ, року отъ Рождества Христова 1756«. Началу лѣтописи предшествуетъ, подобно какъ и въ основномъ спискѣ, предисловіе автора, оглавленіе Лѣтописи, похвала Хмельницкому, мѣсто для его портрета и герба съ надписью и т. д., исключая перечня Гетмановъ до Хмельницкаго и

послѣ Хмельницкаго и списка полковыхъ городовъ и Полковниковъ. Лѣтопись оканчивается описаніемъ смерти Хмельницкаго; въ концѣ книги помѣщена выписка *»Зъ книги печатной Краткого Описанія всѣхъ случаевъ, касающихся до Азова«*. Этотъ списокъ, къ сожалѣнію неполный, ближе другихъ подходитъ къ основному списку и отличается только особенностью правописанія, именно употребленіемъ *ы* вмѣсто *и*, напр. соедины, вм. соедини, соравны, вм. соравни; *и* предъ гласною, вм. *і*, наприм. Києвъ и пр., хотя въ основномъ спискѣ встрѣчается эта особенность, но очень рѣдко, *в* вм. *у*, напр. врядники, вм. урядники, и наконецъ означеніемъ годовъ нынѣшними цыфрами, вмѣсто Славянскихъ.

Другой списокъ, принадлежащій г-ну же Помощнику Попечителя, безъ заглавнаго листа, относится къ позднѣйшему времени, писанъ въ листъ красивымъ, отчетливымъ почеркомъ конца прошлаго столѣтія, страницы безъ нумераціи; въ началѣ помѣщено извѣстное письмо Кошоваго Атамана Сѣрка къ Кримскому Хану (см. Маркев. Истор., т. III стр. 123) и универсалъ Хмельницкаго изъ подъ Бѣлой Церкви. Лѣтопись доведена до 1709 г.; въ этой рукописи мы не встрѣчаемъ ни перечня Гетмановъ, ни вершъ въ похвалу Хмельницкаго, ни надписей къ его портрету и изображенію герба. При всемъ томъ этотъ списокъ весьма замѣчателенъ по своей полнотѣ и по многимъ отмѣнамъ ей лишь свойственнымъ, наконецъ по своему языку, близко подходящему къ на-

родному. Это есть ничто иное какъ позднѣйшее, такъ сказать, переложеніе Лѣтописи Грабянки на языкъ народный съ небольшими противъ основнаго списка пропусками, произшедшими или отъ недосмотра переписчика, или же сдѣланные имъ съ намѣреніемъ въ слѣдствіе затрудненія, встрѣченнаго имъ при переводѣ нѣкоторыхъ мѣстъ Лѣтописи.

Списокъ г. Аѳ. Марковича, писанный въ листъ и принадлежащій къ болѣе позднѣйшему времени нежели предъидущій, что явствуетъ изъ его почерка и правописанія, содержитъ въ себѣ событія исторіи Малороссіи только до присоединенія ея къ Россіи; въ срединѣ ея встрѣчается большой пропускъ, въ ней недостаетъ двухъ сказаній: »сказанія о походѣ Козаковъ на Волоховъ, о комиссарахъ Польскихъ и сказанія—которая вина войнѣ Берестецкой«, что составляетъ семнадцать печатныхъ страницъ (съ 82 по 99 стр.); большую часть книги занимаютъ копіи статей, данныхъ Гетманамъ со времени Хмельницкаго до Разумовскаго и нѣкоторые официальные уже напечатанные документы, какъ-то: Царскія грамоты, универсалы Гетмановъ и проч. Немногія, но довольно важныя особенности ея мы старались помѣстить въ выноскахъ, но такъ какъ этотъ списокъ былъ доставленъ въ то время, когда уже напечатаны были первые листы Лѣтописи, то въ число варіантовъ не вошли изъ нея стихи на битву подъ Корсуномъ, въ другихъ спискахъ не встрѣчающіяся, которые мы здѣсь помѣщаемъ.

Зри убо коль есть храбра и непобѣжденна
Козацка въ войнѣ сила тверда, мужественна,
Яже всю гордость Польску до конца смирила
И всю ихъ подъ нози смиренно склонила;
Егда подъ Корсунемъ сихъ смерти предаваху,
Гетмановъ и войско храбро прогоняху,
Гдѣ воинство хлопами запомнили звати
И принужденны земли во корисіть отдати.
Помножь, Боже, на вѣки Козацкую славу,
И покори подъ нози враговъ нашихъ главу!
Да будетъ всегда плодна Козацкая мати,
И дѣти ея въ силѣ всегда процвѣтати!

Остальные же три списка, принадлежащіе г. Предсѣдателю Коммиссіи не были принимаемы во вниманіе при изданіи Лѣтописи, ибо они не заключаютъ въ себѣ никакихъ особенностей, изъ нихъ первые два есть ничто иное какъ сокращеніе изданной нынѣ Лѣтописи, а третій, дошедшій въ весьма поврежденномъ состояніи,—несовсѣмъ исправная копія основнаго списка.

При изданіи Лѣтописи Коммиссія держалась строго рукописи, сохраняя по возможности ея правописаніе и ея характеристическіе оттѣнки. Для большаго удобства при чтеніи допущены лишь весьма незначительныя измѣненія: отдѣлены предлоги отъ именъ, во многихъ мѣстахъ съ ними слитые, въ окончаніяхъ словъ поставлены *ъ* и *ь*, уничтожены сокращенія подъ титлами, принято настоящее употребленіе знаковъ препинанія и буквы

и, т. е. предъ гласною она замѣнена *і,* годы и числа означены нынѣшними цифрами, для однообразія приняты одинаковія окончанія въ прилагательныхъ—на *ого,* такъ какъ большая часть прилагательныхъ встрѣчается съ этимъ окончаніемъ и проч.

Въ концѣ Лѣтописи помѣщены приложенія—отрывки изъ Лѣтописи Іеромонаха Боболинскаго, которыя по своему содержанію заслуживаютъ полнаго вниманія и въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ дополнять нашу Лѣтопись, но объ нихъ, равно какъ и о самой Лѣтописи мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ (см. Предисловіе къ приложеніямъ послѣ 272 стр. Лѣтописи).

Кромѣ того для большаго удобства при употребленіи Лѣтописи Грабянки и приложеній къ ней, мы считали необходимымъ присоединить: объясненіе невразумительныхъ словъ и указатель именъ личныхъ и географическихъ.

Иванъ Самчевскій.

Кіевъ, 1853 года.

ЛѢТОПИСЬ

ГАДЯЧСКАГО ПОЛКОВНИКА

ГРИГОРІЯ ГРАБЯНКИ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ КЪ ЧИТАТЕЛЮ,

КОЕЯ РАДИ ВИНИ СІЯ ИСТОРІЯ НАЧАТСЯ ПИСАТИ.

Понеже въ книгахъ древними исторіографи, Римскими и Полскими, Кромеромъ, Бѣлскимъ, Стрійковскимъ, Гвагнѣномъ, Коховскимъ, такожъ Нѣмецкими, Пофендорфомъ и Гибнеромъ, составленными, а нинѣ повеленіемъ Петра Перваго, Императора Всероссійскаго на Славенскій языкъ преведеннихъ, вездѣ о многихъ Козацкихъ противу бѣсурманъ бранехъ обретается написано, яко Козаки въ пустихъ лугахъ окрестъ реки Днѣпра и Богу издревле собирающеся не мздою коею держими, но хотѣніемъ разширенія вѣри Христіанскія привлащаеми, вездѣ на морю и на землѣ множицею Турковъ и Татаръ розбивали, и подъ образомъ самоволства сугубую добродѣтель творили: едину, яко отъ хищниковъ Татаръ плѣненихъ Христіанъ отемлюще свободою даровали, другую, яко Полское Королевство и Русь отъ всякихъ имъ наносимихъ Татарами озлобленій крѣпко защищали. Тѣмъ же въ брани искуствомъ не точію слави, но и предѣловъ землѣ своей отъ хотящихъ ею заобладати досѣлѣ цѣло соблюдши и разширеніе пристяжали,

что яснѣй землемѣри на мапахъ свѣту явили, положивши у онихъ воеводство Кіевское, Чернѣговское, Браславское и Подолское, идѣже текутъ рѣки Днѣстръ, Бугъ, Горѣнъ, Днѣпръ, Десна и Суржъ, а оттуду по Черное море. Тое ради толь знаменитая ихъ дѣйствія за предводителствомъ благополучнихъ вождовъ бывшая, паче же за Богдана Хмелницкого, преславного вожда Запорожского, за отъятіе волностій Руссѣ съ Поляки содѣянная и за совѣтъ, даби въ земляхъ Русскихъ не были зъ Руссовъ воеводи, кашталяни, старости, судьи и прочіи власти, якіе Король Казѣміръ Первый, въ року 1340, по присягѣ наслѣдникомъ своимъ тотъ уставъ хранити повелѣлъ, и за отятіе волностей, отъ Королей Козакамъ наданнихъ и за иніе нестерпиміе отъ Поляковъ обиди съ Найяснѣшими Королями Полскими Владиславомъ и Казѣміромъ съ неоплаканнимъ и никогда возвратнимъ Полякомъ убыткомъ воздаваемая, да не прійдутъ въ крайнее забвеніе, умислихъ исторію сію въ память послѣднему роду написати, собирая ово отъ *діаріуша* нашихъ воиновъ, въ обозѣ писанного и отъ *духовнихъ и мерскихъ лѣтописцовъ*, елика въ нихъ возмогохъ обрѣсти достовѣрнѣе написанного, ово отъ повѣствованія *самобытнихъ* тамо *свѣдителей*, еще въ живихъ обрѣтающихся, ихъ же повѣсть вѣроятно лѣтописцовъ утверждаетъ. Не буди убо чтущимъ разумѣти, яко нѣчто где отъ своего умствованія приложихъ, но якоже рѣхъ отъ достовѣрнихъ историковъ написанная и отъ очевистихъ свѣдителей сказуемая, собрахъ и написанію предахъ. А яко многіе мимо нынѣшная преславная дѣйствія воинская древнѣйшихъ Царей славою писанніи откровенною новая молчаніемъ угнетаютъ и въ

слухъ послѣднимъ родомъ даятися упущаютъ. Но кто би сихъ временъ вѣдалъ Богомъ устроенного вожда Мойсея, родъ Еврейскій отъ Египетской работи чудеснѣ чрезъ море Черное по суху проведшого, и въ немъ Цара Египетского со вои потопившаго, аще не бы писаніе о томъ свѣдителствовало? Кто би Навходоносора въ славѣ на земли первѣйшого, кто Кура, первѣе кораблями море наполнившаго, Александра, въ славѣ превознесеннаго и Августа, вселенною единовластвующаго, напослѣдокъ и Димитрія, Князя Московского, милліонъ и двѣстѣ тисячей гордящихся въ своемъ Мамаи Татаръ истребившаго и ихъ царства Татарская Росіаномъ подчинити принудившаго, коихъ всѣхъ, аще иногда слави и міръ не вмѣщаше, но нинѣ не преплили бъ забвенія пучини, но весма въ глубинѣ невѣдѣнія были би погружени, аще би святое писаніе не поставило дѣйствіи ихъ на всемірномъ поприщи и слова Божія проповѣдникомъ и красноглаголивимъ вѣтіямъ не подало имъ сими украшати своихъ трудовъ? Тихъ убо и тимъ подобнихъ побѣдителей Исторіи мнѣ многочастнѣ въ сладокъ чтущу и ползу народомъ ихъ еже къ безсмертной имъ славѣ проразумѣвшу, соболѣзновахъ не мало, яко и нашого отчества ничимъ же отъ иныхъ во воинскихъ трудахъ разнствующого, въ толикой забвенія пучинѣ дѣла видя погруженна; сего ради не коею либо любострастною славицею, но общою возбужденій ползою судихъ и сего вѣрнѣйшаго Россійского сина благоразумного вожда Богдана Хмелницкого, Малую Россію отъ тяжчайшаго ига Лядского Козацкимъ мужествомъ свободившого и Россійскому Монарсѣ, изъ столними гради въ первобытность приведшого, не-

молчная дѣйствія не оставляю въ пепелѣ погребенныхъ повѣстми свѣту явити, являя во вся народи, яко не точію сами Славенноросссійскіе Монархи мужества своего страхомъ обносили вселенную, но и раби ихъ за отчествіе собственнихъ государей и за обиду Россіянъ могутъ и премощнѣйшихъ чуждихъ Монархъ силамъ вооружившись противустати.

ПОХВАЛА ВѢРШАМИ

ХМЕЛНИЦКОМУ

ОТЪ НАРОДА МАЛОРОССІЙСКАГО.

Богданъ Хмелницкій се изображенній (*),
Воинъ въ Россіи славній, непобѣжденній.
Чрезъ его Украина на ноги повстала,
Ибо подъ игомъ Лядскимъ мало нескончала,
Искоринилъ Унію, гонилъ Ляхи зъ Жиди
И прочіе народи подъ такими види.
О коль велегласнѣи вѣсти торжественніе
Славу его пронесе даже по вселенной,
И Трацку страну смертни нападоша страхи,
Егда луну ихъ Марса досязаху прахи!
Симъ смертію побѣжденъ смерти не голдуетъ,
Въ синахъ своихъ Россіискихъ живетъ и воюетъ!

(*) Въ рукописи послѣ похвалы Хмельницкому оставлено на особомъ полулистѣ мѣсто для его портрета.

ПЕЧАТЬ МАЛОЙ РОССИИ

ВОЙСКА ЕГО ЦАРСКОГО ПРЕСВѢТЛАГО ВЕЛИЧЕСТВА ЗАПОРОЖСКАГО (*).

ВѢРШИ НА ГЕРБЪ МАЛОРОССІЙСКІЙ:

Войска Запорожского воинъ знаменитій
Вооруженъ бодрствуетъ отчизну хранити,
Аще и враговъ, коихъ не зритъ предъ собою,
Обаче оружіе готово до бою.
Имать тѣмъ востающи супостати сильни,
Хотѣнія своего падоша омилни,
Ибо вѣсть сей завчасу предварати злому,
Да въ порабощеніи не будеть нѣкому, —
Якоже дѣло бодра пастора суща
Воспятити къ стаду волка грядуща.

(*) Послѣ этихъ словъ въ рукописи оставленно мѣсто для изображенія печати, внизу коего находится помѣщаемые вѣрши.

Начинающу ми повѣсть о дѣйствіяхъ и бранехъ Козацкихъ, аще и не весма требѣ бяше о праотцехъ народа того Козарахъ предмовою широко возвѣстити, обаче принужденъ для лутшого розумѣнія пространнѣе сказати, откуду Козаки имѣютъ свое проименованіе, отъ котораго племени и язика, и яко ихъ Козаковъ праотци Козари отъ времени праотца своего Гомера, внука Ноева, преходя кочовисками и отъ странъ до страни, подобіемъ Колмиковъ, премѣнялися въ розніе родства и язики, и превошедше въ силу, составили были своя царства, и яко по оскудѣніи отъ браней премѣнялися съ Козаровъ въ Козаки; о всемъ томъ нижей предмова по раду скаже, аще чтущій, не стужая о пространствѣ ея, въ чтеніи потрудится, она бо желаніе подастъ, и до внятія словесъ умъ зготуетъ: ибо кто чинно дѣло почнетъ, то при начатіи полоного отправитъ.

О НАЧАЛѢ ПРОИМЕНОВАНІЯ КОЗАКОВЪ И ОТКУДУ НАРЕЧЕННИ, ОТЪ КОЕГО ПЛЕМЕНИ И РОДА; КУПНО ЖЕ И О ДРЕВНѢЙШИХЪ ИХЪ ДѢЙСТВИАХЪ СОКРАЩЕННѢ.

Народъ Малороссійской страни, нарицаемій Козаки, иматъ свое проименованіе отъ древнѣйшаго рода Скифска, глаголемаго отъ горъ Алянскихъ Аляни, отъ рѣки-же текущой чрезъ Бухарскую землю въ Хвалиньское море,—Козари, идущаго отъ племени перваго Афетового сина Гомера; таже по отшествіи отъ Азовского Кимерійскаго моря древнѣйшихъ Гомеровъ или Кимеровъ или Цимбровъ, на полунощъ и западъ, и по премѣненіиименъ ихъ въ Литву, Жмудъ и Гофи, Швеи и прочіе, сѣдоша на тихъ земляхъ сіи Аляно-Козари; зане тотъ же язикъ бѣ Славенскій, изъ Афета праотца изшедій. Послѣди же по времени не маломъ расплодившися и распространившися зѣло, сѣде по обою страну рѣки Дона, раздѣляющаго Европу отъ Азіи; таже и въ самой Европѣ, многіе мѣста въ область свою пріемши, вселившася въ Таврику (нынѣ именуется Кримъ),

а оттуду пойдоша до Днепра и за Днепръ до мѣстъ, по надъ Чорнимъ моремъ обрѣтающихся, идѣ же нынѣ Очаковъ и Бѣлагородъ, даже до Панонѣи; где премѣнишася во иніи народи, нарицаеміи тогда Авари, Гунни и прочіе. А иже во Азіи осташася, сіи такожде распространившися даже до Волги и далѣе, яко-то за Волгу, за Яикъ, Якубу и Козару рѣки; послѣди же и въ далечайшихъ окрестъ Хвалиньскаго моря обрѣтающихся странахъ вселившеся, нарекошася Болгари, которіи, естественнимъ своимъ мужествомъ влекоми суще, чрезъ многіе времена Заволскихъ Татаръ улуси плѣняху; отъ нихъ же послѣжде отмщающихъ своя плѣни, изгнани до Дуная зостали, и тако въ року 666-мъ проименовалися Болгарами.

Не терпящи таковихъ сосѣдственнихъ себѣ населниковъ Греко-Римскій Кесарь Великій Константинъ, сего имени четвертій, воста бранію противу Болгаровъ, отъ нихъ же побѣжденъ и прогнанъ сущи, едва возможе угознути въ Константинополь; где паки брань обновити противу непріятелей намѣрающаго смертъ постиже. Тако Болгари побѣдное въ началѣ своего пришествія имуще преддверіе, укрѣпившися же на своихъ селеніяхъ воеваху и послѣжде противу Греко-Римскихъ Кесарей различними бранми, овогда побѣждающи, овогда же и сами побѣждени бываху, донелѣ же свѣтъ Православния вѣри возсія въ нихъ за Патріярховъ Цариградскихъ Фотія и Михаила Керулларія, при Папежохъ же Римскихъ Лва Третего, а по немъ Сергія. Сіи Аляно-Козари во время Кесарей Римскихъ Тита и Веспезіяна, въ року селмдесятомъ отъ Рождества Христова, отворившу имъ путъ вратами Каспійскими Цару Гирканскому, воеваху Мидію и Арменію, идеже доволно користей158 вземши, безбѣдно

къ своимъ возвратишася; послѣди же мздою привлащаеми совоиствоваху чрезъ многое время Римляномъ служили, отъ нихъ же за свое мужество и знаменитую во бранехъ храбростъ многими почестми, множайшими же дари обогащаеми биваху.

Въ томъ народѣ обичай бѣ грубій и сверѣпій, яко же нинѣ у Татаръ, образъ страшенъ, яко же у Колмикъ; живяху же множайшіи въ шатрахъ, преходящіи отъ мѣста на мѣсто, пажити ради своимъ скотомъ; пища имъ бѣ суровое мясо невареное, хлѣба не точію не имѣяху, но и не знаяху. Въ таковомъ убо нестяжателномъ житіи суще, отнюдь прелести міра сего, златомъ, сребромъ, каменіемъ драгимъ и прочіими, яже у людей честнѣйша и любострастнѣйша сутъ, не печахуся, но едино точію въ нихъ бѣ упражненіе, еже въ бранехъ непрестанно обучатися; чесо ради зѣло бяху храбри и толь мужественни, яко Каганъ Казарскій, ихъ Царъ, всѣмъ окрестнимъ землямъ бѣ ужасенъ. О которой народа того храбрости много въ древнихъ лѣтописахъ Греческихъ и Римскихъ обрѣтается, ибо и Киру, Царю Перскому и Александру Великому и Августу Римскому доволно помоществоваху въ покореніи имъ свѣта сего державы. Имѣяху же за крѣпчайшую себѣ твердиню и убѣжище, Бѣлимъ моремъ зъ едной страни, съ другой же Меотійскимъ езеромъ окружаемую Таврику, яже по свѣдителству Ботера, здревле нарицашеся Казарія, а людіе живущіи тамо Казари; коея страни удивителное и аки би естественнѣе къ убѣжищу устроенное расположеніе зрится, ибо малою греблею зѣло отъ земли отдѣлившися, паки острова подобіемъ, въ долготу

на двадесять, въ широту же на десять миль распространяется; таже объ ону страну, яже ко полудію лежитъ, раздѣлившися на двѣ части, творитъ отногу морскую; при ея же устіи обрѣтается градъ изряднѣйшій, именуемій Кафа, и пристанище яко доброе, тако и твердое, въ немъ же множество многое кораблей вмѣститися можетъ. Сія убо страна питаше людій надъ чаяніе множество, понеже бѣ зѣло плодоносна въ пищу имъ самимъ и пажити скотомъ ихъ. Взимали тамо Козари немаліи користи зъ мора Азовского, которого окрестъ есть (по разумѣнію землемѣревъ) миль на двѣстѣ; где и тѣснота моря Кимерійскаго въ широту на милю идетъ зъ Азовского въ Чорное море, имѣючи зъ едной страни при брегу градъ Керчъ, а зъ другой Таманъ; но понеже вишепомянутое Азовское море, непрестаннаго ради бѣгу Дону рѣки въ него, есть паче неcладкое, неже сланое; сего ради содержитъ въ себѣ неисчетное множество рибъ, еже имущы сладкой води съ Бѣлого (?) и Чорного моря, тамо снисходится и творитъ користи многіе и неизглаголанную обивателемъ ползу. Тими изобиліи Каганъ воинство силное собиралъ и у себе державъ и богатился оттуду зѣло, излишнее пущаючи до Константинополя и далей, яко то конѣ, скоти, овци, волну, хлѣбъ, масло, кожи, сухіе риби, осятри, икру, соль и прочая. Таковое убо тоея страни изобиліе не мало имъ помоществоваше и въ бранехъ, ибо и найболшіе воинства Кубаню, Дономъ, Днѣпромъ, Днѣстромъ Дунаемъ, моремъ и полемъ могоша совокупити; и наполняху море тисящами кораблей и конницею землю, что явственно показался подъ Цариградомъ.

Не могущи же, аки огня въ пепелѣ, силъ своихъ и мужества естественного въ себѣ утаити, воеваху съ старѣйшиною своимъ на вся страни окрестнія, ихъ же единаго по другомъ нарицаху Каганомъ, си есть Царемъ; съ которихъ нѣкій (имя его древности ради въ лѣтописахъ не воспоминается или всячески забвеніемъ прейде) въ року 600, пошедши отъ Азовского моря зъ жилищъ своихъ зъ силнимъ воинствомъ за Дунай обичаемъ Татарскимъ, принятъ Королемъ отъ Аваровъ и Гунновъ, таже и Кесаромъ всѣмъ западнимъ невѣрнимъ Славяномъ устроенній сущи, воева владѣніе области Греческія, и вторгнувши до Венеціи, послѣди же Истріи, за помощію вдови Ромилди, жени Агилюлпа, Князя Лонгобардовъ, градъ Форумъ Юліумъ взялъ, яже, хотящи ему женою быти, лестно его поддаде. Коего ея невѣрствія Каганъ не терпящи, паче же лестію оноя гнушающися, къ сему и примѣра въ жени пронзити имущаго блюдущися, повелѣ ю на паль взбити съ таковимъ словесъ прилогомъ: *Сицева мужа достойна еси.* Таже послишавши яко, воевода Прискъ Кесара Греческаго Маврикія съ воинствомъ въ его область приходитъ, возвратися во своясн въ Панонію. Сей Прискъ прежде двою лѣту вожда Кагановаго, именемъ Ардагаста, зъ Славяни надъ Дунаемъ побѣди, обаче въ забвеніе то Каганъ пустивши и не мстящися тогда за свое укривженіе, яви Приску благодѣяніе сицевимъ образомъ: слишащи, яко приспѣвающу празднику Воскресенія Господня въ не маломъ оскудіи пищи воинство Греческое зостаетъ, посла къ нимъ вѣстника, да елико имъ будетъ потребно взимаютъ отъ него хлѣба; и тако Прискъ, нѣсколико десятъ возовъ опредѣливши и взявши отъ Кагана запасовъ, безбоязненно и

безпуждно праздникъ Свѣтлаго дне Воскресенія Христова съ своими празднова. Послѣди же отшедши Каганъ отъ Римского воинства взялъ градъ Дризипару, и огнемъ въ конець разоривши, сожже; чесо ради Цариградъ въ толь великомъ бѣ страху, яко Маврикій Греко-Римскій Кесарь принужденъ бысть зъ великими дари послати единаго отъ сигклита своего рода, честна и велика мужа именемъ Армазона, даби испросилъ у Кагана миръ Грекомъ и Римляномъ. Онъ же, исполняя повелѣнное себѣ, прійде въ полки Славяновъ, и предложивши множество даровъ, ово мира у Кагана прошаше, ово же и увѣщеваше, да не отмѣннаго ему дотоль благополучія мѣрно употребляетъ; на что Каганъ отвѣщевающи: »щастя, рече, и прежде и »нынѣ употребляю мѣрно, и се паки свѣтъ, яко вся наша »дѣйствія тисящи падежамъ подлегла сутъ; сего ради азъ раз»мишляя — щасте всегда быти непостоянно, съ вами не яко »супостатъ главній, но яко противникъ, точію слави своея »ищущій, обхождуся, тѣхъ даровъ сихъ, яже ми Кесарь вашъ »чрезъ васъ присла не пріемлю; но хощу, да точію за »коегождо плѣнника, искупующи ихъ, дастъ мнѣ по единому »динарію«. Съ таковимъ отвѣтомъ Армазонъ, отпущенній сущи, возвѣсти Кесарю требованіе Каганово, еже Маврикій размишляющи, паче же недугомъ любоимѣнія одержимъ сущи, воспріялъ нареченнои толь малой Каганомъ за плѣнника когождо цѣни всячески не дати, якожъ и сотвори; чего ради Каганъ розгнѣвавшися повелѣ вся плѣнники избити, отъ прочихъ же Греко-Римскихъ подданнихъ данъ немалую вземши, пойде во своясии. Плѣнниковъ же неповиннѣ, скупости ради Маврикіевой избіеннихъ, мстящися всесилная

рука Господня, казни весь домъ Маврикіевъ, жену и чада, смертію чрезъ мучителя Фоку.

Таже въ року 612, Хоздрой, Царь Персидскій, возставши бранію на Греческую область, Сирію, Египетъ и Ливію, и оттуду далѣе съ легкимъ воинствомъ вбѣгающи, многія пакости и озлобленія Греко-Римской державѣ творяше. Тѣмъ же нужда бѣ, да самъ Кесарь Ираклій изійдеть противу ему на брань. Исходящи же въ намѣренній путь поручи сина своего въ призрѣніе Сергію, Патріарху Константинополскому, Бонопію—Патрикію и Кагану Казарскому, Королю Аваровъ, уже себѣ примирившемуся и въ любвѣ жителствовавшему, оставивши въ защищеніе града часть воинства знаменитшую, останокъ же съ собою веземши, пойде за Азовское море до потурченнихъ Казаровъ въ страну, нарицаемую Анатоліею, и совѣщавшися съ ними своему присовокупи воинству, которое тѣсніе мѣста у моря Каспійскаго нечаянниxъ ради падежовъ прокопавши, внидоша въ Персидскую землю съ старшиною своимъ Зебилемъ, иже вторій по Каганѣ въ Казаріи числящеся господиномъ. Къ пустошащимъ же нещадно Казаремъ Персидскую страну приспѣ съ воинствомъ во градъ Лазику и Ираклій Кесарь, ему же Зебилъ, съ своими поклонившися, даде въ совоинствованіе сина своего старѣйшаго съ четиридесятію тисящей избраннѣйшаго воинства, а самъ въ домъ возвратися. И тако Хоздрой, неправеднѣ отятіе чуждіе страни принужденъ сущи оставити, прійде во свою державу, да своя уже защищаетъ; где чрезъ лѣтъ дванадесятъ ратующи, не превозможе что Ираклію яко не одолѣнному сотворити, вѣдущи же паки, яко Каганъ въ содержаніи

вѣри есть непостояненъ пославши къ нему посли, преклони къ своему единомислію, да оставивши Греческаго Кесара примиріе съ своимъ купно воеводою, именемъ Серварисомъ, взаемне Греческу плѣняющи воюютъ землю. Яковому лестно неправедному совѣту Каганъ повинувшися, пойде съ множествомъ воинства Казарскаго и Персидскаго подъ столній градъ Константинополь. Его же всячески би досталъ, аще не би чудеснѣ непобѣдимою силою Пресвятія Богоматере былъ побѣжденій, Яже градъ свой, яко жребій свой защищаше; о чесомъ пространно въ Синаксарѣ пятой четиредесятници повѣствуется.

По побѣдѣ оной страшной надъ Казарами подъ Константинополемъ бывшой, аще и сотренни уже сили ихъ отчасти бяху, обаче еще множества Казарскаго окрестніе народи опасахуся. Ихъ же Царь Греческій Левъ Исавранинъ, въ року 630, себѣ примирити ищущи, поять сину своему Лву Копрониму дщерь Каганову, именемъ Ирину, въ жену; отъ нея же послѣди родися Левъ, прозиваемій Хазарій, иже по отцу своемъ и воспріемникъ скипетра держави Греческой. Къ сему Кагану, въ року 640, Король Французскій Дагобертъ посилалъ посла своего именемъ Рихарія свобожденія ради Французовъ; иже сіи сущи у Кагана по случаю простре нѣкогда слово о нечестивой идолопоклоннической Казарской вѣрѣ; ему же Каганъ, возражающи его повѣсть, премудрѣ отвѣща: »ви (рече) Христіяне рабами Божіими име-»нуетеся, злоби же неисповѣдиміе противу волѣ Его творите; »сего ради частѣ Богъ допущаетъ, даби ми невѣрніе »озлобленія Божія надъ вами отмщали«.

По немнозѣмъ же послѣжде времени начаша Казари

со Греки примирившися Христіянскія отъ Херсонянъ навикати вѣри, съ ними же наконецъ смѣсившеся предложиша себѣ Православно-Каѳолическая догмата испитати. Въ которомъ намѣреніи своемъ неотмѣнномъ пребывающимъ, допустися судбами Божіими области ихъ упадати, таковимъ подобіемъ, въ року 888, Кароль Великій Король Французскій, мстящися прешедшихъ кривдъ своихъ отъ прежднихъ Кагановъ, королевству его нанесенныхъ, пойде бранію съ немалимъ воинствомъ на старѣйшину Казарскаго, его же на Волзѣ воюющи, въ конецъ побѣди, и столній градъ купно зъ двором онoго крѣпко утвержденнимъ взятъ. Послѣди же запобѣгающи имущему (по мнѣнію его) силъ Казарскихъ отновленію, купно же и опасающися ихъ, время къ истребленію того народа обрѣтши, царствіе ихъ разори, градъ столній со всею лѣпотою размѣта, съ тимъ мнѣніемъ, даби и памяти Казарской въ Панонiи не осталося; взятъ тамо Король Франковъ користей и богатствъ толь много, яко ни единою войною толико Французи обогатишася, елико отъ побѣжденнихъ Аваровъ и Гунновъ купно; со Каганомъ ихъ, съ собою изнесоша тамо сокровища многими лѣта недвижимая бяху, тамо изграбленнихъ многихъ Царей, Кесарей и самихъ ихъ же Франковъ имѣнія обрѣтахуся, яже вся многими лѣтми стяжаваемая, единимъ временемъ погибоша. И тако народъ Славенскій, или Казари отъ страшилища иногда востока и запада, полудне и юга, во ничто чрезъ войну Французскую обратишася. То едино намъ послѣднимъ родомъ по себѣ въ память оставиши, яко въ Панонiи иногда Казари жителствоваху.

Послѣди же, въ року 900, и тихъ Славяновъ, иже

распространившися даже до полунощнаго окіанъ-моря бреговъ, обитаху за рѣкою Албимъ и называхуся Валятабами, Сорабами, Оботритами, Боемами, аще и единаго языка и рода сущихъ, обаче обикновеніями и обрядами между собою разнствующихъ. Всѣхъ же единомислно Саксономъ зѣло вреднихъ Кесарь Отто, бранію стерши, въ конецъ побѣди и своей власти подчини. Сіе же за помощію и лестію единого нѣкоего Славенскаго вожда, именемъ Тургумѣра, которій веліими дарами, болшими же отъ Кесара обѣщаніями прельщенъ сущи, завѣща Кесаревѣ Словенскую землю подъ его державу отдати; не имѣя же къ исполненію своего намѣренія инаго коего подобія, прійде съ лестію къ граду, нынѣ именующемуся Брандебургъ, до внука своего, иже, яко паче инѣхъ Князей въ воинскихъ дѣлехъ искуснѣйшимъ сущи, во градѣ томъ по достоянію своему началствоваше. Его же коварникъ оній Тургумѣръ, акиби слово нѣкое имѣя къ нему рещи, возва къ себѣ на поле и тамо емши абіе умертви; и тако градъ и вся предѣли Кесаревѣ покори. Ихъ же подобіемъ и прочія Славенскія гради и страни, тамъ въ полунощной странѣ сущія, поддадошася. Оттолѣ Славяновъ преста въ тихъ земляхъ владѣніе, и язикъ Славенскій всячески искоренепъ сущи, въ различная произійде проименованія, яко-то: Новая Мархія, Люзитія, Померанія, Кашшуби и проч.

По конечномъ истребленіи Славяновъ и Каганов въ Панонін отъ Кароля Великаго, въ полунощнихъ странахъ отъ Оттона Кесара, осташа точію тіи Козари, иже исперва жителство свое имѣяху на Чорнимъ моремъ, въ Таврицѣ, окрестъ Азовскаго моря и пучини Кимерійскія, даже до

Анадоліи. Ихъ же аще и уменшися индѣ племя, обаче тамо мужество оныхъ и владѣніе не оскудѣваше; ибо владущи Кіевомъ и иними Російскими нѣкіими странами, взимаху отъ нихъ данъ: бѣлчаніе кожи отъ всякаго дому и по шелягу отъ плуга. Послѣди же Осколдъ и Диръ, воеводи Рурика Князя Великаго Новгородскаго пришедше къ Кіеву, сѣдоша въ немъ и не даша Казаромъ дани. По сихъ бисть Князь въ Кіевѣ Олегъ, сей отятъ отъ Казаровъ Радомичи и Сѣверъ. По Олегу бисть князь въ Кіевѣ Игоръ Руриковичъ, сей тяжести ради даней на Древляни наложенныхъ, ничто же памяти достойно съ Казари сотворши, отъ Древляновъ убіенъ, въ року отъ Рождества Христова 908, и погребенъ во градѣ Коросташевѣ (?). По немъ взятъ скипетръ области Кіевской сынъ его Святославъ Игоревичъ, иже пошедши на Оку рѣку и Волгу, и видѣвъ Вятичи Козаромъ данъ дающихъ, отятъ отъ нихъ; чего ради нужда бѣ Козаромъ съ Каганомъ своимъ изійти противъ Святослава на брань, иже Святославъ біющихся крѣпко и мужественнѣ побѣди, градъ столній Бѣлую Вѣжу взятъ и на самыхъ ихъ данъ даяти наложи; обаче сихъ точію Козаровъ Святославъ побѣди, которіи по сей странѣ Дону обитаху, прочіи же при преждной своей свободѣ осташа. По семъ Половци съ Печенѣги, отъ странъ полунощнихъ подъ Французами изгнани суще, прійдоша въ сіи степовія отверзстіе мѣста, и чрезъ многіе лѣта на Казаровъ бранію воюющи, вмалѣ не до конца ихъ истребиша; сами же на ихъ обиталищахъ вселишася: Печенѣги тамо, идеже нынѣ Нагайскіи Татаре, Половци же—въ Таврицѣ, изгнавше Христіанъ оттуду; исходяще же съ кочовищъ своихъ, по-

добіемъ нынѣшнихъ Татаръ на Русь, многія пакости и озлобленія творяху. Таже мало въ завоеванныхъ отъ себе странахъ укрѣпившися, дерзнуша яко же иногда Болгари Заволжскихъ Татаръ улуси плѣняти, и пошедши въ року 1212 за Волгу ищущи чуждаго свое погубиша; ибо Заволжскіе Татаре съ Княземъ своимъ Минъ-Гересмъ, имѣющимъ вооруженнаго на брань осьмдесятъ тисящей воинства, противу ихъ изшедши тако ихъ поразиша, яко зѣло малимъ числомъ остатися имъ. По побѣдѣ убо той, надъ Половцами и Печенѣгами бывшой, пойде немедленно Минъ-Герей съ вои своими въ ихъ область и пріемши ю, нача тамо жителствовати. Хотящи же безбѣдно владѣніе свое устроити, прекопа ровъ чрезъ узкіе мѣста отъ Азовского до Чорнаго моря, которій и до нынѣ именуется Перекопомъ. И тако Козари испадши отъ своея области, аще и престаша Грекомъ пакости дѣяти, обаче послѣжде Князи Россійстіи зъ Кіева не мало державу ихъ озлобляху.

Таже въ недолзѣмъ времени той же Скифскій народъ, жителствовавшій за Хвалинскимъ моремъ, съ воеводою своимъ Батіемъ, отъ Великаго Хана Китайскаго, наслѣдника Тамерланового виправленнимъ, прешедъ рѣку Волгу въ силѣ тяжцѣй и великой, къ сему и имѣющи людей своего племени Татарского въ крѣпости Перекопской доволно, присовокупи ихъ къ своему воинству, и, первѣе съ Половцами брань сотворили, всеконечне побѣди оныхъ, также Печенѣговъ, на главу поразивши, въ область свою взялъ ихъ страни; потомъ, въ року 1248, и на Русскую землю пришедши, многіе воинскія сили побѣди, многіе прекрасніе гради, допущеніемъ Божіимъ со землею соравни, напослѣдокъ и са-

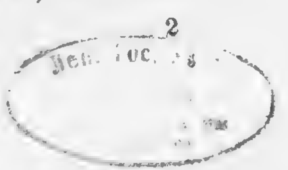
мій столпій градъ Кіевъ до основапія раззори, въ року 1248. По запустѣніи же и раззорѣніи многихъ Россійскихъ княженій злочестивій оній воевода Батій пойде съ силами своими на западъ; гдѣ же таковимъ же подобіемъ, Полщу, Литву, Мураву, Венгри и Шліонскъ, мучителски плѣняше. Чимъ возбужденни суще западнихъ странъ властителіе, собирахуся такожде съ воинствомъ своимъ противу Батія, въ року 1247, и стершися съ нимъ подъ градомъ Ленчицею, засташа тако побѣжденни, яко отъ побіеннихъ воевъ коемуждо единоточію урѣзующи ухо, нарѣза Батій проклятій пять мѣховъ ушей. Чего ради вся Европа, въ немаломъ сущи страху, убѣди Папу Инокентія Четвертаго послати законниковъ Римскихъ Домѣнѣкановъ и Францѣшкановъ до двора великаго Хана Китайского... въ Квѣнзай (?), даби испросили миръ Христіаномъ. Въ таковомъ убо времени Половцовъ и Печенѣговъ память весма погибе; Козаровъ же нарицаніе Малороссійскіе вои мало что перемѣнивши, въ мѣсто Козаровъ Козаками именуются. Аще же Веспесіанъ Коховскій и отъ козъ дивнихъ Козаковъ нарицаетъ, яко тѣмъ скоростію до брани соравняются и тѣхъ ловомъ наипаче упражняются; но приличнѣе Стриковскій проименованіе ихъ производитъ, глаголющи: яко отъ древняго своего нѣкоего вожда Козака, его же промисломъ многажди Татаръ побѣждаху, Козаками нарицаются. Александеръ Гвагнѣнъ отъ свободи ихъ тако нарекшихся разумѣетъ быти, занеже праотци ихъ отъ доброй воли охотнѣ на брань исхождаху, якоже и всегда Козаки не сокривающи храбрости своей ко брани охотни суть; ею же возбуждаеми малою силою многащи Ляховъ побѣ-

дивше и, Полщу въ малѣ не всю бранію прешедше, Малую Россію отъ тяжкаго Лядскаго ига свободиша. О которомъ свобожденіи ихъ, купно же и о иныхъ Козацкихъ бранехъ, повѣстію достовѣрно нижей скажемъ. Суть же и иніе при Каспійскомъ морѣ отъ колѣна вишеменованнаго главнѣйшаго въ Козарехъ по Кагану, вождя, Забиля, идущіе люди, иже Горскими Козаками и нинѣ нарицаются; имущи же своего Хана и воинства избранна, до бою ключимого до тридесяти тисящъ; граничатъ кочевищами, рѣками, и иними селищами съ Ханомъ Киргизкимъ и Кароколпацкимъ; но намъ не о тихъ здѣ предлежитъ повѣствовати, точію о самихъ собственнѣ Козакахъ Малороссійскихъ.

ВЪ НАЧАЛѢ СКАЗАНІЕ, КАКО МАЛАЯ РОССІЯ ПОДПАДЕ ЛЯДСКОМУ ИГУ.

Откуду раздѣленіе царствъ и домовъ паденіе? Глаголетъ Апостолъ: *отъ похотей бываютъ брани, отъ браней раздѣляются царства и запустѣваютъ*, чему избытіе видимъ, егда Монархъ и Самодержецъ всея Россіи и страхъ многимъ царствомъ Равноапостолній Князь Владимiръ, по времемомъ царствіи отходя къ вѣчному, раздѣли царство свое на двадесятъ (дванадесятъ?) княженій; тогда завистію исконнаго врага человѣкоубійци Владимерови синове, братія суще, встали на ся, и хотящи единъ другого княженіе заобладати, начаша убивати братъ брата и изгоняти отъ области, отцемъ имъ удѣленной во вся роди. Сего ради попущеніемъ Божіимъ нанде на Русскую землю нечестивій Батій и плѣнивъ ю, и Церкви Божія и красоту ихъ опроверже и соравни зъ землею. Но не довлело сего за грѣхи Россійскому роду, воста еще Гедимъ Великій, Князь Литовскій, и пришедъ на Кіевъ, 1320 року побилъ надъ рѣкою Ирпинемъ Князей Русскихъ и прилучилъ Кіевъ къ своей землѣ, поставивъ намѣстника своего Миндовкга, Князя Олшанского; и обладаше Литва Россійскимъ престоломъ даже до умертвія благовѣрного Князя Симеона Олелковича, иже, по разореніи Батіевомъ, пусту лѣтъ двѣсти и тридесятъ стоящую святую, небесиподоб-

2

ную церковъ Печерскую обновилъ многимъ иждивеніемъ имѣнія своего. А по его смерти, року 1340, Король Полскій Казимиръ княженіе Кіевское на воеводство премѣнилъ, и всю Малую Россію на повѣти раздѣли, и изъ сихъ Русиновъ Воеводи, Каштеляни, Старости, Судіи и прочіе урядники уставилъ, и честію и волностію Полскимъ сановникамъ соравнилъ, и прочихъ въ Русѣ зъ Полскою шляхтою въ единакихъ правахъ и волностяхъ соедини; что хранити наслѣдникомъ своимъ присягою утвердилъ, якожъ Кролъ Якгелло и Владиславъ Якгеллович и Александеръ Казимировичъ, Короли Полскіи, даже до року 1410 тіежъ права Казимирови Руси наданнія при коронаціяхъ своихъ присягою потверждали; а Жигмонтъ Первій, э по немъ и иніе въ потвержденіе правъ ихъ привилея надавали. Еднако же во уничтоженіе Россійскій скипетръ тако пришелъ, яко отъ царствія во княженіе, а отъ княженія въ воеводство премѣнися.

СКАЗАНІЕ О РАЗЛИЧНИХЪ БРАНЕХЪ И ОРУЖИИ КОЗАЦКОМЪ И О ПИЩИ ИХЪ.

Воспріявши убо во областъ свою Поляки Кіевъ и Малороссійскія страни, по доволномъ времени усовѣтоваша въ работѣ имѣти живущія въ нихъ люди; но иже бяху отъ сихъ воинского чина отдревле и мечемъ упражняхуся, а не работнимъ игомъ, сіи рабского не навикше ига и дѣла, изволиша самоволно около реки Днѣпра нижае пороговъ въ пустихъ мѣстехъ и въ дикихъ поляхъ пребивати, кормлящеся рибними и звѣриними ловли и морскимъ на бѣсурманъ

розбоемъ. Но въ року 1516, егда Жигмонтъ первій того имени Король Полскій пойде бранію на Великого Царя Московского, Ханъ Татарскій Мелинъ-Герей усмотрѣвши время, не хранячи утвержденного себе мира зъ Поляки, насла свою силу въ Рускую землю, огнемъ и мечемъ повоеваша гради и веси, и много плѣни вземъ, въ Перекопъ возвратился. Тогда Король, видя поношеніе, охотного воинства отъ Козаковъ и Поляковъ собра, посла ихъ подъ Бѣлгородъ, гдѣ такожде множество користей заемше возвращахуся въ Рускую землю, но Турки и Татаре на нихъ нападоша; обаче бранъ сведше премогоша Христіянстіи вои Турковъ, и оттого времени Козаками нарицахуся, аще кто и Полякъ бяше, си естъ свободное воинство, яко безъ найму, своею волею на Татаре хождаху. И оттуду многократнихъ ради браней велми Козаки въ храбрость и силу возрастоша, гладу же, жаждѣ и зною и всякимъ воздушнимъ нахожденіямъ велми обикли. Пища ихъ бѣ житное тѣсто квашеное, зовомое *саломаха* рѣдко сваренное, и тимъ суть доволни; а когда случится съ рибною, яко Козаки глаголютъ, *щербою,* то за найпереднѣйшую трапезу имѣютъ. Живутъ же въ куреняхъ по сто-пятдесятъ и болѣе, и вси пищу вишереченную имутъ едину. Единого же старѣйшого въ куренѣ имѣютъ, въ воинскихъ дѣлехъ воина искуснѣйшого, и того почитаютъ и повинуются ему, аки найвишому по Кошовомъ Атаманѣ началу; но и старѣйшини ихъ живутъ купно съ опаствомъ, аще бо бы чимъ нѣбудь ихъ оскорбилъ надъ право, то абіе бѣднѣ и безчестнѣ предаютъ ихъ смерти. Татба же и блудъ между ими отнюдъ не бываетъ, и за едно путо или плѣть вѣшаютъ на древѣ. Одежда въ ихъ бѣ една или двѣ.

По семъ еда воеваша Турскую и Татарскую землю обогатишася зѣло и исполнени суть доволствомъ всякого богатства. Оружіе имутъ самопали, шабли, обухи, стрѣли и списи; и до сихъ тако суть искусни, яко и найлучшій Полскій гусаринъ и Нѣмецкій райтаринъ примѣренъ быти имъ не можетъ. Сколко коннихъ, столко и пѣшихъ, и колико у Малой Россіи людей, толико и Козаковъ; ихъ не требѣ нуждою собирати, яко по инихъ чужоземскихъ странахъ творятъ, не требѣ найму обѣщевати: рече старѣйшій слово или рейментъ держащій на охотника, и абіе сколко треба воинства, аки трава соберется; и добре реченно Турскому Цару на вопросъ о количкости Козацкого войска: *въ насъ* (рече), Турскій Цару, *що лоза то Козакъ, а где байракъ, то по сто и по двести Козаковъ тамъ.* И всѣ тіи на войнѣ зѣло храбри. Тако бо о нихъ пишется:

Росси богатство веліе маютъ,
Хитростъ и храбростъ до войни знаютъ.

О которихъ и Солтанъ Турскій изрекъ: *когда окрестніе панства на мя возстаютъ, я на обидвѣ уши сплю, а о Козакахъ мушу единимъ ухомъ слухати.* Въ мирѣ же жити никогда не хощутъ, но егда въ землѣ ихъ миръ оглашенъ будетъ; то самоволно идутъ на помощь инимъ царствамъ, и малія ради користи великую нужду подіймутъ, море перепливати дерзаютъ въ единодревнихъ суднахъ. И сихъ ради славнихъ ихъ военнихъ дѣлъ, не возгнушалися имъ быти Гетманами великороднихъ сенаторскихъ домовъ знатніе люди; ибо въ року 1506 былъ первимъ Козацкимъ Гетманомъ Прецславъ Лянцкронскій, а въ року 1514, будучи Гетманомъ Запорожскимъ, нѣякійсь Козакъ Венжикъ Хмелниц-

кій розбилъ великую Орду въ Полщѣ подъ Заславемъ; потомъ былъ Гетманомъ Димитрій Князь Вишневецкій, а по немъ Евстафій Князь Ружинскій. За якіе знатніе козацкіе службы Кроль Полскій Жикгмонтъ Первій далъ Козакамъ по обоихъ стронахъ Днѣпра увишъ и внизъ коло пороговъ землю во владѣніе вѣчное, аби Туркамъ и Татарамъ у чолѣ ставши нападати Руских и Полскихъ земель не допускали. Року 1574, за Генрика Короля Полского Француза, за упрошеніемъ Ивонѣи Господара Волоского, собравшеся тисяча четириста зъ Гетманомъ Свѣрговскомъ прійдоша въ Молдавскую землю, и тамо при Господарѣ Волоскомъ, чтиренадесятъ кротъ бранъ зъ Турки зведше, силу ихъ поразиша; наконецъ же отъ множества Турковъ отгорнении всѣ мечемъ умроша. Но вскорѣ Козаки Туркомъ и Татаромъ отмстиша за сіе, ибо, въ року 1575, посланни бывше отъ Кіевского Воеводи зъ Черкасъ и зъ Канева чолнами, Днѣпромъ на Орди нападоша, и много побивше и плѣнъ веземше возвратишася къ своимъ зъ користми; обаче Татаре, собравшеся со трема Солтани и седмъ синовъ Перекопского Хана, со множествомъ Ордъ найдоша на Подолле, и много людей плѣниша, и сожгоша огнемъ гради и села. Вскорѣ Козаки воздали имъ и за сіе, егда вшедше за Перекопъ зъ вожемъ своимъ Богданкомъ, такожде огнемъ и мечемъ повоеваша. А въ лѣто 1576 за Стефана Баторія Короля Полского Козаки въ лучшій еще строй учинении. Тойже Король, видя у Козаковъ мужество великое и зъ Татари на бранехъ, постави имъ Гетмана, присла имъ короговъ, бунчукъ и булаву, и на печати гербъ, рицарь зъ самопаломъ и на головѣ колпакъ перекривленній, арматъ и вся-

кихъ военнихъ припасовъ и сами Козаки замки Турецкіе воююще много набрали, и учинивъ имъ строй, и начаша по Гетманѣ быти Обозніе, Судьи, Асаули, Полковники, Сотники, Атамани, и повелѣ стрещи отъ Татаръ около пороговъ. Но всегда Король Стефанъ отъ храбрости Козаковъ поразумѣвая пророчески глаголаше: *»будетъ* (рече) *когдась отъ тихъ юнаковъ Речь Посполитая волная«.* Еже собится послѣди. Той же Король Баторій опрочъ давнего старинного града складового Чигирина далъ еще Низовимъ Козакамъ въ пристанище градъ Терехтемировъ зъ монастиромъ, да во время зими тамо всегда пребываютъ, и въ годъ платилъ имъ по червоному и по кожуху; и симъ Козаки бяху падолзѣ доволни и многія брани имѣяху съ Татари на земли, а съ Турки на мору, обаче всегда побѣждаху ихъ. Въ то время Азію Козаки нападше на тисячу миль повоеваша и Трапезонъ взяша и изсѣкоша, Синопъ до основанія опровергоша, и подъ Константинополемъ многія взяша користи. А оттолѣ болѣе въ силу Козаки растяху, еже видѣлъ Король Стефанъ смущашеся зѣло, вкупѣ и бояся, да не како укрѣпившеся Козаки тяжци будутъ Ляхомъ, и хотя внизу около Днѣпра побити ихъ; но Козаки, разумѣя кролевскій замислъ, пойдоша отъ кочевискъ своихъ къ Донскимъ Козакомъ и отсюду еще въ болшій страхъ Ляхи впадоша, обаче до времени Король остави Козаковъ тако пребывати; они же паки зъ Дону возвращшеся въ луги Днѣпровіе мечемъ и бранію на Татаръ упражняхуся.

СКАЗАНІЕ О ГЕТМАНѢ КОЗАЦКОМЪ ШАХУ И ПОДКОВѢ, И О РАЗЛИЧНИХЪ БРАНЕХЪ КОЗАЦКИХЪ.

За того же Кроля Стефана Баторія, въ року 1577, бѣ между Козаками Запорожскими Козакъ славній, именемъ Подкова; его же храбрости Волохи ради на господарство призиваху Волоское. Съ тимъ Подковою Шахъ, Гетманъ Запорожскій, съ Козаками пришедши въ Волоскую землю, отъ господарства Молдавского изгна Воеводу Петра, посади на господарствѣ Подкову. Тогда Петръ Воевода, собра Турского войска много, на Подкову ополчися; но Козаки побѣдиша Турскую силу. По времени же паки Петро Молдавскій Воевода со многими Турскими силами на Подкову бранію прійде, но Подкова противу ему изійде и бысть бранъ великая, обаче Козаки Турковъ побѣдиша, яко едва Петро Воевода убѣже зъ малими людми. Видѣвъ же Подкова, яко на господарствѣ Молдавскомъ не укрѣпится, остави и на Подоллѣ возвратися; того Ляхи лестію емше до Кроля отослаша, которій повелѣ отсѣщи главу Подковѣ во Львовѣ; тѣло же его Козаки вземше, въ Каневѣ въ монастирѣ погребоша. Посла же Кролъ и до Низовихъ Козаковъ Комисаровъ, даби ихъ смирили; но приняли ихъ Козаки не якоже Ляхи хотяху, гнѣвающеся за Подкову, его же ради, многажди на Молдавскую землю находяше, великія пакости творяху, яко храбримъ юнакомъ бѣ свойственно; а наипаче Татаромъ велми бяху тяжки, а крѣпки яко стѣна, по Бозѣ Россію отъ враговъ защищая.

ОТКУДУ И ЧЕГО РАДИ ВОЗСТАША КОЗАКИ НА ПОЛЯКОВЪ?

Егда нѣкія Архіереи въ Литовской странѣ небоящіеся Бога, ни откуду не имущи нужди, отрекшися Православнія Каѳолическія вѣри, собраша соборъ въ Брестѣ-Литовскомъ; и на томъ Соборѣ бѣ Митрополитъ Михаилъ Рагоза, Ипатій Прототроній Епископъ Владимірскій и Брестскій, Кириллъ Терлецкій Ексархъ, Епископъ Луцкій и Острожскій, Ермогенъ Епископъ Полоцкій и Витебскій, Іоаннъ Гоголь Епископъ Пинскій и Туровскій, Діонисій Епископъ Хелмскій и Белзскій. На томъ Соборѣ оставише благословеніе первоначалного архипастиря своего Константинополскаго Патріярхи, послаша въ Римъ къ Папѣ Клименту Осмому, отдающе себе въ соединеніе западному костелу. Тогда видѣвше благочестивіе синове сію новоявлвшуюся химеру ужасахуся, и отдѣлиша себе отъ единости тѣхъ наемниковъ, а не истинниxъ пастирей; и разжегся ревностію благочестія Косѣнскій на Ляховъ зъ войскомъ Запорожскимъ прійде, и много замковъ повоева, и Ляховъ поби, но, въ року 1594, подъ Пяткою отъ Ляховъ пораженъ былъ.

Того жъ року Гетманъ войска Запорожского Наливайко, повоевавши Угри, прійде на Украину и не обрѣте въ живихъ Косѣнского; и яко синъ Православія не навидя новоявлвшуюся Унію, собра еще отъ Низовихъ Козаковъ болше войска и пойде въ Литву; и тамо сведше многія брани Слуцкъ и Могилевъ спалилъ и многихъ отъ Ляховъ уби. На него же Гетманъ Коронній Жолковскій зъ войскомъ

Полскимъ прійде во Украину, и въ року 1597 подъ Лубнями мѣстомъ на урочищи Солонпцѣ войско Козацкое изби, и самого Гетмана зъ Полковниками Лободою и Мазепою живо емши до Варшави заведе; идѣже на мѣдяномъ волу его Ляхи сожгоша, и отъ тоя вини война Козацкая зъ Ляхами зачатся. По семъ были Гетмани Запорожского войска перво Кушка, по немъ Бородавка.

По семъ также, въ року 1606, Петръ Конашевичъ Сагайдачній Гетманъ Запорожскій озвася, и хотячи извѣдати щастя своего, ходилъ зъ войскомъ Запорожскимъ водними суди подъ Кафу, Турецкое мѣсто; его же моцно повоевавши и зъ неволи Христіанъ множество висвободивши, зъ пребогатими користи зъ Чорного моря возвратися, за что великую ласку и прихилностъ мѣлъ отъ Запорожского войска и Поляковъ. Также року 1608, за Жикгмонта Короля Полского, не требуючи уже къ себѣ въ помощъ войска Запорожского, собра зъ Украини Козаковъ, и потягъ Гетманъ Коронній Жолковскій на Цоцору зъ Ляхами и зъ Козаками. Между же ими бѣ въ то время и Михайло Хмелницкій Сотникомъ надъ Козаками.

СКАЗАНІЕ ВОКРАТЦѢ О ХМЕЛНИЦКОГО РОДѢ, И О ВОЙНѢ НА ЦОЦОРѢ.

Пишучи лѣтописецъ Полскій Веспесіанъ Коховскій Хмелницкого начало, воспоминаетъ отъ Жмудскія страни родомъ его быти, а по иныхъ свѣдителству отъ Лысянки, Украинского града. Аще убо отсюду или оттуду, обаче первіе изъ Жолковского дому приложися. Егда же Іоанну

Даниловичу, Воеводѣ Русскому, староство Чигиринское отъ Короля дано бѣ, тогда Хмелницкій пойде тамо, и бѣ писецъ, написуя поемлемія отъ людей дани. Въ томъ мало поживъ поять жену, и роди отъ нея сина Зѣновія (его же послѣ Богданомъ нарекоша); и его же отъ малихъ лѣтъ даде въ наученіе писаній первіе въ Кіевъ, таже въ Ярославъ до ксендзовъ Езуитовъ, и тако, въ наученіи проводивъ лѣта, доспѣ возраста. Егда же отецъ его учиненъ Сотникомъ надъ Козаками, въ року 1620, пойде на Цоцору Гетману Жолковскому въ помощъ, иде онъ съ отцемъ своимъ, войсковому присмотруючися дѣлу. Егда же сведоша бранъ Ляхи зъ Турки и Татари, премогоша Турки, избиша всю Лядскую силу; идеже Гетманъ Жолковскій и Михаилъ Хмелницкій убіенъ, а Зѣновій синъ его въ плѣнъ взятъ въ Татарскую землю; отъ нея же по двулѣтнемъ плѣненіи искупиша его Козаки такождe плѣномъ Татарскимъ, и бысть воинъ Кролевскій. Но между симъ, въ року 1621, егда Османъ, Царъ Турецкій, избивши на Цоцорѣ Полскую силу, прійде въ годъ на Полскую землю зъ неищетними силами, тогда Жикгмонтъ, Кроль Полскій, послалъ сина своего Владислава зъ Полскими войсками противу Турковъ; а занеже далече болшія сили Турскія бяху паче Полскихъ, того ради въ крѣпкомъ обстояніи и тѣснотѣ Полское войско бѣ отъ Турковъ. Тогда Жикгмонтъ посла по Козаки за пороги, призивая ихъ на помощъ, и мзду сребромъ и свободою дати обѣщевая. Петръ же Сагайдачній, убивши Бородавку Гетмана за непоспѣхъ для ратунку Кролевичови за пьянствомъ, принялъ на себе повторе гетманство и собралъ шесть тисячъ Козаковъ реестровихъ и Запорожскихъ

такожде виборнихъ, пойде Кролевичу въ помощъ подъ Хотѣнъ, яко найскорѣй, и пробившися чрезъ войско зъ великою Турецкою шкодою, ста при Кролевичу во облеженю; иде же егда брани прійде время, поставлено бѣ войско Запорожское напредѣ, на него же огнь и мечъ Турки испустиша и всю свою силу, але оперлися аки о муръ крѣпокъ и бысть того дне сѣчъ великая, и много тогда паде Турской сили, Козацкой же и Полской мало. Тако Богу защищающу отъ поганъ Христіяни, нашедшей же нощи Туркомъ спящимъ, Козаки впадоша въ обози ихъ, и всю нощъ убиваху Турковъ по наметахъ; и егда бысть утро, узрѣвше Турки безчисленнихъ своихъ побитихъ, возвѣстиша Царю своему, ужасеся сердце его, и начатъ просити мира у Владислава Кролевича, и сотворися миръ вѣчній. За что Сагайдачній у Кроля и у Рѣчи Посполитой зъеднаалъ милость и свободу великую народу Малороссійскому; и когда би Гетманъ сей Запорожскій Сагайдачній зъ Козаками Туркамъ и Татарамъ не воспятилъ, то би Турки въ Россіи и Полшѣ зъ церквей и костеловъ для коней стойли поробили. Року 1622, Петро Сагайдачній, славній Гетманъ Запорожскій, великій защитникъ Православной вѣри и Ктиторъ Братского монастиря и школъ Латинскихъ, преставися; тѣло же его погребенно въ Кіевѣ, въ монастирѣ Братскомъ, зъ великимъ плачемъ Запорожского войска и всѣхъ людей Православнихъ.

СКАЗАНІЕ О КОЗАЦКОЙ ВОЙНѢ ЗЪ ЛЯХАМИ ПОДЪ ПЕРЕЯСЛАВЛЕМЪ; И О ГЕТМАНѢ ТАРАСѢ, ЧЕСО РАДИ ВОСТА НА ПОЛЯКИ.

По смерти Петра Сагайдачного, Запорожского Гетмана, и прежде его въ Кіевѣ и по Украинскихъ градѣхъ Князи и Воеводи и Старци (*) отъ благочестивія вѣри бяху, отнюдъ пакости не творяху. Егда же пояша себѣ жени Ляховици и, отъ благочестія отпадше, къ Римскому костелу присташа, тогда начаша церкви Православнихъ къ Унія силно привлащати, а подданимъ своимъ неслиханніе труди и дани налагати; и къ болшей тяжести Украинѣ, по многой брани Ляхомъ изъ Шведами, приведении полки Лядскіе въ Кіевское воеводство и поставлении всюду по градѣхъ и селахъ; въ нихъ же начаша великіе обиди творити людемъ Ляхове. Сето не могуще Козаки терпѣти, вставше, ихъ избиша, а оставшихъ разгнаша; того ради Гетманъ Короній Конецполскій съ силою многою поиде, хотя всѣхъ Козаковъ избити, а Козаки совокупившеся зъ силою своею поставиша себе Гетмана Тараса, и брань зъ Ляхами, року 1628, подъ Переяславлемъ сведоша. На той брани толико Козаки Ляховъ побиша, елико многими лѣта на всей брани Шведской не побіенно бысть, и златую хороговъ гусарскую за Днѣпромъ у бору всю побиша. По семъ примиришася. По полученіи же мира подъ Переяславлемъ Поляковъ зъ Козаками и по обѣщаніи своемъ, яко не имѣяху Козакомъ обидъ и Россомъ на Украинѣ творити, паки хитростію мисляху, яко би Козакомъ месть за Переяславлскую брань

(*) Въ другихъ спискахъ *Старости.*

воздати; и всячески тщахуся Козаковъ погубити, восташа убо на Украину, и убогихъ людей начаша отягощати данми и жолнерами, Козаковъ знатнѣйшихъ тайно, а началнѣйшихъ явно похищающе, различними смерти убивати. Того ради, 1637 року, паки Козаки собрашеся поставиша Гетмана Павлюка и на Ляховъ пойдоша подъ Кумейки; но тамо Гетманъ Коронній Конецполскій, оболстивши Козаковъ, побѣди Декамврія 7, а зъ оставшими подъ Боровицею примиріе сотвори, обаче вскорѣ Гетмана Павлюка хитростію яша и въ Варшавѣ главу отсѣкоша. И отселѣ начали Ляхи Козаковъ на палѣ збивати. Видѣвше же то Козаки, яко Ляхи всячески умислиша ихъ погубити, и паки въ року 1638, собрашася и поставиша Гетмана себѣ Остраницю, давши ему въ помощъ нѣкоего Козака Гуню, и на Ляховъ восташа бранію и виманивши Ляховъ въ степъ на рѣчку Старицю, и тамъ брань сведше, множество Ляховъ побиша. Тако же не могуще Ляхи Козаковъ одолѣти лѣстію миръ сотвориша. На якомъ мирѣ п. Кисель и иніе панове именемъ самого Гетмана Конецполского клятву учиниша, яко всякія волности имѣютъ имъ дати и отмщенія не творити; но ту клятву свою преступиша, емше бо Остраницю Гетмана и Гуню, убили въ Варшавѣ, а Кизима, Сотника Кіевского, изъ синомъ на палѣ збиша, такожде многихъ Козаковъ храбрихъ и славнихъ различними муками погубиша, овихъ на четверо разсѣкающе, иниихъ на палѣ избивающе, другихъ на желѣзніе гаки за ребра вѣшающе. И отъ того часу всяку свободу Козакомъ отяша, и людемъ благочестивимъ тяжкія и неслиханнія дани наложиша, не вѣдуще, яко Богъ отмщеніе за кровъ и обиду неповинниихъ будетъ; и въ тѣхъ

часѣхъ поставиша дани: дуди нѣякись, повивачное и пороговщину, подимное и поголовщину, очковое, ставщизну, поемщизну, сухомелщину. Таже церкви Божія Жидомъ запродаяху и за дозволенiемъ Жидовскимъ крещаху младенци, и всякіе обради церковніе благочестивихъ поддаяху Жидомъ въ аренду. Козаковъ же толко шестъ тисячъ судиша себѣ имѣти, а прочихъ, аби аще би синъ и славного Козака былъ, то взяли у подданство, а реестровихъ Козаковъ въ великой тѣснотѣ Ляхове держаху: ни чести, ни слави, ни волѣ; бѣху бѣдніе горше Турецкои неволѣ. Еще же поставиша надъ Козаками реестровими Полковниковъ, Сотниковъ и всю старшину Лядскія вѣри, да не даютъ имъ отнюдь волѣ; и употребляли Козаковъ до грубъ топленія, такожъ и Старостове изъ старшиною до хандоженя коней и хортовъ, и дворовъ чищеня. И симъ тако бывающимъ паки собрашася Козаки зъ Полтора-Кожухомъ на Мерлѣ, но и тамъ не имуще доброго вожда, ни сили, разбѣгошася, слишавше Вышневецкого Князя со многою силою Лядскою на нихъ идуща. Богъ же тамо самъ казни Ляховъ и Нѣмцовъ мразомъ, мнози бо отъ нихъ померзши, и зъ коней падающе, въ поляхъ погибоша. По семъ Гетманъ Конецполскій собра вся началнѣйшія отъ воевъ Полскихъ мужи, совѣтоваше зъ ними, како би Козакамъ всю волю отяти; бояшебося, да не како тайно отъ градовъ за порогами соберутся паки, и за обиди своя воздадутъ Ляхомъ и отмстятъ, яко же подобаетъ. И въ року 1639 сложишася вси да надъ порогомъ Кодакъ градъ сотворятъ, и положиша Нѣмцовъ, да хранятъ града, и Козаковъ да имаютъ бѣжащихъ за пороги и потопляютъ, якоби ихъ ради Ляхомъ скорбъ не малая, же многажди Тур-

скій Царь жалящеся на Козаковъ Кролеви, что они, на Чорное море ходяще, гради и села Турецкіе разоряютъ. Но и за пороги посилаше Гетманъ Конецполскій войско Полское и Нѣмецкое, да между Козаками живуще и за маліе вини ихъ погубляютъ, и волу имъ да отимутъ. Въ то время прилучися Гетману Коронному Конецполскому въ Кодаку саму быти и Козакамъ ему предстоящимъ (между ими же бѣ и Богданъ Хмелницкій), тѣмъ ругаяся, вкупѣ и хваляся о крѣпости Кодака града, рече: *угоденъ ли вамъ есть Козаки Кодакъ?* отвѣща Хмелницкій язикомъ Латинскимъ предъ всѣми: *что есть рукою сотворенно, чтобы было не разоренно.* Чесо ради Гетманъ удивися, вкупѣ зло мисляше о Хмелницкомъ, вспомянувъ убо, яко во всѣхъ бранехъ Козацкихъ противъ Ляховъ и Хмелницкій бяше, обаче многія умроша, а онъ живъ оста. Бысть бо Хмелницкій мужъ хитръ въ воинствѣ и розумѣнъ зѣло, вѣди мисли Лядскіе на Козаковъ и суетную клятву, разсмотри ихъ военніе огради и вся сія въ сердци злѣ держаше; лице же свѣтлостію покриваше, акиби онъ на Ляхи никоего зла не мислихъ, въ сердцу же его золъ совѣтъ бяше.

СКАЗАНІЕ, ЧЕСО РАДИ ВОСТА ХМЕЛНИЦКІЙ НА ПОЛЯКОВЪ.

Различніе вини лѣтописци войнѣ Козацкой полагаютъ, едини соборъ Берестейскій, на немъ же новоуведенна Унія смути благочестивихъ, ибо въ то время Наливайко воста на Ляхи первій. Литописецъ же Полскій Веспесіанъ Коховскій написа, яко Ляхи великіе тяжести людемъ Укра-

инскимъ и Козакамъ налагаху насилія, и обиди церквамъ Божіимъ твораху, отемлуще нуждою отъ благочестивихъ имѣнія и самихъ смерти предаяху, отъ чести и власти изгоняху, суду не даяху, Козаковъ всячески излобляху, отъ всякого бидла и пчелъ десятое взимаху. Иметъ ли кто звѣра? кожу дай пану; иметъ ли рибу? дай урочную дань оттуду на пана; отъ военнихъ користей Татарскихъ конь или оружіе въ Козака будетъ, дай хлопе на пана. А что горше, Жиди всегда смишляху новіе дани и вся имѣнія Козацкая не свободна бяху, кромѣ кому жени волной въ дому и то не вовсе. Аще же когда случится на Козака вина и малая, то таковими муками ихъ казняху, яко ниже погане таковихъ смишляху мученій, и тако, въ казнехъ сихъ проливающе излишъ мѣру, невѣрнихъ превосхождаху мучителствомъ. И что есть мучителство Фараоне противу Поляковъ тиранству? Дѣтей въ котлахъ варяху, женамъ сосци древіемъ изгнѣтаху и иная неисповѣдимая творяху бѣди, не воспоминая же наступство чинитъ осторожность, ибо, по звитяжствахъ звитяжецкихъ, упадокъ добре может ся напрововати; занеже звитяжци, живучи въ великой свободѣ всегда земли доброволне подданніе и завоеванніе начинаютъ озлобляти и права имъ природніе ломати. Для чего аще бысть отъ крайней нужди которая прилеглая кролевству земля въ чомъ стала сопротивна, то ихъ нужду разсмотрѣти, еднакъ, и повинѣ укараню, снисходя не перебирати мѣри и въ неволничой ихъ грозѣ не держати, и не приводя ихъ до роспачи до щенту не зносити; ибо которая присяга при гвалтѣ твердо устоитъ, и якъ той не зрадитъ, кто всегда боится. Яко и зде отъ малія вини сотвори Богъ Ляхомъ

отмщеніе сицевимъ образомъ: егда, въ лѣто 1647, Ляхове, пришедши зъ Полской земли, сташа въ Чигиринѣ и въ Черкасахъ, и людей въ тѣхъ градѣхъ живущихъ зѣло озлобляху (яко имъ всегда обичай), тогда и Богданъ Хмелницкій многія понесе обиди отъ Ляховъ за вину сицеву. Прежде еще Михаилъ, отецъ Богдана Хмелницкого, храбрости ради своея имѣяше любовъ въ Ивана Даниловича, Старости Чигиринского, иже даде ему землю, примѣрно рѣченную Суботовъ. На ней же егда сей Богданъ Хмелницкій отъ Короля пришедъ начать людей населяти, надѣючися на отца своего и свои въ Речи Посполитой великіе заслуги, ибо отецъ его, будучи Сотникомъ Чигиринскимъ, зъ Гетманомъ Жолковскимъ на Цоцорѣ за Речъ Посполитую Полскую голову положилъ; кгде и онъ, взятій въ неволю, сидѣлъ, таже Козаки плѣномъ Татарскимъ его викупили; но и по викупѣ, ходячи въ чамбули, Орду бивалъ, и языковъ до Кроля привождалъ, а въ року 1629 двохъ Кантимѣровъ живо до Кроля привелъ (отъ которихъ Король много о тайнихъ замислахъ Турецкихъ на Ляховъ извѣстился), чрезъ що мѣвалъ у Кроля милостъ великую: бо былъ зъ природи разуменъ и въ науцѣ язика Латинского бѣглій. Изваживши Кроль его разумъ допустилъ себѣ за совѣтника, ибо когда умислилъ мстити на Турчину за перешкожованную войну Московскую, будучую въ року 1635 подъ Смоленскомъ, то мимо своихъ Сенаторовъ зъ нимъ радился, и великій региментъ морской всей армати ему вручалъ; чему (за пришествіемъ его отъ двору Кролевского на свою отчизную землю) завиствуючи, якожъ и слободѣ поселенной Подстаростій Чаплинскій, за неслушность разумѣлъ Хмелницкому быти богатимъ и въ

мѣста фундоватися; за что Старостѣ Чигиринскому Ивану Даниловичу обнесе завистно: *не достоитъ* (рече) *просту человѣку села и подданнихъ имѣти.* Иванъ же Даниловичъ повелѣ отяти село оно Чаплинскому, Хмелницкій же таково насиліе видѣвъ и отятіе села своего и услуги вспомянувъ Полской коронѣ, за ня же мѣсто воздаянія чести прийялъ отъ Чаплинского обиду, изрече: *Ляхи насъ Козаковъ озлобляютъ, еще Козацкая не умерла мати!* Сіе услиша Чаплинскій, повелѣ Хмелницкого яти и въ темницу вcovрещи, сина же Хмелницкого Тимоша, велѣ двома палицами посреди града Чигирина бити. Видѣвъ же Хмелницкій, яко ни откуду помощи не надеженъ, не вѣдяше что творити; Богъ же преклони сердце на милостъ жени Чаплинского, да упроситъ мужа своего и повелитъ Хмелницкого зъ темници отпустити, и тако испущенъ живяше, ожидая что время впредъ покажетъ. Токмо рекъ: *живъ Богъ и Козацкая не умирала мати! Не все еще Чаплинскій у мене побралъ, когда шаблю въ рукахъ маю.* Не токмо же Хмелницкому, но и всѣмъ Козакамъ Ляхи великія обиди творяху. Козаки же аще Кролевѣ Полскому Владиславу и плачевнимъ челобитіемъ возвѣщаху, но той Козаковъ и Ляховъ жалѣя надолзѣ снисходяше, размишляя, не вѣди что творяти; понеже и прежде отъ всей Руси много челобитнихъ подавано до Королей Полскихъ, и Князь Острозскій Константинъ Ивановичъ (нинѣ въ Печерскомъ зъ камени вибитій лежащій) будучи самъ Греческого закона до всего Сенату за творимія Руси обиди суплѣковалъ, и Кроль Владиславъ межи всѣмъ Сенатомъ на трибуналѣ медіяторомъ для облегченія Русѣ былъ; обаче тіе тако високихъ лицъ ул-

женя и Русскія суплѣки нѣчто завзятости Поляковъ не погамовали, зъ которихъ суплекъ едину зде полагаю.

Суплѣка до всей Речи Посполитой Полской, отъ утѣсненного Ляхами народа Рускаго поданная.

Преосвященному, Ясневелможному Велможному Презацной Коронѣ Полской и Великого Княженія Литовского обоего стану духовного и мірского Сенатовѣ, тутъ же Ясневелможнимъ велможамъ, а намъ Велцемилостивимъ Панамъ, Ихъ Милостемъ, Панамъ Посломъ зъ воеводствъ и повѣтовъ Коронныхъ и Великого Княженія Литовского на енералную конвокацію Варшавскую, въ року 1632, собраннимъ.

Презацній и старожитній народъ Рускій отъ килка десятъ лѣтъ въ коемъ би состояніи, даже до ннѣ едва не всей вселенной паче свѣта полуденного свѣтлѣетъ. Нннѣ же, яко иногда Богу возлюбленній людъ Израиль, со плачемъ о своемъ поведеніи возглагола: *се ми днесъ уничижени паче всѣхъ живущихъ на земли, не имами Князя, ни вожда, ни пророка, ни жертвъ и проч., ими же возмогли би умилостивити благосердаго Бога, но въ сердци сокрушенномъ и смиренномъ, да будемъ пріяти предъ Тобою Господи.* Тако въ сіе неблагополучніе времена нашему Русскому народовѣ, подобнѣ тяготою чрезъ многія лѣта одержимому, что о себѣ, аще не тожде со слезами подо-

баетъ рещи. Кая жъ сему вина, же имами въ совѣсти насиліе правъ и свободъ нарушеніе, монастирей и храмовъ Божіихъ, издревле сооруженнихъ, запустѣніе, а нѣкіихъ и до днесъ запечатлѣніе и у оних Богу во Тройци Единому молитися возбраненіе; магистрату, хотя и великороднихъ персонъ, за сіе едино яко Руской породи сутъ, отриновеніе; въ градѣхъ Его Королевского Величества жити не допусканіе и прочіи безчисленіи тимъ подобніи обиди и укоризни? На что призиваетъ вся концы предѣловъ земли сея, ибо отвсюду доношеній и челобитнихъ молвъ и воплю наполнишася сонми и собори ваша; наслушалися того жъ доволно блаженной памяти предки Велможностей Вашихъ, внійде уже слухъ въ уши и самихъ Велможностей Вашихъ. Не здѣлало отради предстателствованіе великихъ лицъ, ихъ же всѣхъ нѣсть лѣпо зде сочислити, довлѣетъ единого ходатая достойного воспоминанія Владислава Короля Шведского и Полского Кролевича, 1632 року, намъ медіованного, и знаменитихъ людей отъ себе пославшого молити Сенатъ, да первую свободу и въ бѣдахъ ослабу получимъ. Но ничто же посланіи на многѣ молящe успѣша; яко возвратишася тщи ко пославшему, принуждени съ Петромъ глаголати: *Наставниче, объ нощъ всю труждахомся и ничесо же яхомъ*. Напослѣдокъ и сами обиватели, яко духовніе такъ и мірскіе Руского народа, многажди о семъ вопіяху, яко въ свободномъ панствѣ живуще, отнюдъ ни въ чемъ свободи не имѣемъ; мнози же отъ гражданъ и сіе со сердечною болѣзнію прилагаху, яко церквамъ разоряемимъ и имѣніе ихъ разграбляему сущу, и всякому въ насъ належащу утѣсненію: чада наша безъ омитія банею Крещенія грѣха

первородного отъ сея жизни отходятъ, а въ совершенній возрастъ приходящіе безъ законного браку пребываютъ, что болше—безъ исповѣданія и безъ пріятія Пренайсвятѣйшаго Сокраменту, временнія и вѣчнія купно лишаются жизни, въ конецъ мертвеци наши безъ подобающихъ правовѣрнимъ обрядовъ церковнихъ погребаются. Тая убо и тимъ подобная озлобленія еда ли не суть насиліемъ совѣсти, еда ли не суть нарушеніемъ нашея златія прежнія свободи, еда ли не пронзаютъ сердца, не снѣдаютъ утроби? Сами високимъ разумомъ разсудите Панове, не довлѣяше же того, яко до такъ веліей бѣди и тяжкого утѣсненія презацній той народъ Рускій за неправеднимъ востаніемъ пріиде; но еще понудишася намъ, Греческого закону сущимъ, крайнее отяти добро, сію златую свободу, и себѣ безчинно превлащати съ такимъ предложеніемъ, аки би едино токмо зъ Римляни мудрствующимъ прежнія свободи содержатися имѣютъ, до сицеваго умствованія неправеднаго и великого Кроля прелщати. Но Царъ Царемъ, въ Его десници и царскіе содержатся совѣти, преврати сердце Пресвѣтлѣйшого Жикгмонта Третего, и премени, яко же древле, намѣреніе Цара Асевера, иже послушавши клевети Амановой такій даде на Жидовъ извѣтъ, да вси въ его царствіи Жидове, въ единомъ числѣ мечемъ погибнутъ; но клеветникъ оній Аманъ впаде въ яму, юже содѣла, ибо когда на верхъ его неправда снишла, то, что прочимъ смерть готовяша, самъ оной за всѣ вкуси, бывша аки злодѣй повѣшенъ на древѣ, а Евреи на смерть осужденіи, ни коего зла не страдавше, паки свободу и животъ улучиша. Тотъ же Господь мисль и Жикгмонта Кроля во благое да сотворитъ съ нами, яко же

Асверъ со Евреи, не токмо бо Жикгмонтъ не соизволи неправедно возстающіе на ни хотѣніе, но и паче во всегдашной памяти имѣющи, яко на сей степень достоинство возшедши народъ Русскій при древней свободѣ, и самъ многими права и всякія свободи нададе и да твердѣйшимъ и совершеннѣйшимъ правъ постановленіемъ всѣхъ насъ удовлетворить, день отъ дня, часъ отъ часу отлагаше; аже по кончинѣ его, плача достойной, намѣреніе наше своего не воспріять конца. Того ради нинѣ убо Преосвященнѣйшіе, Ясневелможніе, милостивіе, духовнаго и мірского чину Презацной Корони Полской и Великого Княженія Литовского Сенаторове, смиренно просимъ, разсудите, где узрите яснѣе солнца, что отторгшаяся отъ Православія Русь, такъ недостойне до правъ и свободъ нашихъ касается, яко иногда за Соломона лживая и притворная мати ко дѣтищу, еже разсѣщи на двѣ части оного не возбраняше. Призрѣте милостивнимъ окомъ и ви Ясцевелможніе Велможніе П. П. послове обоего народу вси сія дорочнія наша дѣйствія, отъ року 680 даже до року 1510 творимая, коликія законоположенія, якія свободи, начеише отъ Владимера Князя Российскаго, Самодержца Ярослава Владиміровича, Мечислава, Казимира Короля Полского, Ягелла Князя Литовского, а потомъ Короля Полского, Владислава Ягелловича Короля Полского и Венгерского, Александра Казимировича Короля Полского и Князя Литовского, блаженнія памяти продкомъ нашимъ Руского народу бяху нinfaданнія, а нинѣ вся суть отята. Отверзѣте убо двери милосердія толкущимъ намъ, дадѣте или паче отдадѣте просящимъ со слезами прежнюю свободу, послѣдуйте стопамъ своихъ антецессоровъ, и по-

слѣдуйте, подражающе великому ихъ на насъ респекту, соизволите изволенію Пресвѣтлѣйшого Жикгмонта Третего и еже онъ многократнимъ обѣщаніемъ и словомъ, Вы дѣломъ на семъ главномъ соборѣ Велможностей Вашихъ совершите, всѣмъ нашимъ озлобленіемъ и обидамъ конецъ дающе. Да яко же иногда въ ковчегѣ къ Ною голубица въ знаменіе изсякшей води сучецъ масляній принесе, и ми въ домъ къ позосталой братіи нашей во знаменіе, яко отъ народа Россійского изсяче вода озлобленія и отящася волни обидъ, аки сучецъ маслиній овую вождѣленную во устѣхъ принесемъ пѣснь: *нинѣ отпущаеши раба своего Владико зъ миромъ и прочая*

Но ниже симъ что Козаки у Поляковъ успѣша; но обаче превозможе бѣда цѣлой Украиии у милостивого Пана, написалъ бо Кроль ко Барабашу, еще тогда Козацкому Асаулу Енералному будучому, епистолію за своимъ знаменіемъ Кролевскимъ сице: »*аще есте Козаки воини храбріе, мечь и силу имате и что вамъ по себѣ стати возбраняетъ*«? Сію епистолію Барабашъ не яви никому о ней; ово яко Ляхомъ прихиленъ бяше, ово яко своей користи токмо искій, изволяше самъ во благихъ жити, а о войску не радяше ниже обидѣ людской. Хмелницкій же, о томъ Кролевскомъ писаніи увѣдавъ, мисляше якъ би у Барабаша сію епистолію взяти и войску Козацкому явити. Таже женѣ Хмелницкого тогда отроча родившой, моли Хмелницкій Барабаша да отрочати его воспріемникъ отъ Крещенія будетъ, на что изволи Барабашъ и по Крещеніи отрочати въ Суботовѣ у Хмелницкого егда вси подвеселиша Барабашъ, уже за друга Хмелницкого себѣ имѣяй, сказалъ о томъ Хмелницкому о

предпомянутомъ писаніи Кролевскомъ, и гдѣ сокровенно бяше. Той же все то слагаше въ сердци своемъ и егда Барабашъ на крестинахъ упився, успулъ крѣпко, Хмелницкій взѣмъ шапку, поясъ и перстенъ Барабашовъ, вѣрного своего посла къ Черкасамъ до жени Барабашевой о той хитрости невѣдущой. Она же даде посланному оное Кролевское писаніе. Съ тимъ писаніемъ зъ Черкасъ до Суботова егда посланній возвратися и писанію Кролевскому прочтену бышу и другому на робленіе суденъ воднихъ, данному Кролевскому зичливцу, Козаку знатному Иляшу Переясловскому; и по вичитаню онихъ привиліевъ отвѣтъ вси веемши Козаки согласенъ побѣгоша за пороги зъ Хмелницкимъ. Року 1647, Декамврія 7, бысть свѣдомо Хмелницкому, яко Николай Потоцкій, Гетманъ Коронній, повелѣ Кречовскому яти Хмелницкого и смерти предати; о чомъ извѣсти Хмелницкому Кречовскій, Полковникъ Переяславскій, пославши ему тайно писаніе о немъ Гетманское. Отсюду разумѣвъ Хмелницкій, яко о немъ промислъ Лядскій погубити, не дожидая горшого, первѣе въ островъ Бучки, таже убѣже въ Рогъ Микитинъ, идеже обрѣте триста Козаковъ, имъ же все о себѣ сказалъ, и что о Козакахъ Ляхи промишляютъ и что творятъ за обиди не токмо Козакамъ, но церквамъ Божіимъ. О чесомъ слишавъ народъ на Украинѣ отъ всѣхъ градовъ стѣкашеся, аки рѣки ко Хмелницкому въ луги Днѣпровіе; понеже на Запорожжю не моглъ войска собирати за залогою, которая зъ Полковниками Лядскими и жолнѣрами посполу между Запорожцями зоставали, и аще видѣлъ яко добре промислъ строится, еднакъ до Коронного Гетмана килка разовъ отписалъ отъ себе вимовляючи, на Чаплинского жалячися

просилъ суда; но на то не токмо суду, но и отвѣту отъ Гетмана не получилъ. Потомъ мусѣлъ удатися до Татаръ, а перво на Запорожу будучихъ на залозѣ жолнѣровъ Полскихъ и Нѣмцовъ виколол, потомъ посла въ Кримъ ку Исламъ-Герею Хану помощи прося. Ханъ же и имѣяше гнѣвъ на Кроля, яко урочную дань удержаша отъ себе ему Ляхове, но не хотяше меча на Ляхи понести донелѣ же не извѣститъ первѣе вини, чесо ради брань быти хощетъ. Но въ то время предстояше Хану Мурза Тугай Бей, въ воинствѣ зѣло храбръ и славенъ, иже не всяко повинновашеся къ Хану, но аки самоудѣленъ зъ своими Татари живяше, на того Ханъ шутя указалъ рукою, повелѣ просити Козакомъ во помощь; прежде бо сего, яко за едно лѣто, Тугая Бея Козаки зъ его Ордами на нѣкоемъ мѣстѣ побѣдиша, тое вспомянувъ Тугай Бей первѣе Козаковъ злословяше яко враговъ своихъ, послѣди щастю то испоручивши, обѣщался Козакамъ въ помощь, и мѣсто урочное показавши, где имуть брань свести Козаки зъ Ляхами; къ Хмелницкому отійдоша посли зъ добрими вѣстями.

СКАЗАНІЕ О ПЕРВОЙ БРАНИ КОЗАЦКОЙ НА ЖОЛТОЙ ВОДѢ ЗЪ ЛЯХАМИ.

Съ таковими вѣстми отъ Татаръ егда къ Хмелницкому Козаки возвратишася, услишано то по всей Украинѣ и радовахуся, яко избавленіе Господне людемъ своимъ отъ Лядскія неволи. День же отъ дне Козацкое умножашеся воинство, о чесомъ слишалъ Гетманъ Коронній Павелъ Потоцкій заповѣда всѣмъ Полскимъ воямъ и Козацкимъ ре-

естровимъ и полководцемъ бытп готовимъ Хмелницкого имати, но Богъ не даде ему пособія, аще бо и вскорѣ прійде со многою силою ко граду Украинскому Черкасамъ (*); по неволею теста въ немъ, яко зима прійде. Зимѣ же мимошедшей и теплотою солнца Днѣпру и всѣмъ рѣкамъ растаявшимъ, да скорѣе Хмелницкого имуть, заразъ повелѣ реестровимъ Козакамъ Днѣпромъ итти зъ Барабашемъ чолнами, присягою вѣрности ихъ утвердивши, и Нѣмецкую пѣхоту до ихъ суденъ воднихъ посади и сина своего Степана зъ Комисаромъ Козацкимъ; зъ которими войска Коронного тисячей шесть опрочъ Козаковъ полемъ виправилъ, приказавши имъ просто итти на Запороже до Сѣчи, и осадивши Хмелницкого зносити зъ войскомъ его до щенту, или аки зайцовъ по полю разогнати, хотя ту побѣду и славу сину своему написати во вѣки. А сами Гетманове зъ войсками Коронними и зъ тяжарами войсковими и пѣхотами по малу ишли въ тропи, не вѣдуще какая бѣда хощетъ имъ быти. Но Хмелницкій, не дожидая войскъ Коронних до Запорожя и хотя обновити прежнихъ Козаковъ славу, еже что имѣ Козацкой сили отъ луговъ, яко храбръ воинъ въ поле изійде на Жолтія Води, ждуще добра себѣ лова, и не на силу, но на Бога уповаше. Такожде и Ляхи храбро идяху, мняще Хмелницкого до пришествія побити и всю Козацкую силу постидити во вѣки, не вѣдуще, яко и онъ готовъ къ брани, а отъ Господа помощь. Но прежде даже оба полки не снійдошася, особого посла Хмелницкій къ Днѣпру до реестро-

---

(*) Противъ этихъ словъ на сторонѣ написано: по Воскресеніи Господнемъ, въ то бо року (Воскресеніе) бѣ купно зъ Благовѣщеніемъ.

вихъ Козаковъ Ганжу, возвѣщая имъ о своей силѣ и о Татарахъ, и повелѣ глаголати имъ: *чію кровъ идутъ разливати, не братіи ли своей, ихъ не едина породи мати Украина? По комъ достоитъ имъ побораmи по костеламъ ли, или по церквамъ Божіимъ, породившимъ насъ и воспитавшимъ отъ крещенія духовнѣ? Коронѣ ли Полской пособити хощутъ, яже неволею мужество имъ заплатила, или матери своей Украинѣ, яже свободою дарствовати хощетъ?* Се реестровіе Козаки слишавше всѣ шесть тисящъ яко единимъ сердцемъ и мислію воставше. Первѣе своего Гетмана Барабаша копіемъ Филонъ Джечелей пронзе спящаго. Той бо Барабашъ по Ляхахъ побиряше, таже всю старшину и полководци Лядскія съ хоругвами въ Днѣпръ потопивше, сами всѣ зъ драгоніею Нѣмецкою, зъ ними на водѣ будучою, прійдоша къ Хмелницкому въ помощь; которихъ видячи братій своихъ при Хмелницкомъ войска Козацкіе будучіе зъ Коммисаромъ Козацкимъ при войскахъ Коронниxъ, и драгонія Полская въ Нѣмецкое платѣ и риштунки прибраная, значнимъ грономъ оторвавшися отъ Ляховъ и измѣнивши, до Хмелницкого пристали. Сеже видѣвъ Хмелницкій радъ бяше зѣло, и началъ своихъ утверждати глаголя: *Братія и молодци славного Запорожского войска! Се прійде время, пріимите оружіе и щитъ вѣри, имущи помощника Бога, не устрашайтеся гордостной Лядской сили, не убойтеся сверѣпства и страшилищъ отъ кожей лямпартовихъ и перьевъ трусевыхъ устроенныхъ; помяньте преждебывшихъ воиновъ Украинскихъ, яже аще и невѣрни бяху, но мужествомъ своимъ всѣ страни обношаху страхомъ. Тогожде древа*

есть вѣтви и храбрихъ воиновъ синове покажете мужество. Вамъ напишутъ навѣки (по Бозѣ) славу, а надежда на Бога не постидитъ вы! Тако Хмелницкому войско Козацкое утверждающему мужественно стати противу Ляховъ къ брани. Енералъ синъ Потоцкого Степанъ, видѣвъ аки львовъ на себе Козаковъ зъ Татари, послалъ нѣкоего Яска съ списаніемъ къ отцу своему, тому о надходящей бѣдѣ своей возвѣщая; но Татаре посланого емше, приведоша подъ Лядскіе (*) полки и посланика и писаніе, что въ немъ бѣ написано являюще, и въ то время началась брань, и бысть сѣчь велика. Видѣвше же Ляхове, яко сила ихъ изнемогаетъ, начаша въ бѣгство обращати плещи; но Потоцкій началъ утверждати, да понеизволятъ на брани воинскія умерети; нежели, въ бѣгство претворшеся, уподобитися распуженнимъ овцамъ и бити снѣдь, аки звѣремъ противнимъ. Тими словеси опрошася Ляхове паки, и валяхуся аки снопи отъ меча противнихъ, а въ семъ паде дождь велій и вся оружія огненная омочи и приведе ихъ побѣдѣ послѣдней, что принуждени таборомъ рушити оборонною рукою къ Княжимъ Байракомъ, ближачись къ городамъ; но Хмелницкій, заславши передомъ Козацкую пѣхоту у Княжихъ Байракахъ, казалъ рови копати, до которихъ пришедши таборъ войска Полского змѣшался, а Татаре и Козаки на обозъ нападше разграбивша, и самъ Потоцкій два рази устрѣленъ падъ скончася, и все войско Полское въ плѣнъ взято. Взяли же Татаре тамо Сапѣгу и

(*) Должно быть *Козацкіе* полки, какъ и сказано въ одномъ позднѣйшемъ спискѣ.

Шемберка, Чернецкій и Гродзѣнскій Хмелницкому достались, Ѳома Улѣнскій, Иванъ Хребтовичъ Новгородскій Воевода, Христофоръ Хелмскій, Гаврило Баллацкій, Малицкій и Семигродскій великородніе панове; такожде и все Полское войско, едино мечемъ убіенно, а другое въ плѣнъ Татарами заведено; и отъ такъ многого войска въ той брани единъ токмо Маркъ Гдешинскій убѣже, но и той раненъ, что ся стало року 1648, Мая 2.

О ВТОРОЙ ВОЙНѢ И ПОБѢДѢ КОЗАКОВЪ НАДЪ ЛЯХАМИ ПОДЪ КОРСУНОМЪ.

О таковой погибели и убіенію всего войска Лядского, егда возвѣсти Потоцкому Гетману Марко Гдешинскій, яко Козаки зъ Татари надъ Поляками, мечемъ побивши и въ неволю всѣхъ веземши, побѣду носятъ и надъ самимъ Генераломъ Потоцкого сыномъ смерть тріумфуютъ, за булаву заступъ ему въ руки давши; ужасеся самъ Гетманъ Потоцкій и Полній Калиновскій, такожде и всѣ полководци и все Лядское воинство и не оста въ нихъ сили, яко трава или цвѣтъ отъ мразу, егда по нощи зимной солнце возсіяетъ. Не вѣдуще что творити, и, сами тѣхъ же надѣющеся честей вскорѣ, собрашася вколо вси полководци и совѣтоваху, како би чаемой бѣди изійти; и на томъ совѣтъ свой утвердиша, да идутъ подъ Корсунь ближае къ Полскимъ краемъ, да скорѣе помощъ стяжутъ, и яко яшася пути пришедше надъ Рось, сташа отъ Стеблева въ милѣ въ полѣ ровномъ и оборонномъ. И се во вторникъ приспѣша Та-

таре и Козаки съ поля до Ляховъ въ гостину, и, крикнувши великимъ воплемъ, битися начаша, а занеже Ляхи стояху въ окопѣ, не можаху Татаре и Козаки Ляховъ одолѣти, (понеже не было Козаковъ и Татаръ болше надъ тисячъ пятнадесятъ, но ставше на горѣ на самоборство Ляховъ визиваху. Въ то время яша нѣкоего Козака Ляхове и приведше предъ Гетмановъ вопрошаху о силѣ Татарской и Козацкой, плѣнникъ оній, хитръ сущи и премудръ имѣя разумъ (а подобно яко отъ Хмелнипкого наученъ), сказа пятъдесятъ тисячъ Татаръ быти зъ Тугай Беемъ и Ханъ вскорѣ со всею силою будетъ, а Козаковъ безъ лѣчби; что слишавши Ляхове яша вѣру и страхъ паде на нихъ тяжекъ, яко вси унили и руки имъ ослабѣша и разумъ отступи отъ нихъ, ибо боящеся не токмо силу Козацкую слишавше, но глада и облоги, и усовѣтовавше яшася пути на проломъ обозомъ, но и здѣ имѣяху Козака, путь имъ показующа; и тако идяше обозъ зъ ридвани у осмъ лавъ, а пѣхота и Капитани, такожде и слуги зъ мушкетами около обозу, а Гетмани по обѣихъ сторонахъ зъ ѣзднимъ войскомъ. Но Козаки припавши зъ самопалами, въ примѣръ огню давши, коней въ возахъ много побили и пѣхоту Полскую воспятили крѣпко, яко и не хотяше вси отъ мала до велика, зсѣдше зъ коней пѣхотою зъ Козаками брань творяху, и въ томъ бою едва увойти возмогоша полмили, огнемъ зъ Козацкихъ самопаловъ и мечемъ Татарскимъ открити. На болшую же пагубу Козакъ, водяй имъ дорогу, нарочно наведе Лядскій обозъ на долини и вертепи и блато; зде видѣвше Ляхи свою бѣду и конечную погибель, силою обозъ свой начаша преводити, бысть же яко едини на гору, другіе въ болото

начаша входити; Хмелницкій посла напредъ Козаковъ шесть тисящъ, и закопавши Ляхомъ путь, а отъ странъ древіемъ засѣкше, засѣли въ тѣхъ закопахъ. Поляки же, о томъ не вѣдуще, нуждою идяху, и яко бѣху едини на горѣ, другіе въ болотѣ Лядскіе вози осташа; тѣмъ временемъ Татаре зъ Козаками скочивши мужественно на нихъ обозъ розгромиша. Калиновскій разгнѣвася зѣло, стоя зъ войскомъ на лѣвой стронѣ, егда же и тому рани даша, смирися и начатъ мира и живота просити. Прочіе же наконецъ начаша утѣкати, и собираху ихъ аки снопи Козаки и Татаре, понеже и слуги держачи кони панскіе и за панскими упадуючи головами, сами себе хотячи избавити, на тіе жъ конѣ повсѣдавши утѣкали, еднакъ и тихъ мужики по лѣсахъ зловили, такожде и прочіе полководци Полскіе у Козаковъ и Татаръ живота прошаху. И тако Козаки, побѣдную пѣснь Богу воспѣша, начаша користи Полскія брати, Татаромъ же плѣнъ остася, имъ же плѣниша двохъ Гетмановъ Потоцкого и Калиновского, Козановского, Одриволского, Балабана, Бекчановского, Хмелецкого, Комаровского, Ясколского, Ковалского и инихъ многихъ полководцевъ (*) и Капитановъ,

Которіе пришли, Хмелницкого аби поймали,
Лечъ сами въ неволю бѣсурманскую впали.
Поихали бучно до Криму ридвани,
Зъ совѣтниками обои Полскіе Гетмани,
А вози скарбніе Козакомъ остали,
Абы худобу свою полатали.

(*) Въ другихъ спискахъ *Полковниковъ.*

Хотѣли Ляхи зъ Козаковъ славу мати,
Ажъ Богъ далъ тому, хто ся вмѣетъ смиряти;
Той вознесъ нинѣ смиренныхъ Руснаковъ;
А гордихъ зъ престола низложи Поляковъ,
Богатихъ тщихъ отпусти до Криму,
Хотѣвшихъ Русси наклонить до Риму.

СКАЗАНІЕ ЧТО БЫСТЬ ПОТОМЪ И О ПОБѢДѢ НАДЪ ПОЛЯКАМИ ПОДЪ ПИЛЯВЦЯМИ.

Побѣдивши Хмелницкій Ляховъ потяглъ зъ Козаками и Татарами подъ Бѣлую Церковь, маючи всего войска пятнадцать тисящъ, и о руинѣ Лядской неби не увѣрялся, а щастю своему удивляючися наболшіе войска наджидая, котораго ежедень прибывало безъ лѣчби; и розмишлялъ долго, якимъ концемъ Ляхомъ пѣснь початую кончити. Но Ляхи розумѣли, яко би Козаки не умѣютъ звитяжства ужити, понеже дотоль не идутъ внутрь Полщи за Ляхами. Хмелницкій же собравшися на болшіе войска, чрезъ тотъ часъ роздѣлилъ оніе на полки, поставилъ въ нихъ Полковниковъ, Полковую Старшину, Сотниковъ и Атаманію Куренную, потомъ пусти Татарскіе загони отъ Горѣня, Забужжа, даже подъ Константиновъ, а самъ зоставши въ обозѣ написалъ до Кроля суплѣкою кривди Украинскія и пославъ до Варшави трема Козаками старинними: Григоріемъ Богданомъ, Вишнякомъ и Мозырою, которую суплѣку, о чомъ написана, судихъ зде положити за вещъ благопотребную.

Найяснѣйшій, незвѣтяжоній Кролю и прочая.

Подданства, вѣрности и Козацкіе наши услуги, якъ смиреннѣй Вашему Маестату приносимъ. Любо то многажди тяжкіе скарги войска Запорожского уши Ваши Кролевскіе отягощали, еднакъ на улжене утисковъ нашихъ жаднихъ отписовъ Вашихъ Кролевскихъ доселѣ не видимъ и отдохновенія отъ злихъ не имѣемъ. Теперъ знову отъ Пановъ и Старостъ Украинскихъ тяжчае Турецкого отягощени. Въ чемъ упованіе на Бога и надежду въ облегченіи злихъ нашихъ въ милости Вашей Кролевской покладаемъ. Отъ многихъ убо временъ обиди поносимъ, злодѣтелства же и досади, и не токмо на добрахъ нашихъ (которіе зависть возбуждаютъ), но и на волнихъ тѣлахъ насиліе претерпѣваемъ. Старинніе поля или виробленніе ниви, отчины, гумна, мелници и Козацкое що колвекъ къ уподобанію есть, видираютъ; отбираютъ бидло, одесятствуютъ пчоли, послѣдніе кони, которими войску служимъ, одіймуютъ. А скаржитися не годится: прозбу за гординю, жалобу и слезы за бунти имѣютъ; полни Козаковъ темници, иніе же явнія терпятъ узи на тѣлѣ, а иніи безъ жаднои вини, хиба за маетности наши, смерть поносятъ. Коммисаре войска нашего, вмѣсто заступниковъ горкіе суть намъ продавци; а еще намъ бѣднимъ на конечную бѣду отъ Пановъ нашихъ Украинскихъ на арендахъ насланій проклятій родъ Жидовскій новія дачи и здирства винаходитъ, и тымъ, кгди отъ имѣній нашихъ наполнятся хитростно вини на насъ наводятъ, яко имъ же старости подаютъ насъ на убійство. А когда бысми похотѣли до

Вашего Кролевского Маестату зъ жалобою удатися, то узи и мечи намъ готуютъ. Чого не могучи болѣе терпѣти, послѣднею бѣдою изъ домовъ нашихъ изгнаны, оставивши жони и дѣти, о животѣ нашемъ умишляти мусимъ, не иначей же тилко за пороги удаемся, откуду и прежднie старшie наши Кролевству тому и Найяснѣйшимъ Кролямъ чрезъ килка сотъ лѣтъ поволность и услуги войсковie, значнie и явнie свѣту, освѣдчали; но ни тамъ безпечное прибѣжище имами гдижъ на убійство ищутъ насъ, яко неволниковъ послѣднѣйшихъ, а не яко воиновъ Кролевскихъ Вашихъ. Свѣдителя Бога призиваемъ, яко отъ услугъ повинпихъ не отступаемъ ни на единъ палецъ, а же насъ Велможній Кашталянъ Краковскій Великій Гетманъ Коронній Потоцкій и за порогами безпечнихъ не оставлялъ жити, албовѣмъ собравши воинство великое преслѣдуетъ и ищетъ невинной крови, донели же не погубитъ имя и родъ Козацкій. Для того отъ великой нужди не вѣдуще, что творити, мусилисмо у Кримского Хана, противу тому злому прибѣжища просити, якожъ помстою Божіею, и сирое ведле сухого мусѣлъ огнь палити, а начало тому злому албо вину толикому убійству кому написати Божію оставляемъ суду. Теперъ войску Запорожскому, до ногъ Вашихъ Кролевскихъ упадаючому, вину оставити просимъ, кгдижъ свѣдителствуютъ вѣрнie противу бѣсурманъ прежднie войни, яко тое воинство всегда у вѣрности Вашему Кролевскому Маестату и въ послушенствѣ будетъ зоставати; и аще ли кое прегрѣшеніе наше, услугами то нагородимъ. Молимъ же, даби привилея при цѣлости своеи отъ Васъ Найяснѣйшого Кроля, войску Запорожскому наданнie нерушими пребывали; о що просячи до

стопу ногъ Вашего Кролевского Маестату упадаемъ. Дата зъ замку Бѣлоцерковского, 2 дня Іюля, року 1648.

Богданъ Хмелницкій, старшій войска Запорожского.

На сіе посланіе донелѣ не возвратишася зъ Полщи зъ отвѣтомъ пословѣ, а послишавше Хмелницкій, яко множество многое въ Нестерварѣ мѣстѣ на Подолю затворися Жидовъ и шляхти, гдѣ и жолнѣре, подъ Корсуномъ недобитіе втекше, ту же затворися, абіе послалъ Полковника Ганжу зъ войскомъ мѣста добывати, въ помощъ же ему еще Остапу Полковниковѣ предуготоватися повелѣ. Егда же пріиде воинство Козацкое предъ мѣсто, где и Князь Четвертенскій бѣ въ осадѣ, шляхта, не возмогше противустати, сотвориша миръ зъ договоромъ, да откупъ дадутъ и Жидовъ нжденутъ изъ града; на что сонзволи шляхта. Козаки же, окупъ веемше, Жидовъ всѣхъ (аще имъ чрезъ дній три на зарезъ головъ своихъ и не давали) посѣкоша. А егда возвращахусь къ своимъ, стрѣтеся Остапъ Полковникъ зъ воинствомъ, а видячи въ нихъ многіе користи рекъ, да раздѣлятъ зъ нимъ ону, на что егда не сонзволи Ганджа, Остапъ нападе на мѣсто, и зажгоша Козаки башту зъ порохами и замокъ взяша, и всѣхъ до единого изсѣкоша, гдѣ и Князю Четвертенскому егожъ рабъ секирою усѣче главу. Изъ такъ великого множества шляхти, една остала жива Княгиня Четвертенская, юже дано Полковникови Остапу. То слишавше Ляхове не надѣющеся болше на мѣскіе остроги, що живо кинулись за Вислу у ноги.

Въ тихъ часѣхъ Іеремѣй Вишневецкій, послишавши зъ

Лубенъ, зъ войскомъ своимъ и съ всѣмъ дворомъ, заплакавши по маетностяхъ, до Полщи рушилъ, и въ Любечѣ Днѣпръ переправивши, Княгиню свою до Вишневця отослалъ, самъ же зъ войскомъ до Погребищъ пойде, гдѣ мѣщанъ и свѣщенниковъ, ничто же согрѣшившихъ, повелѣ на палѣ позбивати, и ку Немерову пойде и, тамъ обозомъ ставши, послалъ воинство до мѣщанъ по кормъ. Посланіи же, до вратъ градскихъ пришедше, егда узрѣша врата затворенни, вскачили чрезъ валъ, и людій посѣкше возвратишася до Князя. Той же о Кривоносѣ вѣсть взявши отступи воспять. По семъ зъ Кривоносомъ Вишневецкій много росправляхуся бранію, и не безъ кровопролитія бѣ на обѣ сторонѣ. Егда же подступи подъ градъ Росоловци, дано вѣсти яко отъ Кривоноса Баръ взятій, аще и бяше тамо Андрей Потоцкій, сиповецъ Гетманскій, зъ войскомъ своимъ; но Максимъ Кривоносъ пришедши зъ Козаками найшолъ отъ мѣщанъ градскіе врата отворенни (понеже имъ Ляхи бяху зѣло тяжки) и, впадши въ мѣсто, Ляховъ изсѣче всѣхъ, замокъ взявъ, гдѣ самого Потоцкого тилко живого остави, а инныхъ всѣхъ посѣче мечемъ на главу, самихъ Жидовъ болѣе пятнадцятъ тисящъ въ Бару побіенно. О чесомъ Князь Вишневецкій, у Збаражу услишавши, пойде до обозу своего подъ Чолганскій Камень, а Княгиню свою до Бѣлого Каменя отосла, которая раздѣляющися зъ плачемъ поднесши зѣницѣ въ небо рекла: *»о каменніе! Коль далече за Вислу границу намъ замъраетъ«?* Посемъ совокупи Вишневецкій зъ Гетмани Домѣннѣкомъ и Фирлеемъ, и всѣ тіе три единъ на другого совѣтомъ и славою хотѣша превознестися; абые бываетъ старшихъ много, тамъ воинству нездо-

рово и врата отворенни до злого, ибо каждій старшій хощетъ совѣтъ свой вознести надъ другого.

Въ то время Хмелницкій зъ воинствомъ пойде, и сталъ на Каплинцяхъ, и егда возвратися Козацкое воинство, Кривоносъ отъ Камѣнца Подолского, а Колодка отъ Олики, пойде и Хмелницкій, и подъ Пилявою мѣстечкомъ сталъ обозомъ, где и Ляховъ прійде шетьдесятъ тисящъ до бою, а слугъ, у риштунки военніе добре прибранниxъ, бѣ у нихъ утрое. Всѣ же тіи вибѣрахуся аки на веселіе, отъ злата и сребра палающе, не надѣющися, аби мѣли зъ Козаками на гунѣ и рядна тіе преизрядніе богатства и презенти помѣняти, понеже Ляхи Козаковъ плѣтми разгнати за приходомъ надѣяхуся. Егда же отъ Константинова идяху Ляхове, отялъ имъ абіе Богъ разумъ, ибо всякъ идяше, гдѣ хто хотяше, безъ чину, занеже Хмелницкій завременно всѣ добріе мѣстца своимъ войскомъ осади и добре распоряди. Полскіе же Гетмани Домѣникъ и Фирлей и Вишневецкій зъ войскомъ своимъ осѣли гори и долини, а отъ Константинова Кривоносъ сталъ надъ Пилявою обозомъ, Хмелницкій же зъ другой сторони рѣчки у греблѣ, но ту нарочно разгрузиша, еще къ тому шанецъ содѣлавше, и тамъ войско осадиша зъ двѣма арматами, что Лящъ зъ Корецкимъ Княземъ видѣвши свершиша Пилявку рѣчку, и не надеждно на чернь удариша зъ шанцовъ Козаковъ изгнаша и всѣмъ войскомъ смутиша. А увѣстившися Ляхове зъ языковъ Козацкихъ, яко войска Козацкого неищетно и Ханъ нинѣ или утро будетъ зъ Татари, пріяша страхъ великъ; вѣсть бо еще нѣякая между ихъ внійде, аки би Хмелницкій со всею силою Козацкою обозъ Лядскій найти хощеть.

Того ради Ляхове всѣ сташа въ строю, аки до брани, убо въ мимошедшіе дни оба войска забавлялися токмо самоборствомъ, где многіе Козаки зъ обозовъ своихъ противу Поляковъ на румакахъ добрихъ и въ шатахъ при риштункахъ дорогихъ, въ Поляковъ добутихъ, отважне на самоборство віездячи, школу рицерскую въ подивлене и послѣдній страхъ Ляхомъ отправовали. Зъ межи которихъ и Ганджа, Уманскій Полковникъ, пописуючися славно, килканадцатъ герцевниковъ Полскихъ забилъ, потомъ и самъ пяній за зухвалствомъ и за неосторожностю отъ Волошина убитъ, а въ томъ оба войска мракъ окри великій, ибо чрезъ весь день въ полю войско Полское строемъ стояще, Козаковъ на общую войну не дождали.

Посемъ уже въ таборъ зъ поля егда Ляхове сходити начаша, и се услишахуся бубни и сурми и арматъ стрѣляне въ Козацкомъ обозѣ, и не имѣюще о томъ язика мнѣша, яко Татаре прійдоша; еже бысть тако, ибо прійдоша въ полупощное время четири тисячи толко Татаръ зъ Карабчеемъ Мурзою, зъ ними же Козаковъ въ Татарское одѣяніе килканадесятъ тисячъ повелѣ Хмелницкій одѣяти. И сему тако бывшу повелѣ во утріи крикнути: *»галла, галла«*, и страхъ пусти Ляхомъ въ очи и начатся сѣчъ великая. А которіе Козаки бяху на той station греблѣ, тіи нападоша на шанцѣ Лядскіе, где въ помощъ прибѣгоша своимъ гусаре и такъ ся собою смѣсили сами, яко блото при копіяхъ будучими пропорцами устлаша. А тѣмъ временемъ Козаки Лядскіе взяша зъ арматою шанци, въ нихъ же Ляховъ изсѣкоша, такожде и ездніе хорогви. Полкъ Сендомирскій и Виговского Кашталяна, полкъ Волинцевъ зъ Киселемъ, и Тарновскій зъ Карховскимъ не

токмо отъ Козаковъ погибе; но и самихъ полководцовъ посѣкоша въ той брани. Егда всѣхъ нощъ покри мракомъ, абіе воста страхъ и трепетъ между Ляхами въ обозѣ, аки би Гетмани ихъ побѣгоша зъ обозу, и что имѣяху вступнимъ боемъ вспять ити подъ Константиновъ, то начаша зъ обозу утѣкати, единъ на другого »стойте« возиваетъ, а тимъ часомъ, здоровье и животъ ночамъ повѣривши, каждій утикаетъ. Самъ Князь Вишневецкій хотѣвъ стати, но и онъ далѣй спустивъ паросъ той нещастливой бурѣ; ибо невѣдуще другій той справи, нуждею зъ становискъ своихъ рвахуся, зброи и копіи о землю метаху, токмо быся коня другій допавъ бѣжитъ, якъ безъ очій далей, чтобъ не остался, и раненихъ повергоша, и возки скарбніе и ридвани и що тилко дрогихъ имѣній Ляхи имѣти, то все оставивши Козакомъ на жакъ, тимъ ихъ затримали поки сами далей умкнули. Что видяху Козаки не вергошася на користь, скоро мняще въ томъ лесть Лядскую быти, ибо Полское войско такъ было предражайшое въ корогви, древка и гелми золотіи, конѣ въ ронди прибраніе, же отъ злота палали тарчи, пуклери, форди, бунчуки, палаши, концере, такожъ намети злотомъ гафованіе, кредевси щирого сребра, стали дивной штуки Нѣмецкой, же нѣкогда квѣтнѣйшихъ, а нѣ въ людей и конѣй предъ тимъ витворнѣйшихъ свѣтъ ихъ не зналъ. Понеже что колвекъ Полска вся фортуна и достатковъ и оздоби давней мѣла, такожъ и квѣту славного шляхетства, то на Жолтой Водѣ и подъ Корсуномъ и подъ Пилявцями на свою сромоту стратила; ибо когда зъ подъ Пилявецъ Гетманове и все панство Полское зъ войскомъ тилко утекли, то зоставили Козакамъ на грабованіе сто тысящъ фур-

мановъ кованихъ, а всѣ накладованни премногими богатстви, подъ которими кто можетъ изшацовати, конѣ, тяжари, челядь, которая вся, же ихъ пани ратовати не могли, мусѣли подъ мечъ дати своя горла, ибо всѣ для презентовъ що колвекъ зъ бору и съ плендору зъ домовъ старожитнихъ въ нихъ было (паветъ и зъ худшихъ отчистую субстанцію и заслугу) все тамъ позволили. Потомъ Козаки, видячи Ляховъ, праведно утекшихъ, кинулись до жаку и взяли братъ безъ браку: рисѣ, пупки, соболѣ, спряти кокоевіе, обитя и начиння отъ злота и сребра столовое, ванни, конви, имбрики, мѣдници, наливки, пашти, цукри, фарини, клѣіоне, поливки и иннихъ не скончонихъ пребогатихъ запасовъ, до помпи и видоку надлежащихъ; понеже Поляки не яко на войну, але неби на веселе албо на банкетъ якій стройно вибѣралися, мѣючи Козаковъ самими дворянами и слугами, которихъ было безъ лѣчби, прогнавши постидити и на вѣки себѣ покорити, но сами сирицѣ у Татаръ здорожили; а которіе зъ Гетмани сами и утекли, то тилко задушенніе румаки на часъ зъ подъ сѣделъ вигрѣваючи, изъ своихъ головъ потъ отираючи и сердца отъ страху яко млотомъ тяжко біюще, мало охоложающи, гдесь за Гданскомъ, не умѣючи по моряхъ въ суднахъ плавати, умишляли себѣ отчизни искати и тамъ опочити, ажъ Князь Вишневецкій уже у Львова мало барзо щось ихъ на поли живихъ удержалъ, и, побравши зъ костеловъ сребніе крести и келѣхи и у купцевъ въ позику скарбовъ мусѣлъ дати плату, и осадивши Львовъ тимъ платнимъ войскомъ, самъ якъ найскорѣй побѣгъ ку Замостю и тамо найкоханшую свою Ксіенжну отъ нещастливой всей Полщи замѣшаной

бури утѣкаючую, нагнавши, здоровямъ своимъ надъ надежду презѣлно утѣшилъ, что бысть тогожъ року, Сентембріа 27 дня.

О СМЕРТИ КРОЛЯ ВЛАДИСЛАВА, И О КОРОНАЦІИ КРОЛЯ КАЗИМИРА, И О ПОСТАВЛЕНІИ ХМЕЛНИЦКОГО ОТЪ ВСЕГО ВОЙСКА НА ГЕТМАНСТВО, И О ПОХОДѢ ЕГО ПОДЪ ЗБАРАЖЪ, БРОДИ, ЛВОВЪ И ЗАМОСТЯ, И О ВОЗВРАЩЕНІИ ОТТУДУ.

Аще принесена вѣсть, яко Владиславъ Кроль Полскій, о таковой войнѣ Ляховъ зъ Козаками слишавъ, паде въ страхъ велій, и въ Меречѣ градѣ Литовскомъ, мѣсяца Октоврія 31, скончася. Богъ бо хотя Ляховъ болше чрезъ Хмелницкого смирити, отятъ отъ нихъ разумъ, мудрость и силу: разумъ Гетмановъ Потоцкого и Калиновского, которіе въ плѣнъ пошли до Криму; силу, которую на Жолтой Водѣ и подъ Корсуномъ побіено и подъ Пилявцями всѣ ихъ богатства Ляхами отбѣгліе забрано; мудрость Кроля Владислава, за которого мудростію Ляхи, въ волностяхъ и достаткахъ поживши, такъ распустилися, же войни и забыли, (а нѣмъ другій зброи дошаровался, волѣлъ утѣкати, нежели до меча хватался).

О чомъ Хмелницкій почувши, жаляше такъ доброго Пана, но маючи часъ погодній кривду Козацкую отмстити, позволивъ Козакомъ вся користи отъ имѣніи Лядскихъ неищетнихъ себѣ собрати, а Татарамъ плѣнихъ въ Кримъ отвести. Собравъ потомъ къ себѣ первѣй-

шихъ полководцовъ: Герасима Чорноту (*), Максима Кривоноса, Калину, Остапа, Ворончепка, Лободу, Бурляя Гадяцкого, Повкожуха, Небабу, Нечая и Тишу и совѣтоваше зъ ними о далшой войнѣ; но тіе всѣ настояху на Хмелницкого, да отселѣ озметъ честь и именованіе Гетманское по правилному воинскому достоинству, понеже булави, бунчуки, хорогви, бубни и армати чрезъ мѣчъ и отвагу свою у Гетмановъ Полскихъ завоевалъ. Но онъ всѣ клейности войсковіе при алтелеріи войсковой до постановленя Кроля нового казалъ поставити, а до себѣ взялъ токмо печать Козацкую, которую далъ Кроль Баторій въ року 1576 войску Запорожскому; на ней же бѣ написанъ молодецъ зъ мечемъ при бедрѣ, а самопалъ на плещахъ, на главѣ колпакъ перекривленій. Бысть же тамо Иванъ Виговскій, иже еще на Жолтихъ Водахъ взятъ въ плѣнъ зъ Ляхами и зъ воинствомъ Козацкимъ Ляховъ воюя, и добръ совѣтъ имъ подавая; бѣ бо мужъ мудръ и въ писаніи искусенъ. Вси же тіи полководци и рядовое воинство совѣтоваху Хмелницкову не престати отъ брани зъ Ляхами, донежели смиритъ ихъ крѣпко. И на томъ совѣту ставшу, пусти всѣ полководци зъ воинствомъ разно въ загони, самъ пойде подъ Збаражъ мѣсто и за мѣсто, и замокъ взялъ и арматъ пятдесятъ и иннихъ много въ сѣстнихъ припасовъ. Оттуду подъ Броди Гловацкого послалъ зъ двома полками, посемъ прійде Хмелницкій къ Львову; въ Львовѣ же тогда отъ народа благочестивихъ бѣ полнъ градъ облеженцовъ, яко и предъ градомъ у Бернадискомъ Кляшторѣ, тѣснота бысть отъ народа

(*) Въ спискѣ, принад. Коммиссіи *Гарасима Горкушу.*

не мала, где Бернадини, много благочестивихъ отъ Русѣ тайно побивше, полнъ кладязъ тѣлъ мертвихъ навергоша; еже увѣдавъ Хмелницкій хотяше градъ Львовъ огню предати, благочестивихъ же ради милосердова, и вземъ отъ града окупъ пойде ко Замостю начать добивати.

Въ то время Ляхи, собравшеся у Варшавѣ, Князя Вишневецкого, поставивше Гетманомъ, начали Короля избирати; и аще много Ляховъ у Варшавѣ собрася, обаче всѣ заячіи уши имѣяху, тако бо ихъ страхъ отъ Хмелницкого обійде, яко едва суха древа трескъ услишатъ, то безъ души ку Гданску бѣжаху и чрезъ сонъ не единъ рекъ: *»ото Хмелницкій«!* Усовѣтоваша же Ляхи у Варшавѣ послати къ Хмелницкому, извѣствуючи о Кролю новоизбранномъ Казимиру, и послаша ксіендза Ганцеля, которій засталъ Хмелницкого, штурмуючогося до Замостя. И скоро его таковое писаніе дойде, заразъ для самого вспомненя Кролевского Маестату учинивъ почесть и отвѣщалъ: »того и я чекалъ, абымъ мѣлъ до кого »въ своихъ тяжкихъ утѣкати кривдахъ, понеже сія насто»ящая бѣда не зъ моей причини; но зъ глупихъ Старос»товъ и изъ насилной Лядской старшини стала, ибо не на »кровъ всенародную гоню, но отъ наступающихъ на насъ »войскомъ боронюо, еднакъ слухаючи Кролевского росказаня »назадъ ся возвращаю, будучи певенъ и напотомъ скарги »моей выслуханя«. И такъ будучи найболшымъ непріятелемъ, а къ тому въ войнѣ сей найщастлившимъ предъ всѣми оказался (слушную мѣючи причину) справедливимъ, заразъ изведши стражъ казалъ въ трубу огласити енералное заутра порушеніе, ажеби Татаре по селахъ ясиру не брали, мало що у мѣщанъ окупу взявши, болше своихъ Татаръ укон-

тентовавши отпустилъ, а самъ на Украину возвратился. О чемъ когда що найскорѣй гонецъ до Варшави на сеймъ подъ самій конецъ элекціи отъ Ганцеля прибѣгъ, въ тотъ часъ всѣмъ Ляхомъ, которимъ (были гдесь далеко души забѣгли) назадъ возвратилися, и на самомъ сеймовомъ остатку заразъ начали радити, жеби конечне Хмелницкого зносити; ибо когда видѣли изъ Варшави близко огни отъ войскъ Козацкихъ и Татарскихъ горящіе, то прежде престрашенихъ не тилко не могли Гетмани на сейму до войни намовити, але и жадними универсалами до обозу ихъ разогнанихъ совокупити не примусили, а теперъ по отходѣ повинуючогося Маестату Кролевскому Хмелницкого, которого навѣки боялися, отважились зносити. Еднакъ уважнѣйшіи радили, аби якимъ колвекъ покоемъ волятъ его удержати, доколь сили Полскіе розно розсипаніе соберутъ и войска совокупятъ. Посемъ усовѣтовали, что найскорѣй послать до Хмелницкого Коммисари, давши имъ полномощную власть, если би Хмелницкій щире предъ Кролемъ смирился, то за причиною будто нѣкоторихъ Сенаторовъ отпуститъ ему вини, и для скорѣйшого ублаганя поставили потомъ послати ему отъ Кроля войсковую хоругвъ и Гетманскую булаву. А потомъ зъ великимъ страхомъ кончили элекцію, и Кроль Казимиръ на Кролевство вѣнчанъ, где заразъ стала рѣчъ о оборонѣ, понеже Ляхи не вѣрили, жеби далей отъ весни Хмелницкій имъ тривалъ.

О ПОЛСКИХЪ ПОСЛАХЪ ДО ХМЕЛНИЦКОГО ОТЪ НОВОВѢНЧАНОГО КРОЛЯ КАЗИМИРА, И О ПОТВЕРЖЕНИИ ЕГО ПРИ ДАРАХЪ КРОЛЕВСКИХЪ НА ГЕТМАНСТВѢ ЗАПОРОЖСКОМЪ, И О ПОСЛАХЪ КО ХМЕЛНИЦКОМУ ОТЪ РОЗНИХЪ МОНАРХОВЪ И ЗЕМЕЛЬ.

Егда же возвратися Хмелницкій зъ подъ Замостя на Украину, пойде въ богоспасаемій градъ Кіевъ, да воздасть Богу хвалу, давшему побѣду надъ Ляхами. Откуду изійдоша ему во стрѣтеніе всякого возраста чина люде, радостная приносяше похвали, яко свободителю по Бозѣ Россійскія страни отъ разбойного Лядского ига; тако же и вси полководци воинства Козацкого свѣтло блещащеся зъ нимъ въ запустѣлій градъ Кіевъ вхождаху, и видѣвши красоту церквей Божихъ и монастирей опустошенну и на землю опровержену, съ плачемъ поклаияхуся. Всѣмъ же Святимъ мѣстомъ поклонившеся пойдоша во градъ Переясловль, и оттуду посла въ Чигиринъ и поятъ себѣ (за позволеніемъ Цариградского Патріархи) въ жену куму свою Старостину Чигиринскую Чаплинскую, еще мужу ей живу сущу. Сія бо подъ часъ гоненія на Хмелницкого отъ Ляховъ упроси мужа своего, да испустить Хмелницкого изъ темници.

Въ томъ времени нововѣнчанній Кроль Янъ Казимиръ по прежнемъ постановленію Сенаторовъ своихъ избираетъ въ поселство до Хмелницкого Воеводу Кіевского Киселя, яко вѣри Руской зъ нимъ еднакого и здавна у войскахъ зазнав-

шагося, при которомъ еще пословъ великихъ вислано Князя Четвертенского и Пана Мясковского, Подкоморого Львовского, и Якова Зеленского, Подчашого Браславского. Презъ которихъ вси сложившеся послашаша Хмелницкому многія Кролевскія дари, даби его примирити, такожъ де короговъ, бунчукъ, булаву и привилеи на Запорожское гетманство. Сіи егда въ Переяславль пріидоша, даша Хмелницкому посланіе Кролевское и привилея на волности и гетманство, такожъ короговъ, бунчукъ и булаву; чимъ Хмелницкій не доволенъ будучи, понеже чрезъ свое на войнахъ щастя, будучи зухвалимъ похвалялся не тилко за Сяномъ и за Вислою рѣками, но и за горами, нагайками Ляховъ прогнавши не дать имъ оглянутися: *понеже ви нинѣшніе Ляхи, не яко прежніе кавалери, но подобніе зайцомъ и обезяномъ, тилко умѣете мовити много и утѣкати!* И любо много Кисель сладкою своею вимовою працовалъ, еднакъ презираючи оную часто ему казалъ молчати, а для старой зъ нимъ знаемости мѣлъ всѣхъ пословъ въ себе на обѣдѣ, и на взгарду Лядской помпи, прибравшися самъ въ дорогіе шати нугаромъ злоцѣстимъ, до пословъ Полскихъ и до жони своей новой Чаплинской, родомъ Полки, простою горѣлкою перепивалъ (которая будучи у клейноти пребогато прибрана и якобы пяна табаку въ черепку Хмелницкому ростирала). Где послове, видя о не доброй ку себѣ справѣ поступуючи линѣю по рѣку Горѣнь и мирніе договори откладаючи до весни, замишляли отъ жестокости Хмелницкого противъ имъ сами утикати.

Подъ якій часъ были послове отъ многихъ Кролевствъ, ибо тими звитяжства (за поворотомъ въ Украину) обратилъ очи

всѣхъ на себѣ народовъ, тежъ часу чрезъ свои посли розпихъ привѣтствій щастливой фортупи панесли и даровъ наслали тѣшачися зъ тоей фортупи. А якожъ и Ракоцій особной въ томъ отъ него жадалъ помощи, чесо допяти надѣялся, когда би зъ звоей сторони подъ Краковъ самъ вимѣрилъ, а Козаки ку Варшавѣ подступили, за что обѣщался Хмелницкого Удѣлнимъ Княземъ у Кіевѣ по обохъ сторонахъ Днѣпра, подъ Полщою зостаючого, Руси учинити. Такожъ Босни, Румелци изъ-за Дуная поклони ему приносили, просячи о вибавленіе яко единовѣрного подъ такое свое щастіе. Тогожъ и отъ Господаровъ Молтянскаго и Волоского Бурколаби (*) и далшихъ Татаровъ изъ-за Волги и Ногаевъ посланніе Мурзи офѣруючися и желая при его и свои класти голови и здоровіе, тожъ и чернь, називали его новимъ избавителемъ всѣй Руси и Греческого закона защитителемъ. Но и Турчинъ даючи ему титулъ — Монархою Русскимъ, прислалъ чугу, мечъ, короговъ и булаву, и приказалъ Башѣ Силистрійскому и Хану Кримскому на всякую потребу войсками Турецкими и Татарскими помощи ему давати.

Тимъ Хмелницкій отъ всѣхъ странъ обнадеженъ будучи, не учинилъ зъ Монархою Полскимъ слушной згоди, и любо Кролевскіе [великіе дари и привилеи и клейноти войсковіе] (**) отъ пословъ принялъ, еднакъ не надѣясь, жеби Ляхи опрочъ Кроля тѣхъ обѣтницъ додержали, повелѣлъ бити всего войска общей радѣ, и средѣ града оной бывшой и знаменіямъ тамо

(*) Въ спискѣ Комм. *Бускала.*

(**) Слова эти, пропущенныя въ древнѣйшемъ спискѣ, взяты изъ списка, принадлежащаго Г. Помощнику Попечителя Кіевскаго Учебн. Округа.

держащимся, возопи весь народъ: *»и тимъ хощете насъ Ляхи паки въ неволю обуздати«*, паипаче Джеджелѣй рекъ: *»еще ли ви Ляхи тъми сладкими дари хощете насъ уловити, даби зложивши мы зъ себѣ иго, паки имѣли васъ ѣздящихъ на страну, та ваша дари мечемъ, а не слови росправитися требѣ, имате Полщу, а Украина Козацкая да будетъ«.* И всѣмъ разшедшимся повелѣлъ Хмелницкій коегождо пословъ Лядскихъ поставити особно по дворѣхъ, аби зъ собою не сходилися, ни къ нему приходили. А тимъ часомъ, виправивши Джеджелѣя до Солтана Турского, началъ отъ посторонпихъ панствъ пословъ отправовати зъ такимъ респонсомъ: Великого Государя Царя Московского, яко единаго Греческого закона визнавцу, проситъ помогти отъ Лктви, упевняючи всѣ отстояти по Трубетъ повѣти, которіе, въ року 1634, на Смоленской войнѣ Москва утратила. Потомъ Венгерского посла отправилъ, тежъ когда би моглъ допяти Ракоцій корони, аби его зоставилъ при земли Руской Удѣльнимъ Княземъ и аби Кіевъ себѣ мѣлъ за Княжескую столицю. Такожъ и прочіихъ пословъ зъ розними кондиціями поотпускалъ. По чемъ Виговскій исходотайствовалъ приходъ у Хмелницкого посломъ Лядскимъ, и егда прійдоша, рече Мясковскій: »что тако, »Гетмане Запорожскій, безъ отвѣту пословъ Кролевскихъ »удержалъ еси долго, аще миръ, аще брань, буде намъ »провозвѣстна, пустити было насъ къ себѣ; нѣтъ бо такой »обичай ни въ поганъ, даби во узахъ безъ вини пословъ »держати«. На сіе слово Хмелницкій помолчалъ; таже earlier взем"

Наияснѣйшому Кролю Казимѣру.

Имя и память и слѣдъ Унѣи, которую по Руси широко видимъ, да не будетъ.

Римскимъ костеломъ до времени, а Езуитскимъ не быти заразъ.

Митрополитъ Кіевскій по Примасѣ въ Сенатѣ мѣсто да имѣетъ.

Между Русю Воеводи, Кашталяни и инніе по преждихъ Кролей наданю отъ благочестивихъ туболци да будутъ.

Войско Запорожское, якъ много есть по всѣй Украинѣ, при своихъ волностяхъ давнихъ да будетъ.

Гетманъ Козацкій до самого Маестату Кролевского нехай надлежитъ.

Жиди зо всѣй Украини нехай уступуютъ.

Іеремѣй Вишневецкій рейментарства надъ войскомъ Козацкимъ нехай никогда не имѣетъ.

Хто малъ нинѣ, той утро великъ знай бываетъ
Щастемъ, и паномъ мощнимъ право раздаваетъ.

Сіи стати Воевода прочетъ стиснулъ плечима и дасть прочіимъ чести, которіе созрѣвшеся (*), рекоша: »Не помишляеши надходящихъ, Гетмане Запорожского войска, за приходомъ настоящихъ (**), но своимъ или нашимъ нещастемъ »омраченый на щасте взираеши токмо, еже кому лучше работаетъ, того горше презираетъ; стклу чисту себе со-

(*) Въ позд. спискахъ *зглянувшеся.*

(**) Въ спискѣ, принад. Коммиссіи: *за приходомъ настоящихъ на свое прежнее или наше нынѣшнее несчастіе не розсуждая* и т. д.

»образуетъ, еже малимъ случаемъ разбиватися обиче. Вѣ»ру ймы, аще себѣ и войску Запорожскому хощеши порадѣти, »то вѣждъ, яко желаніе щастя твоего тебе искушаетъ, да »не оставляеши брани для единого или другого користей »надходящихъ. Остави гординю, а усмотри прійти хотящая! »Хощеши ты погубити Полщу, а Украину сохранити цѣлу; »разводишъ зъ Ляхами дружбу; аки бы тимъ укрѣпиши вѣру, »и се отъ Турковъ и Татаръ самъ ищеши покрова, да па»кажутся, яже быша прежде. Вѣри, что Турки и Татаре »промишляя соболѣзнуютъ тебѣ, яко да гради и людіи из»ведше въ свою землю отъ основанія имя исторгнутъ Ро»сійского рода. Мныши ли яко ради разширенія слави щастю »себѣ повѣраютъ, аще же Ляхове не вспомогутъ вы силою »своею, то обмежъ живущіи народи на Козаковъ ради дав»нихъ и новихъ винъ, ненавистію воставше, со оружіемъ прій»дутъ, где Ляхи, Козаки, Литва, и вся Россія отъ поганъ »възаемъ смертію можетъ пасти нетрудно, егда мечемъ ихъ »изнемогутъ наша сили,—долженъ еси воспомянути. Добре »было тебѣ зъ многомощнимъ Кролемъ, которій колми нинѣ »снисходитъ тебѣ милостивно, толь на отмщеніе тяжчайшіе за »презорство Кролевского Маестату востанетъ, яко бо дуга »небесная—милость Кролевская прегрѣшеніямъ—миръ лю»демъ возвѣщаетъ. Воспрійми убо и ти надежду, а отвергши »гнѣвъ и надѣю на брань, принеси смиреніе во время, аще »же то не презриши себѣ, многу пользу обращеши и вѣри »благочестивой со всѣмъ Украинскимъ народомъ«.

На сіе отвѣщавъ Хмелницкій: »невозможно инако отъ ме»ча удержати теперъ невинности нашой, доколь насъ станетъ, »смерть развѣ ускоритъ неволю. Мы не надѣемся на фортуни

»слизкость послушности вини превосходящей себе увѣраемъ, »что Кроля сего, яко Папа, почитаемъ, а шляхти и панове »ненавидимъ весма, и никогда друзи ображеннимъ не будемъ, »обаче они аще вражди вѣрнѣ престанутъ, не трудно на »покой, когда статіи утверждени будутъ; аще же хитрости »не престанутъ, то брань готова рачей по хитримъ ихъ трак»татамъ«.

Таковъ отвѣтъ Хмелницкій Комисаромъ когда отдалъ, аже прійде Джержелѣй отъ Турского Царя зъ поселства, имѣлъ писаніе къ Силистрійскому Башѣ давать воинства Турецкого Козакомъ на Ляховъ въ помощъ, колико будетъ требѣ. О чемъ послишавши Комисарове прійдоша къ Хмелницкому, просяще первіе, да покажетъ границю, еже не преходити ни Полскому, ни Козацкому воинству, донелѣ же что время покажетъ; посемъ да узники свободитъ прошаху: бяху бо тогда у Хмелницкого во узахъ Конецполскій, Потоцкій, синовецъ Гетмана Коронного, Чернецкій и Гродзѣнскій. Хмелницкій же показа Ляхомъ по Горѣнь границу, а узниковъ пустити не сонзволи, и тако отпусти Комисаровъ зъ малими къ Королю отвѣтомъ.

СКАЗАНІЕ О ЗБАРАЗСКОЙ И ЗБОРОВСКОЙ ПОБѢДѢ НАДЪ ЛЯХАМИ 1649 РОКУ.

Тѣмъ временемъ Хмелницкій Полковниковъ по всей Украинѣ поставилъ: Чигиринскому самъ Хмелницкій Полковникомъ бяше, а Черкаскій — Ворончепко, Переясловскій — Лобода, Каневскій – Кутакъ, Брасловскій — Нечай, Бѣлоцер-

ковскій—Гира (*), Уманскій—Степка, Корсунскій—Морозъ, Калницкій—Остапъ, Гадяцкій—Бурлай; такожде и въ прочіихъ градѣхъ.

О всемъ же томъ Янъ Казимиръ, уже вѣнчанній на Кролевство, слиша, повелѣ Фирлѣевѣ воинство Полское въ время совокупляти и собрася Ляховъ много въ року 1649. И егда весна теплотою согрѣ землю и полніи явишися трави, начатъ распростирати и Марсъ своя загони, ибо и Козацкому воинству собиратися наченшу Ляхове нападаху, и по различнихъ мѣстехъ разграбляху. Тэ же отъ начала еще войни Козацкой зъ Ляхами у первое Хану Кримскому зъ Татари къ Хмелницкому пришедшу, обозъ же Лядскій тогда подъ Константиновимъ бяше, въ немъ же егда возвѣщено о Хмелницкомъ близъ со вои своими, абіе паде на Ляхи страхъ и смятеся имъ сердце, яко вси до бѣгства начаше себе пріуготовляти, а саміе первѣйшіе, яже мняхуся быти храбри и крѣпци—имъ же война кровію въ корчебницахъ кипяше и за столами и Александровъ побивали,—се и тимъ тогда лице поблѣдѣ и руцѣ ослабѣша. Того ради воспять поидоша обозомъ подъ Чогланскій камень, а оттуду прійдоша подъ Збаражъ, но и тамъ и при крѣпкомъ зъ каменя тесаного устроенномъ градѣ бяхуся зѣло. Къ сему еще на болшую бѣду Ляхомъ Гетмани ихъ между собою размѣришася, и бяху неединосовѣтни, и егда въ подъѣздъ послаша Гулевича подъ Вишгородскъ, идуще нощію въ невидѣніи нападоша на Татаре, а абіе отъ единого токмо страха вси

(*) Въ спискѣ, принад. Комм. Бѣлоцерковскимъ Полковникомъ названъ *Искра*.

побѣгоша, и Душинскій и Сѣраковскій (*) свои хорогви погубиша. Тѣмъ же день отъ дне отчаявахуся надежди на сили своея, къ чимъ же еще случися тогда удари грома, и розби копіе у хорогви Гетманской, еже неложнимъ пророчествомъ бѣди Ляхомъ бяше, ибо прежде времени убояшася Ляхове, и аще би не пришедъ до обозу Князь Вишневецкій, вси би побѣгоша и Хмелницкого не видѣвши.

Бысть въ суботу мѣсяца іюля, въ день десятій, егда войско Козацкое зъ Татари прійде къ Ляхомъ въ гостину, еже видѣвши и зведоша полки своя противу Козакомъ, а обозъ начаша обносити валомъ, и бысть сѣчъ велика Ляхомъ зъ Козаками и Татари. По чемъ Хмелницкому съ Ханомъ въ вечоръ пришедшу и, мало нѣчто давше Ляхи брани, затворишася въ обозѣ, идеже чрезъ нѣколико седмицъ брань творяще отъ обою страну мнози смертію умроша; къ тому тежъ, за умаленіемъ воинства, не могущс Ляхове валу обяти меншіе другіе сотвориша, и нощію внійдоша въ тія. По нѣколицемъ тежъ времени недоставшей ни Ляхомъ, ни конемъ ихъ пищи, сами Ляхи конѣ свои Козакомъ изгнаша и пѣшо у окопи затворишася. По чемъ единого дне прійде Шеферъ Косенъ Ага Канцлеръ Ханскій (**) и, взивая Ляховъ, акиби до умиренія; къ сему тежъ віехалъ Князь Вишневецкій зъ Хоружимъ Короннимъ и по многихъ словесехъ нача Вишневецкій зъ Хоружимъ совѣтовати, да отступятъ Хмелницкого Татаре, но не бѣ отъ словесъ обоихъ ползи. Такожъ и до

(*) Въ спискѣ, принадл. Комм. *Беляковскій.*

(**) Въ спискѣ, принадл. Комм. *Шеверъ Кошень Акга первій писарь Ханскій.*

Хмелницкого былъ посланъ Кисель, Староста Черкаскій, которому Хмелницкій предложилъ за окупъ своихъ всѣхъ головъ, аби при нихъ будучіе достатки Татаромъ отдали, а ему армати и оружіе, корогви и бубни положили, и такъ зъ душами будутъ волни, чего Ляхи жадною мѣрою учинити не похотѣли и, доколь ихъ станетъ, обѣщалися отбиватися. Того ради Хмелницкій вся подвиже своя сили и удари на Лядскіе окопи и мнози остріемъ меча отъ обою страну падоша, въ таковой Ляхи тѣснотѣ сущей исхождяху зъ обозу нужнихъ ради потребствъ въ поле, и сихъ много паче Татаре посѣкоша. По мнозѣхъ же хитростяхъ военнихъ Хмелницкій окопа ихъ валомъ и стѣсни тако, яко уже послѣдняя имъ приближашеся нужда, ибо отъ рововъ своихъ Козаки велію тщету Ляхомъ и бѣду смертную творяху, яко невозможно бѣ имъ и поднести глави. Тамо убіено значалнѣшихъ отъ Лядского войска Збройзского, Сераковского, Свaршевского, Цеглинского, Злоцкого, Держка, Галаила (*), Подгородинского и инихъ многихъ, и на базарѣ Лядскомъ не единъ мито заплатилъ головою, и води бѣдній не напился безъ кровной заплати, но и ту зъ червіемъ отъ трупія и ропою піяху Ляхове, истощишежъ и пищу всяку.

Тѣмъ начася гладъ великій и начаша ясти конскія мяса, кошечая, песія и миши, и уже ослабѣваху руцѣ и изнемогаху сили и мнози умроша напрасними смертми, живіи же не могоша оружія подносити, друзи кусали землю спеклую зубами, и бысть обозъ много празденъ, тѣмъ меншіе еще третіе сдѣлаша себѣ вали и въ нощи входити въ тія на-

(*) Въ спискѣ принадл. Комм. *Галайма.*

чаша; что Козаки услишавше на Ляховъ удариша и много обозу оторваша и замкнули ихъ, аки въ вѣчномъ мрацѣ, къ сему и пороху до стрелби не бѣ у Ляховъ и прихождаху къ послѣднему злу. Къ сему Козаки придаючи болшого бѣдним облеженцомъ утрапленя досадами Ляховъ уражаху, мовячи: *»о то вамъ Ляхи, очковое, роговое, аренди, »ставщизни, паницини, пересуди и сухомелщизни?* А докуль »будете кунтуши по шанцахъ марати, понеже то наши, бу»дучи ви и сами уже ясиръ Татаромъ голоднимъ, а до тихъ »поръ удержуетеся; а видѣте якъ по стройной музицѣ Ко»заки у дудку вамъ заграли?«

Видѣвъ же Князь Вишневецкій, яко уже Полское войско гладомъ и моромъ изнемогаетъ крѣпко змисливъ писаніе, аки би нѣякій шляхтичъ зъ Хмелницкого обозу верже въ мѣсто Збаражъ писаніе стрѣлою, возвѣщая о Кролю недалече и совѣтуя стояти противу Козаковъ крѣпко, и аки би Хмелницкій зъ Татари убояся; ибо Хмелницкій въ то время начатъ обозъ свой перевозити подъ старій Збаражъ, аки би бѣгу ятися хощетъ, хотя Ляховъ тимъ оболстити, яко да изшедшихъ пищи ради на его обозѣ притаенніе Козаки изсѣкуть нетрудно; обаче Ляхи, вѣдуще на себе таковіе сѣти, не дерзаху исходити изъ града. Потомъ оттуду яко би уже всѣмъ обозомъ въ ночи рушилъ и, самотугомъ (*) мажи зъ потребами до штурму провадячи, велѣлъ Козакамъ, между собою, аби Ляхи въ окопахъ чули, голосно говорити: *рушай, минай, не ближся къ Лядскимъ шанцомъ, уже бачу Ляховъ не будемъ доставати,* и инніе до порушеня нак-

---

(*) Въ списк. Комм. »*саморучь*«.

шталтъ утеку говорити рѣчи, яко би о Кролю на отсѣчъ идучому близко чуючи. Аже у свѣтѣ увидять Ляхи, же новіе шанци вижше ихъ валовъ стали и приправленніе на котвиціяхъ въ землѣ и въ дерну драбини до штурму къ горѣ стоячіе и блякавзи, яко гори, зъ которихъ могли до едной души облеженцовъ видити, и такъ зближившися, желѣзними круками зъ валу Ляховъ крали и скачучи на валъ корогви Лядскіе хватали и самихъ забивали; якую Ляхи видя крайную згибель совѣтовали, яко би послати до Кроля зъ писаніемъ молебнимъ, да прійдетъ имъ на помощъ тако принужденнимъ, и мнози чести ради хотяху таковую дерзость показати да отнесутъ писаніе къ Королю; обаче не единъ зъ таковими писаніи убѣже рукъ Татарскихъ или Козацкихъ. Еднакъ же нѣкто шляхтичъ Скретускій (*), прозваніемъ, отъ облеженцовъ пойти зъ писаніемъ ятся и, одѣявся въ райтарскіе одежди, препли рѣку временемъ нощнимъ, и тако ползущи на чревѣ войско Хмелницкого пройде, таже нощію идяше, во дни же хврастіемъ зеленимъ себе отыкавъ лежаще до нощи, и таковимъ промисломъ прійде къ Королю и давъ писаніе отъ облеженцовъ, возвѣстивъ бѣду въ Збаражѣ Полскому войску. Кроль же Казимиръ скорбяше, яко не возможе скоро прійти подъ Збаражъ въ помощъ облеженцомъ, едно за собраніемъ воинства нескоримъ, другое, понеже дождъ на всякъ день ліяше. Итако со многимъ трудомъ и страхомъ Кроль идяше и уже не зѣло далече отъ Зборова бяше, вѣсти же ни единой имѣ о Хмелницкомъ, той бо, еще прежде вся потребная воин-

---

(*) Въ спискѣ, принадл. Комм. *Скрутецкій.*

ству обмисливъ, заповѣдалъ подъ смертною казнію, да никто где дерзнетъ отъ обозу исходити. Кроль же, двадесятъ тисячъ самого избранного воинства Полского имѣяй, идяше спѣшно, поставиже Осолинского Великого Канцлера першимъ войску Енераломъ и всѣ идяху своими строи на брань готови, такожъ-де и все рушеніе Речи Посполитой.

Все же войско свое Кроль словеси увѣщеваше, да за честь и отчество свое до смерти стапутъ, не яко подъ Пилявцями стидъ и попошеніе вѣчное Полскому роду сотвориша, и аще би кто дерзнулъ ко збѣгству вдати плещи, (тако огласи) не имать видити чести во вѣки. Такимъ устроеніемъ укрѣплени и Кролевскими слови мужественно противу Хмелницкому идяху, егда прійдоша къ Езерной и начаша блото преходити, стражци бѣгоша зъ поля возвѣщающе о Хмелницкомъ. Хмелницкій бо, остави подъ Збаражемъ пѣшое войско, самъ зъ единимъ и Татари противу Кроля пойде, и тамъ подъ обозъ тихо подойде, же когда едина часть прехождаше блото со трудомъ, другая остася позаду. Тогда Хмелницкій усмотрѣ погодное время и удари всѣми силами на обозъ, и бысть сѣчъ велика, Полское войско разсвѣрѣпивше отдѣлися отъ обозу своего за Козаками, а тѣмъ временемъ Татарове, скочивше на обозъ, пѣхоту нападше, всѣхъ мечемъ посѣкли. Таже обращеся за Полскою ѣздою и ихъ изсѣкоша, не имѣяху бо Ляхи гдѣ прибѣгнути гоними; тамо убіенъ бысть первѣйшій Енералъ Осолинскій, Речицкій, Столнѣцкій, Уржендовскій, Захарія Четвертенскій Сѣверскій Хоружій, Подолскій, Кашовскій, Хоцимирскій—Полковники, Мясковскій Подкоморій Лвовскій, Гдешинскій, Брозовскій, даже до пяти тисячъ и инніе ве-

ликородніе панове, а при нихъ шляхти Львовской, Премислской, Савецкой полки побѣени; ихъ опровадивши бѣдніе жони болѣе во вѣки не увидѣли, для чего въ Полщѣ вдовъ и сиротъ и пустихъ домовъ безъ числа бысть, понеже трупіемъ на милю поле услася, ибо при Кролевскихъ очахъ хотяще всякъ слави или булави достати на недостижимое смертію запетлѣша. И тако войско Хмелницкого и Татаре користи отбираху посѣкающе оставшихъ, Кроль же паки войско устроилъ до брани поступовати повелѣлъ; но Хмелницкій зъ Татари обратися на рогъ лѣвій и бысть Ляхомъ силенъ, яко начаша Ляхи уступовати образомъ Пилявецкимъ. Тогда Кроль моляше со слезами, да не творятъ себѣ стиду бѣгствомъ, и тѣмъ Ляхи мало укрѣпившеся сотвориша сѣчъ велику. Въ той день тоже обляже войскомъ своимъ Хмелницкій Ляховъ, яко ни единому бѣжати возможно, ни битія болѣе; мѣсто же бяше неудобно ко брани и тѣсно къ себѣ, и обоза половину взяша Козаки зъ Татари и яко хлѣба начинашеся скудость, и уже будуще яко въ сѣти и сташе на конехъ начаше Кроль совѣтовати со сановники своими и Енерали; и мнози совѣтоваху, да оставише обозъ и слуги, Кроля токмо уведутъ бѣгствомъ, глаголаша бо, да погибнутъ вся уди, токмо глава да здрава будетъ; друзіи совѣтоваху ко Хану посланіе послати, да отступять Козаковъ, и на такой совѣтъ утвердися. Посланіе же таковое имѣяше образъ.

Іоаннъ Казѣмеръ Кроль здравія жичитъ Кримскому Хану.

Много еси долженъ Владиславови Кролевѣ, нашему брату, занеже сущу тебѣ во узахъ, не яко узника, но яко пана тебе почитающе, свободно тя отпустивши, даде тя на свое взійти господствованіе. Емуже господствуеши нинѣ удивляюся, почто еси сего забылъ, егда нинѣ востающу ми на подручного брата моего и тебе ту зъ нимъ вижду подносяща оружіе на мя. Чего не убоюся, видя тя въ малѣй користѣ пріемша, оттуду, ибо таковаго и Богъ ненавидитъ, ниже тебе въ предложеніи твоемъ имамъ ублажити; обаче аще хощеши дружби моея, се преносилаю ти оную, желая оной непорушимой быти, или инако явно есть неблагодарствіе твое, Кримскій Хане, егда животомъ и господствованіемъ Татарскимъ обладаеши пособіемъ Полского Кроля, а безъ вини вражду отъ тебе имѣемъ. Привязавшу ти ся ко врагу подручному нашому, а прежде дружествомъ Кролевскимъ блаженъ былъ еси и преславенъ; ему же Козаки всегда непріязнени были, а сже днесь мнятся по случаю и друзи тебѣ бытп, но абіе ненавистно оружіе на васъ способникомъ своихъ обратятъ. Воскорѣ возмужавше, въ силу, яко бо волчію, дѣти возрастше, питавшую ихъ козу снѣдятъ послѣди, тоже страждетъ и врачъ уврачевавій неблагодарному болѣзнь. Добро есть быти зъ Кролемъ, иже управляетъ подданнихъ, ему же мощно безъ пособія иного и прибѣжища быти, а безъ наказанія же противному невозможно. Добро есть конецъ брани смотрѣти, аще пра-

ведно востаніе ея; чія первѣе правда естъ, яко праведенъ судія, тому буди помагати.

Таково посланіе пославъ Кроль до Хана, самъ всю нощь устроеваша Ляховъ до брани. Утру же бывшу бысть сѣчъ велика подъ обозомъ Полскимъ и подъ Зборовомъ, такожъ Козаки стали нападати на Лядскіе обози, и въ томъ вземъ Ханъ писаніе Лядское прочте, и свое написалъ тако:

Исламъ Гирей Ханъ Найяснѣйшому Кролю Полскому Яну Казимѣру здравія!

Аще Твое Кролевское Величество щастливе живеши, я зъ моей сторони Вашему Кролевскому Маѣстату здравія и щастя и всему Кролевству Полскому на долгіе лѣта жичу!

Извѣстно буди, что писаніемъ дружество намъ возвѣщающее пріяхъ отъ Вашего Маѣстату, зѣло же удивляюся, яко Ваше Величество отнели же пріяхъ скипетръ, доселѣ мнѣ писаніемъ не изволили возвѣстити. Памятствую убо яко нѣсть отъ человѣкъ никтоже, да не будетъ благопотребенъ; что же либо есть, буди. Обаче дружбы не отмѣтаю, ни бесѣди отщетѣваю.

Написа же и Хмелницкій до Кроля и извѣщая, яко за великіе обиди и всей Украини тяжести, неповинне завистію отъ людій утяженій и неволею, защищаючи свою невинность, до меча ятся.

Таже по неколицехъ днехъ віѣхалъ Ханскій Вейзеръ,

и Енералъ Осолинскій рече къ Вейзеру: »Кая вина, яко »союзъ давней дружбы между обома народи расторгненъ нинѣ? »Почто сосѣдская вѣра опревращена, почто во время мира »Полща опустошена войною, почто Козаковъ прибѣжище у »Васъ утворенно, почто Татаре суть оберегатели врагомъ, »а другомъ враги, Поляки что зло вамъ сотвориша, яко »терпятъ днѣсь бѣди?« Отвѣща Вейзеръ: »союзъ дружества »нарушенъ того ради, яко должная дань есть Хану удер»жана, яже аще воздасте, розійдемся въ доми цѣли«. Отвѣща Осолинскій: »Ляхи дань умѣютъ взимати, а не даяти; »инако глаголи, дари по милости проси, что Кролеви, яко »милостивому, за обичай дарствовати; ти же безъ вини крѣ»пишися едино враговъ и друговъ нарицати«.

По сихъ и по инихъ безсѣдахъ въ день вторій и статіи дасть Полякомъ Вейзеръ; ихъ же сицевъ образъ:

»Оттолѣ Хану зъ Кролемъ миръ и дружество неподвижимо будетъ. Кроль Полскій дари сто тисячъ до Каменця да пріиметъ, нахожденія и вражди на Полскую державу Ханъ болѣе не допуститъ. Войско Татарское въ то время отъ облеженя Полского обозу изъ подъ Збаража вступитъ и воевать не будетъ, войско Татарское и Турецкое зъ Ханомъ абы отъ границъ Полскихъ безъ обиди пойдетъ. Кроль Полскій долженъ войску Запорожскому вину отпустити и приняти въ милость. Войско же Запорожское должно въ своей службѣ быти, по семъ вѣрность и клятвою утвердитъ«.

По якой Хановой наболшую бѣду Христіяномъ лести написаже и отъ себе Хмелницкій статія сицевая:

»Войско Запорожское да будетъ свободно и вновь Кролевскимъ привилїемъ утвержденно«.

»Войска Запорожского четиридесятъ тисячъ быти и написоватися чрезъ старшини Козацкое должно, и до присуду замку Кіевского да будетъ«.

»Старшина Козацкая по мѣстахъ Кролевскихъ да живетъ, яко шляхта, свободно же и кому либо отъ простихъ безъ препятствія всякого отъ шляхти перейти и жити въ тѣхъ же Кролевскихъ градѣхъ, иним же волно въ подданствѣ жити«.

»Хлѣбъ войсковій и станцѣи въ мѣстѣхъ Козацкихъ войску Полскому значитися да не будетъ свободою.

»Церковъ Всходная, клиръ и добра духовніи маютъ быти упривиліованніи явне; Митрополитъ Кіевскій по Примасѣ мѣсто въ Сенатѣ да имѣетъ и Уніяти на ня не имѣютъ наступовати«.

»Воеводства, Каштелянства, Староства, Судьи и иніе урядники обивателемъ тихъ земель Руссѣ (Руси) даватися должни, а не Полякомъ«.

»Староство Чигиринское, якъ ся себѣ мѣетъ, должно быти при Гетманѣ Запорожскомъ«.

Симъ статьямъ не возмогоша отрещи Ляхове мира ради, его же желаху, принуждени въ Збаражу и подъ Зборовомъ, що потомъ и привиліемъ на Сейму утвердили. И тако отъ обою страну знаменіе мира давше на трубахъ, тимпанахъ и арматахъ, дня 16 Августа, огласиша, Кроль и Ханъ между себе дари послаша.

Тогда Хмелницкій, заставу Любомирского Канцлера Великого взявши, ко Кролю поѣде сидящему на престолѣ пресвѣтломъ, его же поклоненіемъ почетши, рекъ: »Не симъ

»подобіемъ съ тако собранимъ войскомъ Вашъ Маестатъ »Кролевскій имѣхъ привѣтствовати, что либо прилучися вящ- »ше случаемъ злобнихъ, нежели виною моею, за что да »будетъ ми прощено; но исповѣдую, нѣсть милости достоинъ, »обаче свойственно есть яко самому Богу, тако и намѣс- »никомъ его милостивимъ противу смиренного быти: *Той бо »сердца сокрушенна не презираетъ*«. На то отвѣща Литовскій Подканцлерій: »Что любо нынѣ видимъ, и есть явѣ, »кто кому виновенъ не возможно познати, но и считати не »требѣ, токмо яко Кроль Найяснѣйшій ранъ раздражати не »хочетъ, гдѣ своею милостію аки врачествомъ исцѣленіе »видитъ; якоже слонце благихъ и злихъ освѣщаетъ, тако »найлучшій Монарха егда гражданъ сохраняетъ кроткихъ и »сопротивнихъ прощаетъ. Прощаетъ же симъ образомъ, егда »преизлишное дѣло достойное казни твердою посемъ вѣрою »за отчество воздаетъ кто заработою«.

Статья же Козацкая и не хотяще пріяша Поляки и неради соизволиша онимъ крѣпкимъ быти, аще и не на руку кому возмнѣлися, но лучше зъ ушами повернутися ко дому. О влосъ бо еденъ въ малѣ не разориша мира Козаки зъ Поляки.

О таковомъ примиреніи въ Збаражу егда возвѣщено облеженцомъ отъ обою страну, на мирное знаменіе вдарено зъ стрелби огненной и отворишася въ Козацкихъ обозѣхъ базари, на якіе куплѣ ради хлѣба облеженци Збаразскіе изійдоша и ходяще прошаху хлѣба. Тіи же накормивше, Татаромъ зѣло много попродаша, и болше Поляковъ погибе тамо, нежели во время брани.

По семъ Кроль, не имѣя сто тисячъ окупу Ханови лати,

даде Потоцкого зъ Дингофомъ, Старостою Сокалскимъ, ихъ же въ землю Татаре во свояси отвидоша. Возвратишеся и Хмелницкій со всѣмъ воинствомъ своимъ ку домовѣ,

Побѣду надъ Ляхами нося Украинѣ,
Которихъ головъ безъ числа подъ Збаражемъ и нинѣ,
Зличитъ хиба той, кому тамъ здавалось быти,
Где и найболшій панъ мусѣлъ голову положити;
Щожъ слуги и войско грошовое
Помняхъ веселлѣ Зборовое.

СКАЗАНІЕ КАКО ХМЕЛНИЦКІЙ ПО ЗБОРОВИХЪ ПАКТАХЪ ДЛЯ ПРОБИ ПОСЛАЛЪ МИТРОПОЛИТУ КІЕВСКОГО НА СЕЙМЪ О МѢСТЦѢ ВЪ СЕНАТѢ.

Отшедшу убо Хмелницкому отъ Збаража со своими вои, изійдоша воутріе въ девятую недѣлю облеженя своего и Поляки нищетніе и худіе тѣломъ, подобни умершимъ тварѣмъ, или отъ оного свѣта, не могуще ходити; но падаху по путехъ отъ вѣтра, едини удержахуся хвостомъ и стрименъ конскихъ, забиша витворовъ на людехъ убогихъ искати, забиша курей, гусей, утокъ, слѣмаковъ, жолвовъ, по ради хлѣбу и водѣ чистой. Тако смири Богъ, возставивши подручнихъ на ноги, а гордія вверже въ землю; но ни тако ихъ усмири Богъ: отдохнувши бо собрашася на сеймъ у Варшаву и подвергоша многія писанія безчестнія на Кроля ради статей Зборовскихъ. Едни злословяху, яко братство пріятъ Кроль зъ Ханомъ и глаголаху: *се коль добро и коль красно братія жити вкупъ*; друзіи и день злословляху

въ онъ же Кроль статіи постави не на страну Лядскую зъ Козаками, и глаголаху: *сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь*; третіи же написаша стихи сія:

Премѣни Король станъ, но не фортуну,
Принесъ убійство намъ не едино оттуду.
Вѣсть отчизна силъ твоихъ днесь блаженство,
Се имаши плодъ буее Кролевство!

Кроль же видя на ся злословящихъ, обаче терпяше: бѣ бо между Ляхами веліе непостоянство, ни бо Кролеви повинуются, ни имутъ согласія съ собою, но колико Ляховъ есть въ Полской странѣ, толико совѣтовъ; всякъ бо свое слово и совѣтъ вишше поставити хощетъ другого, и сами составляютъ совѣти и писаніемъ утверждаютъ, но всего того отрицаются послѣди. Якожъ и статіямъ Зборовскимъ сотвориша, ибо подъ Зборовомъ Кроль и весь синклитъ Полскій поставиша статіи зъ Козаками (яковіе написани сутъ напредѣ) послѣди же и пресудиша инако, въ первой статіи, да Митрополитъ Кіевскій въ синклитѣ Кролевскомъ по Примасѣ первое мѣсто да имѣетъ, и туюжъ де статію отвергоша. Внегда бо прійде блаженнія памяти Силивестръ Косовъ, Митрополитъ Кіевскій, до Варшави, бысть молва въ синклитѣ не дати ему мѣсца въ Сенатѣ, яко отъ Русскія вѣри, а наипаче Епископи Римскіе роптаху на Короля и настояху на сіе, да не иматъ мѣста Митрополитъ Кіевскій между Епископи Римскими въ синклитѣ яко Рускій Епископъ. Друзіи же глаголаху, понеже не отъ духовнихъ, но отъ мирскихъ въ синклитѣ совѣти бываютъ, и что возбраняетъ Ми-

трополиту Кіевскому въ спиклитѣ совѣтовати о правленіяхъ мирскихъ, наипаче же симъ любовъ и миръ Козакомъ зъ Поляки утвердится и статіи Зборовскіе непарушими пребудутъ. Но Епископи Римскіе возропташе симъ противу и разгнѣвавшеся отъ синклиту изійдоша. Все же сіе увѣдалъ Кисѣль, отъ древнихъ пановъ Рускихъ сей родомъ, возвѣсти блаженія памяти Силвестру Косову и совѣтова скорѣе ити въ Кіевъ, да не како Ляхи, памятозлобни сущи, кое зло ему сотворятъ. И тако отійде Митрополитъ Кіевскій во свояси, Полякомъ остави бѣду и впредъ кровопролитіе велико, еже протяжеся на многое время, а ненавистъ даже доселѣ.

СКАЗАНІЕ О ПОХОДѢ КОЗАКОВЪ НА ВОЛОХИ, И О КОММИСАРАХЪ ПОЛСКИХЪ.

Егда же возвратися Хмелницкій зъ подъ Зборова, Рускіе люди ублажаху его и на срѣтеніе исхождаху, радостная глаголюще, яко побѣдителю Ляховъ и свободителю отъ Лядскія неволѣ Украини. Внегда же имѣяше Хмелницкій три полки Козаковъ вѣрнихъ и три тисячи Татаръ, здравія его стрегущихъ, Хана богато ударствова и отпусти восвояси, ибо Хмелницкій тако обогатися вскорѣ, елико Поляки многими лѣти богатства собирати не можаху. Но вѣдая на себѣ Лядское умишленіе и хитрость, и что Ляхи Зборовскихъ пактовъ не дохранятъ, мислилъ о семъ глубо, имѣючи очи навсюду, зрѣло разсмотрѣлъ о Хану Кримскомъ, что подъ Зборовомъ при самой надъ Кролемъ викторѣи, по якой би при добрихъ сторонѣ Козацкой статіяхъ моглъ быти

зъ Поляками Козакомъ вѣчній миръ. Но Ханъ когда зрозумѣлъ намѣреніе Козаковъ, хоча и побѣдителей, же при слушнихъ кондиціяхъ, за непрестаннимъ прошеніемъ у великой нуждѣ будучихъ Ляховъ, намѣриваютъ зъ Ляхами ку згодѣ, и что собѣлѣзнуютъ о будучомъ у облеженію помазанцу Божію своему Крулю, яко о Христіянскому пану, и что не намовили, абы взявшихъ отъ нихъ Татаръ Козаки навсегда войску плату видали бы имъ зъ облеженя Кроля въ неволю; до хитрости бѣсурманъ удался и упредивши Козаковъ началъ милостію отъ себе зъ Ляхами миръ составляти, да продолжится война, безъ которой имъ было не на руку, занеже чрезъ сію войну отъ Христіанства вельми въ скарби и въ ясиръ убогощалися, а учинивши въ Полщи пустиню еще стали Ляховъ будто жичливими, а Козаковъ поставили за немилосерднихъ, умишляючи, яко ненситій кровѣ Христіанской бѣсурманъ, аби Козаковъ зъ Ляхами всесконечне примирити и съ полними силами воевати на Москву, и тако би опрочъ добичей и ясиру ошукать царство Казанское и Астраханское.

О чемъ Хмелницкій, будучи велми чулій, умишлялъ, яко би дать отпоръ Ляхомъ и Татаромъ и яко синъ Православія заразъ виправилъ посли тайно до единовѣрного себѣ Монарха Великого Государя Московского изъ извѣстіемъ о намѣреніи Татаръ зъ Ляхами и яко теперъ Богъ смирилъ гордихъ Ляховъ немилостиво чрезъ Козаки, надѣючись, что Царскому Величеству, по недавной отъ Кроля Полского Владислава ставшогося подъ Смоленскомъ въ титлѣ и въ земляхъ великой шкодѣ, сіе извѣщеніе пріятно. Ибо Хмелницкій, будучи тамо-жъ подъ Смоленскомъ зъ Козаками при Крулю со бо-

лѣзнію слагалъ въ сердцу, чаючи единовѣрнимъ Москвѣ подъ Ляхами будучимъ Козакомъ болшого еще отъ Ляховъ насилія; понеже року 1634 взялъ Круль подъ Смоленскомъ Шейна зо всѣмъ войскомъ Московскимъ зъ арматами и обозомъ, где было и Донскихъ Козаковъ килька тисячей и Нѣмецкой пѣхоти тисячъ шесть, надъ которими мѣлъ команду Александеръ Алеславусъ Англикъ, бардзо науки жолнѣрской свѣдомій, а особливе въ добыванню мѣстъ, и еще недоволни будучи Поляки пошли далей у Москву до столици и облегли на трактѣ городъ Бѣловъ, и любо Турчинъ по прошенію Москви посла подъ Каменецъ-Подолскій Абази Башу зъ Турки, Татари, зъ Мултяни и Волохи, аби двоякою войною перервати намѣреніе Поляковъ до Москви, наконецъ Полскій Гетманъ Коронній будучи готовій на стражи зъ войскомъ кварцянимъ и Козацкимъ оныхъ за Дунай прогнали. И такъ Государь Царъ зъ Кролемъ Владиславомъ о покой трактовали зъ великою своею шкодою въ земляхъ, скарбахъ и титлѣ, и для того Хмелницкій послалъ о звитяжствахъ своихъ надъ Ляхами вѣдомости, надѣясь быти Царскому Величеству благопотребнимъ, понеже и Царское Величество много имѣлъ на Ляховъ причинъ для розирваня нещасливого Смоленского миру. Еще же Хмелницкій, упрежая Ханское хитроковарное умишленіе, посла посланника своего и до Турского Цара, прося себѣ на Ляховъ помощи. Царъ же Турскій принялъ пословъ Хмелницкого радостно и послалъ ему дари и заповѣда въ Силистріи живущимъ и всѣмъ по Дунай зъ Волоскимъ и Мултянскимъ Господарами готовимъ быти зъ Хмелницкимъ на помощъ. Еще же на прошеніе Хмелницкого онъ же Турчинъ повелѣ

у Господара Волоского Василія Лупулѣ, аще не изволитъ дружеско, то и насиліе дочъ его (*) сину Хмелницкому Тимошевѣ во жену взяти, завиствуючи тишинѣ въ Христіанствѣ, ибо аще и подъ его владѣніемъ Волохи, но подъ единимъ Господаремъ въ покои живучіе обфитовали; къ тому же и Русь начала у воинскихъ дѣлехъ славно процвѣтати. Яко ворогъ Христіанству, абы оного междуусобними войнами умалити, повелѣ и Хану Кримскому зъ Хмелницкимъ ити на Волохи, не вѣдуще, яко Хмелницкій для того зъ Волохами пожелалъ сватства, аби для намѣренной зъ Ляхами далшой войни отъ Дуная убезпечитись.

Потомъ виправилъ Гладкого зъ частю войска Козацкого у Полѣсѣ, а Посача, Пушкара и Дорошенка въ шестьнадцатъ тисячей Козаковъ, а у двадцати тисячей Татаръ чрезъ Днѣстръ, гдѣ были три мости зготованніе, нѣкому не вѣдущу чесо ради у Волоскую землю и нечаянно повелѣ войскамъ нападши землю Волоскую пустошити; чесому Татаре для бѣди Христіанской ради бяху, понеже въ землѣ Волоской по саміе гори людѣй и набитки ихъ въ полонъ побрали, а Козаки городъ Сороку взяли, а Сочава до Ясъ избѣгла (?), которую для постраху Козаки запалили. Для чего Господаръ Молдавскій, изъ столного своего града Ясъ до Хотѣня избѣгши, писалъ до Полского Гетмана, жалуючись, же Хмелницкій, самъ стоя надъ Прутомъ зъ Ханомъ, всю землю его чрезъ чати огнемъ и мечемъ пустошитъ, и проситъ себѣ у Гетмана помощи, ибо Господаръ Волоскій чрезъ Поляковъ намову погордѣ зъ Хмелницкого по-

(*) Въ спискѣ, принадл. Коммисіи: дочь его *Ерину*.

слами (*) и отмѣташесе зъ Хмелницкимъ дружества. Но Гетманъ Потоцкій отписалъ: »аже не вѣдаешъ, что онъ и мнѣ дался добре знати, же перво сина моего зъ войскомъ до единого знесши забилъ, а не забавомъ и самого мя, зъ Полнимъ Гетманомъ ранивши, мало зъ свѣта не згналъ и, тижденъ на арматѣ державчи, Тугай Беєви обома нами даровалъ, откуду заледво чрезъ особную ласку Ханскую великимъ окупомъ визволилисъ, а войско Полское всѣ отъ меча погибло, и обози со всѣми богатстви ему достались; якожъ и болше напотомъ надъ Поляки щастя ему послужило«. И такъ Господаръ просячи о мирѣ и неволею обѣща за Хмелницкого сина дочь дати, що видя Хмелницкій, яко отъ Турчина чрезъ милость, отъ Волоского чрезъ сватовство, отъ Москви чрезъ единовѣрноссь тиле и боки себѣ убезпечилъ, со надеждою ожидалъ, что послѣдное покажетъ время.

Посемъ прійде вѣсть, яко Митрополиту Кіевского Ляхи обругали у Варшавѣ на сейму и не дали ему мѣсця у Сенатѣ ведлугъ присяжнихъ пактовъ Зборовскихъ, и во всемъ тые пакта отвергли, и, собравши на сеймъ до Варшави, статія Зборовскія судили и роптали на Кроля и на синклитъ, яко статія всѣмъ Полякомъ утворении отъ Хмелницкого на укоризну, и возбуждаху вси Кроля на войну зъ Хмелницкимъ, начаша многія вини предлагающа на Козаковъ. Для чего Хмелницкій и не хотяше началъ прилѣжно зъ Ханомъ утвержати миръ, дабы не учинити зъ Ляхами

(*) Въ спискѣ, принадл. Комм. *погордѣлъ Хмелницкого писмами.*

и Татаръ купнихъ себѣ непріятелей, и по долгій отъ Ляховъ противу Круля за Зборовское пакта споръ послалъ ко Кролю, да будетъ статія Зборовскіе цѣли и ненарушими, а ежели бы хто Запорожское войско обнесъ предъ Кролевскимъ Маѣстатомъ, прощенія и милости Гетманъ Запорожскій зъ войскомъ ищетъ. Проша же Хмелницкій чрезъ посланники свои Короля, даби отъ величайшого синклиту чтири найвишшіе Сенатори клятвою Зборовскіе статіи утвердили, и кто бы певнѣйшіи были, тіе бо при немъ въ закладѣ зостали, и абы Унію заразъ звели, яко начало всему злому; но и костели Римскіе дабы ни единъ не былъ на Украинѣ. Благочестивимъ же Церквамъ и клиру свободнимъ быти не токмо Украинѣ, но и въ Коронѣ Полской и въ Литвѣ, и ровную честь духовенство Руское зъ Римскимъ да имѣетъ; и жебы между народомъ не устали кулотнѣ, для того шляхту всю, щобы найскорѣй зъ Украини рукговати зо всемъ во внутрнюю ихъ Полщу, а Козацкую землю абы освобожденно по Горѣнь и Кіевъ и Браславль и Чернѣговъ и зъ повѣти своими абы уступили Ляхи на вѣки; и доколѣ того не учинять, дотоль о покою нехай не мислятъ. Еремѣй Вишневецкій, яко великій Козаковъ защитникъ (чрезъ руганіе глаголетъ) тожъ клятвою дабы утвердилъ Зборовскіе пакта, и тако Конецполскій и Калиновскій и Любомирскій и иншіе великородніе да идутъ на Украину безъ воинскихъ людѣй токмо зъ имѣніи и двори своими во мѣсто застави, абы пактовъ Речъ Посполитая додержала.

Сіе посланіе Хмелницкого аще и видяху Ляхи злое имъ быти, обаче умѣренно Гонсеневскому (*) повелѣша отвѣщати,

(*) Въ спискѣ, принадл. г. Помощн. Попеч. *Кгонсонецкому*.

понеже Турецкою ласкою вспоможеній похвалялся на Ляховъ, страшачи по Санъ и Вислу рѣки Украину себѣ учинити, что многіе отъ Полскихъ Сенаторовъ подъ такое при звѣтяжствахъ вскорѣ на вѣсъ свѣтъ преславнихъ и ему щастливихъ за певность тому быти розумѣли.

По семъ при посланникахъ чтено бѣ зъ Кіева посланіе Киселево. Въ немъ же пишетъ, яко множицею преходяше Козаки къ нему настояху, да Унія отнюдъ не будетъ, но и самъ онъ Воевода будучи благочестивій, призвавши тѣхъ пановъ, ижъ подъ Зборовомъ статіи слагаху, дабы настояли Уніи не быти; лучше, глаголя, тисящи церквамъ Рускимъ зъ Римскою въ мирѣ жити, нежели десятимъ Уніятскимъ въ соединеніи, но брань всей земли видѣти и опустѣніи многимъ святинямъ. Чесо ради Ляхи на Киселя возънегодоваша, мнѣша бо, яко онъ благочестивъ по благочестію и по Козакахъ побораетъ, и поставиша на сеймѣ Варшавскомъ, дабы Гетмани Полскіе въ томъ же часѣ упреди на граници стали готови. Посланникамъ же Хмелницкого Марковичу, Гурскому и Ивану Дорошу шляхетство давше дари отпустиша.

Но вишеписанній зъ Гладкимъ у Полѣсѣ подиздъ многіе уже гради началъ воевати, и вѣсѣ и доми шляхетскія разграбилъ, и досягъ Винница, Бобрина и Бристя въ Литвѣ, где и Поляки зъ Козаками брань великую имѣяху, на ней же убіенъ Тишкевичъ и иніе мнози. По семъ у Пинску нападоша Ляхи на Козаковъ нечаянно и поразиша Гладкого зо всѣмъ его войскомъ. Потомъ егда весна прійде, нѣкто (*)

(*) Въ спискѣ, принадл. Комм. *нѣкоторій Козакъ.*

Голота, полководецъ, паки прійде въ Литву зъ Козаками и побѣдивъ Воловича зъ Литовскими войсками, самъ отъ Гонсеневского и Фалендовского (*) побѣжденъ, живота лишася. Таже Нободайло и зъ нимъ Кречовскій паки со многими силами на Литву найдоша и многія имѣяху зъ Поляки брани, по семъ отъ Радивила поражени и сами убѣенни осташа.

Въ то же время перво пришлетъ Кроль до войска Запорожского и до Хмелницкого привилей, который такъ ся въ себѣ маетъ.

Мы Янъ Казимиръ милостію Божіею Король Полскій и Великій Князь Литовскій, Рускій, Прускій, Мазовецкій, Жмудскій и Инфляндскій, Смоленскій, Черпѣговскій и Шведскій, Готскій по наслѣдію Король.

Симъ привилеемъ на потомніе часи вѣдати надлежащимъ обявляемъ. Занесена до насъ и до Речи Посполитой на зъиздъ у Варшаву суплѣка отъ войска нашего Запорожского зъ прошеніемъ чрезъ посла, абысмо Зборовскую имъ нашу обѣтницу привилеемъ утвердили; чего мы не отрекши привилей нашъ имъ видати повелѣ, на сихъ пунктахъ:

Его Кролевское Величество войску своему Запорожскому по давнихъ ихъ привилеяхъ жити позволяетъ и отъ себе заразъ новимъ привилеемъ потвержаетъ, и, привлащая ихъ ку себѣ и ко Речи Посполитой, допущаетъ быти войска Запорожского четиридесятъ тисячей. А споражепіе реестра злѣцаетъ тогожъ войска Запорожского Гетманови, абы Ко-

(*) Въ друг. списк. *Хванделовскій.*

заковъ до реестру вписовалъ, ктобы тилко бувъ до того способнимъ такъ въ маетностяхъ шляхетскихъ, яко и самого Его Кролевского Величества, начавши отъ сей сторони Днѣпра отъ Димеру, Станостая, Короштишова, въ Паволочи, Погребищахъ и Прилуцѣ, въ Вѣнницѣ и Браславлю, отъ Браславля до Ямполя ку Днѣстрови, такожъ отъ Днѣстра до Днѣпра; а зъ другой сторони Днѣпра во Острѣ, Черниговѣ, Нѣжинѣ и Ромнѣ, ажъ до границъ Московской и до Днѣпра. А щося касается далшихъ мѣстъ Его Кролевское Величество и иншихъ шляхетскихъ надъ вишъ-означеніе, въ тихъ Козаци не мѣютъ быти свободно; еднакъ изъ сихъ хтобы похотѣлъ въ Козацство, то безъ всякого отъ державцовъ своихъ удержованя и препятія со всѣмъ имѣніемъ на житло у опредѣленную имъ Украину внійти и до реестру вписатися можетъ, но тихъ вписанныхъ въ Козацство имѣній реестръ Гетманъ Запорожскій при печати войсковой, зъ подписомъ руки власной, предъ новимъ лѣтомъ прислати до насъ маетъ для того, абы токмо тіи зоставали при всякихъ волностяхъ Козацкихъ, а прочіе всѣ замкомъ Его Кролевского Величества и державцомъ подлягали. Чигиринъ при булавѣ войска Запорожского завше повиненъ быти, яко и теразнѣйшому старшому войска Запорожского благородному Богдану Хмелницкому Его Кролевское Величество, мѣючи его себѣ за вѣрного, отдаетъ. И що колвекъ дѣялося подъ часъ сего замѣшания попущеніемъ Божимъ, все тое въ вѣчное забвеніе пущаетъ и запрещаетъ всему своему панству за то не мстити; такожъ шляхта Греческой или Руской вѣри во время сей войни подъ якимъ нибудь образомъ которіи примѣрилися до войска Запорожского, Кролевское Величество

милостиво преступленіе ихъ отпущаетъ, и если подъ которимъ що зъ добръ дѣдичнихъ или ленныхъ упрошено, то на зѣздѣ сеймовомъ будетъ все нагорожено. Войско Коронное въ опредѣленной Козакомъ землѣ во всѣхъ мѣстахъ, селахъ, становискъ своихъ квартеръ займати отнюдь не должно, и Жиди тамъ ни державцами, ни арендарами, ни жителми нѣкогда быти не имѣетъ. Взглядомъ знесеня въ Коронѣ Полской и въ Княженіи Литовскомъ Унѣи и о маетностяхъ церковнихъ и добрахъ, до нихъ здавна належащихъ, и ихъ правленіяхъ духовнихъ такъ яко отцемъ Митрополитомъ Кіевскимъ и всѣмъ духовенствомъ, на сейму надходящемъ, договоренно и постановленно будетъ, то по желанію отца Митрополита все Его Кролевское Величество додержати готовъ, абы всякъ зъ своихъ правъ и волностей безпечно моглъ тѣшитися. Кіевскому Митрополиту мѣсце въ Сенатѣ Его Кролевское Величество позволяетъ имѣти. Достоинства всякіе и уряди въ Кіевскомъ, Браславскомъ и Чернѣговскомъ Воеводствахъ роздавати Его-жъ Кролевское Величество обивателямъ стану шляхетской рѣчи (хотябы они Греческого закону были) по давнихъ правахъ обѣщаетъ. Въ градѣ Кіевѣ, понеже суть издавна упривилованіе школи, отцеве Езуити не имѣютъ тамъ и въ прочіихъ мѣстахъ Украинскихъ фундоватися, и жебы заразъ были где инде перенесени. И такъ все противное въ забвеніе пустивши оразъ милость и дружества союзъ содержатися имѣетъ между обивателями Украинскими, а войскамъ Его Кролевского Величества сію прето декларацію нашу тимъ привилемъ на суплѣку войска Запорожского потвержаемъ, и тотъ привилей за подписомъ руки нашой и печатю Короннюю завѣсистою

видати повелѣлисмо. Данъ въ Варшавѣ мѣсяца 12, року 1650, панованя Кролевствъ нашихъ Полского Кролевства второго, а Шведского третого року.

Янъ Казимиръ Кроль.

Сего привилея копѣи старшинамъ роздавано, за печатю войсковою, Писаремъ Енералнимъ Искористинскимъ, на которихъ руку свою власную Гетманъ подписалъ тако: Богданъ Хмелницкій Гетманъ войска Его Кролевской Милости Запорожского, и марта 8 уписанъ до книгъ Кіевскихъ чрезъ Нечая Полковника Браславского и Демяна Многогрѣшного, Асаула Енералного, за Намѣстника Кролевского Пана Остапа Виговского. Потомъ прійде и Кисѣль Воевода Кіевскій зъ Брозовскимъ, статіи Зборовскія утверждати и зъ ними шляхти много, хотяще паки своя на Украинѣ имѣнія осѣсти, яже Хмелницкій полководцемъ своимъ уже раздаде, и налегаше, да изволитъ Хмелницкій статія Зборовскія исполнити; и егда начаша написовати да токмо чтиридесятъ тисячъ Козаковъ будетъ, пойде по градѣхъ народу то во уши, абіе бысть молва и мятежъ, аще бо Козаки давніе и не отрицаху чтири десятъ тисячъ написанихъ бути, а прочіе имъ паки въ работѣ паномъ своимъ остати; но инніе вознегодоваша и послаша ко Хмелницкому глаголюще: »Тако ли оставляеши насъ, Гетмане Запорожскій, ихъ же долженъ еси яко вѣрнихъ заступати и »не издавати Ляхомъ на мученіе, паки не вѣси ли, яко Ляхи миромъ симъ тебе уловити хощутъ«; прочіе — »аще тебѣ угодно »подъ Лядскою неволею быти, мы инного Гетмана поставимъ, »же о насъ паче тебе постоитъ«. Найпачеже Забужане и Под-

нѣстряне, о семъ роптаху; имъ же предводителемъ о томъ Нечай бяше. Устрашишеся Хмелницкій отъ народа сіе слишавъ и убояся, да не яко изверженъ чести Гетманской будетъ, остави написовати Козаки, но даде имъ свободу, хто хочетъ Козакомъ быти, да будетъ.

По семъ Хмелницкій прилѣжнѣе начаше соглашатись зъ Великимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ и вся тайни Лядскія Государскому Величеству откривати. И Великій Государь радъ бяше Козакомъ, яко приклонитися къ Московскому Государству зъ такъ много народними землями и княженія хощутъ. Изобрѣтше причину послалъ Великій Государь Князя Алексѣя Трубецкого, да Пушкина ко Королю Полскому, жалящеся на нѣкія его сановники, яко пишуще чести ему Государу уймуютъ и яко Папа Римскій, пишучи до Владислава Короля Полского, именуетъ его Великимъ Княземъ Московскимъ; тоже казнодѣи Полскіе расколниками Москву по костеламъ називаютъ; и домагалась Москва, абы тихъ ксенжовъ, что тіе казаня и книжки писали зъ книжками на Москву выдано, придавши до того Смоленскъ и сто тисячъ денегъ, грозячи готовою войною, если того Поляки не учинятъ. Между же симъ прійде посланникъ отъ Кримского Хана, возбуждая Ляховъ со собою брань поднести на Московское Государство. Чесому Поляки ради бяху, прежде бо сего, показуя Полякомъ Ханъ свое пріятелство, пусти отъ узъ обоихъ Гетмановъ Потоцкого и Калиновского. Не по мнозѣ ту же времени посланники Государскіе отпущени со отвѣтомъ, яко Ляхи готови на брань зъ Москвою. Зъ таковимъ отвѣтомъ посломъ Московскимъ отпущенимъ заразъ

Хмелницкій, чинячи прислугу Великому Государу и для Ляховъ Татарскою помощію вознесшися, извѣщаетъ о своихъ Козацкихъ силахъ и списа самихъ реестровихъ токмо Козаковъ, опрочъ охотного (войска) и Татаръ, которого имѣлъ безъ лѣчби, и, раздѣливъ на пятнадесятъ полковъ, послалъ книги описніе колико въ коемъ полку тисячъ.

Первій Полковникъ Чигиринскій Хведоръ Якубовскій, имѣяше въ полку своемъ	3,189,
Черкаскій—Иванъ Ворончепко	2,989,
Каневскій—Семенъ Павицкій	3,120,
Корсунскій—Лукянъ Мозира	3,472,
Уманскій—Іосифъ Глухъ	3,072,
Калнѣцкій—Иванъ Федоренко	2,046,
Кіевскій – Антонъ Адамовичъ	2,080,
Переяславскій—Хведко Лобода	2,150,
Кропивянскій – Хвилонъ Джеджелѣй	2,053,
Остранскій—Тимошъ Носачъ	1,958,
Миргородскій—Максимъ Гладкій	3,158,
Полтавскій—Мартинъ Пушкаренко	2,783,
Нѣжинскій—Прокопъ Шуменко	983,
Чернѣговскій—Мартинъ Небаба	936.

Всѣхъ тридцять пять тисячъ и осмьдесятъ человѣкъ (*).

(*) Явная ошибка, должно быть тридцать три тысячи девятьсотъ восемдесятъ девять. Касательно числа реестровихъ Козаковъ въ нѣкоторихъ полкахъ и касательно самаго числа полковъ въ спискахъ, которые принимаемы были во вниманіе при изданіи Лѣтописи, встрѣчаются разногласія. Въ позднѣйшихъ спискахъ, принадлежащихъ Коммисіи и А. В. Маркевичу, сказано, что Хмельницкій раздѣлилъ козаковъ не на пятнадцать, а на шестнадцать полковъ — шестнадцатый былъ Браславскій, *а въ немъ Полковникъ Данило Нечай* (этотъ полкъ въ рукописи слѣдуетъ за Уманскимъ);

Въ то же время прійде Османъ отъ Турского Цара Чаусъ и даде Хмелницкому дари: чугу, мечъ, короговъ и булаву, и совѣтовалъ отъ Кроля Полского отступить и поклонится подъ кровъ Цара Турского. Сіе увѣдалъ Кисѣль и зъ Кіева послалъ брата своего Григорія до Чигирина, увѣщавая Хмелницкого, да не отступаетъ отъ Кроля и Турскому Царю да не придается; но видѣвъ, яко Хмелницкій со всею Украиною изволилъ всеконечнѣ зъ Турскимъ Царемъ жити, нежели зъ Ляхами за ихъ злобство, со многимъ жалемъ отъихавъ въ Полшу. Ибо Хмелницкій вразумѣвъ Кримского Хана замислъ, яко того ради изъ Ляхами пріять братство, дабы Хмелницкого и Украину паки предати Лядской державѣ, тѣмъ о себѣ умишляя во время Турскому Цару поклонитися, да не раздражитъ его, и наджидаше, что будущее принесетъ время.

СКАЗАНІЕ, КОТОРАЯ ВИНА ВОЙНѢ БЕРЕСТЕЦКОЙ.

Прійде Нерудимъ Солтанъ къ Хмелницкому, повелѣвая отъ Хана, да идетъ зъ нимъ и зъ Ляхами бранію противу Цара Московского; но Хмелницкій на единовѣрного себѣ Государа брани подносити не желалъ, и подадеся ему. Въ томъ вина сицевая: Господарь Молдавскій, мишлячи како бы не содружитися зъ Хмелницкимъ, послалъ до Кроля,

---

число же всѣхъ реестровихъ Козаковъ въ этомъ спискѣ—тридцать семь тысячъ пятьсотъ тридцать девять: въ Каневскомъ—4,110, въ Уманскомъ—3,830, въ Браславскомъ—2,802; въ прочихъ полкахъ числа сходны съ вышеприведенными въ текстѣ.

да въ томъ ему поможетъ. Кроль повелѣлъ Потоцкому Гетману, пришедшу зъ Татарскія неволѣ, да зъ воинствомъ Полскимъ подъ Камянцемъ Подолскимъ станетъ и препинаетъ Хмелницкому зъ Господаремъ сватства; где Ляхи, по квартерахъ ставши, начали великое озлобленіе людемъ чинити. Слишавъ же Хмелницкій о Потоцкомъ и о Полскихъ вояхъ, подъ Камянцемъ Подолскимъ стоящихъ, собравъ и своя полки, акиби на Москву по повелѣнію Солтановомъ, вѣщію же самою смотряше бистро, коея ради вини Ляхи собираются зъ Потоцкимъ Гетманомъ и чесо ради имающе людей Поднѣстрскихъ, еднихъ избиваху на палѣ, другимъ носи и уши обрѣзоваху, а инних на четверти разсѣкающе по путехъ тѣлеса развозяху. О якихъ бѣдахъ нѣціи избѣгши отъ рукъ Лядскихъ безъ носовъ, безъ ушей, Хмелницкому возвѣстиша, яко во время мира таковое безчеловѣчное мученіе Ляхи Русѣ творятъ. Сіе слишавъ сѣдяй (*) посланникъ Татарскій усумнѣся; глаголяже Хмелницкій ко предстоящимъ, видите, что намъ Ляхи творятъ, хощуть, да намъ отшедшимъ на брань противу Москви они нападутъ на доми наши, и огню предадутъ гради и села, жени же и чада мечемъ посѣкуть и память нашу зъ свѣта загладятъ. Сіе же все возвѣсти поселъ Татарскій Солтану, то же Солтанъ Хану, и препятся брань, юже имѣяху поднести на Москву Ляхи и Татаре.

Таже послалъ Хмелницкій Кравченка до Потоцкого Гетмана, вопрошая его, почто во время мира Лядское собравшися воинство на Подолю, людей невинних убиваютъ и ограбляютъ, ни откуду не слишаша супостата на Полскую

(*) Въ другихъ спискахъ *присудствуяй.*

землю. Отвѣща Потоцкій: Кролевскій указъ на границахъ намъ быти, чесому не имать удивлятися Гетманъ Запорожскій; вящше мы удивляемся, яко Козацкое воинство стоитъ на брань готовое, къ сему,—почто безъ повелѣнія Кролевского Козаки Молдавскую землю опустошиваютъ? Хмелницкій же, такій отвѣтъ черезъ Кравченка слишавъ, и умолче, донелѣже сили Татарскіе соберутся. Сицевимъ образомъ и Турского Цара стяжа себѣ у защищеніе и Татаръ удержа, еже бранію не ити на государство Московское, ему же самъ показася пріятенъ, а Полякомъ сотвори Москву супостати и Хана Кримского, иже привождаше въ миръ Козаковъ къ Полякомъ, паки подвиже бранію на Ляхи востати Той бо не разумѣлъ отъ Хмелницкого хитрости таковой, но паки видяшеся ему, яко не могуще инако Ляхи Козаковъ погубити, подъ покровомъ мира погибели имъ ищутъ, абіе послалъ ко Кролю, за таковое непостоянство и хитрость отъ себѣ войну Ляхомъ возвѣщая. И повелѣлъ Кроль Казимиръ не токмо наемнимъ воемъ готовимъ на брань быти, но и всему посполитому рушеню.

Первѣе-жъ послалъ Кроль Маховского ко Кіевскому Митрополитѣ, да увѣщаетъ во время Козаковъ предъ Кролевскимъ смиритись Маестатомъ, аще же инако, то огнемъ и мечемъ всю Украину погубити обѣщаша. Того посланного Митрополитъ отославъ ко Хмелницкому зъ писаніемъ Кролевскимъ.

Слишавше то Хмелницкій, повелѣлъ абіе вновь написати Козацкое войско, и, сему бывшу, повелѣ Ляховъ паки отъ Украини изгоняти и убивати, и послалъ Нечая зъ полкомъ изъ Забужа—отъ Браславля, да идетъ Ляхомъ про-

тиву; где Гетманъ Полній Калиновскій бѣ недалече, а услишавъ Нечая въ Красномъ, днемъ и нощію послалъ войско Полское, которое вшедши нечаянно впаде въ мѣсто. Нечай же въ то время упися и Козацкое войско дни мясопустніе празнующе. Егда Ляхи мѣсто нападоша и сѣщи людей начаша, скочилъ Нечай, самъ хотя Ляхомъ воспятити, но устрѣленъ кулею въ рамѣ убѣже на замокъ и тамо скончася. Войско Козацкое, въ замку три днѣ біючися, оставше городъ, его же Ляхи огню и мечу предаша. Тако первое Козацкому войску чрезъ піянство бысть нещасте и погибель.

Все же Хмелницкій пустивши мимо, повелѣ Богунови зъ войскомъ поступати ко Вѣнници. Калѣновскій паки нападши, и такимъ образомъ мѣста: Черняховци, Мурахву, Шаргородокъ и Ямполь огнемъ и мечемъ воева и въ нихъ людѣй неповинныхъ, а оттуду подъ Вѣницю пойде, ибо тамъ Богунъ зъ войскомъ Козацкимъ бяше. Пришедъ Гетманъ Калиновскій приступи подъ городъ крѣпко, хотя его взяти, но Богунъ упремудри Ляховъ сице: прежде даже Ляхи до Вѣнници не прійдоша, сотвори засаду и много порази Лядского войска, таже изійде изъ града, Богунъ во монастиръ, тамо близъ сущій, и, рѣку Богъ порубавъ, потруси сѣномъ. Сея Ляхи не вѣдуще лести, егда скочиша штурмомъ и коньми, хотяще въ монастиръ, абіе и Козаковъ взяти, обломися Лядское войско и потопе много въ рѣчную глубину. Тамо утопоша отъ началнѣйшихъ Кисѣль и Тишкевичъ, еденъ Браславскій ратованъ Воевода, такожъ-де и подъ замкомъ въ штурмѣ Вѣнницкимъ много Ляховъ Козаки побиша. Къ сему слишавше Ляхи, яко Глухъ Полковникъ идетъ Козакамъ на отсѣчъ, изійдоша противу ему въ поле; невѣдомо

же чесо ради бысть смятеніе въ мѣстѣ между Ляхами, едини утѣкати начаша, другіе имъ послѣдоваху, а третіе вози панскіе грабляху, наконецъ же, оставше обозъ, до Бару убѣгоша образомъ Пилявецкимъ, и тако Козаки безъ труду користь взяша. Въ Бару же, Ляхомъ сущимъ и неимѣющимъ запасовъ, бысть глодъ крѣпокъ, и тако ко Каменцю пойдоша, уже бо не надѣяхуся помощи себѣ ни откуду; занеже Кроль аще и повелѣ посполитому рушеню быти, но другій шляхтичъ нѣмъ жену въ дому пожегналъ и покинулъ, а тутъ въ Гетманскомъ войску не одинъ Ляхъ зъ голоду згинулъ. Того ради и неволею Гетманъ Калиновскій пойде ко Кролю, сущу тогда подъ Сокалемъ; прежде бо сего и Господаръ Молдавскій остереже Ляховъ, яко Хмелницкій зъ Богуномъ шестьдесять тисячъ посилаетъ войска Козацкого изъ Татари, где Ляховъ Богунъ подъ Каменцемъ не заставши послалъ Демка за частю войска въ погоню, того въ Купчинцахъ Ляхи поразили, а найболше которіе за переправою Козаки бѣху. Тамо убіенъ Полковникъ Каневскій.

Сею бранію Ляхи увеселени, знову ку Богу возвращатися начаша, и нападе на нихъ загонъ Татарскій; разумѣвше же Ляхи, яко Хмелницкій заходить ихъ созади, побѣгоша Ляхи чрезъ Богъ вплавъ, и много ихъ потопе тамо, мало ко обозу Кролевскому пріидоша.

СКАЗАНІЕ О ВОЙНѢ БЕРЕСТЕЦКОЙ.

Кроль убо, зъ такъ многолюднимъ посполитимъ рушеніемъ собрався, пойде зъ подъ Сокаля, и не остася въ Полской земли жаденъ шляхтичъ, кромѣ женъ, паніенъ и

ксендзовъ, яко быти всего Полского войска на триста тисячъ, а Твардовскій въ книзѣ части 2-й, на листѣ 30-мъ, свѣдителствуе, что запевне зъ обохъ сторонъ было войска до бою на пятсотъ тисячъ, опрочъ что при такъ великомъ обозѣ и на стражѣ оставалось; о чемъ и Пофендорфій пише, яко Ляхи отъ всего Кролевства, опрочъ шляхти, зъ подданнихъ седмого человѣка на тую войну взявши, изучили и вивели. Зъ тимъ войскомъ прійде Кроль подъ Берестецкою, лежачое на полъ Волиня. Местечко же то Лещинского есть державы, лежитъ оно надъ рѣкою Стиромъ. Въ семъ вѣсть Кролю прійде, яко Хмелницкій подъ Збаражемъ и Ханъ недалече его зъ Татари; но да увѣстится еще Кроль лучше о Хмелницкомъ и о Ханѣ наджидаже болѣе вѣстей, а въ семъ прійде еденъ жолнѣръ зъ подѣзду, ибо Князь Вишневецкій зъ Бестековскимъ (*) добрихъ послалъ корогвій килка, на нихъ же Татаре нападше всѣхъ изсѣкоша, яко единъ токмо возможе убѣжати, о чесомъ глаголющимъ: »се Орда нападе на обозъ Лядскій, изсѣкоша, яко стебліе Ляховъ по полю«. Тимъ Ляхи остережени исправляти обозъ и войско начаша, Татаре же, видѣвши войско Полское безчислено, воспятишеся мало, донели би Хмелницкій и Ханъ подтягли со силами своими. По семъ Козакомъ и Татаромъ купно пришедшимъ брань зъ обою страну сведоша, и бысть сѣчь въ той день немала, таже престаша до утра отъ брани. Во утріе паки въ день четвертковій изведени полки многіе отъ обою страну, и часу брани пришедшу Козаки и Татаре сопроша Лядскіе полки зѣло, яко падоша

(*) Въ спискѣ, принад. Ком. *съ Биковскимъ.*

остріемъ меча и отъ оружія огненна Ляховъ; много тамо убіени славніе Ротмистри и Полковникъ Стадницкій и иннихъ до пяти сотъ Полскихъ юнаковъ лучшихъ, а именно: Казановскій, Осолинскій, Лигеза, Молчицкій (*) и иннихъ много; шляхти до килко тисячъ остало на пляцу, ихъ же жени и дѣти болѣе не видѣша во вѣки. И въ томъ оба войска ночъ покрила. Тонокъ бѣ сонъ Поляком, ибо Кроль, созвавъ синклитъ свой, совѣтоваше, яко бы Козакомъ и Татаромъ отпоръ дати, и устроихъ колки якоже подобаше.

Тажде и Хмелницкій зъ горъ отъ полудня рано полки устроивъ и обозъ свой, Хановѣ же правій бокъ давши зъ Татари, пусти войско до бою строемъ добримъ. И бывшей сѣчи Козацкое войско Ляхи премогоша, ибо, Ханъ когда нечаянно началъ входити зъ пляцу, Козаки, хотяще ему отъ лѣвія страни дати помощъ, паразишася сами на свои армати и, смѣсившеся строю, отпадоша, а Ханъ пошедъ воспять не обратися паки, самихъ Козаковъ остави, но и тіе начаша уходити ко своему обозу. Обозъ же лежаше отъ Лядского обозу у милѣ надъ рѣчкою Плешивою, где Хмелницкій повелѣ Полковникомъ и всему Козацкому войску быти и бранъ творити зъ обозу. Самъ зъ Виговскимъ пойде за Ханомъ, упѣмаючи оного, но не даючи Ханъ намовити даже до килканадцетъ миль, единимъ понасомъ подъ Ожеговци увойшедши сталъ, которого Хмелницкій заледво упросилъ, аби далъ для отсѣчи войску Орди тисячъ двадцатъ, но и тая, не дошедши до облеженцовъ, повернулась. Хмелницкій же, видя явную Ханскую змѣну, мусѣлъ и себѣ, зъ не-

(*) Въ спискѣ, принадл. Коммиссіи: *Микгеза, Молдацкій.*

утолимимъ по войску своемъ плачу, зоставивши оное у облеженю зъ Татари, пойти, мѣючи при себѣ токмо Козаковъ тридесятъ и еще зъ межи Татаръ Козаковъ пришло семдесятъ; зъ тими отлучившися отъ Мурзъ, пошолъ на Любаръ, не вѣрачи Татаромъ, абы и его самого взявши Ляхомъ не видали; понеже Ханъ зъ прелести Лядской для лакомства даровъ и для переѣднаня Кроля, же безъ причини на землю его килка разъ наступалъ, упустошилъ, а барзѣ для вигубленя Христіанъ, умисле Козаковъ видавши, зъ пляцу втекъ. И такъ идучи Хмелницкій отъ Любара многихъ Козаковъ, по городахъ на залогахъ будучихъ и которіе до войска за Татарми не могли дойти, назбиравши, пришолъ до Паволочи и началъ остатцовъ до своего войска вигонити, а иніе сами боячися пановъ своихъ и жолнѣрства, же будучи мужиками покозачились, за Хмелницкимъ на Украину уступовали и у великіе купи до боку Хмелницкого собѣрались, откуду Хмелницкій опять по Орду послалъ.

Но тіе Козаки, которихъ Ханъ и Хмелницкій подъ Берестечкомъ отбѣгъ, заразъ почи той окопаша обозъ свой валомъ високо, и во-утріе подступи Лядское войско силами всѣми подъ обозъ и зъ армати. И былъ той день въ весь брань велика и паде много войска отъ обою страну. Тамо убіенъ бысть Шкуратъ, Полковникъ Прилуцкій, а усмотрѣвши Лядскій шанецъ Козаки на горѣ, поблизу себе, въ почи Нѣмцовъ успувшихъ нападше много побиша, яко и на всѣхъ Ляховъ паде страхъ отъ тамошнего клича. По семъ Кроль, собравъ Сенаторовъ на совѣтъ: добывати ли Козаковъ штурмомъ или, облегши полками, морить ихъ гладомъ, да по не тако предъ Кролемъ смирятся, и вси совѣ-

товали не погубляючи шляхетской кровѣ, для убогой користи гуней, дергъ и сермягъ, но отявши пашу держать ихъ въ тѣсномъ облозѣ. А въ томъ утворися сваръ между посполитимъ рушеніемъ и кварцянимъ войскомъ, едни еднихъ напредъ ку облеженю Козакомъ предпослаху; о чомъ имъ сварящимся между собою и почи той небрегущимся, Козаки нападоша на шанецъ, которій былъ имъ на перешкодѣ, и много тамо Ляховъ побиша и возвратишася до обозу. По нѣкоторихъ же днехъ слишаша Козаки, яко имъ ни Ханъ, ни Хмелницкій на помощъ не возвратися, къ сему не могуще на Гетмана згодитися, не вѣдуще кому булаву и управленіе войска дати и отсюду облежени, послаша ко Кролю, просяще мира, Крису Переяславця и Петрашенка, дабы при Зборовскихъ пактахъ остатися имъ. Но Ляхи не помислиша о мирѣ, забыша, яко тая-жъ де имъ подъ Зборовомъ, близъ погибели бывшимъ, Козаки вземше волности своея пакта, Короля зъ войскомъ пустиша здрава. Ляхи же не тако, но всѣми силами наступиша, неже имѣху Козаки едину отраду изъ-за Пляшовой и тую заступити усовѣтоваша, и сотвориша тамо мостъ шанецъ и Нѣмцами осадиша. Совѣтоваху же кого би послати на стражъ изъ-за Пляшовой, поставиша Вишневецкому со пятнадцатъ тисячъ избранѣйшого войска ити на стражу за Пляшовую. Но Богъ размѣси ихъ совѣти, яко да вси Козаки не погибнутъ; глаголаху бо другіе отъ Сенату, яко аще за Пляшовую избранѣйшое пойде. Тогде Козаки уразумѣвше наппослѣднѣйшое войско всѣми силами обратятся и побіютъ и въ обозъ возмутъ, и будетъ отдаленіе отдаленнимъ и побѣда побѣжденнимъ. Того ради судиша Ланцкоронскому со трема

тисячми па стражъ пойти па ту страну Пляшовой. Послапіи же тогда отъ Козаковъ Кролю предстояху, и даша имъ Ляхи пакта сія: »дабы Хмелницкого видали Ляхомъ зъ Виговскимъ, а донели то будетъ, абы старшину свою Козаки дали въ заставу, армати же и все оружіе да олдадуть Ляхомъ въ руки; Гетмана, аби Козаки сами не збирали, по кого имъ Ляхи дати изволять. Много быти Козакомъ на реестрѣ, то пришлій сеймъ покажетъ, и Зборовскіе уже да оставлять пакта«. На що отвѣщаша пословѣ: »Хмелницкого отдати обѣщаемъ зъ Виговскимъ, по армати и старшину видати ни помислимъ, аще прійдетъ намъ и умерти«. И зъ тѣмъ Козаки до обозу своего отійдоша; единъ токмо Криса у Ляховъ остался и тожъ-де почи, не зѣло стрѣгущихся въ шанцу близъ мосту Лядского, Козаки Ляховъ видѣвше, нападоша тайно и побиша много радепіемъ Богуповимъ, его же тогда Козаки уже вожемъ поставиша. Собравше Богупъ полководци ко совѣту предложи имъ како би изійти отъ тоя обсади; къ симъ и черни не въ конецъ вѣроваша, даби прелстившися отъ Ляховъ и своего ради свобожденія старшину не предали Ляхомъ въ руки. Тѣмъ усвѣтоваша полководци сотворити мостъ чрезъ Пляшовую и перевести войска доволно, даби Ляпцкоропского отогнали и дали всему войску Козацкому увойти цѣло. И тако въ ночи то сотвориша Козаки три мости отъ епанчей, возовъ, войлоковъ и наметовъ чрезъ Пляшовую, и во утріе начатъ войско переходити комонное, еже видѣвъ Ляпцкоропскій, яко Козацкая вся сила къ нему приближается, уступи и дасть проходъ Козакомъ бѣжащимъ. Отъ чернѣ же о томъ совѣтѣ никто же вѣдяше, тѣмъ и смятошася вси сущіи въ обозѣ,

и начаша бѣжати на тіе мости, а запеже растопташа зѣло мости тія, тамъ едни другихъ потопиша, где и многое множество потоне Козаковъ во блатѣ, а иже кто и прибѣже мостами, сіи бѣжаху, гдѣ кто можаху, даша бо Ляхи переходъ волній, донели преправися килка десятъ тисячъ въ погоню. Обозъ же весь со арматами и со всѣми запасами остася празденъ, его же Ляхи нападше всего разграбиша, кромѣ арматъ, ихъ же шестдесятъ меншихъ и осмападесятъ пулкартановъ, Кролю отдаша и двѣ Корогвіи Хмелницкому данніе, едну Владиславомъ Кролемъ, которій, когда замишлялъ поднести войну на Турка, давъ, чинячи его рейментаромъ, а другую Кролемъ Казимѣромъ чрезъ Киселя Хмелницкому присланную, и мечъ на тую войну, отъ Патріарха Греческого благословенній, чрезъ руки Архіепископа Коринтского вновь присланній, которій, будучи тамъ забитій, самъ кровію своею оній посвятилъ. И погибе тогда Козаковъ яко до пятидесятъ тисячъ; все же то бѣ судомъ Божіимъ, иже суть никому несвѣдомій.

Нѣціи повѣствуютъ, яко нарочно Хмелницкій остави Козацкое войско, ибо не во всемъ ему Козаки повиноватися начинаху, иже отъ войни зъ Ляхами престати хотяху. Бысть же то въ лѣто 1651 чрезъ Петровъ весь постъ, а на соборъ Святихъ Апостолъ Козаки разбѣгошася и обозъ оставиша.

СКАЗАНІЕ, ЧТО ПОДЪ БѢЛОЮ ЦЕРКВОЮ ЛЯХОМЪ БЯШЕ 1651 РОКУ.

Ляхи, убо Козацкій обозъ разграбиша и многихъ по-

сѣкше, возвратишася до обозу своего. И во утріе сотвори совѣтъ Кроль, како бы Козаковъ въ конецъ погубити, и совѣщаху пѣціи всѣмъ воинствомъ ити на Украину; но посполитое рушеніе возропта зѣло, не хотяху бо далѣе ити за Козаками, понеже уже и Лядское воинство много погибаше отъ голода и трудовъ и умираху по путемъ напрасно. Тѣмъ судиша ити обомъ Гетманомъ зъ войскомъ наемнимъ во слѣдъ Козаковъ на Украину. И тако Гетманомъ пошедшимъ Кроль возвратися до Варшави зъ посполитимъ рушеніемъ, но квартяное войско тогда Лядское ослабѣваше, идуще пустимъ краемъ. А тѣмъ временемъ Хмелницкій, пришедъ на Украину, паки собра Козаковъ пятдесятъ тисящъ и Татаръ четиридесятъ тисящъ зъ Карачъ-Мурзою, и готовляшеся Ляхомъ противу.

Во остатнѣхъ же днияхъ августа прійдоша Ляхи подъ Паволочъ, аще же имѣли отъ безгодія многія скорби, но еще и болѣе прибыло имъ печали, ибо его же Ляхи найщасливѣйшого вожда имѣяху сего тамо погубиша, славного оного Князя Іеремѣя Вишневецкого, которій дотираючи войни много зъ Козаками, тутъ въ Паволочи зложилъ оружіе свое смерти подъ ноги; що Лядское войско за нещасливой знакъ мѣючи походу своего, тѣло его опровадиши до гробовъ отчистихъ, сами же готовляху въ походъ далшій. Хмелницкій же въ то время столше зъ войскомъ на Маславомъ Ставу, которого якъ би ни убыло ничего подъ Берестечкомъ, такъ ихъ заразъ многоплодная зродила противъ Ляховъ Козацкая матка, и имѣлъ пилное око на Полскіе Гетмани, яко и на Радивила, которій, поразивши подъ Лоевомъ Небабу и Горкушу, зъ Антономъ завиталъ въ Кіевъ, где огнемъ

спаливши пустое Подолное мѣсто, понеже Козаки и мѣщане, у байдаки всѣвши, на низъ Днѣпра ку Черкасомъ и далѣй со имѣніемъ повіездили, вславъ семъ корогвей заразъ на подѣздъ зъ вожемъ Апдзуломъ, того идучого назадъ здобичу тяжко Козаки напали и поразили и отняли вси користи. О чомъ Полскіе Гетмани и Радивилъ почувши, подъ Хвастовомъ совокупили свои обози, оттоль пошли подъ Трилѣси и тамъ огнемъ и мечемъ повоевали. Въ то время пріиде Хмелницкій подъ Олшанку, а оттоль подъ Бѣлую Церковъ, гдѣ обятъ оба берзги Росѣ и городъ около. Що услишавши Полскіе Гетмани собраша раду и совѣтоваша, что творити вкупѣ же и бояхуся, понеже отъ посилковъ своихъ далече, и зима надхождаше, а отъ тѣхъ безгодій и войско Полское изнемогоше. Тѣмъ усовѣтоваша послати призивающе Хмелницкого ку згодѣ и послаша Маховского (*) зъ писаніемъ мирнимъ.

Сіе прочетъ Хмелницкій предъ полководци не отрече быти миру и повелѣ Лядскимъ Коммиссаромъ до Бѣлой Церкви быти, и послани Коммиссари: Кисель Воевода Браславскій, и Воевода Смоленскій Григорій Гребовичъ, Гонсевскій Подстолникъ Литовскій, Косаковскій Подсудокъ Браславскій. Идуще же Коммиссари чрезъ обозъ Козацкій много утерпѣша отъ Козаковъ лаяниемъ, а егда чтени бяху пункта предъ чернію о мирѣ и дойдоша до той статіи, аби Козаки Татаръ отступили и войска даби было Козацкого токмо двадесятъ тисячъ, напрасно воста ропотъ и кличъ между Козаками, и глаголяху бо Козаки: »и такъ же то Гетмане

(*) Въ спискѣ, принадл. г. Помощ. Попеч. *Ляховского*.

»берешся до покою зъ Ляхами. Орди отступуешъ и насъ »хощещи видати Ляховъ на муки, донели то будетъ, самъ »первѣе наложишъ головою, где купно и Ляхи погинутъ«. И отступиша замокъ Бѣлоцерковскій всѣмъ воинствомъ, хотяще всѣхъ тамъ Коммиссаровъ, яко и Хмелницкого, побити. Видѣвъ же Хмелницкій такое востаніе черни вийде зъ Выговскимъ и зъ иними Полковниками и едва возможе народъ утолити въ той молви, въ окно брамное вомалѣ не уби Кисѣля стрѣлою Татаринъ. О такой бѣдѣ своей возвѣстиша Коммиссаре Полскимъ Гетманомъ, тіи тогда стояху подъ Германовкою обозомъ, и усовѣтоваху ити, дабы свободили Коммиссаровъ; но, прежде даже не пріишли подъ Бѣлую Церковъ Полскіе Гетмани, отпусти Хмелницкій Коммиссаровъ зъ Бѣлой Церкви и самъ ихъ провождаше. Егда же прехождаху обозъ Козацкій Коммиссаре, абіе Козаки и Татаре, воставше со гнѣвомъ на Коммиссаровъ, разграбиша вози со всѣми достатки, яко егда сами живо остали Коммиссаре.

Сіе видѣвше Полскіе Гетмани пріидоша подъ Бѣлую Церковъ обозомъ и сташа на мѣстѣ, иже ни води, ни корму не бѣ ихъ конямъ, и куповаху Ляхи у Козаковъ воду кварту по ворту, а у Татаръ конямъ пашу. Не мощно бо бѣ Ляхомъ ни голови вихилити зъ обозу, и бѣху въ тѣснотѣ великой многіе отъ Ляховъ, друзи пошедше по воду и за травою пошли въ Татарскіе руки, если хто не заплатилъ головою. Въ томъ Хмелницкій прислалъ дванадесятъ Козаковъ до Полскихъ Гетмановъ, которіе аки бы ни о чомъ не вѣдуще принесоша Зборовскіе пакта, дабы ни въ чомъ были не нарушени, аби Козацкого войска было сорокъ ти-

сячъ и зъ Татаръ и дружби розводити Козаки не мислятъ. Чесо ради Полскіе Гетмани Козаковъ тыхъ отпустивше сами всею силою подъ обозъ Козацкій начаша подступовати. Где такожъ-де Козаки и Татаре противъ Ляховъ изійдоша, и бысть брань велика, тамо отъ значнѣйшихъ Ляховъ убіенъ Воловичъ. Во утрѣе же послалъ Хмелницкій пословъ Райтарского (*), аки невѣдяй о вчерашней брани, приводяще Ляховъ ко миру. А въ то время Козаки и Татаре, прибравшеся созади, подъ обозъ Лядскій чрезъ посѣчи подійдоша и ударяша крѣпко, тоже отъ обозу Козацкого зъ арматъ огня даша, Татаре же обогнавше Полскіе полки нападоша на легкіе хорогви и сломивше ихъ, ажъ въ обозъ біюще, угнаша; посемъ обращеся и на войско устроенное ударяша, где такожъ-де даже до обозу прироша. И тако день отъ дня Хмелницкій трактати зъ Ляхами продолжаше, нажидая донели Лядскіе безъ води, безъ трави ослабѣваютъ сили.

Въ то время быша крѣпкіе дожди и отъ таковихъ безгодій начать войско Полское ослабѣвати, уже бо ни конемъ, ни войску Полскому не доставше корму, и много умираху, а хорихъ по шалашахъ Лядскихъ безъ личби, а иже бяху еще здрави, тіи хотяху оставити обозъ и бѣжати. Козацкое же войско и Татарское въ добромъ стояше мѣстѣ и водѣ и паши. Еще же вѣдуще Ляхи, яко Козацкое умножается войско, а Полское малѣетъ, того ради болѣе Ляхи примиритися хотяху нежели Козаки, и скоро токмо при-

---

(*) Въ спискѣ, принадл. г. Маркевичу сказано: *во утріе же посла Хмелницкій Райтаровского.*

слалъ Хмелницкій ку зголѣ, абіе Лядскіе прійдоша Коммиссари, и таковіе того мира пункта поставиша:

»Войска Козацкого должно быти токмо двадесять тисячъ.

Козаки въ Кіевскомъ токмо воеводствѣ должни жити, но и то по Кролевскихъ мѣстѣхъ.

Браславское и Чернѣговскоо воеводство аби Козаковъ не мѣло.

Чернь зась повинне зоставати знову въ подданствѣ.

Бунтовъ Ляхи не споминати тужъ во вѣки.

Велкіе тежъ приходи панскіе паномъ знову отдатися повинни.

Чигиринъ до булави Козацкой належати маетъ.

Вѣра Руская въ своей цѣлости и духовенство зоставати будетъ. Добра церковніе, если бы хто посѣлъ, отдати долженъ.

Шляхта, которая була зъ Козаками при своей части, зостанетъ.

Жиди такъ же до своихъ гендлiовъ вернутся на Украину знову.

Хана зъ Татари маетъ Гетманъ Козацкій привести ко Кролю до пріязни давней, а если бы Ханъ не схотѣлъ зъ Кролемъ жити, Козаки мають отступити.

Зъ посторонними Монархами Гетманъ Козацкій не маетъ трактовати ни о чомъ, безъ вѣдома Кролевского.

Козаки зъ Крилова, Канева и Черкэсъ, абы въ Кіевѣ судилися спокойне«.

Якіе пакта Хмелницкій поставивши взялъ Собѣского и Потоцкого въ замѣну и къ Коронному Гетману пойде

зъ Полковниками, где пріехавши Хмелницкій Гетмана Коронного привитавши, зъ обу сторонъ присягою миръ утвердили, которій стоялъ якъ на леду тилко до прійдочого лѣта, и повернули Ляхи и Козаки въ доми своя здраво.

СКАЗАНІЕ О ВОЙНѢ НА БОТОЗѢ.

Учиненну миру бывшу подъ Бѣлою Церквою зъ Ляхами, попусти Хмелницкій стати (Ляхамъ) на корму по за Днѣпру и Браславскомъ воеводствѣ, где Гетманъ Коронній Калиновскій, которій, по новозмерломъ тоей осени Потоцкомъ Гетманѣ, зъ нѣволѣ пришедшомъ Татарской, сталъ Короннимъ Гетманомъ, у Браславщизнѣ за универсаломъ Хмелницкого росположился; а братъ его Калиновскій же тожъ за универсаломъ Хмелницкого зъ войсками Коронними притягъ на зимовлю въ Нѣжинъ, которіе расправилъ вездѣ по городахъ, взявши отъ Сули ажъ въ Стародубщину за Мглинъ по Литовскую границю. Чему по повеленію Хмелницкого жаденъ городъ не могъ спротивитись, где сурово и немилостиво Ляхи жити начаша зъ народомъ простимъ, акибы въ своихъ княженіяхъ утяжали людей убогихъ великими податки, и малія ради вини мученіемъ неслиханимъ тайно и явно, абы имъ свои скарбовніе спратанніе объявляли, огнемъ мучили. И бѣ видѣти въ народѣ воздиханіе и горе, а роптаніе на Хмелницкого Гетмана, яко, по многой Богомъ данной надъ Ляхами оружіемъ Козацкимъ побѣдѣ, Украинскія люди паки Ляхомъ предаде въ неволю въ такой тѣснотѣ отъ Ляховъ народъ быти Украинскій. Слишавъ Хмелницкій молчаше, донелиже угодное ему ко отмщенію бѣди людской прійде время, и повелѣ народу волно сходити зъ

городовъ, кидаючи своя набитки у Полтавщинѣ также и за границу у Великую Россію, абы тамъ городами осѣдали. И отъ того часу стали осѣдати: Суми, Лебединъ, Харковъ, Ахтирка и всѣ слободи даже до рѣки Дону Козацкимъ народомъ. А сам Хмелницкій чрезъ тую всю зиму все терпѣніемъ зносилъ, понеже въ зимѣ войска собрать было не возможно для готовихъ войскъ на квартерахъ столичихъ по Козакахъ Лядскихъ, ибо и Татаре Ляхомъ стали были уже пріязни, а Москвѣ отозвалися явними непріятелями.

Потомъ любо Татаръ себѣ примирилъ, еднакъ отмѣну ихъ пріязни и замыслъ на болшое Христіанъ кровопролитіе на доброй памяти имѣючи, боялся, жебы въ той злый часъ и его хто Ляхомъ не видалъ; понеже и своимъ не вѣрилъ; чесо ради являючись Ляхомъ зичливимъ многихъ Козаковъ и по неправедной Лядской жалобѣ самъ за шеи бралъ ковати и имъ видавати казалъ, а иныхъ и на горлѣ каралъ, абы той ему часъ трудный якъ перебувши, Ляховъ фортелие уловити. И дождавши желаемого веселного часу, пусти голосъ, яко би, по повеленію Солтановомъ, на Москву вскорѣ позелѣ войску нечаянно въ поле за собою виходити, что было Ляхомъ, невѣдущимъ его хитрости, велми угодно. Но когда войска Татарскіе до него присиѣли, онъ не идучи войною на Москву, но послалъ къ Молдавскому Воеводѣ, да по давней умовѣ отдасть дщерь свою во жену сиповѣ его Тимошевѣ, аще же инако, то во сто тисячъ войска къ нему прійдетъ въ гостину.

И обять страхъ Воеводу и Волохи, и рекоша ко Господару своему: »чесо ради единой любимой твоей дщери мѣетъ земля наша опустиватись, ибо и за первимъ его

приходомъ Ясси и прочіи города въ пепелѣ зостали, а нынѣ за третимъ уже разомъ мѣемъ и мы за малую рѣчъ отъ меча погибати, и аще по его Хмелницкого хотѣнію сего не сотворишъ, ми самого тебе со всѣмъ домомъ, для своихъ головъ и цѣлости землѣ, ему отдамо«. И, невѣди Господарь что творити, послалъ къ Королю, да сотворитъ кое препятіе тому веселлю. И посланъ Гетманъ Калиновскій, да не пуститъ Хмелницкого синови ити къ Господару на веселле (уже бо Потоцкій Гетманъ Коронній умеръ). Калиновскій же притягъ сталъ на Батозѣ зъ войскомъ Полскимъ, где регулярного три тисячи бѣ пѣхоти, а шесть тисячъ коннихъ, опрочъ охотного войска, и заступоваху путь, не попущающе Хмелниченку ити до Волохъ по дщерь Господареву. И еще Калиновскій послалъ до войска Полского, которое зоставало на кватерахъ у Нѣжинѣ зъ братомъ его и по инших городахъ за-Днѣпрскихъ, аби, якъ найскорѣй поспѣшали до боку Гетманского въ обозъ, которіе якъ найскорѣй зъ за Днѣпра рушивши въ тягнѣню, невимовніе кривди людемъ чинили. Хмелницкій же, означивши путь, аки бы идетъ ко Днѣстрови, написалъ до Гетмана Калинского: почто бы заступовалъ синови его дорогу, иже идетъ до Волохъ, и чтожъ до того кому, но аще отъ бояръ его что Ляхомъ прилучится зло, яко обичай на веселлю бывати, то не мѣлъ би онъ за зло посемъ о тое. Яковое обереженіе Ляхи розумѣючи за лесть и презорство, зъ таковимъ веселіемъ ожидаху готови, токмо не вѣдаху гдѣ бы тогда еще былъ Хмелницкій. Такожъ и до брата Калиновского, на за Днѣпръ будучого, же войску допустилъ надъ Козаками невимовного тиранства, послалъ Хмелницкій коня,

остригши хвустъ и гриву, и зъ тихъ волосовъ казалъ сплести веровку и оную взядши того коня даровалъ, во знаменіе за обиди помсти Калиновскому. А же припали Татари подъ обозъ Лядскій, имъ же противу Ляхи изійдоша зъ полками, а обозъ оставиша созади неустроеній, и даша битву со собою. Но Татаре отведоша Ляховъ подалѣе отъ обозу, а въ то время Козаки приспѣша и на обозъ удариша и увалишися безъ великого труду, еже видѣвше Татаре возвращшеся, удариша на Полское войско, и заразъ Ляхи устрашившеся, едини вдашася до боку, а ту Козаки заступиша и обозъ запаленъ; другіе до переправи, а ту рѣка Бугъ и въ томъ кождій рицеръ въ ноги, и начаша Татаре Ляховъ аки стебліе пожинати. Самъ Гетманъ Калиновскій сталъ мужественно зъ Пріемскимъ при пѣхотѣ и Собѣскій Староста Красноставскій; но тіе вси легли отъ меча на пляцу, а которіи побѣгоша, тихъ всѣхъ посполство, извлекающе отъ болотъ по переправахъ забиваху нещадно. Самому Гетману Калиновскому урѣзавъ голову Татаринъ, и на копіи до Хмелницкого и предъ Нурадинъ Солтана принесе, а синъ Калиновского Самуилъ, отъ Козаковъ бѣжаще, на мосту у Бубновцѣ обвалися утопе.

И много пановъ въ той войнѣ позабивано, другихъ Татаре въ неволю побрали, но и сихъ Хмелницкій повѣле посѣщи, аби для далшого походу и войни не обтяжались Татаре. Хотѣлъ бо Хмелницкій Ляхомъ воздати за Берестецкую побѣду и непомилованіе надъ Козаками, и не оста ни единъ отъ того Лядского войска, но всѣ на Батозѣ погибоша. Такожъ и по городахъ везде Пановъ и Старостъ, которіе были на маетности свои за другос понаиздили, посолство всѣхъ

вибило. Межъ которими и урядника Сосновского зъ женою и зъ двома дѣтми въ Конотопскомъ замку, по сей часъ живючого, своеволци убили, и въ замковій Конотопскій колодязъ о Тройчномъ дни укидали; но о Воздвиженіи Честного Креста въ томъ же року не знать откуду чудовне взядшися води колодязъ оній, которого было глубинѣ тажней коло десяти, виполнили и оніе всѣ тѣла, тамъ укиданніе, на верхъ винесли; а когда оніе тѣла отъ тоей води побрано, то води на свое мѣсце въ колодязъ при очахъ многихъ людей уступили, которіе тѣла, въ цѣлости зостаючіе, жители Конотопскіе неподалеку тогожъ колодязя въ едной ямѣ поховали.

По той брани пойде Хмелницкій подъ Каменецъ-Подолскій, а Татаре, пошедши въ загони, много людей невинниихъ взяша и во своя страни отійдоша. О чемъ егда бѣ у Полщи услишано, всѣ отъ мала до велика устрашишася неутолимимъ страхомъ, мняху бо, яко Корсунская побѣда на Ляхи прійде и вси готовляхуся за Вислу ку Гданску и къ Поморскимъ берегомъ утѣкати.

Потомъ Хмелницкій возвратишися до Чигирина и виправилъ сина своего Тимоша ко Господару Молдавскому на веселле, даде-же и Козаковъ двападесятъ тисячъ коннихъ. И егда Яссъ доспѣша, стрѣте ихъ дворникъ Господарскій (*) таже и самъ Воевода Молдавскій изійде со своими Бояри и давши себѣ цѣлованіе, во градъ столній внійдоша и веселишася, гдѣ Воеводянка Панна, показуючи свою волную охоту зъ Хмелниченкомъ до малженства, казала Русскіе пѣснѣ

(*) Въ спискѣ, принад. г. Помощ. Попеч. *Гофмейстеръ Господарскій.*

на своемъ веселю дружкамъ (*) пѣти; по Полскую землю всѣмъ вишеписаннимъ бѣдамъ обдержащимъ и еще синове ея на матеръ свою Полскую землю восташа, ибо Радзіовскій (**) Сенаторъ, отъ Канцеляріи будучій оставленъ, бѣжаше въ Шведскую землю, и оттуду писалъ ко Хмелницкому стояти противу Ляховъ мужественно, понеже и Король Шведскій хощетъ быти Козакомъ во помощъ, и симъ на брань Козаковъ возбуждаше.

СКАЗАНІЕ О ВОЙНѢ ЖВАНЕЦКОЙ, ЯЖЕ БѢ ВЪ РОКУ 1653.

По семъ Хмелницкій виправилъ пословъ ко Кролю зъ писаніемъ жалящися на Гетмана Калиновского и которіе зъ нимъ бяху Поляки, яко сину его, идущу къ Господару Волоскому на веселіе, не даяху пути и возбраняху землѣ, трави и води, яже добримъ и злимъ самъ Богъ не возбраняетъ. Тотъ же идяй зъ Бояри своими мимо обозъ Полскій, и что тамъ бѣ имъ между собою, яко веселнимъ людямъ и себѣ Хмелницкій прощенія прошаше. Видѣвше же Ляхи, яко Хмелницкій ругается имъ явне, усовѣтоваше на сіе посланіе ничтоже восписати, и отійдоша посланніи Козаки отъ Кроля бездѣлне. По семъ паки прислалъ Хмелницкій ко Кролю зъ моленіемъ, да отпущено ему будетъ, яко веселле разграби Лядскій обозъ, занеже обиче то при веселю бывати, что вѣрною службою впредъ воздати обѣ-

(*) Тамъ же: *дружкамъ—дѣвкамъ.*

(**) Тамъ же: и *Бородъ—Зиновскій* Сенаторъ отъ Министерства будучи оставленъ.

щася, токмо да пришлютъ Поляки къ нему Коммиссари. И послани бяху знаеміе Хмелницкому еще отъ войни на Мерлѣ Зацвилиховскій и Черній (*) зъ таковимъ договоромъ: аще Хмелницкій милости и прощенія Кролевского хощетъ, первѣе Татаръ да отступитъ и сина своего котораго да дасть Ляхомъ въ залозѣ. За сіе Хмелницкій разгнѣвася зѣло и емъ за мечъ рече: »да не ругаются мнѣ болѣе Поляки отселѣ, »вѣмъ бо яко всячески ищете мене погубити, того ради не»возможно дружбу отложити зъ Татари, а паче сина дати »Полякомъ въ залозѣ, занеже единъ въ малѣ прежде оже»нися и жону оставити тому невозможно, а другій во воз»растѣ дѣтскомъ, которому удалитися родителей претрудно; »оттуду треба начати, да утвердитъ первѣе Кроль Зборовскіе »клятвою пакта, яковіе еще мечемъ пишемъ доселѣ«. Сіе слишавши Коммиссари отійдоша зъ Чигирина ко Кролю бездѣлне.

По отшествіи же ихъ Хмелницкій, на великомъ попеченіи и цѣлостъ Украини имуще, послалъ паки къ Турскому Царю, отдающи ему Украину и Полщу въ вѣчное подданство, токмо да дасть ему помощъ. Чесо ради нѣціи отъ Полковниковъ Украинскихъ панъ вознегодоваша, отъ нихъ же Гладкій, Полковникъ Миргородскій, и Гуляницкій (**) поносиша Хмелницкому, яко неразумно творитъ, отъ Христіанского панства изимая Украину, а Турскому хощетъ свободнія люди и вѣру поработити. Таково укоренія не стерпѣлъ Хмелницкій, повелѣ Гладкому отсѣщи главу (***),

---

(*) Тамъ же: *Черниезкова.*

(**) Въ спискѣ г. Маркевича: *Гуляницкій—Пьжинскій и Хмелецкій.*

(***) Въ спискѣ г. Помощ. Попеч. и *Гуляньцкому.*

Гуляницкій же въ монастирѣ скрися, а Хмелецкого такожъде въ Паволочѣ посѣче. О таковомъ неединомисліи Кроль слишавъ, послалъ Чернецкого зъ воинствомъ на Украину, той же прешедъ первѣе Илѣнци, Липовецъ и Погребище огнемъ и мечемъ опроверже и инніе многіе села. О семъ извѣстно Хмелницкому егда сотворися, абіе послалъ Богуна зъ войскомъ Козацкимъ Полякомъ противу, и сему бывшу, къ Монастиращамъ Чернецкій прійде и обляже Богуна крѣпко. Идеже бывшей брани великой убіенъ бысть Дрожденскій Сотникъ, но отъ Полского войска мнози побіени, и самому Чернецкому зъ мушкета лице сквозь пробіено. Таже Богунъ, избра Козаковъ нѣколико сотъ добрихъ, въ одежду Татарскую одѣяннихъ, заслалъ отъ поля, и симъ крикнувшимъ гласомъ Татарскимъ ужасошася Поляки, мняще Татаръ пришедшихъ Козакомъ во помощъ, не токмо отъ Монастирищъ отступиша, но и отъ Украини побѣгоша, обозъ весь Козакомъ со всѣми користи оставивше. Между же симъ преставися Воевода Кіевскій Адамъ Кисѣль, мужъ благочестивъ и вѣри Греко-Рускія великій бѣ побожникъ, во словесехъ бѣ сладокъ, Украинѣ пріятенъ отъ древняго и славного рода идяй Святолда, бывшого въ року 1128 Рускаго Гетмана.

Въ то же лѣто Хмелниченко Тимошъ ходилъ зъ войскомъ Козацкимъ на Волохи, а вина тому бѣ сицевая. Радулъ, Воевода Мултянскій, зъ Княземъ Ракочимъ Угорскимъ пославше войско на Волохи и изгнаша тестя Тимошева зъ Волоского господарства. Того ради аки би Тимошъ еще на веселю своемъ рекъ: »мы подкупимъ у Порти Отоманской Мултянского Господара и пріймемъ подъ свою державу, да

блюдется же и Князь Венгерскій«. И за вину сію, егда изгнаша тестя Тимошева, Тимошъ зъ седми тисячами, и ими зъ собою Полковника Николая Федоренка, до Яссъ прійде и всѣхъ ихъ же обрѣте, отъ воинства Угровъ и Мултянъ мечемъ посѣче и посади тестя своего на Господарство.

По семъ паки Радулъ и Ракочій укрѣплшеся, Тимоша и Василія Воеводу зъ Господарства Волоского изгнаша; но Тимошъ вшедъ зъ Козаками и зъ Господаринею Волоскою, тещею своею, въ замокъ Сочаву затворися. Его же Радулъ и Ракочій и Поляки добиваху крѣпко, и много погибе люду отъ обою страну.

По семъ Богу тако попустившу, ударенъ Тимошъ зъ армати въ ногу и умре отъ тоея рани. Начатъ-же ся смятеніе между Козаками, нѣціи бо отъ нихъ хотяху градъ Сочаву предати Угромъ, друзіи же даже до умертвія стояти изволяху; но Господарыня, женскую немощъ отвергши и мужественно ста и всѣхъ увѣща да стоять крѣпко, и послѣди же видѣвши, яко ни откуду помощи не улучатъ за твердимъ договоромъ и клятвою Поляномъ и Угромъ смиришася, и градъ Сочаву предаша со всѣмъ богатствомъ. Сами же отійдоша зъ миромъ на Украину, несуще тѣло Хмелниченково со собою, такожъ-де Могелницкого Ротмистра (*), иже ведяше ихъ ко Кролю, связавше ко Хмелницкому приведоша. Слышавъ же Хмелницкій о смерти сина своего, мишляше како бы воздати Ляхомъ за сіе, и бысть егда собрася со силами многими, пусти вѣсти, аки бы невѣсть о смерти сина своего, ни о взятіи Сочави и аки би туда

(*) Тамъ же: *Молгеляницкого Рохмистра.*

хощетъ ити своимъ во помощъ. И сею лестію уведе Короля и Поляковъ подъ Жванецъ. Мѣсто же то бѣ скудно вовсе, и протяже Хмелницкій время немало, наджидая донели Поляки отъ глода и мроза начнутъ ослабѣвати. Король бо хотя до Волохъ путь возбранити, ста на Жванцѣ, и о Хмелницкомъ гдѣ бяше не вѣдѣ. Тогда Хмелницкій зъ Ханомъ прійдоша подъ Полское войско безнадежно и оступиша крѣпко, яко не мощи Поляком отъ обозу вознести главы. Начатъ-же ся глодъ въ Полскомъ обозѣ, и отъ пятнадцяти тисячъ пѣхоти Полской чотири тисячъ остася, тажъ де и коннихъ и воинства, мнози отъ меча погибоша. Видѣвъ же Кроль себѣ въ бѣдѣ толицей начать Хана молити и згоду обѣщевати, токмо да престанетъ отъ брани. Но Ханъ донелѣ не уволятъ его сребромъ за труди и Зборовскихъ статіи Козаковъ не утвердятъ клятвою, не хотѣлъ меча въ похви вложити. Тогда Поляки и неволею на все соизволиша и давше въ закладъ Сенаторовъ двохъ Хану: Лянцкоронского, Воеводу Русского, и Олесницкого (*), Подкоморого Сендомѣрского едва зъ ушима возвратишася до Полщи. Такова бѣ брань Поляком подъ Жванцемъ и такова нужда и убитокъ, яко десятерицею воспріяша за Берестецкую побѣду надъ Козаками.

СКАЗАНІЕ, ЧЕСО РАДИ ХМЕЛНИЦКІЙ ПОДДАДЕСЯ РОССІЯНАМЪ, И О ВОЙНѢ ДРИЖИПОЛСКОЙ, РОКУ 1654.

Веземъ убо Ханъ отъ Кроля двохъ Сенаторовъ въ от-

(*) Тамъ же: *Осолицкого.*

купномъ залогу подъ Жванцемъ, возвращаяся до Криму, не бѣ доволенъ тимъ, но еще пусти загони Татарскіе въ Полскіе краи, гдѣ отъ Припети, Пипи и далѣе безъ числа людѣй бѣдних въ полонъ взялъ. Яко повѣтствуютъ самихъ шляхетскихъ домовъ зъ жонами и дѣтми пять тисячъ, дѣвъ и мужатокъ, пошло въ бѣсурманскіе руки. О коликое горе, плачъ и стенаніе бѣ тамо, язикъ исповѣсти не можетъ! Тамо бѣ женъ обругаміе, дѣвъ растлѣніе, безмилостное вязаніе, гладомъ и жаждою сихъ удрученіе, внѣ уду смертъ видиша, внутръ же страхъ непоносній. Паче же сего на Косаковского (*) веселлю множество шляхти, свашекъ и паненъ шляхетскихъ зъ музикою стройно и со всѣмъ веселнимъ прибором погнано въ Татарскую неволю. Самъ же Ханъ, идя до Криму, на Украинѣ много такожъ-де селъ и мѣстъ единихъ во плѣнъ взялъ, другихъ мечемъ велѣлъ посѣща. Хотяше бо Ханъ и Козаковъ симъ образомъ погубити, первѣе принудити со собою ихъ мишляше ити на Москву войною, яко да тѣмъ раздражить на Украину Москву; съ нею же послѣди Татаре и Поляки отъ трохъ сторонъ воставше Украину въ конецъ погубять, а наконецъ спешеся Татаре зъ Поляки и Москву или въ подданство себѣ возмутъ или разорать Богомъ укрѣпленное то царство и свое паки Астраханское въ первое приведутъ могущество. Богъ же, запиная лукавихъ въ коварствѣ, обрати и постави, яко же бѣ Ему вѣстно въ неизслѣдимомъ совѣтѣ. Ибо аще и прежде Хмелницкій знаяше въ кій конецъ Татаре даютъ ему помощъ, яко своея болѣе користи отъ обою страну, нежели

(*) Тамъ же: на *Косовского веселлю.*

Христіанамъ добра хощутъ, имъ же природнія суть врази Агарянское сущи племя. Къ сему и о томъ Хмелницкій давно извѣстися, яко Ханъ прирекъ Королю слово паки Полщѣ покорити Украину, того ради посовѣтоваша зъ Полковниками своими, послалъ къ Великому Государу Цару Алексѣю Михайловичу Григорія Гуляницкого, возвѣщая о своемъ намѣреніи; но потомъ вскорѣ виславъ нарочнихъ пословъ, по которихъ прислалъ Его Царское Величество Ближного Боярина и Дворецкого Василія Бутурлина зъ иншими Бояри и многими Столники и Дворяни, Великимъ посломъ до Гетмана Хмелницкого и всего войска Запорожского, чинячи постановленіе, на якихъ волностяхъ маютъ зоставати подъ високодержавною Его Царского Величества рукою. Для чего самъ Хмелницкій зъ Енералними особами и зъ Полковниками и зъ Старшиною Полковою и Сотниками и Атаманею на Богоявленіе Господне въ Переяславль пріехалъ, и тамъ раду учинили, где всѣ Полковники и все при нихъ будучое войско позволилися быти подъ единовѣрнимъ себѣ Монархою Его Величествомъ Царемъ Московскимъ, а не подъ Кролемъ Полскимъ Римскія вѣри, такожъ и Татарамъ всѣ постановили отъ себе отказати. На чомъ Гетманъ Хмелницкій со своими Енерали и Полковники и со всѣмъ войскомъ, року 1654, Генвара... (*), присягу виконали и пребогатое жалованя Царское соболями и прочіими дари, такожъ и знамена войсковіе приняли, и по всѣхъ полкахъ Столниковъ, придавши имъ Козаковъ, разослали, аби такожъ Старшина градская, духовенство, Козаки и все

(*) Въ спискѣ г. Маркевича: *6 дня.*

посполство Царскому Величеству присягу на вѣрность виконали. Что по обохъ странахъ Днѣпра во всей Украинѣ всякая душа зъ охотою учинили, и бысть радость великая во всѣмъ народѣ, ибо всѣ были благонадежни подъ единовѣрнимъ себѣ Монархою тихо-мирного во всемъ пожитія.

Что Божіимъ поспѣшеніемъ и всего Малороссійского народа (со надеждою всякого добра) благоволеніемъ окончивши, и Великихъ пословъ Его Царскаго Величества зъ подобающою честію отпустивши, казалъ Хмелницкій наготоватись отъ себе и отъ всего войска до Царского Величества особамъ зъ грамотою, якая зде прилагается.

Копія зъ писма къ Государю, Царю и Великому Князю Всеросс ійскому Алексѣю Михайловичу отъ Богдана Хмелницкого, Гетмана войска Запорожского, чрезъ посланнихъ Самойла Богдановича, Судью Енералного, и Павла Тетеру, Полковника Переясловского, зъ товарищи.

По титлѣ Монаршой.

Богданъ Хмелницкій Гетманъ войска Запорожского и все войско Запорожское низко до лица землѣ челомъ бьемъ.

Отъ многихъ лѣтъ многочастнѣ мы, Богданъ Хмелницкій, Гетманъ войска Запорожского, и все войско Запорожское, борущеся зъ Ляхами, нашествія ихъ, за помощію

Божіею отражахомъ, и искахомъ грамотами и посланниками нашими у Пресвѣтлого лица благочестивого Царя, Твоего Царского Величества, челомъ битствуючи и молящи, даби намъ единовѣрнимъ бытн подъ крѣпкою високою рукою Твого Царского Величества. И нинѣ Богъ неизреченними своими судьбами двое се сотворилъ: Ляховъ, нашихъ враговъ гординю низложилъ и совѣтъ благій въ сердце Царево подалъ, что Твое Царское Величество, поревнова по вѣри Православной, возжалѣлся о церквахъ и о мѣстахъ Святихъ, и о народѣ единовѣрномъ, и насъ, Богдана Хмелницкого, Гетмана войска Запорожского и все войско Запорожское, единоплеменнихъ Россіянъ изволилъ подъ крѣпкую и високую руку свою Царскую милостиво приняти. И егда ближній Твоего Царского Величества Бояринъ и Намѣстникъ Тверскій Василій Василіевичъ Бутурлинъ, Околничій и Намѣстникъ Муромскій Иванъ Василіевичъ Олферевъ, да Думной Дякъ Ларіонъ Дмитріевичъ Лопухинъ, по указу Твоего Царского Величества, зъ грамотою къ намъ пріѣхавши, милость неищетную Царскую намъ возвѣстили, и знамена войсковіе и жалованіе великое Твоего Царского Величества намъ отдали, и разговоръ пространній о всякихъ дѣлахъ зъ нами учинили, и симъ неизреченно насъ обрадовали; и въ то время мы, Богданъ Хмелницкій, Гетманъ войска Запорожского и все войско Запорожское и весь народъ, въ городахъ и селахъ и въ деревняхъ, началніе и чернь, непорочной Христа Бога нашего заповѣди послѣдующе (по добромъ во истинну непуждномъ изволенію и избранію нашему, ничтоже лукаво въ сердци имуще) Тебѣ, Великому Государю, Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу,

всей Россіи Самодержцу, Твоему Царскому Величеству, вѣру совершенную учинилисмо и инякову измѣну имѣлисмо отъ Царей окрестнихъ, которіе искали насъ къ себѣ присовокупити, мы не радѣвши о нихъ, яко о невѣрнихъ, вседушно Тебе единого, благочестивого, Великого Государя, Царя нашего, Твое Царское Величество избравши, возлюбилисмо, и всѣмъ сердцемъ и силою и помишленіемъ прилѣпились къ Твоему Царскому Величеству.

Сего ради благонадежно дерзаемъ, да еже аще що просить у тебѣ Великого Государя, Царя нашего, Твоего Царского Величества учинимъ, всячески вѣровахомъ получити, якъ намъ тойже Ближній Твоего Царского Величества Бояринъ зъ товарищи обѣщалъ и на той вѣри насъ непоколебимихъ утвердилъ. Для того посланниковъ нашихъ Самоила Богдановича, Судью войскового, и Павла Тетеру, Полковника Переяславского, зъ товарищи къ Пресвѣтлому лицу Твоего Царского Величества зъ сею грамотою нашею отпускаемъ и просимъ, даби имъ Твое Царское Величество праведніе свои очи показати и милостиво ухо приклонити изволилъ, и моленій нашихъ не презрилъ, и о чемъ они начнутъ молити, изволь ихъ, Твое Царское Величество, виcлухати милостиво и насъ, Богдана Хмелницкого, Гетмана войска Запорожского со всѣмъ народомъ Россійскимъ, духовнихъ и мирскихъ людей, во всякомъ чину сущихъ и милости твоей Монаршой ищущихъ, ущедрить, и права, устави, привилея и всякія свободи и державп добръ духовнихъ и мирскихъ людей во всякомъ чину сущихъ, елико хто имѣяше отъ вѣковъ отъ Князей и пановъ благочестивихъ и отъ Кролей Полскихъ въ государствѣ Россійскомъ

наданнихъ, отъ нихъ же мы кровъ свою проливаемъ, отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, тія содержаще и до упадненія не попущающе, до лица землѣ падши, непремногу просимъ, изволь Твое Царское Величество своими грамотами Государскими укрѣпити на вѣки; таково бо слово намъ тойже Ближній Твоего Царского Величества Бояринъ зъ товарищи обѣщалъ, и болшее сихъ, рече, дѣлъ отъ Великого Государя одержите, неже отъ Кролей Полскихъ и Княжатъ древнихъ Россійскихъ, точію челомъ бійте и вѣрно служите.

Вторицею и третицею до лица землѣ, Твоему Царскому Величеству, припадающе, молимся, дабы намъ вся сія, елико просимъ и просити будемъ, и впредъ получити отъ Тебе Великого Государя нашего, Твоего Царского Величества, чтобы мы, Богданъ Хмелницкій, Гетманъ войска Запорожского и все войско Запорожское и народъ Россійскій, во всякомъ чину сущи, отъ неищетной милости Твоего Царского Величества обрадовались, и Тебѣ, Великому Государю нашему, Твоему Царскому Величеству, усердно пріяли, и, вѣрно служачи, на всякіе враги ополчалися, и кровъ свою проливали, а точію по Бозѣ единому подъ солнцемъ благочестивому Монарсѣ, Твоему Царскому Величеству, служили въ роди и роди до вѣка. А Твое Царское Величество, подъ кровомъ крилу Твоего, яко орелъ гнѣздо своего изволилъ покривати, и насъ вѣрнихъ подданнихъ своихъ милостію своею отъ всѣхъ враговъ вооруженою рукою наступающихъ на насъ своими Монаршими силами защитити и оборонити и повсегда въ милости своей сохранити паки просимъ.

Множайшая въ грамотѣ не суть писана, но болше Тебѣ, Великому Государю, Твоему Царскому Величеству,

посланники наши изрекуть, а мы себе въ глубокую и неизреченную милость Твоего Царского Величества вергше на вѣки, Господа Бога молимъ, даби Ваше Царское Величество на пресвѣтлихъ престолѣхъ пресвѣтлого Царства Россійского многолѣтствовалъ и благополучно долгоденствовалъ и всѣхъ Царей земнихъ подручники себѣ сотворилъ, отнынѣ и до вѣка усердно желаемъ.

Писано въ Чигиринѣ, мѣсяца Февраля 17 дня, 1654 року.

А въ низу написано: *Вашему Царскому Величеству пряміе подданіе найнижшіе вѣрніе слуги.*

Богданъ Хмелницкій Гетманъ зъ войскомъ Вашего Царского Величества Запорожского.

Которихъ Хмелницкого пословъ Самойла Богдановича, Судью Енералного, и Павла Тетеру, Полковника Переславского, Великій Государь пріявши милостиво, далъ всему войску Малороссійскому на волности всякіе Козацкіе милостивую свою Монаршую зъ завѣсистою печатію грамоту и статія о четиренадесятехъ пунктахъ утвердилъ, а именно:

Аби Козаки при всякихъ вдобрахъ ихъ волностяхъ своими правами судилися; чтоби ни Бояринъ, ни Воевода, ни Столникъ (которіе будутъ токмо въ Кіевѣ, да въ Переславлѣ) не вступовалися, но отъ своихъ старшинъ и товариства сужени би были: *где три человѣка Козаковъ, то третяго два должни судити.*

Именій Козацкихъ и земелъ нѣхто би не отбѣралъ, зъ которихъ пожитки не тилко при Козакахъ волни были,

но и по смерти ихъ вдовствующіе ихъ жени и дѣти вольности би свои имѣли, яко предки и отци ихъ, не нарушаючи ни въ чемъ правъ, отъ вѣковъ наданнихъ отъ Князей Русскихъ и Королей Полскихъ, духовнимъ и мирскимъ.

Митрополиту Кіевскому со всѣмъ Малороссійскимъ духовенствомъ быть подъ благословеніемъ Святѣйшого Патріярхи Московского, а въ права ихъ духовніе Святѣйшій Патріярхъ вступоватися не будетъ.

Во всѣхъ городѣхъ у Магистратахъ изъ Малоросійского народа были бъ войти, бурмистри, райци, лавники и прочіе урядники, и управляли бъ пахатними людми, зъ которихъ (опрочъ Козаковъ) избѣрали бъ денежніе и хлѣбніе на Государя доходи, и отдавали бъ въ Кіевѣ, да Переяславлѣ.

А если би не Малоросійскимъ урядникомъ тими збори управлять, то ни на единого Воеводу не позволить, зъ которого денежного збору давать на шестдесятъ тисячъ Козаковъ по три рубля въ годъ плату.

А Гетману въ годъ тисяча золотихъ червонихъ и городъ Чигиринъ со всѣмъ уиздомъ у подданство.

Такожъ Старшинѣ Енералной и Полковникомъ, Старшинѣ Полковой и Сотникомъ и ихъ Хоружимъ годовая плата по чину.

На армату войсковую для удоволствованія пушкарей и иншихъ служителей, городъ Корсунь со всѣмъ повѣтомъ.

Гетману пословъ и посланниковъ и гонцовъ изъ охрестнихъ Государствъ не принимать, и отъ себе не посилать, для убитковъ и денежнихъ расходовъ; но отсилать ихъ до Царского Величества, опрочъ, когда би Царское Величество

повелѣ Гетману послати его пословъ въ которое Государство.

Зъ Кримскимъ Ханомъ Гетману не зсилаться, опрочъ миръ зъ ними мѣти, для того, чтобъ Татарове и гуляки Ногайскіе на Малоросію войною не нападали и не разоряли и людей въ неволю не брали.

А будетъ судомъ Божіимъ случится Гетману смерть, то волни Козаки зъ между себе Гетмана по давномъ обичаю войсковомъ избрати, и Царскому Величеству вѣстно учинити, которому новому Гетману Царское Величество повели предъ свои пресвѣтліе очи быть, и пожалуетъ Гетмана булавою и знаменемъ, и на Гетманствѣ утвердитъ своею Монаршою грамотою.

На которіе всѣ пункта яко Гетману и Старшинѣ и всему войску видани привилея отъ Царского Величества зъ печатми завѣсистими на вѣчніе времена непоколѣбимо. Такожъ и тимъ пахатнимъ обивателемъ, которіи должность обиклую Царскому Величеству будутъ отдавати на какихъ правахъ и волностяхъ имѣютъ быть.

О таковомъ Хмелницкого и всего войска Запорожского къ Великому Государю подданствѣ Кроль и Ханъ увѣстившися, даша между собою слово, аби Москву и Козаковъ огнемъ и мечемъ воевати. О чемъ Хмелницкій Великому Государю сотвори вѣстно. Тогда Великій Государь повелѣлъ силамъ своимъ Московскимъ зъ Бояриномъ Сребнимъ и Хованскимъ въ Литовскіе поступити краи, а Боярина Василія Василевича Бутурлина зъ многими войсками висилаетъ до Гетмана Хмелницкого. Такожъ и Гетманъ Хмелницкій посилаетъ изъ своего войска Козацкого до Царского Величества подъ

Смоленскъ полкъ Нѣжинскій и Чернѣговскій, при которихъ позволилъ зо всѣхъ полковъ и охочому войску ити, которихъ пошло зъ охотника такъ много, же онихъ ажъ на осемъ полковъ роздѣленно.

Надъ которимъ войскомъ учиненъ Гетманомъ Наказнимъ Иванъ Золотаренко, и дано ему булаву и бунчукъ и арматъ немало, и приказано, абы до Царского Величества отъ себе послалъ подъ Смоленскъ, якого справного наказнимъ (*) зъ войскомъ, а самъ аби мѣшкалъ коло Гомля и Быхова Ляховъ, чтоби пришли жолнѣре на Государеви войска подъ Смоленскъ на одсѣчъ. Зъ которими войски прійшолъ Золотаренко подъ Гомель, где зоставши не малую часть жолнѣровъ Литовскихъ въ Гомлѣ, осадилъ и виправилъ брата своего до Его Царского Величества подъ Смоленскъ, где предъ лицемъ Его Монаршимъ Козаки отважне у приступахъ ажъ на верхъ муровъ Смоленскихъ по лѣстницахъ збѣгали, и отъ Нѣмцовъ и Поляковъ зъ города забивани, а многіе въ городъ наскакавши и погибли. Якую отвагу Козаковъ Царское Величество самъ видячи велми онихъ улюбилъ и казалъ быть до себе подъ Смоленскъ для повиданння самому Наказному Гетману Ивану Золотаренку, которій доставши Гомель и новій Быховъ, и инніе многіе городи подъ себе подгорнувши и войскомъ Козацкимъ, опрочъ Старого Быхова, осадивши, а въ Новомъ Быховѣ всѣ свои военніе тяжари и запаси и войско оставивши, самъ въ немалой Козаковъ купѣ у Царского Величества подъ Смоленскомъ былъ.

Подъ якій часъ и Смоленскъ взятъ, зъ которого Царское

(*) Тамъ же: *какого справного командира.*

Величество Воеводу Смоленского Глѣбовича зо всѣми жолнѣромъ Полскимъ въ цѣлости отпустилъ въ Литву, а Смоленскъ своими людми осадилъ и повернулъ на зиму до Вязми, понеже на Москвѣ моровое повѣтре было. А Наказного Гетмана Золотаренка Его Царское Величество ударствововавъ отпустилъ, которій también такожъ зъ Козаками у Новомъ Быховѣ зимовалъ. Где притягнулъ Гетманъ Литовскій Радивилъ и доставалъ Золотаренка въ Новомъ Быховѣ, откуду великую шкоду отнесши, а Старій Быховъ людми военними осадивши, повернулъ въ Литву. Такожъ и Хмелницкій зъ войсками своими и Московскими подъ Хвастовомъ стоялъ, и присланно было Козакомъ жалованe копѣйками золотими, которая важила четверть червонного золотого. Тогожъ часу и мѣдніе копѣйки были дани, которіе ровною цѣною изъ сребними шли, такожъ и таляре битіе подъ печатію Царскою давано.

Но потомъ самъ Государь пошолъ со вои своими далѣе въ Литву, имущи Козаковъ изъ Золотаренкомъ во помощъ и зъ собою. Противу Государскимъ воемъ Радивилъ изійде по надъ рѣкою Березиною, подъ Шиловомъ давши битву. Яко прахъ бурливій вѣтеръ розвивася на воздухъ, тако Московскіе сили Радивила зъ Литвою разгнаша и сотроша, яко едва и самъ Радивилъ возможе убѣжати. Тако великій Государь болѣе двохъ сотъ мѣстъ взялъ Литовскихъ, Витебскъ изсѣче и Вилно разори, и, возвратившись на свой Престолъ Царскій, началъ писатися Великія и Малія и Бѣлія Россіи Самодержецъ.

Где Козаки, будучи зъ Золотаренкомъ при Государу въ Литвѣ, премногой добичи набравши, пошли и подъ Старій Быховъ подступили, где на самоборствѣ самого Гет-

мана Золотаренка, противъ Ляховъ віехавшого, зъ мушкета въ ногу пострелено, отъ чего тамъ же подъ Биховомъ и померъ, которого тѣло попроважено до Корсуня и подъ часъ отправи знаменитого похорона церковъ Николая, иже Золотаренкомъ созданна, зъ черндами, зъ попами и зо всѣмъ народомъ и мертвимъ тѣломъ згорѣла.

На Украинѣ же Богунъ Полковникъ, хотя Ляховъ оболстити, послалъ до Полного Гетмана, аки би хотѣлъ зъ своимъ войскомъ Полякомъ поддатися. Се же творитъ, яко да Ляхи вь малѣй дружинѣ къ нему прійдутъ и тогда онъ ихъ побіетъ, се творяше пробавить время донелѣ Хмелницкій зъ Московскими силами соберется. Еже все бысть, Гетманъ Полній прійде подъ Межибожъ, и, тамъ ставъ обозомъ, послалъ къ Богуну что хощеть творити, Богунъ же, наджидаше своего войска, хотѣлъ на Гетмана наступити; что Гетманъ увѣдавъ совокупи якъ найскорѣе Полскіэ сили и иде подъ Калникъ, идеже не обрѣте Богуна, до Умапя за нимъ пойде; и пришедъ удари на градъ крѣпко, и нѣчто же успѣлъ, ибо много войска Полского побіено бѣ тамъ, яко и неволею со стидомъ воспять Гетманъ Полскій возвратися.

Въ то же время Кроль Полскій, сотворивши союзъ братерства зъ Ханомъ Кримскимъ, послалъ ему дари сто тисящъ золотихъ, и призиваше его на помощъ противу Козаковъ и Москвѣ, но посланніи уже не обретѣ въ живихъ Хана. Повѣтствуется, аки би онъ Ханъ имѣлъ плѣнницу зъ Украини, и та приправляше всегда ему вино пити, и аки би та пленница отъ Хмелницкого намовлена, дасть Хану въ винѣ отраву. Обаче и по смерти Исламъ-Гирея, Хана

Татаре зъ Мелинъ-Гиреемъ, новимъ Ханомъ, и многими силами прійдоша Ляхомъ на помощъ и повоеваша Украину. Имъ же противу послалъ Хечницкій Наказнимъ Гетманомъ Томиленка, но сего Татаре и Ляхи побѣдиша. Полковники же Зеленскій Браславскій, Богунъ Вѣнѣцкій, Гоголь Поднѣстрянскій зъ Козаками у Умань увойдоша, идеже ихъ Поляки зъ Татари облегоша крѣпко, а послишавши, яко Хмелницкій зъ Москвою и Козаками иде своимъ во помощъ оставише Умань, противу Хмелницкого всѣ сили Полскіе и Татарскіе подвигоша, и между Ставищами и Охматовомъ въ полю осадиша (которое поле послѣ Дрижиполемъ бѣ прозвано), и не даша Хмелницкому совокупитися ни которимъ войскомъ, но зъ малимъ воинствомъ Козацкимъ ненадежно нападоша крѣпко, и въ обозъ Козацкій увалишася, яко и армати Ляхи уже Козацкіе обсѣдоша; но Козаки укреплшеся паки Ляховъ и Татаръ, оглобли изъ санокъ повиймавши, тако поразиша, яко побіенними и замерзлими тѣлеси Лядскими, аки валомъ обозъ свой обложиша. И бысть той день сѣчъ велика дондеже ночъ покри всѣхъ мракомъ, и дасть мало отъ труда почити, и бѣ воинство Козацкое тогда въ тѣснотѣ великой занеже ни води, ни дровъ, ни конемъ что ясти не имѣху, токмо бѣ всѣмъ презѣлній мразъ и снѣгъ свободній; но и сей со кровію смѣшанъ бяше, ибо въ той потребѣ болше пятнадесятъ тисячъ людей въ едномъ дню смертію пало.

Во утріе же, дню убѣлившуся свѣтомъ, яшася Ляхи и Татаре зъ Козацкимъ воинствомъ до брани, и увесъ день той бысть сѣчъ велика, и падаху аки стебліе отъ меча и огня воинство зъ обою страну безчисленное, яко уже из-

немогаху обѣ сторонѣ и битися не можаху дондеже паки всѣхъ ночъ заслони темностію. И кто можаше убіеніе людей счислити отъ обою страну? И кто не содригнулся, видя въ презѣлніе мрози текущую кровъ потокомъ? Обаче преодолѣваху Козаки Ляховъ, яко отъ пѣшого воинства Полского мало что остася, понеже Ляхи всею силою на Хмелницкого налѣгаху и Татаръ подкупомъ и обѣщаніемъ принуждаху, надѣючись, же когда би его, теперъ зо всѣми войскомъ Козацкимъ несовокупившогося, разбили и самого живого взяли, то бы былъ и войнѣ конецъ. Но Хмелницкій на утріи день увидѣлъ, яко Поляки и Татаре около его обступиша, устроивъ обозъ свой добрѣ и чиннѣ, пустися на Ляховъ проломомъ одвагою неслиханною, и, проломивъ Полское войско, пойде до Московскихъ войскъ, не въ далекости стоящихъ. И не возмогоша Хмелницкому что Ляхи творити, же добился Бѣлой Церкви, а зъ Охматова свободивши пѣхоту зъ Пушкаренкомъ, и зъ нимъ совокупившеся подъ Буки пойде, и тамо полковъ пять Козацкихъ обрѣтъ. Таже зъ Умани еще Козаковъ пришедшимъ, хотя Хмелницкій за Ляхами пойти знову, но видѣвъ яко и Ляхи уже во своя пойдоша, остави, свое войско расположивъ на великій постъ по становискахъ до весни надходящой.

Татаре же принуждаху Поляковъ, да идутъ зъ ними ко Днѣпровѣ полону ради; но Ляхи утрудившеся біющися зъ Козаками, и, не могуще ити, позволиша Татарамъ людій Украинскихъ, которіе имъ не здавалися, въ плѣнъ брати за нагороду пособія своего. Годилось ли такъ, и не образилили за то Бога, понеже покорнихъ головъ и мѣчъ сѣкти не може, а барзѣ бѣсурману Христіянскими тѣлами за ви-

слугу платити. Зъ якого Лядского немилосердного и зрадливого учинку стали Козаки имъ противнѣйши и волѣли потомъ уси, у войнѣ біющеся, отъ меча подлегти, неже повѣривши Ляхомъ отселѣ поддаватися.

О ПОХОДѢ ХМЕЛНИЦКОГО НА ВЕСНѢ ВЪ ПОЛСКІЕ КРАИ, РОКУ 1655.

Егда изведе Господь Небесній трави во службу человѣкомъ и скотомъ, собралъ Хмелницкій Козацкое воинство и совокупися со силами Его Царского Величества Россійскими, имъ же бѣ вождь Василій Василіевичъ Бутурлинъ, и пойдоша обополне подъ Камянецъ-Подолскій, а оттуду подъ Львовъ. Граждане же того мѣста, не могуще битися зъ войскомъ Государскимъ, моленіе со смиреніемъ послаша, и ради людей благочестивихъ Хмелницкій не насилствовалъ бранію Львову, но, взявъ окупъ отъ гражданъ, пойде подъ Замость самъ, а Данила Виговского зъ Московскимъ и Козацкимъ войскомъ пусти ку Люблину, которого Москва зъ Козаками, приступомъ добувши, великихъ тамъ богатствъ набрали, где и часть Животворящаго древа Креста Господня Москва взяла, но донелѣ не возвратися войско отъ Люблина Хмелницкій зъ Бояриномъ Василіемъ Василіевичемъ Бутурлиномъ стояше подъ Замостемъ чтири недѣль, хотя его добувати. Замоскіе же граждане дали окупъ за себе, а тѣмъ временемъ Козаки зъ Москвою, по за Вислою опустошивши Полскую землю, и войско Полское подъ Гродномъ зъ обома Гетмани подобіемъ Батогской розбили, и оттуду возвращшеся со великими користми иляху на Ук-

ранну. Егда же дойдоша Озѣрной стрѣли Хана со силами его, идуща Ляхомъ во помощъ, и даша со собою битву; но ни что же успѣ Ханъ зъ Татари. Посемъ на разговоръ Татаре начаша взивати. Веземъ убо Хмелницкій нѣсколько Солтановъ въ залогъ, самъ къ Хану пойде зъ немногими людми. Егда же прійде къ нечестивому Татарскому стану узрѣ Хана сидяща на землѣ и вси Татарскія окружившія его сили; тогда Хмелницкій поздрави Хана, яко же подобаше, и отъ користей своихъ даде ему даръ ронъ златосребній съ каменіемъ дрогимъ, но онъ нечестивій веземъ верже на землю, и воскрича нелѣпо, глаголя: »почто со»единился еси зъ Москвою, ея же помощи не искалъ тогда, »егда иго работи Лядской съ выи своея низвергалъ, но зъ »нами стерлъ еси и опровергалъ Полскіе сили. Яже не»давнѣ Кроли ихъ Жигимунъ и Владиславъ, начавши пи»сатись Кролемъ Полскимъ, Шведскимъ, Готекимъ и Ван»далскимъ и новообранимъ Царемъ Московскимъ, страшни »баху не токмо окрестнимъ Царствамъ, но и Цесару Рим»скому«. Хмелницкій же, ни мало толь суровего прещенія мятущися, мужественимъ и дерзностнимъ отвѣща лицемъ, правду рече: »яко посилалъ изъ Сѣчи до недавно умер»шого Хана, просячи нѣкую часть охотнихъ Татаръ, но не »его самого, которій не презрѣвши прошенія моего, прис»лалъ единого Мурзу, именемъ Тугай-Бея, зъ малимъ во»инствомъ, послѣди же позавидѣвши великимъ Татаръ сво»ихъ користіемъ паче же имѣющи и покладающи въ моемъ »щастіи надежду, ибо моимъ руководителствомъ зъ толь »малою частію Орди самимъ Козацкимъ воинствомъ въ пер»вой брани на Жолтой Водѣ Генерала и Кашталянича По-

»тоцкого зъ гусарею до единого побѣдивъ и много вели-
»child»кородниxъ господъ живихъ въ плѣнъ взялъ, тоже въ томъ
»же де мѣсяци подъ Корсуномъ, избивши многіе Полскіе
»полки, двохъ Гетмановъ живо плѣнихъ; не по мнозѣмъ паки
»времени въ Нестервару и Бару зъ Ляхами брань сведши,
»воя ихъ со встидомъ гради поддати принудихъ; и тогожъ
»де лѣта третицею подъ Пилявцами зъ пришедшимъ послѣди
»въ четирехъ тисячахъ Орди единимъ Карачъ-Беемъ Мур-
»зою тимижъ-де Козацкими силами побѣдихъ; въ конецъ
»инниxъ новихъ Полскихъ двохъ Гетмановъ Домѣника и Фир-
»лея, иже имѣяху избраннѣйшого строевого войска шест-
»десятъ тисячей, прочіихъ же со служителей дворовихъ и
»рабовъ до войни справленнихъ коними и оружіемъ, дивно
»красящихся, было три крати болѣе, ихъ же, помощію Бо-
»жіею знаменито поразивши, прогнали, и обозъ онихъ сто
»тисячми сокровищнихъ преболшихъ колесницъ желѣзомъ ко-
»ваннихъ, кромѣ инихъ, множества неищетного состоявшихся,
»разграбихъ, где колико имѣнія, злата, сребра, мѣди, олова,
»пороху и иннихъ припасовъ военнихъ и домовихъ взяхъ,
»и же би хто то оцѣнилъ, такового на земли не мню быти че-
»ловѣка. Въ тотъ часъ Ханъ завистію возбужденній кромѣ
»моего призванія и самъ со всѣми Ордами до Збаразской
»брани пришедъ. Его же нечаянное, купно же и непрошен-
»ное, пришествіе азъ узрѣвши, аще и проразумѣвахъ сего
»помощи имѣющую быти бѣду Христіанамъ; но боялся от-
»рещи ему, даби зъ Ляхами купно и Татаръ себѣ непрі-
»ятелей не сотворити. Обаче тая помощъ Ваша добрѣ Вамъ
»же самимъ устрои, яко на мори и рецѣ Днепрѣ безопасно
»нинѣ проѣзжаетеся, идѣже первѣе, ради отъ Козаковъ страха,

»ниже стопою входили есте, кромѣ сего еще по прошенію жъ »Вашему позволихомъ Вамъ на нѣсколиконадесятъ поприщъ »отъ Перекопу въ нашъ Украинскій уже край безпечности »ради Осламъ градъ создати, и удоволихомъ Васъ отъ ко»ристей нашихъ всякими богатстви, тако яко Ордѣ послѣ ко»жаних ризъ облещися въ злототканніи одежди, позлащенніи »ронди и сагайдаки. Но аще и толикая благодѣянія отбѣрали отъ »насъ, обаче нѣкогда лестнихъ замисловъ противу насъ бесур»манско умишляти не оставляли есте, ибо по многихъ бла»гополучнихъ намъ бранехъ, когда мы Короля Полского »крѣпкимъ облеженіемъ облегли у Жванци, Вы потай мене »обѣщали много Козакомъ дати, дабы Кроля Вамъ живого »зъ тоеи тѣсноти видали. Чесого единаче они, Бога боя»щися, не содѣлали, ибо прежде между собою усовѣтовали »есте, даби помазанця Божаго не въ конецъ опечалити; но »токмо, тое облеженіе продолживши, принудити непослуш»нихъ ему, отъ тяжкой брани въ осадѣ изнемогшихъ, Ля»ховъ, чтобъ не возбраняли волностей Русскимъ Царствамъ »и Козакамъ подписати. Что аще би тогда состоялося, то »би и войнѣ конецъ былъ, и гради бы зъ селами купно же »и людми цѣли зостали. Но Вы свѣдуще сіе, яко безъ ме»ждуусобнои брани не возможно будетъ Вамъ зъ внутръ »Полщи подвокротне и далѣе въ лѣто, плѣняющи Христі»анъ стадами, аки безсловеснихъ скотовъ, изгоняти, хи»тростно многажди между Христіанами пресѣцали (*) есте же»лаемій союзъ примирія, бѣсурманскои ради своеи ползи. Аще »же и случашеся когда, даби побѣждении отъ насъ Ляхи

(*) Тамъ же: *пресекли желаемое перемиріе.*

»имѣли себѣ просити мира, то Вы прежде насъ имъ оглашаете, глаголюще, яко и прежде и нинѣ ради есми имѣти »миръ зъ Вами и нерозерванное дружество, яко же имѣхомъ, »но Козаковъ раздражити не дерзаемъ, да не будутъ намъ »вредители; и тако, аще намъ яко Христіаномъ зъ Христіанами и потребнѣе би примиритися, обаче таковимъ Вашимъ запобѣгателнимъ отозвомъ себе возвишающи, насъ »же укорително въ поруганіе подающи, творите, акиби немилосерднихъ. Но Ляхи злоби ради своея не познающи подъ »покровомъ мира вящшой себѣ готующойся утаенной погуби, »яко могли би и безъ бѣсурманской пріязни, поприсягши »Козакамъ мирная завѣщанія хранити, и тако отъ бѣди себе »и Кролевство отъ упадку избавити, ибо то въ нашой, а »не въ Татарской бѣ силѣ; но въ отчаяніи сущи ради бяху »и притворному миру, отъ которихъ лестно взимали есте »не единного кромѣ иннихъ даровъ по сто тисячей золотихъ »и позволеніе, даби нѣсколико градовъ и весей людей въ »работу плѣнити, взенти на тое и Сенаторовъ въ залогъ, »обѣщевающи же Кроля со всѣмъ воинствомъ зъ облеженія »свободити и живихъ въ доми отпустити. Вимагаете же паки »у Ляховъ, чтобъ, насъ зъ ними примиривши, совокупленними силами Москву воевати«.

»Сіе Вамъ бѣ всегда на мисли Астрахани ради и Казани, а Ляховъ безъ потреби, акиби для ихъ ползи до тогожъ де союза притягаете, и тако безъ благословной вини воюющи чуждими сокровищами, и плѣномъ людей и скотовъ обогощаетеся, таже лицемѣрно за иннихъ заводъ примирившися и остатніе имѣнія у Короля вимануете и людѣй его за егожъ позволеніемъ на жаль и во ничтоженіе всего

Христіанства, безъ всякого препятія, елико рука Ваша возможетъ, въ плѣнъ отводите. Таже зъ мирними завѣщаніями и радостію, яко лесть Ваша Вамъ благополучно паде, въ свою землю отходите, якое мы Ляховъ прелщеніе зрящи многожди на ихъ гордую слѣпоту зъ воздиханіемъ нарѣкахомъ«.

»Сія Ляхомъ, намъ же, яже творили есте, аще би пришло вся подробну исчислити, то би и время недостало и словъ. Обаче да не явлюся предъ Тобою, аки би боязливъ, инния опустивши воспомяну едино, когда противу Кроля и всего Полского общества, въ трехъ стахъ тисячахъ на брань изшедшого подъ Берестечкомъ, зъ моимъ воинствомъ ополчихся, тамо первого дня изрядно зъ нимъ ратующи, прогналъ его зъ поля, такожъ де и другого дня одолѣвши Кролевскимъ силамъ кромѣ нѣколикопадесять тисячъ рядового воинства, полководцовъ и началнѣйшихъ урядниковъ, до пятисотъ на полѣ убієннихъ, послѣди отъ насъ обрѣтеся. Третого же дня паки сведшимъ брань (на ней же Ханъ правое крило держаше) и уже начинающимъ намъ одолѣвати, и аки би въ рукахъ побѣду имѣти, Ханъ нечаянно кромѣ всякой вини, забывши встида воинского, на пагубу нашу, со всѣми силами даже до Криму изряднїй воинъ ушолъ. Его же азъ хотящи воспятити крѣпко, на вся страни свое ополчающееся воинство оставивши, принужденъ єсть за онимъ самъ погнати, и, не зѣло далече постигши оного, егда молихъ его, да возвратится, егда встидомъ воинскимъ и непотребною женскою боязнію обовязовахъ, тѣмъ временемъ множество воинства, кромѣ военнихъ припасовъ, ихъ же и оцѣнити невозможно погубихъ, а еже болѣе всѣ прежд-

неи мои побѣди единимъ днемъ вонничтожихъ. Таковая то »Ваша Татарская пріязнь, таковое дружество, ибо мы тогда чрезъ лесть Ханскую смирившися предъ Ляхами принуждени бѣхомъ на всеконечную Козацкую пагубу у Украину ихъ впустити. Обаче по ономъ скорбномъ времени сіе токмо есть отрадою яко воскорѣ даде Богъ, все тое отвагою исправивши, Ляхомъ отмстити и зъ Украини изгнати«.

Сицевихъ долгого отвѣта Хмемницкого послушая Ханъ Кримскій, аще и побѣждашеся явственною правдою, обаче аки би не радя о благоразумнихъ благоразумного купно же и храброго мужа словесѣхъ, восхотѣ еще протцву рожна прати и уже непростѣ, но инудѣ отвративши бѣсѣду, глаголя: »Не смѣлъ еси Хмелницкій предъ антецессоромъ моимъ умершимъ Ханомъ толь дерзновеннѣ велѣрѣчити. Нинѣ же тихость наша ко многоглаголенію Тя возбуждаетъ«.

Отвѣща Хмелницкій: »Кая потреба словесъ тамо идѣ же событіе ихъ вещію исполняется, или кая нужда злорѣчити, егда мѣрность во всѣмъ сохраняется? Антецессоръ Твой, умершій Ханъ, еще мя нечиновна суща тако почиташе, яко и на словесное мое прошеніе четирехъ тисячей воинства дати мнѣ не отрече. Нинѣ же Ти ко мнѣ отъ толь многочисленного мужественного народа избранному вожду и Тебѣ во всемъ равному, аки ко подданному своему ярящися глаголати не стидишися«.

Рече Ханъ: »Всяческо мнѣ на Тя гнѣватися предлежитъ, понеже Ти всегда насъ укараешъ и поносишъ намъ, аки би мы не зъ воинствомъ Полскимъ и между ими Нѣмецкимъ ратуемъ, но зъ женами въ поли во время жатви и зъ малими отрочами, плѣняюши ихъ, брань

творимъ, и паки оглаголствуеши насъ, аки би мы Русь нарочнѣ умаленія ради погубляемъ, чесого и въ мисли нашой никогда же не бывало; но отъ милосердія своего усовѣтовали мы (по прошенію вашему) защищати Васъ отъ насилія Лядского, яко свободній народъ, аще и по болшой части враговъ нашихъ«.

Хмелницкій же на жестокій Хановъ отвѣтъ жесточае отвѣща, глаголюще: »Ханову, рече, словеси предлежало би вѣрити, аще неби было подзорно, еже является откуду. Егда Ханъ, мною завоеванныхъ двохъ Гетмановъ, взявши за нихъ множество даровъ, паки Кролю возврати, къ сему и не единою понуждалъ мене ити зъ Ляхамъ на единовѣрного намъ Монарха Московского бранію, на что и Мурзу Нерудина зъ воинствомъ прислалъ, которій, нечаянно на мене самого (ничтоже таково помишляющого) въ Черкасѣхъ нападши, грозилъ мнѣ живого мя Ляхомъ отдати, аще намѣренію Вашему не сотворю довле. Явственнѣе же злоба Ваша къ Малороссійскомъ народу показася, когда возвращающися до Криму зъ Полщи чрезъ Украину, зъ Вами въ мирѣ тогда сущую, много градовъ и весей попалили, и овихъ въ плѣнъ отвели, овихъ же таможде смерти предали есте. Откуду последователно всякъ поразумѣти можетъ, яко и Російскому народу тое сотворити умишляете, еже праотцамъ племени нашого Козарамъ сотвористе, а по нихъ Половцамъ и Печенѣгамъ, которихъ долгими и жестокимъ бранми въ конѣцъ погубивши на ихъ землѣ и донесь въ Криму обрѣтаете. И тако, всякимъ образи тщитеся и имѣнія Христіанскія испраздинти и самихъ ихъ воиничтожити, свое же племя Татарское въ могущество привести и утвердити, чесому

извѣстіемъ вещественнимъ есть, яко Ты кромѣ всякой благословной вини, любомѣнія точію мздою, сто тисячей отъ Ляховъ тебѣ даннихъ влачити сущи, ратуеши, аще изъ многою въ людѣхъ своихъ шкодою на Монарху нашого Самодержца Російского«.

Сія изрекшу Хмелницкому, и еще болѣе во оправданіе себѣ глаголати тщащуся, Ханъ, хотя устрашити и пресѣкти бесѣду его, рече: »Не уже ли ти не слишалъ о непобѣдимихъ и безчисленнихъ силахъ Татарскихъ, яже зъ Московскимъ царствіемъ предѣлъ свои имѣютъ, тіи аще мы восхочемъ вси намъ дадутъ руку помощи, Ты же осуетившися, ниже помишляеши, кого оставилъ еси и къ кому прилѣпился, или воинства тіи болѣе и мощи, неже прежде сего, Князіе Россійскіе, Поляки, Угри, Моравити, Нѣмци и прочіе, которихъ Татаре, предводителемъ Батіемъ стребивши, болѣе полтораста лѣтъ Кіевомъ и Россійскими страни обладаху«?

Отвѣща Хмелницкій: »Самомнѣніе Твое, Хане, омрачило Тя, яко возникнути можеши? Или ти мниши мене, яки хлопца малоумного прещеніемъ устрашити? Вѣмъ, яко Татарскія царствія Сѣберское, Казанское, Астраханское, Ухвинское, Касимовское, Рѣзанское и иніе многіе, отнюду же множество силъ Татарскихъ на брань исхождаше, Вамъ помощи дати не возмогутъ, ибо и сами подъ игомъ работи Московскаго Самодержавствія зостають. Прочіе же Татаре далекости ради для Вашихъ прихотей пойти сѣмо не восхощутъ, а еже возпомянулъ еси о Батію славнѣйшомъ и главнѣйшомъ вождѣ Вашомъ, то помисли яко брань есть аки мечъ обоюдній,

и сѣмо и овамо обращающійся, Батій пріобрѣте, Мамай же погуби, понеже сниканію всегда падежъ послѣдуетъ«.

По таковой доволной между ими бесѣдѣ, не могущи что болѣе Ханъ вѣщати, отпусти Хмелницкого, хвалящися, яко воскорѣ увѣсть, что есть еже Татарскія презирати сили, своихъ же Мурзъ, бывшихъ въ Козацкомъ воинствѣ за Хмелницкого въ залозѣ, отобравши, и пойде. Потомъ и Російскіе полки купно зъ Козаками премногими користми Лядскими обогащенни суще, паче же побѣдою надъ Поляки и Татари бывшею красящися, возвратишася во свояси.

Бысть же по сихъ, егда возвратися Хмелницкій на Украину въ Чигиринъ, умедлѣ нѣкое время, дондеже воинскіе на тотъ часъ случившіеся дѣла зъ Бояриномъ Царского Пресвѣтлого Величества Василіемъ Василіевичемъ Бутурлиномъ расположи. Таже со премногою честію помянутого Боярина за Днѣпръ проводивши собралъ немедлено, року 1656, своихъ Енераловъ и Полковниковъ на совѣтъ, чтоби по согласію всѣхъ было, еже би написати до Царского Пресвѣтлого Величества, блаженной памяти Алексѣя Михайловича, первѣе благодарствуючи за милостивѣйшое въ защитъ Его Царской пріятіе наслѣдственнихъ Его Величества Малороссійскихъ обоихъ странъ Днѣпра краевъ; второе, желающи скорого и прочіихъ, иногда прародителемъ благочестивѣйшого Монархи подлежавшихъ, княженій привращенія, купно же и молящи, даби подъ высокодержавною Его Царского Пресвѣтлого Величества десницею зостаючимъ всегда въ волностехъ и свободехъ своихъ благонадежнимъ ненарушими пребывати. Таковимъ образомъ посланіе то начертивши предложи Хмелницкій въ томъ-же де со-

вѣтѣ сицевое слово: »понеже, рече, намѣреваютъ Полщу воевати тріе изящнѣйшіе народи: Шведи, Пруси и Угри, чего ради намъ всячески пещися подобаетъ, даби никто же отъ насъ коей либо странѣ прилѣплялся; тщатися же паки прилѣжнѣ треба, да некое отъ тоей брани на Полщу нашедши бѣдствіе пресѣчетъ Кролевскими привилеями закрѣпити, кровію нашею и мужествомъ снисканную намъ, волность; убо предлежитъ немедленнѣ за вѣдомомъ и волею Царского Пресвѣтлого Величества вправити пословъ своихъ до Кролевского Величества Полского, даби было прислано оттуду Коммиссаровъ, жебы Малороссійскую границу совершенно опредѣлити. А еже послѣди чрезъ Мясковского и Кисѣля Сенаторовъ Полскихъ сицевимъ чертежемъ есть означена: отъ устя Днѣстра до вершини Днѣстра, а отъ вершини Днѣстра до вершини Горини, отъ Горини до Припети и чрезъ Припетъ до Быхова, отъ Быхова чрезъ Днѣпръ по надъ рѣкою Сожемъ до уѣзду Смоленского подъ Рославль; такожъ отъ Черного моря отъ устя Днѣстра на Очаковъ до Лиману, даби Днѣпромъ и Днѣстромъ свободній былъ путь купцамъ Малороссійскимъ въ море«. Таможъ-де на совѣтѣ и Кримскимъ Татарамъ опредѣлено урочное за Очаковъ между Днѣпромъ и Міюсомъ окрестъ Молочнихъ мѣстъ, чтобъ Татаре безъ всякихъ отъ Козаковъ препятій стадами и кочовисками своими ходили.

Тамо скончавшусь сицевому на томъ собраніи совѣту и разшедшимся коемуждо въ доми своя сѣде Хмелницкій мирно въ первенствующомъ тогда Украинскомъ градѣ Чигиринѣ; идѣже бѣгъ благополучного житія своего провождающи не ходи послѣди самъ никамо-же на брань, но точію по про-

шенію Шведа и Ракочого посилалъ Антона Адамовича, Полковника Кіевского, зъ виборними и охотними полками имъ на помощъ; иже за Вислою совокупившися зъ воинствомъ Шведскимъ и Угорскимъ взяли оба столніе гради Кролевства Полского Краковъ, глаголю, и Варшаву, которіе (виждь како щастіе отмѣнно) недавнѣ прочімъ странамъ и княженіямъ свободно повелѣваху, тогда во плѣненіи суще и сами себѣ помощи не возмогоша. Но акибы обогащенія ради супостатовъ своихъ многими вѣки нерушенніе сокровища-костелніе, сенаторскіе, шляхетскіе и саміе Кролевскіе, купно съ ихъ коронами и облеченіями тамо сокровенніе блюдяхуся, яже вся кромѣ корони, яже еденъ сенаторъ унесе, неприятели разграбивши оставиша тамо зъ воинствомъ Шведскимъ Генерала Вехра (*) и Гетмана Угорского, сами же пошедши по за Вислою многіе твердіе, пребогатіе и прекрасніе плѣниша гради и даже до Пруской границы повоеваша. Таже, когда Король Полскій, недавно для своего толь неблагополучного падежа въ Цесарскую избѣгши землю, паки въ предѣлехъ Полскихъ явися, пришедъ въ Гнѣздно начать зъ Примасомъ Корони Полской, сіе жъ Архіепископъ Гнѣздненскимъ, совѣтовати, како бы Хмелницкого, его же мняше быти (яко же и бѣ) разумного, къ своей station прекло-

(*) Должно быть: *Вейера* или *Вайера*.

тягъ воинства Италійского и Французского, когда и ближае подданного своего попросивши, тупе возможно будетъ, елико удобно помислити, да сей, иже немалое бѣдствіе Полщи нанесе, той и да исправитъ«.

Тако Королю глаголющу, преклоняшеся охотнѣ и Примасъ на совѣтъ его, тоже написавши посланіе ко Хмелницкому, вдаша единому благородному мужу оное нести. Еже Хмелницкій прочетши, аще явственнѣ тогда и не соизволяше, обаче внутръ жалѣющи таковаго на Полщу приключившагося случая, предложи тайно елико возможно будетъ помоществовати, не воинства на пособіе Ляхомъ дающи, но свое, данное на помощъ Ракочому, отъемлюще, якоже послѣднѣе явитъ слово. Тѣмъ временемъ извѣстившися Поляки, яко Король ихъ паки въ предѣлѣхъ Полскихъ обрѣтается, начаша, аки пщели ко матцѣ, оставивши Шведа и Ракочого, къ нему приходити; стягающижеся помалѣ, такожъ де и Татаръ къ себѣ присовокупивши, въ скоромъ времени устроиша не недостойное зрѣнія воинство. Къ сему еще и два Генерали Гатсфелдъ и Зуза въ пятнадцати тисячехъ прійдоша отъ Цесара Королю на помощъ. Еже разсмотрѣвая Антонъ, Полковникъ Кіевскій, словомъ, аки бы бояся вещію, же указомъ Хмелницкого позванній, остави за Вислою Ракочого, самъ же со всѣмъ воинствомъ Козацкимъ пойде къ Гетману своему Хмелницкому на Украину, немало користми Лядскими сущимъ обогащенним.

По отшествіи же Антоновомъ отъ Ракочого начаша Поляки первѣе благополучними имъ подъѣздами Шведа и Ракочого рвати, тоже возмужавши и ко первому благополучію паки возвратившися, многократнѣ сведши брань въ

Шведомъ и Ракочимъ, побѣждаху ихъ. Что видя Ракочій писалъ милостелнѣ ко Хмелницкому, трудность свою изявляющи, купно же и о помощъ просящи, которое писаніе повнегда прочтенно было предъ Хмелницкимъ, недоумѣваше благоразумній вождь, что сотворити: отсюду въ конецъ разоренной жалѣя Полщи, отинудуже дружества зъ Ракочимъ явно розорвати не хотя. Таже хитростній совѣтъ въ сердци пріемши намѣри обоимъ угодное сотворити, пославши бо Юрася сына своего со многими вои, аки бы Ракочому на помощъ, повелѣ въ пути елико возможно надолзѣ медлѣти, дондеже увѣсть что между Шведомъ, Полщею такожъ де и Ракочимъ собудется. Таковое отческое повелѣніе Юрась исполняя, пришедши на Ташликъ толь долго тамо стояше, допелѣже вѣсть прійде, яко Поляки Шведовъ по многочастнихъ бранѣхъ побѣдивши вонъ изъ Полщи изгнаша, Ракочого же такожъ-де знаменито поразивши, и отъ того въ свою уходячого страну толь крѣпко облегоша, яко принужденъ бысть зъ немалимъ своимъ стидомъ мира изъ облеженія свободи просити, давши за нанесенное Полщи отъ себе разореніе нѣсколико бочокъ злата, и тако едва въ малой зѣло дружинѣ въ свою возвратися страну.

Имѣющу же Хмелницкому пребываніе свое въ Чигиринѣ сотворися ему извѣстно, яко Цесаръ Христіанскій и Солтанъ Турскій по великой иногда къ нему прихилности въ таковую злобу премѣнишася, яко не точію оному самому, но и всецѣлой Украинѣ немалимъ бѣдствіемъ грозяху, вину покладающи нань сицевую: Король Полскій, еще живъ сій, сущимъ у него у совѣту Сенаторомъ, и подающимъ соизволеніе вотумъ на Королевство Полское Царя Московского

произвести, не точію соизволи, но и охотнѣ имъ совѣтова, дабы, не входячи въ междуусобніе брани и несогласія, наипаче въ толь неблагополучномъ времени намѣренного Государя Московского воспріемникомъ Полскимъ скипстра избрали; каковій ихъ совѣтъ послишавши Цесаръ Христіанскій и Солтанъ Турецкій начаша зѣло зъ боязнію скорбѣти, да некако толь силніе въ люди снѣжъ, желѣзо и хлѣбъ народи во едино совокупившися будутъ немало областемъ ихъ досадни. Чесо ради впредъ будущему злу запобѣгающи Цесаръ писменно, Солтанъ же Турскій чрезъ орудіе Хана, глаголю Кримского, Хмелницкому непрестанно грозяху, да или свое поддапіе въ опеку Царя Московского отложитъ, или аще сего не сотворитъ, то аки на предводителя бранствъ и миру всегда ненавистника имуть толь силніе Монархи оба купно ратовати тако, яко и памяти Козацкой не остатся, крѣпко себѣ на мислѣ державши, что Хмелницкого подъ Московскую державу подчиненіе есть поводомъ и до цѣлой Полщи, еже бы единомисленно Россійского Государя на Полское произвести кролевство. Хмелницкій же обятіе предложенія всяческо видя быти неудобне, ибо ни единожди присягою на вѣрность утвержденной совѣсти хотяще сломити, ниже толь силнимъ непріятелемъ сопротивлятися смѣяше, велми опечалился. И подобно сея ради вини въ болѣзнь немалую впадши, къ бѣдѣ смертной приближавшеся. Убо часъ отъ часу изнемогающей въ немъ естественной силѣ суди на обѣ странѣ Днѣпра во всю Малую Россію, такожъ де и ко сину, во обозѣ на Ташлику бывшому, написати, жебы немедленно всѣмъ Енераламъ и Полковникамъ съ ихъ Старшиною въ Чигиринъ на совѣтъ приходити, положивши

имъ срокъ израднѣйшого праздника, день Преображенія Господня. Симъ же тщателно повелѣніе вожда своего исполняющимъ, прійдоша вси совокупно на уреченное мѣсто и время, которихъ пришествіе зѣло недугующій Хмелницкій послишавши, и самъ таможъ-де двома поддержимій мужи, приближашеся. Его же узрѣвши на совѣтъ сошедшіеся Енерали и Полковники восташа вси отъ мѣстъ своихъ, воздающи честь толь знаменитому вожду, иже повнегда на уготованное ему мѣсто прійде, сице начать глаголити: »аще бы къ кому дѣиствъ нашихъ невѣдущему хотѣлъ возвѣщающи ему о онихъ бесѣдовати, тобы и словесъ пространнѣйшихъ и времени и здравія лучшого, нежели настоящого надобно было. Нынѣ же ко Вамъ разглаголствовати мнѣ хотящу, излишная мнитися вещъ быти, ежебы повѣсть о сихъ творити, яже всѣмъ Вамъ тако, якоже и мнѣ самому, извѣстна суть. Вѣсте бо и вѣсте доволнѣ, коликими утисками, гоненіями, разорѣніями, щоденными мучителстви бѣдствоваше чрезъ многое время оплаканное наше отечество, а что всего болѣе, коликое зло пострада мати наша церковь Восточная Православная, яже всѣхъ своихъ обрядовъ лишившись, ересію Римскою угнетенна стеняше, молчаще дондеже посѣти Богъ свыше милостію благодати своея и подаде, якоже древле Израилю въ Египтѣ, руку помощи, еже ей ко первому своему благочинію возвратитися. Вѣсте паки колико много трудовъ, неудобствій, бѣдъ и конечнихъ смертій въ свобожденіи тако церкви Православнія, яко и самого отечества нашего отъ ига работи Лядской подяхомъ. Вся сія вашимъ совоинственнимъ мужествомъ, моимъ же Богу поспѣшествующу предводителствомъ устроишася. Днѣсь же,

понеже тако Содѣтелю моему изволися, дабы изнемогающимъ конечнѣ удомъ тѣлесе моего близъ смерти ми быти, убо не могущу прочіе толикого въ правленіи труда носити, Вамъ господіе и друзи за искренное мнѣ во бранѣхъ послушаніе, за вѣрность неколѣблему, напослѣдокъ и за самій урядъ гетманства моего благодарствую«! Сіе со плачемъ изрекши, прочіимъ всѣмъ обстоящимъ и отъ слезъ также де удержатися немогущимъ, прирече: »Богъ вѣсть чіе се нещастіе, что не далъ мнѣ Господъ войни сея, якоже подобаше, окончити, и волность Вашу во вся вѣки утвердити. Сынъ же мой Юрасъ, младихъ лѣтъ сущи, не можетъ толь великого бремени двигати, а якоже проразумѣваю многіе и за Гетмана его не восхотять имѣти; обаче хощу нинѣ увѣдати кто по мнѣ умершомъ Гетманомъ отъ Васъ избранъ быти имать, и кому Царского Пресвѣтлого Величества знамя, булаву Гетманскую, бунчукъ, печать и армати со всѣми припаси имѣю поручити«?

Молчащимъ же всѣмъ и ни единому на сіе неотвѣщевающу, или соизволеніе на кого подающу, самъ первѣе Хмелницкій подаде на многихъ тамо бывшихъ Полковниковъ слово: яко то на Антона Кіевского, на Тетеренка Полковника Переяславского, на Пушкара Полтавского, собственнѣе же на Ивана Виговского, которій, рече, при мнѣ иногда суща Писаремъ, всего воинского трактату навиче и можетъ добрѣ воинство управляти. Тако Хмелницкому изрекшу крикнуша вси единостайно, прочіимъ отрицающе, единого точію сына его на тотъ санъ производяще.

»За Твои, глаголюще, толь знаменитіи войску Запорожскому прислуги и кровавіе труди, что еси насъ своимъ разу-

момъ и мужествомъ свободилъ отъ ярма Лядского, и, прославивши предъ свѣтомъ, народомъ свободнимъ устроилъ, подобаетъ намъ и по смерти Твоей на домъ Твой памятствовати; тѣмъ никакоже кромѣ сына Твоего Юрася Гетмана имѣти хощемъ, иже аще и младъ лѣти есть, обаче придамо ему началнихъ стариковъ, въ военномъ дѣлѣ доволно обученнихъ, которіе бы совѣтомъ своимъ до времени его наставляли«! . . . .

Сице всѣмъ обще Козакомъ настоящимъ, къ сему же и прилѣжно о тое Хмелницкого молящимъ, соизволи Гетманъ по нхъ прошенію быти. Убо при томъ же собраніи, поручивши сынови своему войсковіе клейноти, начатъ его отческо наказовати, дабы на временномъ томъ господствованіи мирно и благоразумно справовался старѣйшимъ, должную честь воздающи, меншимъ удобноспителство, богатимъ не зѣло прилѣплятися, убогихъ же не презирати, ко всѣмъ равную любовъ имѣти поучаше; претяше же паки, да страхъ Божій всегда въ сердцу носящи, прилѣжно заковѣди его тщится снабдѣвати Царскому Пресвѣтлому Величеству, якоже и самъ онъ, творяше единожди поприсягненную вѣрность, да никогда же дерзнетъ сломити. Вся бо сія рече, противно сотворенная негде инде, по точію на твою главу обратитися имутъ. Таковимъ подобіемъ старій Хмелницкій, сина своего новоизбранного Гетмана поучивши, распусти собраннихъ въ совѣтъ мужей, купно же и Юрася въ обозъ на Ташликъ отпустивши, начатъ зѣло уже ослабѣвати, яко едва и слово прочіе отъ устъ его слишатися можаше. Таже не по мнозѣхъ днѣхъ въ конецъ изнемогши, въ року 1657, Августа 15, въ Чигиринѣ полу-

денного временѣ, въ самій день Успенія Божія Матери преставися.

Мужъ поистиннѣ имени гетманского достоинъ, много дерзновенъ въ бѣдствія входити, множае совѣтенъ въ самихъ бѣдствіяхъ бяше, въ немъ же ни тѣло копми либо труди изнуренно, ни благодушество противними навѣтъ побѣжденно быти можаше; мраза и зноя терпѣніе равно, пищи и питія не елико непотребное иждивеніе, но елико естеству довлѣяше толико вкушаше; сномъ ни въ нощи, ни во дни побѣждашеся; аще же когда отъ дѣлъ и упражненія воинского времени избываше, тогда мало почиваше, и то не на многоцѣнныхъ одрѣхъ, но на постели яже воинскому мужу приличествуетъ; спящи же паки не печашеся, дабы уединенное коему мѣсто избѣрати, но и между немалимъ воинскимъ кличемъ, ничто же о томъ радящи, зъ тихостію сна пріимаше, одѣяніе ничимъ же отъ прочіихъ разнствующее; оружіе точію и кони мало что отъ инныхъ лучшее; мнози многажди его воинскимъ плащемъ покровенна между стражми отъ труда изнемогоша почивающа созерцаху; первій на брань, послѣдній по уставшей брани исхождаше. Сицевія и симъ подобнія въ немъ добродѣтели разсуждающе, что дивно есть внести, яко побѣдителемъ и страшиломъ Ляховъ сотворися, иже сладостемъ мирскимъ, всецѣло себѣ вдавше, воинскихъ дѣлъ и обученій весьма устранишася. Сего ради неточію воинство свое, но аще бы (яко же вишше речеся) Хмелницкій ихъ тайно не пощадѣ, то бы и всю Полщу во вѣки погубили.

Умершого убо (по вишеписанному) Хмелницкого въ день Успенія Пресвятія Дѣви, вси на погребъ его сошед-

шіися Генерали и Полковники, Старшина ихъ и чернь зъ превеликимъ плачемъ и жалостію, купно же и войсковими обрядами попровадиша зъ Чигирина въ Суботовъ и тамо въ церкви каменпой, отъ самого жъ иногда созданной, въ недѣлній день предъ Семеномъ погребоша и плакавше немало надъ гробомъ вожда своего разійдошася восвояси.

Повѣтствуютъ достовѣрно нѣціи, яко Поляки немогущи иннимъ образомъ Хмелницкого умертвити, совѣтъ сотвориша, дабы смертнимъ ядомъ его отрутити. Еже случися тако: притвориша нѣкоего великородного юношу, аки бы онъ хощетъ у Хмелницкого дщерь себѣ въ жену пояти, которій, пріехавши въ Чигиринъ, притворно пошлюбилъ опую. Таже при отъѣздѣ провождающого Хмелницкого, нареченного тестя своего, почастовалъ за здравіе панни своей фляшечкою полною водки, ядомъ не скоро умерщвляющимъ, наполненною, самъ первѣе одну подобную первой съ единого и тогожъ де пуздерка випивши. И тако онъ простого испивши питія пребысть безвреденъ, Хмелницкій же бѣдній отъ таковой проклятой пріязни и живота лишися. Что доводно можетъ быти оттуду яко лестній онъ зять никогда же послѣди на Украину не являлся.

СКАЗАНІЕ О ПЕРВОЙ НА ГЕТМАНСТВѢ БЫТНОСТИ ЮРІЯ ХМЕЛНИЦКОГО ПО ОТЧЕСКОЙ СМЕРТИ.

По погребеніи жалостномъ зряднѣйшого вождя Богдана Хмелницкого, многіи властолюбія недугомъ влекоми суще, совѣтоваху новоещеустроенному Гетману младому Хмелницкому, дабы не входячи въ горделивое купно же и ненавистное, далече отъ него старѣйшихъ лицъ ему подчиненніе, оставилъ санъ гетманства, и клейноти войсковіе предъ всѣмъ воинствомъ, вимовляющися младолѣтствомъ, положилъ бы. Чесому когда Юрій Хмелницкій повинуся, абіе кійждо особъ начаша собѣрати въ дворъ старого Гетмана своихъ единомислниковъ, и ово дарами и мздою, ово же прещеніемъ къ себѣ привлащаше, многое множество людей воскорѣ собраша. Сихъ же Юрій Хмелницкій узрѣвши, спѣшно отъ хитрцовъ оныхъ наущаемій, изійде изъ храмини и первіе именемъ блаженной памяти отца своего за чинъ толь поважній гетманства благодарствоваше, таже и своихъ лѣтъ ко правленію толь многого народа неудобство изявляюще, оставляше поданную ему власть, и, положивши предъ ними булаву и бунчукъ, пойде оттуду паки въ свою храмину. Яковому Хмелницкого примѣру послѣдующе словомъ, а не вещію, и прочіи лица енералніи, притворно и своя сани, Виговскій писарство, а Носачъ обозницство, оставиша, аки бы не хотяще прочіе въ дѣла неудобносиміе войсковіе входити. Яковимъ нечаяннимъ случаемъ войско Запорожское пораженно сущи стояше недоумѣющи, что протчее творити,

таже паки вопичтоживши многихъ чрезъ Асауловъ Енералнихъ и иннихъ ити настроенних булави гетманской снискателей, устремишася вси единодушно къ обиталищу (*), въ немъ же Хмелницкій изъ совѣту внійде, которимъ и инніи страха ради послѣдующе, изведоша и нехотяща Хмелницкого къ себѣ на совѣтъ; гдѣ, памятствующи на доволніе отца его ку войску Запорозскому прислуги, много по наущенію Виговского, Носача и прочіихъ отрицающомуся, клейноти войскові поручиша, и его Гетманомъ паки устроиша. Вѣдущи же несовершенство лѣтъ оного отдадоша его въ опеку по слову небожчику старому Хмелницкому поданномъ Носачу Обозному, Григорію Лесницкому Судьи, Ивану Виговскому Писару Енералному, чтоби всѣми военними окрестностми управляли, донелѣже молодій ихъ Гетманъ возмужаетъ. При семъ такожъ де установиша, дабы когда либо на брань исходити предлежатиметь, то клейноти войсковіе зъ рукъ и двора Хмелницкого Виговскій взимати долженствуетъ, возвратившися зъ походу паки до рукъ его отдати имѣетъ. Отъ чего аще Виговскій притворнѣ и удалялся, обаче, хитростнѣ въ сердцу ядъ злоби таящи, изобрѣте вину поисканія гетманской власти сицевую. Собранному тогда воинству сущу начать лстиво Виговскій вопрошати: како имать изшедши въ походъ титулъ свой на писмѣ и универсалахъ, сущей при немъ печати и воинскимъ клейнотомъ писати? Размишляющимъ же прочіимъ, и како

(*) Въ поздн. спискѣ, принадл. г. Помощ. Попеч. сказано: ...»войско Запорожское, пренебрегши многихъ булавы гетманской искателей настроилися согласно вси, приводомъ асауловъ генералнихъ и иннихъ, ити къ Юрію«.

бы оній вопросъ въ независтное произвѣсти дѣло, разсуждающимъ самъ первіе Виговскій таковимъ отъ себѣ подаде, зъ великою притворною покорною покорою и акибы недостоинствомъ, отвѣтъ, чтобъ въ воинскомъ походѣ позволили написоватися тако: »Иванъ Виговскій на тотъ часъ Гетманъ войска Запорожского«. Что отъ простого и неразсудного народа удобно одержавши, абіе покривающи свою злобу, даде младого Хмелницкого въ наученіе. Самъ же пошедши въ сокровище Хмелницкого и взялъ оттуду болѣе миліона денегъ, запомнѣвши благодѣяніи покойного Хмелницкого, которій неточію его зъ плѣна свободилъ, но и доволно обогативши, немалимъ саномъ почти къ сему и сродственнимъ своимъ сотвори; онъ же, беззаконіе ко беззаконнію прилагая, ко украденнимъ денгамъ приложи еще украсти и клейноти войсковіе, булаву, глаголю, и бунчукъ; яже во своей тогда имущи власти, и, не отдая по слову паки въ дворъ Хмелницкого, начать Полское воинство и драгонѣю затягати, купно же и съ посломъ Полскимъ, прозваніемъ Бѣнѣвскимъ, нѣкое зло противу Царского Величества ковати. Еже послишавши Пушкаръ, Полковникъ Полтавскій, писалъ о томъ всемъ подробно, возвѣщающи до самого Царского Величества. По которомъ отвѣтѣ прислано зъ Москви на Украину Боярина Богдана Матвѣевича Хитрого, иже пребогатими дари отъ Виговского прелщеній сущи, собралъ войсковую раду и вонничтоживши на ней Юрія Хмелницкого, яко младолѣтного, купно же зъ нимъ и воинство его страни сущое, утверди Виговского, врага Всероссійского, цѣле на гетманствѣ. Которій ненавистній войску Запорожскому совѣтъ хотя разорвати Пуш-

карѣ, Полковникъ Полтавскій, пойде зъ воинствомъ двадесяти тисячи къ Переяславль, дабы утаенного супостата, образомъ и вещію Ляха, Ивана Виговского до сану гетманского не допустити. Виговскій же, намѣреніе Пушкарево послишавши, нача зъ примѣрною лестію просити Хитрого, даби имъ же вѣсть образомъ предложеніе Пушкара воспятилъ, коего прошеніе давно сѣтію даровъ уловленій Бояринъ исполняющи пойде даже до Лубенъ, и тамо Пушкара обрѣтши начать ово жалованемъ, ласками, ово же указомъ Царского Величества претити всячески во своясн возвратитися. Которому Пушкаръ повинувшися и не учиня междуусобной войни отійде зъ воинствомъ воспять, сіе точію аки би провозвѣстителнѣ изрекши слово: »*увидите, що зъ тоей искри за огонь возгнѣтится!*«

СКАЗАНІЕ О ГЕТМАНСТВѢ ВИГОВСКОГО, И О ЕГО НЕПРАВЕДНИХЪ НА ТОМЪ САНѢ ДѢЙСТВІЯХЪ.

По возвратившомся въ Полтаву Пушкарѣ, утвердися безопасно чрезъ Хитрого на гетманствѣ Виговскій, и зъ начала явился къ Царскому Величеству аки би доброхотѣнъ, послѣди же супостатъ и явній измѣнникъ, ибо сокровенную въ сердци своемъ злобу хотящи нѣкіими до Царского Величества прислугами укрити, возвѣсти отай Царскому Величеству, что Ляхи, первѣе на Королевство Полское данного Монарсѣ Московскому слова не додержавши, хотять и зъ того изрекнутись, Москву же бранію воевати, взыва-

ющи къ себѣ въ союзъ Ракочого и Хана Кримского, постановиша. Сіе Царскому Величеству Виговскій возвѣстивши, приложивъ и еще написати, яко аще воскорѣ настоящему Лядскому прениpству не благоволитъ запобѣгти, то чтобъ лукавій тотъ совѣтъ по времени и въ собитіе не пришолъ, понеже, рече, Король дотолѣ точію избраніе тое продолжаетъ, донелѣже воинства зъ потребу себѣ не пріобрящетъ, имъ же бы возмоглъ силамъ Московскимъ противустати. Таковимъ лукаводоброхотнимъ Царскому Величеству доношеніемъ украдеся Виговскій въ милость Государеву тако, яко вся, яже и послѣди аще и ложная предлагаше истина быти вмѣнялся. И убо по Виговского доношеніи посла немедленно Царское Величество полномощнихъ своихъ пословъ въ Полщу зъ предлогомъ, даби нареченное и всѣхъ волними соизволеніями Государя Московского на Полское Королевство утвержденное избраніе привели въ совершенство; ихъ же благопріемнѣ Ляхи привѣтствовавши, и подобающи учредивши, отпустиша, къ Великому Государю восписавши, даби при неотмѣнной надѣждѣ мало Царское Величество благоволилъ подождати, донелѣже зъ Шведами и Прусами бывшую имъ тогда войну скончатъ всеконѣчнѣ. Тѣмъ временемъ послаша такожде и Ляхи своихъ посланниковъ къ Гетману Виговскому на Украину, потверждаючи его на гетманствѣ, и даби ко ихъ странѣ былъ прихилній, обѣщеваху вси присланіе на сеймъ отъ Хмелницкого чрезъ пословъ Немирича и Сулиму пункта присягою самого Королевского Величества и четирехъ найвишихъ Сенаторовъ вѣчнѣ укрѣпити. Яковихъ посланниковъ Виговскій удержавши и, хотячи даби въ намѣренной уже его змѣнѣ не былъ кто препятіемъ, послалъ

два полки Нѣжинскій и Стародубскій, чтобъ противного ему Царскому Величеству вѣрного слугу Пушкара воевали. Но помянутіе два полки, не хотящи въ междоусобную брань входити, розійдоша кійждо во свояси; о чомъ Виговскій послишавши и не повѣраючи прочіимъ своимъ Украинскимъ полкамъ, даби и тіе, примѣру прежнихъ не послѣдующи, желанію его недовле сотворили, послалъ свои затяжніи корогви. Ихъ же Пушкаръ недалече отъ Полтави тако порази, яко едва кто возможе къ Гетману своему угонзнути. А Виговскій, ничто же о будущой ему воинства падежи вѣдущи, еще при началѣ того междуусобнаго несоглася, писалъ къ Царскому Величеству, ложно на невинного Пушкара клевещущи, аки би онъ зъ Ляхами въ совѣтъ противу Московского Государства входитъ, купно же и свою уже воспріятую утаевающи змѣну, въ томъ же писаніи клятвами немалими себѣ обложи, яко донелѣже свѣта Полщи и Украини будетъ, всегда Козакомъ зъ Ляхами воевати. Коему лжи исполненному его писанію на Москвѣ повѣривши не запрещенно Пушкара, яко змѣнника, войною доставати.

Симъ тако въ Москвѣ и на Украинѣ биваемимъ, въ Полщѣ тимъ временемъ собрали Поляки сеймъ превеликій въ Варшавѣ, на которомъ президующому найвишему Маршалку Коронному Гнѣнскому начаша дотолѣ отрицателній и за несогласіемъ ихъ отлагателній, отъ Хмелницкого же иногда провозглашенній миръ, на трутину расужденія своего брати, и, праведно ли Козаки брань противу Ляховъ поднесли, размишляти. Где, по доволнихъ отъ обоихъ изъ Сенаторского и посполитой шляхти спорахъ, согласно вси постановиша, дабы для успокоенія зъ Козаками войни

на Украинѣ третая Речь Посполитая новоустроенна была и чини тако духовніе, яко и мирскіе, въ равной были зъ Римляни чести. Каковомъ ихъ совѣту Бискупи Полскіе, найпаче же Архибискупъ Гнѣзненскій, въ прочіимъ во всемъ соглашаяся, единомъ точію не соизволяху, то есть, даби Митрополитъ Кіевскій въ таковой, яко же и они суть, не былъ повазѣ, и о томъ даже до самого Папѣжа Римского писалъ; обаче все тое его препятіе вониччтоженно, понеже Лядскій военній неупокой падежи и убиточества инимъ образомъ усмиренни быти не можаху. Тѣмъ сложеніе подъ Гадячемъ присутствуючимъ тамо на сеймѣ и Козацкимъ посломъ Немиричу, Верещацѣ и Сулимѣ послѣдуюіціе потвердиша пункти.

Пункта пактовъ зъ Козаками.

Унѣи дабы весма не было, но дабы Ляхомъ при своей, Русѣ при своей, зоставати вѣри.

Митрополитъ Кіевскій зъ чотирма Русскими Владиками чтобъ по Арцибискупѣ Гнѣзнѣнскомъ засѣдалъ въ Сенатѣ.

Воинства Козацкого ни мнѣй, ни болѣе шестидесять тисячей было би.

Гетману Великого Княженія Руского Украинскому вѣчнѣ бы быти найпершимъ Кіевскимъ Воеводою и Енераломъ.

Сенаторовъ въ Коронѣ Полской не точію зъ Римлянъ, но и зъ Руси избѣрати.

Церкви и монастирѣ зъ своимъ всякимъ доходомъ да-

бы паки были привернени и даби не были подъ мирскою властію.

Русѣ имѣти би свою Академію, метрики, канцеляріи, где би кромѣ Лядскихъ Русскіе были учители.

Во время преждебывшой за Хмелницкого брани кіи либо учиненніе збродни и преступства аки праведно, а не притворно были дарованни и во вѣки запомятанни; аще жеби инако послѣди явилося, то миръ будетъ сломанъ.

Податей нѣкіихъ-же до Корони Полской не давати, а ни обозовъ коронних не приймовати ниже подъ кіимъ либо кромѣ Гетмана самого обоимъ Украинамъ обрѣтатися владѣніемъ.

Гетманъ Украинскій, аще бы кого зъ между своихъ Козаковъ восхотѣлъ сотворити шляхтичемъ, то Король по свидѣтелству его нобѣлѣтовати долженъ. Чесо ради Гетманъ сего часу и всегда сто человѣкъ шляхетского сана достойнихъ имѣлъ би, которихъ Кроль заразъ шляхетскіе клейноти давши унобѣлѣтуе.

Короннимъ войскамъ никогда въ Украинѣ на консистенціи не бывати, развѣ когда нужда ихъ позоветъ затягати, и то Гетманъ Малоросійскій надъ ними рейментъ и власть имѣлъ би, Козацкимъ же полкамъ вездѣ по волостямъ королевскимъ, духовнимъ и сенаторскимъ стояти волно би.

Гетману Украинскому миндзу бити и оную на своего токмо воинства плату употребити.

Во всяких и найнужнѣйшихъ Корони Полской дѣлехъ Ляхомъ Козаковъ на совѣтъ призивати и старатися якъ бы отворити Днѣпромъ ходъ воднiй суднами до Чорного мора.

Царь Московскій аще би когда похотѣлъ войну зъ

Поляки имѣти, то въ оную Козакамъ не втручатися, аще жеби Украинѣ нѣчто намѣрилъ творити, то Поляки всяческо ихъ защищати должни.

Тимъ, иже отъ Ляховъ Козацкую страну держаху, уряди и чини ихъ аби паки были привращени.

Купно же за измѣну до скарбу Королевского забраніе имѣнія отдано би и изъ книгъ записаннихъ вовся вимазанно.

Гетману никіихъ же иностраннихъ протекцій не искати би, точію даби единному Королевѣ Полскому вѣрнимъ зналъ себѣ быти подданнимъ.

Оставивши дружество и пріязнь зъ Ханомъ Кримскимъ и не ображаючи маестату Государя Московского, аби Козаки кіиждо во свое обиталище возвратилися.

А поневажъ Гетманъ зъ войскомъ Запорожскимъ и со одерваннимъ воеводстви яко волніи до волнихъ, ровніи до ровнихъ и зацніи до зацнихъ доброволне до Корони привращаются; сего ради Его Королевская Милость и Речъ Посполитая позволяютъ тогожъ народа Русского Гетману, суди трибуналу гетманского тамо, идѣже онъ похочетъ, отправовати, и дабы печатари, маршалки и подскарбіе и инніе дворовіе официалисти были коронним подобни.

Чигиринскій повѣтъ попрежднему при булавѣ зоставалъ би.

На тихъ всѣхъ вишеписаннихъ пунктахъ Сенатори Полскіе и самъ Король подписавшися монаршимъ подобіемъ обосторонною присягою оніе потвердиша.

По окончаніи бывшаго въ Варшавѣ сейму разійдошася Поляки кіиждо въ доми своя, где нѣціи, завидяще

щастію Козацкому, сіе на похвалу ихъ написаша: »вотще, глаголюще, обѣ изби Сенаторовъ Полскихъ и посполитое шляхетство совѣтами своими изпуряху время, егда идущіи за нещастіемъ, паче же и самому небу имъ въ томъ сущу противно, инако поступити не возмогоша; доволно можетъ быти оттуду Козакомъ похвали, яко о свободу свою никого не просиша, ниже паки злотомъ или дворовимъ фавори или лукавствіи оную спискоша, но мужествомъ и храбростію тое пріобрѣтоша, чимъ нинѣ зостаютъ. Не вредить имъ сіе, яко мы ихъ мужиками именуемъ, ибо и Македоняне бяху прежде простіе земледелци, такъ и Римляне зъ пастуховъ повстали, и Турки зъ розбойничества толикого господствованія обладателми сташа, яко же и наши праотци Поляки не отъ вѣку бяху шляхтичами, но по времени чрезъ кровъ и мужество тое себѣ имѣнованіе стяжаша. Тѣмъ въ утѣху иногда реченное отъ Стефана Баторія слово нинѣ исполняется: »*что будетъ зъ тихъ когдась юношъ волная и собственная Речь Посполитая*«, якую мы очесами нашими дочекали созерзати.

Таковими убо поприсяженними отъ Поляковъ пактами уведшися легкомислній Виговскій, къ сему и Ханскими, аще отъ Государа Московского не отступить, погрозками, аки би устрашившися, паче же властолюбія и удѣлного себѣ владѣнія недугомъ одержимій сущи, послалъ своихъ послапцовъ въ Варшаву предлагающи, яко постановленная отъ Богдана Хмелницкого зъ Великимъ Государемъ мирная завѣщанія всецѣле имать разорвати и Поляком во всемъ быти желателнимъ обѣщался. Тако тайнимъ образомъ измѣну противу Царского Пресвѣтлого Величества Виговскій строящи пойде зъ Полскимъ и Татарскимъ затяжнимъ воинствомъ на

Пушкара подъ Полтаву, ибо, не могущи его чрезъ послапцовъ своихъ себѣ подчинити, самъ тамъ умисли ити, отпюду же всяческо непріязненного и совѣтомъ его враждебного поведѣнія надѣяшеся. Первѣе бо аще и посилаше на него отъ боку своего воиновъ, обаче никогда же ему то пошло въ удачу, якоже Тимоша Господара Гадяцкого зъ приданнимъ, къ нему Сербами, тако между Куземиномъ и Опошнимъ Пушкаръ порази, яко и самого Господара въ Гадяцкихъ селахъ на рѣцѣ Груни жива явши, въ окови посадивши до Калантаева подъ крѣпкую стражъ до Росіянъ послалъ, тоже и Богуна, уцѣлѣвшого отъ тоеи брани и зъ остатними Сербами безбоязненно ко своему грядущого вожду, нечаянно напь нападши, въ конецъ побѣди.

Не могущи убо (якоже више рѣхомъ) чрезъ посланцовъ своихъ Пушкара Виговскій смирити самъ зъ воинствомъ притягнулъ къ Полтавѣ. На него же Пушкаръ випоромъ зъ города многолюдно изшедши и тайно на шанцѣ нападши, не токмо обозъ и армати, но и булаву гетманскую взялъ. Коимъ страхомъ пораженній Виговскій, сѣдши на коня, побѣже въ Татарскій обозъ, идѣже Орду на поготовости обрѣтши, прибѣже спѣшно зъ онею своимъ на помочъ, яже обсѣдши путь, къ Полтавѣ вѣдущій, творяше веліе препятіе уходящему воинству Пушкареву отъ Виговского, страха ради Татарского сущу пораженному; где Пушкаръ, израднѣйше между иними воюя, убіенъ бысть, воинство же его, смертію началника своего престрашенное, несумнѣно плещи давши, во градъ побѣже, ихъ же непріятеліе постигающе нещаднѣ всѣхъ посѣкоша, тоже и градъ Полтаву огнемъ сожгоша.

Таже побѣдивши Виговскій, Полтавского Полковника, вѣрного Царского Пресвѣтлого Величества подданного, Пушкара, прійде со всѣмъ воинствомъ до Зѣнкова, идѣже противній ему Наказній Гетманъ, прозваніемъ Силка, зъ многими людми заперся былъ, которого недель чтири всякими образи и войсковими промислами добивающи ничтоже успѣ, понеже Силка бяше мужъ храбръ и въ брани зѣло искусенъ. Чесо ради Виговскій не уже яко воинъ, но яко тать и вѣроломецъ, поприсягши Силцѣ, яко въ цѣлости его зъ воинствомъ восхощетъ пустити, взялъ градъ Зѣнковъ и самого Силку окова, потомъ не точію тое мѣсто, но и Гадячое, Веприкъ, Рашавку, Лютенку, Сорочинцѣ, Ковалѣвку, Баранувку, Обуховъ, Богачку, Устивицю, Яревки, Шишакъ, Бурки, Хомуторъ, Миргородъ, Безпалчинцѣ и иннихъ многое число градовъ и весей даде Татаромъ на разграбителное плѣненіе.

Облежащу же Виговскому запершогося въ Зѣнковѣ Силку, прійде подъ Гадячое Полковникъ Нѣжинскій Григорій Гуляницкій, и, видя, яко не можетъ оного бранію достати, лестно чрезъ примирствіе вторгшися, все мѣсто разграби; коего грабителства Козаки, въ замку тамошнемъ бывшіе, сожалѣвшися избѣгоша оттуду нечаянно на воевъ Гуляницкого, и, поразивши ихъ крѣпко, вонъ изъ града изгнаша.

Такого Виговского по Украинѣ безчинующого услишавши Царское Величество послалъ панъ Боярина Князя Григорія Григоріевича Рамодановского зъ воинствомъ Великороссійскимъ, двадесяти тисячъ сущему, а при немъ и нѣсколко полковъ пограничнихъ Козацкихъ, Царскому Величеству вѣрно служащихъ, надъ которими тогда начал-

ствовалъ Гетманъ Иванъ Безпалій, Барабашъ, Кошовій войска Запорожского Низового, и Асаулъ, прозваніемъ Воронникъ; тое все воинство, гнѣвающися на грабителство Ивана Виговского, великое его страни держащимся людѣмъ озлобленіе творили и нѣкоторіе мѣста попалили, а именно: Лубнѣ, Пирятинъ, Чорнухи, Горошинъ и инніе многіе. Тоже пошедши оттуду облегоша единомисленника Виговского Нѣжинского Полковника Гуляницкого въ Варвѣ, где нѣсколко недѣль зъ немалою трудностію его добивающи, не возмогоша что ему сотворити. Наступающей же зимѣ и времени, ко облеженію неключимому, надходящу, отступи воинство Царского Величества отъ Варви, и о зимѣ Бояринъ Ромодановскій въ Лохвицѣ, а Иванъ Безпалій Гетманъ чрезъ все тое зимное время въ Ромнѣ пребываше.

Тоего жъ Гуляницкого повторе въ Конотопѣ Россіяне осадили, но Виговскій, аще до того часу и утаевалъ свою противъ Государя явную змѣну, будто онъ токмо своихъ противниковъ, яко-то Пушкара и инныхъ, себѣ покоряючи, смиряетъ и войсками Лядскими и Татарскими затягщими и не хотя принужденъ гради и села своихъ опустошовати, обаче на Царское Величество руки не подноситъ, а что подъ Камяное, городъ Русскій (*), подступилъ и прочее, то не зъ якой причини токмо булаву его Гетманскую, подъ Полтавою Пушкаремъ отбитую, въ тихъ городахъ перевѣдалъ, а именно, у Камянского Воеводи, которій на безчестіе речемое не хощетъ отдати. Но тая его лесть и утаенная презъ долгій часъ змѣна явно показалася, ибо

(*) Тамъ же: *подъ Каменніе, городи Русскіе и пр.*

доволствуючись статіями, на сейму у Варшавѣ утвержденними и присягою обосторонною, монаршимъ звичаемъ отъ Короля зъ четирма Сенаторами виполненною, явнимъ оказался, пошедши подъ Конотопъ для отсѣчи Гуляницкому Россіянамъ, непріятелемъ; где Россіяне, почувши Виговского, на себѣ приборне зъ Ляхами и Татари наступаючого, и увѣдавши о состояніи пактовъ отъ Короля поприсяжнихъ, вибрали зъ между себе комонника зъ вождами Ромодановскимъ и Трубецкимъ Княземъ, и пошли противу Виговскому, хотячи его зъ Ордою розорвати; лечъ надъ сподѣване застанутъ уже Орду зъ нимъ совокупленную и Обозного Коронного, со многимъ Полскимъ войскомъ устроенного, где моцно ударившись любо и долго зъ собою битву зводили, еднакъ Россіяне, жадного не имѣючи отъ своихъ посилку, мусѣли у уходѣ зъ вождомъ единимъ всѣ пасти, потомъ и остатнихъ подъ Путивлемъ зъ вождомъ ихъ Пожарскимъ Виговскій добувши, Гуляницкого зъ Конотопу зъ облеженія визволилъ, и пустилъ загони Татарскіе далеко въ Москву.

Что видя Юрась Хмелниченко виправилъ слугу своего Бруховецкого до войска Запорожского, жалящися на Виговского, же ему отъ всего войска и отъ отца данное гетманство насилие неправеднимъ подступствомъ видралъ.

Также и Украинскіе по той сторонѣ Днѣпра обрѣтающіеся Козаки и Поднѣстране и Забожане учувши, же Гетманъ Виговскій примирившися зъ Поляки и Татари Полтавщину, Миргородщину и Лубенщину всю опустошивши, людей въ неволю Татарскую поотдавалъ и Пушкара Полтавского Полковника, державчого зъ своими войсками сто-

рону Царского Величества, убилъ и Хмелницкого присяжніе зъ Царскимъ Величествомъ пакта зломалъ, и на его жъ православного Монарху зъ Поляки и Татари воюетъ, а памятаючи Богдана Хмелницкого, обличаючого Татарскій замислъ, же умишляютъ, аби зъ Ляхами примирившись и зъ полними силами на Москву пошедши, ихъ упокорити и Козаковъ всѣхъ вигубити, а свое Царство Астраханское возставити, собравшися въ Браславлю знатніе Козаки и чернь нового Гетмана Юрія Хмелницкого себѣ поставили.

О ВТОРОЙ БЫТНОСТИ ЮРІЯ ХМЕЛНИЦКОГО НА ГЕТМАНСТВѢ, РОКУ 1659.

Но Виговскій, хотячи зъ Москвою и зъ Козаками при ней будучими до остатка росправитися, писалъ до Конѣцполского Гетмана, аби тамъ збунтовавшихся Козаковъ ускромивъ; но Гетману ближей было своихъ примирити, понеже Полское войско, за килкорочную имъ заведенную плату звязокъ учинивши, Гетмана Конѣцполского и иннихъ Сенаторовъ у Львовѣ замкнули, хотячи ихъ вибити и городъ Львовъ зграбовати. Но потомъ учулъ, же явне все Козацкое войско, нового Гетмана учинивши, противу ему Виговскому повстало, онъ зоставивши Татаровъ, у Великоросcійскіе городи загонами пошедшихъ, зъ войскомъ Полскимъ въ той пожаръ пробрался, хотячи искру, еще въ попелѣ будучую, угасити, но надъ сподѣванне всѣ уже предавшихся отъ себѣ до восточного Монархи зостане; на остатокъ, которихъ мѣлъ за пріятелей, якіе у Варшавѣ отъ всего войска будучи на сейму пактовъ Королемъ и Сенаторми

поприсяженнихъ достояли, яко то найпервій Немиричъ службу свою о тихъ пактахъ войску мудрою вимовою заплату принялъ; бо былъ отъ чернѣ розсѣканъ на штуки, такожъ Верещакъ и Сулима и инніи, що той покой у Варшавѣ взаемъ поприсягли зъ Поляки,—жаденъ живъ не остался. Что видя Виговскій, любо и казалъ предъ всѣмъ войскомъ тіе полезніе Козацкой сторонѣ зъ обохъ сторонъ новоприсяженіе пакта читати, еднакъ ни отъ кого за тое не было ему похвали, опрочъ бридкой укоризни, же православного Монарха Государя Царя отступилъ, и конечне бъ былъ убитъ, аще бы не оградился знатнимъ Полскимъ войскомъ. Що здаючися дармо силной фортунѣ отослалъ Юрію Хмелницкому Виговскій булаву и всѣ войсковіе клейноти, и здавши Гетманство самъ якъ опаренній зъ посродку пожару ледво зъ тисячію людей утекъ зъ душею до Бару, такожъ и Полскіе корогви пошли къ себѣ во свояси.

Но Круль, держачись Козаковъ якоби за остатокъ и чтоби не отпустить за недбалствомъ прежней такъ добре поданнои оказіи, знову пошле Каштеляна Волынского, потвержаючи Хмелниченка на Гетманствѣ. И любо Хмелниченко взаемне на всякіе услуги Королевскому Величеству офѣруючи посла Королевского честно отправилъ, еднакъ до Москви пославъ, чтобы у Переяславлѣ зъ войскомъ вступили, а до Потоцкого, аби зъ Полскимъ войскомъ, которого былъ Виговскій напровадилъ, зо всего за Днѣпра уступилъ; которіе когда виступить не хотѣли, то повелѣлъ и насилне виганяти.

Якожъ заразъ Полковникъ Переяславскій Цюцюра отозвавшись, и хотячи утвердитись на сегобочномъ гетманствѣ,

начавши изъ-за Днѣпра Ляховъ вигоняти, въ Нѣжинѣ пять корогвей Полскихъ вибилъ, потомъ въ Переяславлѣ, въ Чернѣговѣ и по всѣхъ городахъ Украинскихъ Козаки Ляховъ вибили, и рейментара ихъ Немирича нагнавши за Кобезчою и убивши, всю Украину отъ Ляховъ, Виговскимъ наведенныхъ, очистили. Но Юрась Хмелницкій изъ Сѣркомъ, Кошовимъ Низового Запорожжя, Чигирина доставши, и жону Виговского по его прошенію у Полщу ему одославши, Царскому Величеству поклонился и потвержденъ по указу Царского Величества чрезъ Боярина Трубецкого на гетманствѣ, и отъ того часу начали на за Днѣпру войни утихати, и яко за Хмелницкого старого позволеніемъ такъ и за Юрася зо всего за Днѣпра, даже изъ-за Днѣстра, люди безчисленніи на сюю сторону Днѣпра поволно для тамъ всегда будучихъ отъ Ляховъ и отъ Татаръ войнъ подъ Царскую руку пущенни. Которіи не змѣстившися у Малой Россіи, и далѣй за границу у Великую Россію пустивши, многіе пустіе землѣ даже за рѣки Донецъ и Донъ великими городами и селами густо населили; которихъ Царское Величество роздѣлилъ на пять полковъ и поставилъ полковниковъ въ Сумахъ, Охтырцѣ, Харковѣ, Узюмѣ и Рыбномъ, позволивши имъ судитися своими правами и надалъ волности яко и войску Запорожскому, и такъ нѣбы муромъ оградилъ противо Татаръ людомъ доволно звичайнимъ и военнимъ.

О ПОХОДѢ ШЕРЕМЕТОВОМЪ ЗЪ ЮРІЕМЪ ХМЕЛНИЦКИМЪ ДО ПОЛЩѢ, И О ВЗЯТІИ ЕГО ПОДЪ ЧУДНОВОМЪ ВЪ ТАТАРСКУЮ НЕВОЛЮ.

Потомъ Юрій Хмелницкого сынъ, собравши совѣтъ на Кодачку, на которомъ былъ и Бояринъ Василій Василіевичъ Шереметевъ, усовѣтовали Боярину и при немъ Наказному Гетману Цюцюрѣ ити путемъ на Котелню, а Юрію Хмелницкому собственѣйшимъ трактомъ Гончарихою пошедшу со обоимъ воинствомъ намѣрилъ тягнути ко Львову, гдѣ Болярипъ, надѣючися на изрядное и великое силъ Россійскихъ споряженіе, горделиво похвалялся самого Короля въ плѣнъ отвести, а столній градъ Краковъ облегти. И тако по бесѣдѣ той послалъ преди себе подъѣздъ зѣлпій конницѣ, а пѣхотѣ повелѣвъ за оною поспѣшатися, просто къ Варшавѣ ити заповѣдалъ; которіе тамо пришедши безмѣрпое число шляхти Подляской зъ имѣніями ихъ плѣнили, Гетмана Коронного Полского толь знаменито поразили, яко едва самъ зѣло въ малой дружипѣ угонзие въ Дубно. Чесого деля, якоже обаче таковому бѣдствію послѣдовати, неисповѣдиміе начилися окрестъ Висли роздрухи и тривожливости, ибо отсюду Россіяне и Козаки подъ Люблинъ подступили, а обонъ полъ Висли войска Голсацкіе и Прускіе подобнѣже Полщу опустошали.

Тѣмъ временемъ Король Шведскій, чрезъ три лѣта Лядское Королевство ратовавши, таможъ-де въ Полщи преставися, Сенатори его зъ Ляхами припужденни суть таковаго ради случая примиритися. По таковомъ убо состоявшомся мирѣ уволнившися Король Полскій отъ Нѣмецкой брани обрати вся своя вои отъ Балтицкого моря изъ-за Вислы ко Украинѣ, имѣючи

во дружествѣ себѣ Кримского Хана. Съ нимъ же намѣренного доспѣвши мѣста нападе нечаянно на Россіянъ и Козаковъ, ничтоже таково помишляющихъ, ниже о смерти Короля Шведского, ни о союзѣ Поляковъ зъ Нѣмцами вѣдавши, подъ градами Чудновомъ и Слободищами, и поразивши ихъ немало осадили, где Хмелницкій, многокротне зъ Ляхами и Татарами бой сведши, ничтоже успѣлъ, а видячи сили непріятелскіе превеликіе, къ тому и дне отъ дне умножающіеся, и, не могши никаковимъ же образомъ зъ тоей осади свободитися, принужденъ есть зъ Ляхами змирити. Шереметевъ же во время уже разсудившися, что напрасно зъ Гетманомъ въ надѣю воинства своего порознился, паче же на свое киченіе жалѣючи, отъ Полского воинства принужденъ и самъ зъ Наказнимъ Гетманомъ Цюцюрою и Козаками въ осадѣ сѣсти, где чрезъ нѣсколко недѣль медлящи зѣло въ хлѣбніе запаси оскудѣ, понеже зъ Котелнѣ виступивши оную со всѣми конскими и людскими кормами на свою послѣжде шкоду повелѣ сожещи. Обаче же и въ таковой отъ глада бѣдѣ настоящой чрезъ долгое время не могоша Ляхи Россіянъ, въ осадѣ сущихъ, гладомъ понудити, ибо и имъ самимъ зъ далекой войни Нѣмецкой безъ доволнихъ запасовъ пришедшимъ гладъ въ воинскихъ упражданеніяхъ не мало стужаше. Въ таковихъ убо нуждниіхъ падежахъ обоимъ странамъ обрѣтающимся начаша Ляхи по Шереметеву желанію о той Козаковъ мирнія завѣти составляти, въ которихъ заключиша, чтобъ Козаковъ при Боярину сущихъ Татаромъ за услугу видати, воинство Россійское зъ Кіева сведши Ляховъ тамо впустити и прочая. По каковимъ мирнимъ составленіямъ начали были Россіяне

Козаковъ Татаромъ за хлѣбъ, соль и за воду отдавати, что Цюцюра, ощутивши и увидѣвши великое Козакомъ оттуду приходящее озлобленіе, тяжко себѣ вмѣни, и, не восхотѣвши болѣе таковой неправедности терпѣти, зъ немалою своего воинства уроною сквозъ Татаръ пробися и прійде ко Хмелницкому. Шереметевъ же по отходѣ Козаковъ, аще и хотяше вся въ статяхъ положенія приговори въ цѣлости соблюсти, но и инныхъ въ совершенство привести не возможе; яковое бѣ отданіе Ляхомъ града Кіева, въ которомъ на тое время зъ Россійскою силою Князь Борятинскій обрѣтающися не попусти. Чесо ради зѣло розгнѣваніе Поляки, отаковавши Шереметева, живого самого со всѣмъ воинствомъ въ награжденіе Татаромъ отдаша, началниковъ же для откупу себѣ оставиша. Тако не лѣть есть прежде побѣди побѣднія вѣнци соплѣтати, ибо же первѣе хвалящеся Короля Полского въ плѣнъ отвѣсти и въ Краковѣ самъ отсѣсти, сей и воинство и самого себѣ погубивши, болѣе неже на двадесятъ лѣтъ въ Кримскую отведеся неволю.

Сицевимъ убо случаемъ Ляхи возвишени суще паки во свою область всю Украину пріяща кромѣ трехъ полковъ: Переясловского, Нѣжинского и Чернѣговского, надъ которими былъ Наказнимъ Гетманомъ Якимъ Сомко, и придержашеся вѣрно сторонѣ Царского Величества. На него же Гуляницкій зъ Ляхами, Козаками и Татарми, аще и частѣ нападаше, но онъ зъ сими точію тремя полками крѣпко имъ сопротивляшеся и не даяше Ляхомъ въ нихъ ни мало станціи имѣти, а где насилно вдершися своихъ воиновъ и поставиша, то, въ року 1661, не точію зъ тѣхъ полковъ, но со всего за Днѣпра воинскую Короля Полского силу, конницу и пѣ-

хоту, изгна и тако паки сегосторонная Украина подъ преможнѣйшого Царского Величества рукою остася. Сомко же аще и не бѣ вещію избранъ на гетманство, обаче вѣрнихъ ради и знаменитихъ прислугъ своихъ симъ проименованіемъ славящеся. Року 1662 прійде Юрій Хмелницкій съ Ханомъ, зъ Козаками и Полскимъ воинствомъ на Украину и обляже Переясловъ, где ни мало что вскуравши пойде на озимѣніе подъ Нѣжинъ. Оттуду же пусти Ханъ загони въ Стародубовщину, за Мглинъ и въ города Великороссійскіе. Тогожъ року въ мѣсяцѣ януаріи, уступуючи Ханъ зъ Хмелницкимъ изъ сеей сторони за Днѣпръ, остави немало воинства Козацкого и Татарского въ Ирклѣевѣ, которое Григорій Григоріевичъ Ромодановскій зъ Сомкомъ Гетманомъ малъ не всѣхъ на веснѣ избивши градъ оній разори и огню предаде.

Тогожъ времени по праздницѣ Воскресенія Господня собравши Козаки общій совѣтъ въ Козелци избраша Сомка на гетманство, и тамъ не отлагателно на вѣрность Царскому Величеству и новоизбранному Гетману присягли. Какого достоинства; и прочіи со немалимъ попеченіемъ желаху, яковій бѣ Полковникъ Нѣжинскій Васюта и Иванъ Бруховецкій, которого усиловне и самоволне Запорожскіи Козаки хотяху Гетманомъ имѣти. Сицевимъ тріемъ сего сана рачителемъ прилѣжно между собою мислями и хотѣніемъ цертуючимъ, единъ отъ нихъ Васюта, зѣло властолюбія недугомъ одержимій, нача тайно промишляти, какоби достоинство гетманское себѣ похитити, и, убо изобрѣтши мужа по серцу своему нѣкоего Маѳодія Епископа, оклевета Сомка на Москву къ Царскому Величеству, аки би онъ невѣрно и нерадиво Его Величеству служитъ.

Симъ тако въ Украинѣ бываемимъ прійде вторицею Хмелницкій зъ немалимъ воинствомъ подъ Персяславъ, идѣ же тогда Сомко съ нѣколикосотъ ратнихъ людей бяше, и облегши оній начать добивати крѣпко. Крѣпчае еще сопротивляющимся симъ, которимъ не надежда кая, но страхъ смерти предъ очима бяше. Сего ради нужда бѣ не малое время въ томъ дѣлѣ Хмелницкому умедленіи, донелѣ же извѣстившися о Сомковомъ бѣдствіи Григорій Григоріевичъ Ромодановскій пойде со всѣмъ воинствомъ и зъ Нѣжинскимъ полкомъ Сомковѣ на помощъ. О коемъ Ромодановского походѣ услишавши Хмелницкій отступи отъ Переяслова и не дошедъ Канева во скрай Днѣпра окопався. По его же отшествіи Сомко Гетманъ, изшедши изъ града и зъ Ромодановскимъ совокупившися, пойде на Хмелницкого, которого изъ обозомъ у Днѣпра постигши, udариша нань крѣпко, гдѣ Хмелницкій первѣе мужественно ополчися, тоже увидѣвши яко Орда отступи отъ его, начатъ въ свой таборъ уходити. За которимъ Великороссійское и Малороссійское воинство слѣдующи сломиша Хмелницкого ратнихъ людей, обозъ весь зъ воинскою амуниціею взяша и Козаковъ его въ самій Днѣпръ прогнаша, идѣже избывшихъ (*) Россійского меча многое множество до води погибе, а Нѣмецкой пѣхоти тисяча человѣкъ, въ единомъ углѣ окопу запершися дотолѣ сопротивляшеся, донелѣ же единъ на единомъ отъ силъ Россійскихъ положенъ есть, и тако Хмелницкій погубивши Козаковъ и Поляковъ двадесятъ тисячей, и обозъ весь въ разграбленіе оставивши, самъ едва въ въ малой дружинѣ угонже

(*) Тамъ же: *спасшися отъ Россійского меча.*

въ Черкаси, еже бысть въ лѣто отъ Рождества Христова 1662 іюля 16. По таковой изящной надъ Хмелницкимъ побѣдѣ, видящи все Малороссійское воинство, яко Якимъ Сомко вождъ есть храбръ и въ дѣлахъ воинскихъ искусенъ, наипаче же, яко не щадячи своего здравія, за честь и славу Его Царского Величества, при своемъ щастію, вѣрно и мужественно поборяеть, хотяху вси единодушно совершеннимъ его Гетманомъ устроити; но Епископъ Меѳодій, завистливъ сый сущи, болѣе тоей чести желалъ Васютѣ, неже Сомковѣ, тѣмъ и Князя о томъ по-премногу моляше, даби, елико возмоглъ, въ полученіи цѣлого Гетманства Сомковѣ дѣлалъ препятіе. О якой коварной Епископовой злобѣ Сомко, человѣкъ простодушенъ сущи, весма бѣ неизвѣстенъ; но въ предлежащихъ себѣ воинскихъ дѣлѣхъ упраждняющися, пойде ратію на оную страну Днѣпра, откуду, не мало користей веземши и оставивши въ Каневѣ Полковникомъ Лизогуба, въ цѣлости въ домъ возвратися. Чесому поревновавши и Князь Ромодановскій, послалъ такожде и отъ себе за Днѣпръ Столника, нарицаемого Приклонского. Ему же на онъ полъ Днѣпра пришедшу, доброволне градъ Черкаси поддася, где устроивши Полковникомъ Гамалѣю, пойде зъ воинствомъ въ-низъ Днѣпра до Бужина; аможе и Ромодановскій, со всею силою, сею стороною пошедши, противъ самого Бужина обозомъ ляже. Тѣмъ временемъ Хмелницкій, на новую Татарскую здобувшися помощъ, въ-малѣ Переяславской своей не воздаде шкоди, а рекши свободно, Приклонскій зъ немалою нуждою и трудомъ едва оборонною рукою до Днѣпра прійде, идеже многіе отъ ратнихъ его людей, оставивши тамо горячо устроенній таборъ, водѣ

зѣло малой въ Днѣпрѣ тогда бывшей, вплавь чрезъ Днѣпръ плисти понуждени, и налѣгающимъ велми на оставшихся тамо въ обозѣ воевъ, начатъ Ромодановскій зъ пушекъ зъ сей сторони по непріятелехъ палити; отъ чего они принужденни воспять уступить, и тако едва возможе отъ напастного Хмелницкого нашествія своихъ свободити; самъ же, не медля более тамо, присовокупивши себѣ Приклонского, пойде паки въ Украину къ Лубнямъ и тамо обозъ свой положи, — а Хмелницкій видя, яко не возможе себѣ въ Переясловѣ нанесенной кривди отмстити, здавши санъ Гетманства Тетерѣ, въ чинъ иноческій облечеся.

ГЕТМАНСТВО БРУХОВЕЦКОГО.

Сія на Украинѣ, на Запорожжѣ же различная, но вся нравомъ ихъ свойственная содѣвахуся повожденія, — ибо по своему обикновенію, собравшися въ раду, самоволно Бруховецкого Украинскимъ огласили Гетманомъ и о немъ, ублажающи его, даже до самого лица Царского Величества писаху. А на сей сторонѣ Днѣпра, по челобиттю Меѳодія Епископа и Василя Васюти, Полковника Нѣжинского, Царское Величество повелѣ кого хотя зъ-межи себе волними голосами изобрати на Гетманство. Подъ якое время и Бруховецкій зъ Запорожжя, въ-нѣсколико сотъ конних Запорожцовъ, до Гадяча війшолъ, — которого Ромодановскій благопріятно пріявши, поручи ему Украиною по Роменъ владѣти. Полковникъ же Нѣжинскій Василій Васюта, также и себѣ желаючи Гетманства и отступивши отъ Ромна, чрезъ тихъ же Запорожцовъ оного искаше. Чесо ради, завидящи

(*) А. ю. з. Р., V, № 70, стр. 173.

болшой отъ его Сомковой повазѣ, паче начатъ панъ къ Царскому Величеству враждебно клеветати, тѣмъ для ненаситного властолюбія, оба на Москвѣ въ подозрѣніи зостали. А Бруховецкій, имущи при себѣ много Запорожцовъ, лукаво о Чорную Раду непрестанно печашеся; писа же и до Царского Величества, о тое просящи, надежденъ, яко егда оная соберется, то Запорожци тамъ бунти начавши, Сомка и Васюту убіютъ, а его насилно произведутъ на Гетманство, якожъ послѣжде и собится, ибо когда по Царского Величества указу Околничій Князь Гагинъ и Столникъ Кирилъ Осиповичъ Хлоповъ, избранія ради нового Гетмана, къ Нѣжину путь восприяша, тогда Бруховецкій зъ Гадяча въ Батуринъ къ нимъ поспѣшивши и тамъ ихъ доволно учредивши, призрителнихъ онихъ ко себѣ устрои. И тогожде времени послалъ своихъ Запорожцовъ во вся Украинскіе гради, совѣтуя повелѣваючи, даби все посполство сходилося въ Нѣжинъ, акиби градъ оній расхищати, чесого дѣля не точію Козаки, но и мужики всѣми силами онамо плѣжаху. Где такожде и Сомко Гетманъ, повинующися Царского Пресвѣтлого Величества указу, зъ подручними себѣ знаменитѣйшими лицами Козацкими, приспѣлъ и воздавши, якоже подобаше, Княжескому достоинству почесть, поручи себе и всѣхъ ему приналежащихъ Полковниковъ и Сотниковъ въ милость и неотъемлемое Царского Величества призрѣніе, обѣщеваючи и впредъ вѣрность свою и прочіихъ ему поручнихъ цѣло, тщателно и ненарушимо сохранити. Таковому искусному Сомковому привѣтствію, аще и чудяшеся Князь отчасти, обаче не зѣло ему внемаше, ибо прежде уже, дарами уведенъ отъ Бруховецкого сущи, начатъ о

Сомку и его союзникахъ тайно промишляти. Сомко же, аще и вѣдяше, яко на Чорной Радѣ не безъ бунтовъ имать быти, и сего ради частѣ о томъ Князя упоминаше. Обаче Князь, имущи при себѣ воинства Великороссійского изобилно, о томъ не брежаше, но поставивши намѣтъ Царского Величества средѣ обоза, повелѣлъ воиномъ Государевимъ вооруженнимъ окрестъ стати, даби не начался между людми Малороссійскими яковіе либо бунти; Козакомъ же и чернѣ заповѣдалъ всѣмъ тамо прійти безъоружнимъ. Симъ по повеленію его исполнившимся, егда точію начатся грамота Царского Величества читати, тогда абіе, не дожидая конца, начатся вопль и кличъ велій зъ обохъ сторонъ, овимъ Бруховецкого Гетмана нарицающимъ, овимъ же Сомка на тое достоинство производящимъ. Таже Запорожцѣ, сведши тамо бой немалій, бунчукъ Сомковъ сломиша и его самого въмалѣ не убиша, аще не би чрезъ Царскій наметъ угоннувши, конемъ утекъ; отъ чернѣ же многое множество того времени смертно поразиша, много и смерти предаша. Но не у той безчинной радѣ конецъ, ибо Запорожцѣ жъ, не удоволившися Сомковимъ бѣгствомъ, самого Князя потрудили и тако Бруховецкого, на столець возведши, Гетманомъ огласили. Аще же Сомко послѣжде и посилалъ до Князя зъ виговоромъ, яко имать до лица Царского Величества писати, что Запорожцѣ, насиліемъ ему знаменія войсковія видравши, Бруховецкому вручиша; обаче не токмо ничто же успѣвъ, но и на гнѣвъ еще своею акиби дерзостю Князя возбуди, ибо Князь, заповѣдавши абіе бунчукъ и булаву до намету Царского Бруховецкому принести, повелѣ и Сомку зъ Васютою, купно и съ ихъ единомисленники, тамо прійти.

Онима же, немедленно по указу приспѣвшима, тогожъ времени конѣ, оружіе и одежду имъ поотбирано; таже и самихъ, зъ людми ихъ, такожъ пообдиранними, за караулъ взято. А Бруховецкому, таможде на вѣрность Царскому Величеству поприсягшу, Князь самъ зъ своихъ рукъ вторицею бунчукъ и булаву поручи. При которого на Гетманство постановленню, многихъ знаменитихъ Козаковъ чернь избивши, имѣнія ихъ разграби; таже и Сомковъ обозъ, подъ карауломъ у Князя сущого, Запорожская голота расхити. Яковое ихъ безчиніе, по наущенію Бруховецкого творившоеся, чрезъ нѣсколико дней триваючи, толико возможе, яко уже ни въ домахъ людскихъ чесому либо бѣ уцѣлити возможно. Чесого ради многіе, паче же знаменитѣйшіе людіе, оставивши своя жилища и премѣнивши добрая одѣнія въ рубища, страха дѣля, идѣже можаху, бѣднѣ кріяхуся; а прочіе жители во градехъ и весехъ, между чаяніемъ смерти и надеждою живота пребывающіи, отъ печали уныніемъ измождени, тайнѣ въ себѣ помышляху, куда таковое его неситное крове хотѣніе превзидетъ, или кое по немъ тимъ бѣдствіямъ имать быти окончаніе, ожидаху. Таковое Бруховецкій своего Гетманства душегубное положивши основаніе, въ року 1664, ко преждному безчинію приложи еще злѣе согрѣшити, ибо вѣдущи Сомка и Васюту лицъ быти на себе тяжкихъ, тѣмъ запобѣгающи, да не когда въ достоинствѣ томъ ему будутъ препятіемъ, повелѣ Сомка,埭земши зъ подъ караулу Княжого, да зъ нимъ Полковниковъ: Нѣжинского, Чернѣговского и Лубенского, зъ Старшиною ихъ Полковою, —мечемъ посѣщи, иннихъ же Полковниковъ, возложивши на ихъ ложную клевету, на Москву посла, а прочімъ всѣмъ знаменитимъ Ко-

закамъ шуби и жупани — пѣхотѣ Запорожской повелѣ даяти, провіянтъ же и фуражъ сами, у кого точію похотѣли, аще и надъ потребу, взимали; къ тому и новопоставленнимъ отъ себе Полковникомъ по сотнѣ Запорожцовъ придавши, указалъ всѣхъ изобилно кормити и одѣвати. Яковіе по станціямъ расположившися, таковіе озлобленія людемъ творяху, яко подумати имъ, что не Гетманъ ихъ тамо постави, но нѣкій ненаситній кривдъ людскихъ тиранинъ.

Сицевая бяху бѣдной Украини бѣдствія, сицевое невинныхъ мужей, паче же Якима Сомка и Василя Васюти, смерти преданіе! Съ которихъ Сомко бысть воинъ храбрій и смѣлій, уроди, возраста и красоти зѣло дивной, всего же паче Царскому Величеству слуга найвѣрнѣйшій и въ исполненіи воли Его Государской найохотнѣйшій. Обаче и въ таковомъ радѣтелствѣ злоба преможе, ибо язиковимъ промисломъ и немилостю, якоже више речеся, отъ служки Хмелниченкового, завистливого Бруховецкого, мечемъ въ вію усѣченъ, скончася. Каковъ же мужъ сей красотою и возрастомъ бяше, отсюду можно есть разумѣти, яко егда Татарику ихъ посѣщи повелѣно, тогда онъ, прочіихъ усѣкнувши, прійде со обнаженнимъ мечемъ и къ Сомковѣ, которого увидѣвши, начатъ со удивленіемъ, купно же и жалостію, вопрошати: *»и сего ли сѣщи подобаетъ?«* Егда услиша, яко и ему всяческо умрѣти предлежитъ, возгласи: *»о несмисленніи и немилосердніи глави! Сего человѣка самъ Богъ роди на показаніе свѣту... ви же — неразсудніи — и сего не жалѣете предавати смерти!«* Но ни тамо что успѣ, ибо Бруховецкій, злобствуя на нихъ по-премногу, конечній извѣтъ даде всѣхъ вишереченнихъ мужей умертвити.

Симъ тако бываемимъ, прійде отъ Царского Величества Дякъ Бачмаковъ, новихъ ради зъ Козаками статей постановленія; но послишавши, яко Король Полскій со многою воинскою силою идетъ на Украину, ничтоже ни творивъ, тощъ къ Москвѣ возвратися.

Не на-мнозѣ же прежде сего, Полковникъ Паволоцкій Иванъ Поповичъ, видя, яко паки Ляхи на Украинѣ господствовати начаша, оставивъ санъ полковничества и шедъ пріятъ на себе священство. Таже паки разсмотрѣвъ, каковіе пакости Ляхи и Жиди іереомъ творять, паки претворися и вторицею пріятъ полковничество и согласившися зъ Сомкомъ, сегостороннимъ еще бывшимъ Гетманомъ, многократне зъ Ляхами брань сведши и ихъ на главу поразивши, изгна зъ Украини. Толико же бѣ Поповичъ онъ — мужъ храбръ, яко аще не би Бруховецкій ускоривъ, Сомка зъ Васютою неповинно смерти преда, — то би, кромѣ всякихъ злоключеній, паки всю обще Украину подъ руку Царского Величества моглъ подчинити, ибо онъ, несумѣнно на Сомка надѣючися, яко его не оставитъ, многожди Ляхомъ и Татаромъ знаменитій привѣтствію ихъ отвѣтъ даяше. Егда же, по смерти уже Сомковой, Тетера Гетманъ зъ силами Полскими и Козацкими на него вооружися, тогда, донелѣже помощи отъ Бруховецкого надѣяшеся, крѣпко онимъ сопротивляшеся. Потомъ увидѣвши, яко весма надежди своея лишися, не хотя сущихъ подъ областію его градовъ и въ нихъ живущихъ людей погубити, изійде самъ точію до Тетери Гетмана небоязненно; которого тамождe со всенароднимъ жалемъ смерти предано. Поистиннѣ аще би сіе два союзніе мужи: Поповичъ, глаголю, и Сомко далѣе пожили, то могли би старого Хмел-

ницкого дѣлемъ слѣдствовати, понеже всегда мужественно въ обученіяхъ воинскихъ упражняючися, не единою Ляховъ, Украинского господства желающихъ, Татаровъ же, подъ видомъ братерства въ плѣнъ людѣй влачащихъ, тако поражаху, яко отнюдъ имъ исправитися не было возможно.

По истребленію въ Борзнѣ Сомка, Васюти и прочіихъ многихъ, пойде Бруховецкій отъ Нѣжина подъ Переяславъ и тамо Сомково оставшоеся имѣніе вземши, восприятъ путь подъ Кременчукъ, где, чрезъ долгое время мѣста оного достававши, покорити себѣ не возможе: тамо сущіи Козаки крѣпко сопротивляхуся; таже извѣстившися, яко Король Полскій Янъ Казимиръ на Украину подъ Глуховъ зъ воинствомъ шествуетъ, аще градъ и сожже, но въ замку сущихъ Козаковъ отнюдъ покорити не возмогши, отійде въ Гадячъ.

Потомъ вскорѣ Гетманъ Чигиринскій Тетера, зъ Гуляницкимъ — бывшимъ Полковникомъ Нѣжинскимъ, и зъ прочіими вожди Козацкими, такожъ и Чернецкій Воевода Рускій, зъ Богуномъ Наказнимъ Гетманомъ Поднѣстранскимъ, путь восприяли зъ войсками за Королемъ на Ичню подъ Глуховъ, и вездѣ по сторонамъ городи подъ власть свою наклоняли; и которій градъ покорился имъ доброволне, тому залоги давали, а противніе гради, бранію одолѣвше, людей всѣхъ тамо погубиша, — что и Король, своимъ путемъ шествуючи, творилъ; преходячи бо Остеръ и минаючи Нѣжинъ и Батуринъ (понеже въ тихъ градѣхъ Великороссійскими государственними войски и Малороссійскими добре были крѣпости поосажовани), градъ, зовемій Салтикова Дѣвица, и инніе гради подостававши, людей тамо бывшихъ,

единихъ мечемъ посѣче, другихъ же въ плѣнъ поотдавалъ Татаромъ.

Году 1664. Казимиръ Король Полскій со всѣми силами Полскими и Нѣмецкими прибылъ подъ Глуховъ и чрезъ пять недѣль тамъ затворившихся зъ Животовскимъ, Судею Енералнимъ, Козаковъ крѣпко подкопами и гранатами добывалъ, хотящу ему градъ пограничній завладѣть. Но въ градѣ затвореніе Козаки, крѣпко сопротивляющеся и на отпоръ исходяще, много Ляховъ и Нѣмцовъ въ шанцахъ побили. Где Король, згубивши нѣсколко штурмовъ и войска премного, въ свою землю возвратился; понеже Татаре, пошедши полону ради въ Московскую землю, достали языка, же собрани великіе сили Московскіе зъ Бояриномъ Княземъ Яковомъ Кудковичемъ Черкаскимъ въ Брянску, зъ Княземъ Куракинимъ въ Путивлю и зъ Григоріемъ Григоріевичомъ Ромодановскимъ въ Батурину, стоять готови. А Гетманъ Бруховецкій тогда пришолъ до Кролевця, где Кролевского скарбу взялъ не мало; потомъ, согласившися зъ Ромодановскимъ княземъ, оба путь воспріяли были просто на таборъ Кролевскій. По якихъ вѣдомостяхъ, всѣ страхомъ обяти бывше, первѣе Татаре зъ Сѣвера уступили, а потомъ и Король зъ-подъ Глухова, на которого тогожъ часу въ Глуховѣ обложенни бывшіи Козаки и зъ града вибѣгши, начали устремително наскаковати и оставшихся Поляковъ побивати, а палуби разграбляти. Потомъ Князь Ромодановскій и Гетманъ Бруховецкій, въ Пироговцѣ войско Полское нагнавши, многократне брань творяху — и якъ река Десна уже начала роспущати, когда би войска Московскіе, стоявшіе въ Бран-

ску и Путивлю наступили ближае, убо и самого Короля со всѣмъ войскомъ и запасами живо взяли би; обаче въ маломъ числѣ зъ-подъ Глухова возвратился въ Литву и ничтоже добра себѣ здѣлалъ, токмо на Украини народъ возмутилъ и затрудненіе здѣлалъ великое, ибо Бруховецкій многія гради, яже Королеви, не возмогше сопротивустати, здалися, погуби.

Тогожъ году Сѣрко, Кошовій Запорожскій, Чигирина добывалъ,—подобно, по требованію Виговского,— отъ которого отступивши, со множествомъ голоти, нѣкій воинъ, прозиваемій Сулимка, Лисянку и Ставища себѣ покорилъ, подъ Бѣлую Церковъ отійде, аки би до Виговского зближаючися; откуду Чернѣцкій возимѣвши на Виговского причину, первѣе Сулимку розбилъ, потомъ и Виговского Полковникъ Маховскій велѣлъ розстриляти, пренебрегши Кролевскій привилей. И такъ Воевода Рускій и Сенаторъ Коронній, за неповинную кровъ людскую и за несодержаніе Монаршой присяги, Гетманство скончилъ поносно и безчестно.

Тогожъ году Чернѣцкій Воевода Рускій Сѣрка Кошового Запорожского въ Бужинѣ облеглъ; но Сѣрко, на самій день Свѣтлого Воскресенія Господня, випершися зъ замку, Ляховъ много изблде, и зъ войскомъ своимъ, въ цѣлости зъ облеженія изшедши, въ степи пойде, а Чернѣцкій, Бужинъ и Суботовъ огнемъ сожегши, Богдана Хмелницкого и сина его Тимоша тѣлеса зъ гробовъ изверже.

За поворотомъ своимъ зъ-подъ Глухова, Гетманъ Чигиринскій Тетера, боячися Гетманства утрати, оклеветалъ своего шурина, бывшого Гетмана Юрія Хмелницкого, и Ми-

трополита Кіевского Іосифа Тукалского и Гуляницкого Королевскому Величеству; которихъ тогдѣжъ побрано и на заточеніе въ Прусскій градъ, нарицаемій Майборгъ, заслано, где два года сидѣли.

Тогожъ году, по отшествіи Короля Полского Казимира зъ-подъ Глухова, Гетманъ Бруховецкій, совокупивше полки Козацкіе, мѣючи зъ собою нѣчтось и Москви, пошолъ къ Черкасомъ. О чомъ послишавши Гетманъ Тетера и не вѣрующи Чигириицямъ, скарби войсковіе, старимъ Хмелницкимъ и инними Гетмани собранніе, и клейноти войсковіе со всѣми користи побралъ, паки зъ Чигирина въ Браславъ переселился; но и тамъ видя, что все Козацтво за змѣну противъ Государа на его бунтуется, сколко мѣлъ зъ собою скарбу, побралъ и пошолъ оттуду на показанніе ему за змѣну отъ Короля въ Полщи маетности. Что же зоставилъ въ Браславлю грошей, сребра и прочіихъ користей немало, то все пришедши Сѣрко зъ Козаками побралъ, послѣдиже и тое, что въ Полщу зъ собою Тетера запровадилъ — все хитроковарно Ляхи поотбирали; и такъ онъ, въ нищету пришедши, мусѣлъ въ Волощину бѣжать. По тихъ вѣдомостехъ, Бруховецкій зъ надеждою къ Чигирину идяше, но Чернѣцкій нечаянно заслалъ въ Чигиринъ нѣсколко короговъ войска, — съ нимиже Чигиринцѣ, въ градѣ затворившися чрезъ сколко недѣль, хотя штурмами и гранатами ихъ достаючи жестоко утѣснено и убѣждено было, мужественно сопротивляхуся и себе защищаху. Во время же тоеи брани, Тетера для оборони Чигирина затягъ Орду; чого ради Бруховецкій пойде въ наметъ, и согласившись зъ Сѣркомъ, Тетерѣ зъ Ордою пришедшему и Полскому вой-

ску въ Чигиринѣ бывшему принужденъ былъ отпоръ давати, и едва до своего остатнего войска, зъ армати, внійти ускорилъ. А понеже тогожъ часу Чернѣцкій зо всѣмъ войскомъ Коронимъ подъ градъ Каневъ прибылъ и брань сведши коликокротне зъ Тетерою Гетманомъ и зъ Татарами, подъ Бѣлую Церковъ повернулъ, — Сѣрко, пошедши, скарбъ Тетеринъ розграбилъ и отійде зъ Колмиками и Козаками, минувши Ляховъ и Татаръ, въ Бѣлогородщину, идеже села Ханскіе повоевавши, возвратился оттуду; но Маховскій зъ Ляхами и Татарами подъ Саражиномъ Колмиковъ и Козаковъ, при Сѣрку бывшихъ, побилъ. Обаче Сѣрко зъ останкомъ войска своего на Украину війшолъ, Чернѣцкій же Стебловъ Татаромъ въ плѣнъ отдаде, а Ставища не далися взяти; где Чернѣцкого въ лице тако пострелено, же тамъ и умеръ. Надъ которимъ войскомъ ставши Яблонскій рейментаромъ, до Бѣлой Церкви пошолъ, а Бруховецкій зимовалъ въ Каневѣ.

Году 1665. Бруховецкій, Колмиковъ тисящу затягши, зъ Козаками подъ Бѣлую Церковъ на подъѣздъ послалъ, съ нимиже Яблонскій многокротне знатне брань творилъ; послѣди, первѣе обозъ зъ паномъ Гребенникомъ отправилъ, таже и самъ, уронивши много товариства, знатно мимо Бѣлую Церковъ въ Полщу отійде. Такожъ и Бруховецкій зъ войскомъ своимъ самъ пошолъ былъ подъ Бѣлую Церковъ; но тамо, ничтоже здѣлавши, войско збунтовалося и по домахъ розійшлося.

Тогожъ году Опара отозвался Гетманомъ и на Королевскую руку много Орди затягъ; но Татаре Дорошенка, Асаула Тетерного, на Гетманство постановивши, Опару зъ

его старшиною къ Королю отослали; которихъ тамо смертію казнено.

Тогожъ году Бруховецкій зъ Енералною Старшиною и Полковниками ходилъ въ Москву. Егоже тамо, милостивно пріемши, честію Боярства почтенно и жену ему дано зъ Царского верха, роду знатного; также и Полковникомъ дворянскую честь давано и обдаривши пребогато, отпущено, — точію Писара Енералного, для нѣкоегось зъ Гетманомъ заводу, въ Сибиръ заслано.

Тогожъ году нѣкій своеволецъ Децикъ, нарекшися Гетманомъ, все Полѣся опустошилъ; которій, уловленъ, въ заключеніи темничномъ въ Нѣжинѣ погибе.

Тогожъ году Дорошенко началъ преклоняти зъ-подъ Царской власти подъ Королевскую державу полки Заднѣпранскіе, которіе аще и много сопротивлялися, ожидающи войскъ Его Царского Величества, особливе же Браславль чверть года зъ началнѣйшимъ старшиною своимъ, прозиваемимъ Дроздомъ, боронился, — обаче граждане, не могуще превеликимъ войска Полского Коронного и Козацкого силамъ мужественно сопротивостати, принужденни поддатися, где Дрозда Дорошенко до Чигирина взявши, казалъ забити, а инни оборонною рукою уступили за Днѣпръ до Гетмана Бруховецкого, ихъже принято милостиво и по-за рѣкою Десною дано становище. И одъ того времени стали по обохъ сторонахъ Днѣпра два Гетмани: еденъ зъ руки Царского Величества, при немъ же и Запорожжа было, другій же отъ Короля Полского наставленъ въ Чигиринѣ.

Году 1666. Дорошенко собралъ всѣхъ начални-

ковъ своихъ въ совѣтъ подъ Лисянкою; на которомъ совѣтѣ усовѣтовали послати пословъ своихъ къ Полскому Королю со прошеніемъ, дабы прежніе постановленія волностей Козацкихъ грамотою потвердилъ, — что Король зъ охотою здѣлавши и пословъ обдаривши, въ войско къ Дорошенку отпустилъ.

О приходѣ Воеводъ во всѣ города Малороссійскіе.

Тогожъ году Гетманъ Бруховецкій возвратился зъ Москви по Рождествѣ Христовѣ, обдаренъ пребогато, и привезъ зъ собою Воеводъ Великороссійскихъ во вся началнѣйшія гради Украинскія (кромѣ давнѣйшихъ: якоже, въ Кіевъ, въ Чернѣговъ, въ Переясловъ и въ Нѣжинъ, въ тихъ бо градахъ здавна бываху Воеводи), именно же: въ Гадячъ, въ Полтаву, въ Миргородъ, въ Лубнѣ, въ Прилуку, въ Стародубъ, въ Новгородокъ, въ Глуховъ, въ Батуринъ и прочіе; отъ тихъ же Воеводъ послани были въ меншіе гради и въ надлежащіе къ нимъ уѣздніе села прикажчики; такожде постановили цѣловалщиковъ, то есть присяжнихъ зборщиковъ, которіе взимали по торгахъ и ярмаркахъ со всякой проданной и купленной вещи отъ Козака и мужика пошлину, — такъ прилѣжно того смотра и истязуя зъ крипкимъ зѣло утѣсненіемъ, что ни едина копѣйка мимо ихъ руки нѣгде не пройшла. А Воеводи, по всей Украинѣ въ свою область всѣхъ граждань и все посполство — людей земледѣлцевъ пріемши, наложили дань со всякого плуга по осмъ

осмачокъ жита осипу и по пять золотихъ грошей, а отъ коня полъкопи грошей и осмачку жита давати.

Тогожъ году, по веснѣ, присланни бяху зъ Москви во всю Украину спищики, которіе всѣхъ людей по градѣхъ и селахъ — всякого, всякого человѣка и художника до нищетнѣйшого и кто сколко синовъ имѣетъ и кто чимъ промишляетъ и куплю дѣеть, какою землею, заводами и угодіями владѣеть, мелницѣ, стави, винницѣ, бровари, солодовнѣ, пасѣки, хуторѣ переписавши, отъ всего того дань давати паложили.

Тогожъ году, въ есенѣ, повстали бунти на насланніе Воеводи, за великіе ихъ здирства и напасти и переписѣ, и въ-началѣ Переясловскіе Козаки насланного имъ отъ Бруховецкого Полковника Дацка, зъ Богушковой слободцѣ на стражи бывшого, убили и подъ Переясловскій замокъ нощію были подъѣхали. Но зъ-между тихъ же Козаковъ Переясловскихъ ображено Воеводу, которій, собравши всѣхъ своихъ, въ замокъ затворился и не дался Козакомъ достати. Обаче градъ былъ сожженъ, и единъ другого... и на опую страну Днѣпра подъ Дорошенка поддавшися, до града Золотоноши уступили, которихъ войско Малороссійское и Великороссійское чрезъ долгій часъ доставали. И ради ихъ Дорошенко Орду затяглъ и далъ отпоръ, что принуждено войско Великороссійское и Малороссійское отъ Золотоноши вооруженною рукою къ Переясловлю уступити; которого было зъ Княземъ Щербатовимъ не мало. Потомъ Орда, пошедши по-за Нѣжинъ и Прилуку, всѣ села забрали, понеже люде надѣялися на Великороссійское и Малороссійское, подъ Золотоношою бывшое войско. Зъ тоею жъ Ор-

дою Дорошенко пойде на Маховского, которій на стаповиску зимовомъ въ Украинѣ росположившися, великое озлобленіе людѣмъ чинилъ; но оного въ Браиловѣ Дорошенко доставши, живо взялъ, и его воевъ всѣхъ въ плѣнъ Татаромъ отдаде. Для того Козаки отъ Короля паки отступили.

Году 1667. Посланъ отъ Царского Величества Косоговъ зъ войскомъ Московскимъ на Запороже, для охраненія Запорожцовъ отъ Татаръ; о чесомъ Запорожцѣ вознегодовавши, начали зъ Москвою заводи творити. Но Косоговъ Царскому Величеству о семъ учинилъ извѣстно и оттуду получилъ указъ—зъ войскомъ и арматами во своя возвратитися. Запорожци же, не будучи тимъ доволни, а за поставленіе въ Украинѣ по всѣхъ градѣхъ Воеводъ и за осипи, пошлипи и данѣ народъ возбуждали до бунтсвъ, понеже тіежъ люде, а иныхъ сини, на Запорожжу были, зъ нихъже на Украинѣ Москва дань начала взимати; одъ чого по всей Украинѣ начался бунти.

Тогожъ году, Гетманъ Дорошенко зъ великими Татарскими силами, при немъ бывшими, Яна Собецкого Гетмана Коронного, идущого на Украину, облеглъ въ Подгайцахъ, где зѣло нужда пришла была Ляхамъ; но егда Татарамъ пришла вѣсть, что Сѣрко зъ Козаками Запорожскими гоститъ въ Криму, принуждени Орда и Дорошенко зъ Гетманомъ Коронпимъ примѣрія учинити, ибо Ханъ, аще со всѣми при немъ въ Криму позосталими Ордами, Козакомъ, срѣтивши ихъ въ Перекопѣ, сопротивился—и много Козаковъ тамо побилъ, обаче Козаки оного преодолѣли, и

принужденъ Ханъ оттуду уступити, отъ которого Орда отбѣгши и обратившися къ своимъ женамъ и дѣтямъ, принужденни въ гори бѣжати,—и тако Козаки, болше седмицѣ села палящи огнемъ, Кримъ пустошаху и вземши немалую користь, на Запорожжа возвратилися. Чого для потомъ Орда и Дорошенко зъ Гетманомъ Коронним примира потвердили.

Тогожъ году, Юрія Хмелницкого и Митрополита Іосифа Токалского и Полковника Гуляницкаго Король Полскій Казиміръ зъ Малборку, града Пруского, отпустити зъ заточения велѣлъ; которихъ, за наважденіемъ Тетериним, повторне мѣли побрати и погубити, — но они, не дожидая горшой на себе бѣди, зъ Полщи на Украину бежали.

Тогожъ году, Коммисія скончилася подъ Смоленскомъ, которую при Соборной церквѣ всему народу въ Москвѣ обявленно, понеже отъ Ляховъ нарочно внесенни въ народъ зѣло возмутителніе вѣстѣ. О чомъ когда по обоихъ сторонахъ Днѣпра въ Украинѣ и на Запорожжа слухъ дойшолъ, нужно было востати внутрнимъ и явственимъ великимъ въ народѣ возмущеніамъ и смятеніамъ; и не видяху Козаки, что противу сего творити,—усовѣтовали убо еще послати пословъ въ Москву отъ всей Малой Россіи, извѣствующи о всенароднихъ нестерпимихъ по всѣхъ градѣхъ отъ Воеводъ, а по меншихъ градцахъ и селѣхъ отъ прикажчиковъ, по ярмаркахъ же и торгахъ отъ зборщиковъ, бываемыхъ—несказаннихъ обидахъ и о переписѣ народа и дѣтей. Тіи, видѣвши въ Москвѣ, что при Великомъ Послѣ Полскомъ, Пану Бѣніевскому, Воеводѣ Черниговскому,

шляхту и граждань и людей посполитихъ, въ Литвѣ и въ Полщи завоеванпихъ, со женами и дѣтми и со всѣми ихъ имѣніами, со всей землѣ Московской собираючи, воспять Ляхомъ отдаванно, донесли и Гетману, яко Козаки уже въ Москвѣ уничтожени и вскорѣ Ляхамъ, яко и Литовскіе и Лядскіе неволники, будутъ отданни. Въ тоежъ время и грамота Царского Величества къ Гетману прійде, обявляющая тое, что Бояринъ, съ колко-десятма тисящами войска, въ Украину зимовати мѣеть прійти. А понеже не видяху Козаки, чесо ради войско оное прійдетъ, ибо нисопротивнихъ браней отъ внпшнихъ земель и царствъ ниоткуду не слишно бяше, того ради вся старѣйшина и посполитій народъ зѣло страхомъ смущенни, розумѣючи (*), что всячески прійдетъ войско Россійское Украину Ляхамъ отдавати, ибо удобно бяше сего довнѣмати отсюду, понеже во вся гради знаменитшіе, не надѣючися отъ Москви такового на отятіе волностей Козацкихъ умишленія, пустили Козаки везде невозбранно Воеводъ зъ Москвою,— и когда би токмо Государевъ указъ состоялся былъ— Украину Ляхамъ отдавати, тогда Воеводамъ би точію зъ градовъ зъ воинствомъ уступити, а на ихъ мѣсто Ляхамъ би вніити въ гради настояло, и кромѣ всякого труда всю Украину Ляхи заобладали би.

Ради сихъ убо винъ, когда прійде въ Украину Запорожцовъ множество, тіе въ-началѣ явственно начаху зъ Москвою свари и распри дѣлати,—къ сему же и Доро-

---

(*) Тамъ же: *разумѣли.*

шенко, подобно отъ Ляховъ наущенъ, Бруховецкого непрестанно своими писаніями намовлялъ и укоралъ.

Къ сему же случаю Князь Ромодановскій, зъ воинствомъ Московскимъ на веснѣ приступивши подъ градъ Котелву, тамо часть Козаковъ облеглъ. Тогда и прочіе, подъ рейментомъ Бруховецкого бывшіе Козаки, за неблагочинное его на Гетманствѣ радѣніе и за безумній замислъ, за непостоянство и за непощадѣніе Сомка ц Васюти и иннихъ знатнихъ полководцовъ, такожде и многихъ чеснихъ женъ (съ ними же и Полковничку Гадяцкую, прозиваемую Острую, за малую вину, въ Гадячомъ, повелѣ явѣ предъ всѣмъ народомъ спалити) убійства, всѣ онимъ возгнушалися и, за согласіемъ Кошового Запорожского Сѣрка, послаша всѣ къ Дорошенку, призивающе его зъ Украини и на Малороссійское Гетманство. На каковое всей Малой Россіи требованіе, прійде Дорошенко зъ рейментомъ своимъ подъ Опошное, где и Орда при послахъ Бруховецкого, при Гречаномъ и прочіихъ, пришедши зъ Бруховецкимъ, взаемную зъ обоихъ странъ присягу (тогда же и къ Дорошенку часть Татаръ пришла была) сотвориша. Каковою Татарскою присягою Бруховецкій обнадежденъ,—кромѣ Запорожцовъ не разсуждая коварной лести Татарской и Козацкой непріязни, яко всѣ Козаки зъ-подъ рейменту его къ Дорошенку преклонишася, пойде подъ Котелву на одсѣчъ; но Дорошенко Бруховецкого, зъ Малороссійскимъ и Татарскимъ войскомъ къ Опошнему идущого, не допущая за милю отъ Опошнего, на пути упредивъ, противу ему ста и путь воспяти. И абіе Бруховецкого таборъ егожъ Козаки разграбиша, и его самого вземши, къ Дорошенку приведоша,—егоже та-

можде чернь безъ всякаго пощадѣнія боемъ умертви. Такъ Богъ отмстилъ на Бруховецкому неповинную кровъ Сомкову и прочіихъ Полковниковъ и знатного товариства, ихъже онъ, наступуючи на гетманство и за своего уже гетманованния, множество погубивши, чини ихъ и имѣнія голотѣ Запорожской роздаде, и на ихъ уповаше; а по его смерти, множество и Запорожцовъ Козаки поубивали. Послѣди же Дорошенко Бруховецкого жену, со всѣмъ имѣніемъ, въ Чигиринъ отосла.

Егда же Дорошенко обоихъ странъ Днѣпра Гетманомъ совершенѣ учиненъ бяше, пойде со всѣми Козацкими и Татарскими силами на Князя Ромодановского подъ Котелву, и оного отъ Котевли отогнавши, гражданъ отъ обложенія свободилъ; и отійде подъ Путимль, где прейде къ нему вѣсть зъ Чигирина о нѣкоемъ его жени безчинію. Онъ, Демяна, Многогрѣшного прозиваемого, Наказнимъ Гетманомъ на свое мѣсце учинивши и ему войска вовѣривши, повелѣ Воеводъ везде зъ градовъ до послѣднего изгонити,—не вѣдая, яко Многогрѣшній Москвѣ есть доброжелателенъ; самъ отійде въ Чигиринъ. По его же отшествіи, такожде и Орди отійдоша въ Кримъ.

По семъ, о Рождествѣ Пресвятія Богородицы, Князь Ромодановскій на заступленіе и защищеніе Воеводамъ приспѣлъ подъ Нѣжинъ, емуже Нѣжинцѣ зъ Козаками уступили, — онъ повелѣ градъ воинству разграбити и сожещи. Дорошенко же воинство собираше въ Сокирной.

По убіеніи Бруховецкого, не восхотѣвшимъ Запорожцамъ зъ Дорошенкомъ въ соединеніи быти, преклонишася къ Хану Кримскому со своимъ пріятствомъ; имъже Ханъ

радъ бывше, всеохотне ихъ пріятъ и совѣтоваше имъ, даби себѣ на Запорожжу особного имѣли Гетмана. Подъ которое время Суховѣенко, бывши Писаремъ на Запорожжу,—вѣдая, что на тотъ чинъ надъ него лутшихъ людей на Запорожжу не имѣется, самъ писанія отъ Войска написалъ, въ поселствѣ къ Хану пойде; егоже Ханъ милостиво пріятъ и, примиріе здѣлавши, даде Солтановъ зъ Ордами,—отъ нихъже поселство бяше къ Дорошенку, даби войско свое зъ ними совокупилъ и ступалъ на Заднѣпра. Дорошенко видя, яко Орда доброжелателнѣйша Запорожцамъ паче, неже ему, самъ не иде, но брата своего Григорія зъ войскомъ посла къ Суховѣю Гетману и къ Ордѣ. Къ нимъже и Стефанъ Гречаній зъ Гадяча тайно убѣже; но Гадячане его матеръ и жену, на возъ простій посадивше, за градъ изгнаша и Татаромъ отдадоша,—ихъже послѣди Гречаній отъ Татаръ чрезъ Суховѣя отискалъ. А понеже еще Суховѣй Гетманъ Запорожскій и Дорошенковъ братъ зъ Татарами на Заднѣпру не укрипилися, тимъ временемъ Демянъ Многогрѣшній зъ Княземъ Ромодановскимъ примирился, и абіе Ромодановскій противу войскъ Татарскихъ и Козаковъ Заднѣпранскихъ сына своего Князя Андрея на подъездъ посла, — егоже Татаре въ Гайворонѣ разбиша, самого живого взяша и едва самъ старій Князь Ромодановскій, вооруженною рукою уходя, Путивля достиже. По семъ Татаре и Козаки во своя жилища возвратишася.

Году 1669. По отшествіи Суховѣя и Татаръ, начатъ Многогрѣшній небоязненно дружество строити и согдашатися зъ Москвою, и аще отъ Дорошенка былъ по-

ставленъ Гетманомъ, обаче по его отшествіи, компанѣю грошовую собравши себѣ, Полковниковъ градскихъ понуди, даби присягли ему на гетманство и послали посли своя къ Царскому Величеству, просячи за милость Его Монаршую и даби Многогрѣшній утвержденъ былъ на Гетманствѣ,—что абіе милостиво и получиша.

Послѣди, собравши Многогрѣшній всѣхъ Малороссійскихъ Полковниковъ въ Глуховъ, сотвори Енералній Совѣтъ, зъ которого посла своя послы къ Царскому Величеству, просячи, даби отъ Царского Величества какіе полномощніе лица присланни были въ Малую Россію, ради поновленія статей Богдана Хмелницкого и ради новихъ статей постановленія, и просилъ розиску на преждебывшихъ Воеводъ, отъ нихъже Малороссійскому пароду тяжкіе обиди и здирства биваху. По какомъ прошенію присланъ былъ Князь Ромодановскій въ Глуховъ зъ грамотою, въ нейже таковая на Малороссіянъ милость Монаршая обявлена бяше, что Великій Государъ вся змѣни, чрезъ Виговского и Юрія Хмелницкого и Бруховецкого починенніе, не токмо милостиво прощаетъ и отпущаетъ, яко Монархъ Христіанскій, но и впредъ тихъ змѣнъ и у поминовеніи имѣти не будетъ, и содержати ихъ въ своемъ Государскомъ призрѣніи и милости имѣетъ. И одъ того часу запрещено Воеводамъ въ Малой Россіи, кромѣ Кіева, Чернѣгова и Нѣжина нигде не быти, но и тимъ ни въ каковіе Малороссійскіе дѣла не вступати и до гражданскихъ людей ни въ какомъ дѣлѣ, подъ жестокимъ наказаніемъ, не касатися,—токмо самому Гетману во всей Малой Россіи Козаками и посполитими людми владѣти, а Воеводамъ смотрити точію своихъ слу-

живихъ людей. Тамъ же указано: »при всякому Воеводѣ, для всякой правди, бити отъ Гетмана всегда по единому знатному человѣку въ Комѣсарахъ; а Гетманъ, самого Государя токмо вѣдая, служилъ би вѣрно«.

Якую премногую Великого Государа милость Гетманъ и все войско Запорожское получивши, начаша подъ високодержавою Его Монаршою рукою жити въ тишинѣ и свободѣ.

Дорошенко, видя себе зъ Малороссійского Гетманства хитростію Многогрѣшного (егоже онъ на своемъ мѣсцу Наказнимъ Гетманомъ былъ устроилъ) отдаленна и презрѣнна, лестію и обманою своею всю Старшину Заднѣпра Украинского подманувши, послалъ Портянку и прочіихъ при немъ Козаковъ къ Цару Турскому, просячи Его о санжаки. Царъ Турецкій, Портянку удержавши, послалъ къ Дорошенку Чауса, зъ нимъже Дорошенко, мимовѣдомо своей Старшини, пѣхоти тисящей шесть и компанѣи комонника немало умовивши и изъеднавши, виправилъ зъ Чаусомъ, Судіею Бѣлогруда. И аще Турчинъ не принѣмаше Дорошенка скоро, вѣдая его непостоянство, обаче прислалъ при Бѣлогрудѣ и своемъ Чаусѣ санжаки, повелѣвая Дорошенку сказати, что аще би мѣли ему тако змѣнити, яко Королеви Полскому и Венгерскому, то не можетъ его зло минути.

По семъ же Запорожцѣ, поднявши Орду, на Дорошенка прійдоша; о чесомъ полки извѣстившися, — что онъ зъ Украиною Турчину поддадеся и санжаки себѣ виправилъ, къ Запорожцамъ зъ Суховѣенкомъ Гетманомъ прісташа, и надъ рѣкою Россю, въ селѣ Конончи, Дорошенка

зъ полкомъ Черкаскимъ и Каневскимъ и зъ шестма тисящами пѣхоти и зъ его компанѣею осадиша и чрезъ пять недѣль въ осадѣ держаша. Но Чаусъ, къ граду Сороцѣ прибывши, двохъ Турковъ зъ Козаками посла къ Султаномъ, даби Дорошенка оставили добувати; которихъ Козаковъ Татаре мечемъ посѣкоша, а Суховѣенко Турковъ въ заключеніе темничное взятъ. Обаче Солтани, по повелѣнію Чауса отъ Дорошенка отступивши, отійдоша въ Кримъ. Суховѣенко же, здавши свое Гетманство Полковниковѣ Уманскому Ханенковѣ, пойде къ Уманю; за нимъже и Дорошенко, подклоняя полки подъ свою власть, прійде подъ Умань, где—Чаусъ, имѣя зъ собою санжаки и Орду Бѣлоградскую, приспѣ. Что видячи Уманцѣ, начаша зъ Дорошенкомъ примиратися, и не пустивши Дорошенка въ градъ, обѣщашася къ нему въ Чигиринъ прибыти. Оттуду Дорошенко вступивши, послалъ Орди на Заднѣпра Московское; которія гдесь подъ Лохвицею войска Козацкого урвавши, и ясиру похитивши, воспять отійдоша. А Заднѣпра Малороссійское все уже въ постоянствѣ Царскому Величеству и въ повиновеніи Гетмана Многогрѣшного стало.

По семъ Ханенко и Суховѣенко и Юрій Хмелницкій, подвигнувши Орду Кримскую и Запорожцовъ, наступиша на Дорошенка и на Бѣлоградскую Орду, въ Стеблевѣ, которая уже Силистрійского Баши, а не Хана слухала,—и зѣло насиловательнѣ ихъ добывающи, всячески би взяша, аще би Сѣрко зъ Козаками и Бѣлоградскими Татари помощи Дорошенку не далъ; даже Орда Кримская принужденна бяше бѣжати, и Ханенко такожде и Суховѣенко зъ ними. А Юрія Хмелницкого, зъ Умани бѣжащого,

Орда Бѣлогородская уловивши, въ Бѣлградъ отвезоша, и за Дорошенковимъ тщаніемъ и наважденіемъ, въ Цариградъ отданъ и тамо въ едикулѣ посаженъ бяше. Дорошенко же, удержавши еще Орду на становискахъ зимовихъ по Украинѣ, хотяше зъ ними ити на Заднѣпра Московское; но Орда, постоявши часъ немалій по опредѣленихъ имъ квартерахъ, послѣди всякъ зъ своей квартери людей побравши, отійдоша въ свою землю. О чесомъ аще Гетманъ Дорошенко и послалъ бяше къ Турскому Цару, жалѣючися, обаче тое въ жарти повернено.

Року 1670. Гетманъ Дорошенко послалъ своего резидента къ Царю Турецкому, и отъ того времени начаша быти у Турчина резиденти Козацкіе.

Тогожъ року, Кіяшка — отъ Дорошенка — по всей Малой Россіи собравши къ себѣ гултяйства, череди займалъ и людей разорялъ.

Тогожъ року, пріехавши отъ Цариградского Патріярхи Романъ Ракуша, потомъ Бралавскій, — обявилъ, что видѣлъ соборную клятву отъ Святѣйшого Патріярхи на Гетмана Демяна Многогрѣшного; и домишляхуся, яко по Дорошенковомъ у Царя Турецкого прошенію здѣлано, дабы Патріарха Многогрѣшного заклиналъ, — что его отступивши, самъ Гетманомъ сталъ. И когда Многогрѣшній, по случаю зъ горницѣ спадши, къ полусмерти убился, тогда многіе разумѣша, яко Патріярхи на немъ проклятіе исполнися.

Въ тое время Ханенко, ставши Кошовимъ въ Войску Запорожскомъ, писаніями соглашашеся зъ Королемъ Полскимъ Михайломъ Вишневецкимъ; такожде и Король къ Ха-

ненку писанія посилаше, понеже Дорошенко уже накладалъ зъ Турчиномъ. Обаче и отъ Дорошенка Король Вишневецкій пословъ желаше—на Комѣсію до Острога; но отъ Дорошенка, никтоже восхотѣ ехати, ради неподобного его отъ Поляковъ требованія; требоваше бо, даби Король далъ ему въ заставѣ Сенаторовъ въ Чигиринъ.

Тогожъ року послалъ Дорошенко къ Башѣ Силійстрійскому, просячи Орди, зъ нею жеби пойти зимою на Украину; которая прибывши, много шкодъ и обидъ людемъ по волостяхъ, до Короны Полской надлежащихъ, надѣлала. По семъ, на веснѣ, и Козаки зъ братомъ Дорошенковимъ совокупилися и стояли обозомъ до Спасового посту. Где видячи Гетманъ Коронній великую отъ Орди школу, послаша пословъ Королевскихъ на Запорожжа къ Ханенку, да прійдетъ имъ на помощъ, зъ войскомъ, къ Ладижину. На каковое Королевское прошеніе, прійдоша Ханенко и Сѣрко, зъ нѣсколко тисящей войска, при арматахъ; но Татаръ уже не засташа, понеже Гетмани Коронніи Татаръ даже въ землю ихъ прогнаша.

Въ той часъ Король Полскій Михаилъ Вишневецкій прислалъ Войску Запорожскому подъ Капликовъ (*) булаву, бунчукъ, короговъ и бубни, и позволилъ Войску волними голосами избирати себѣ Гетмана; где Войско, въ общемъ совѣтѣ, даде Гетманство Михайлу Ханенку, на что и Гетмани Коронніи соизволили. Которому Гетману далъ Король Полскій свою грамоту, повелѣвая ему и Войску Запорожскому: по пактахъ Гадяцкихъ, яко своею власною

(*) Тамъ же: *Камликову*.

землею — по рѣку Случъ владѣти. Такожде и Гетмани Коронніе, не разорающе тихъ Гадяцкихъ пактовъ, все свое войско, ради защищенія Украини оставленное, такожде и по твердиняхъ, въ замкахъ: Могилевскомъ, Браславскомъ, Немировскомъ, Ладижинскомъ и Рашковскомъ, зъ рейментаромъ Паномъ Вѣзнцаремъ (*) и зъ Комендантами, подъ рейментъ Гетманови Запорозкому Ханенковѣ въ послушаніе вручили. Якое все войско Полское, по становискахъ замковихъ расположившися, зѣло мирно и тихо зъ людми обихождахуся, доволствуючися платою Королевскою.

Году 1672. По Богоявленіи Господнемъ, паки Дорошенко зъ Ордою немалою и своими войсками на Украину нападши, градовъ же нѣгде не добувши, посади огнемъ пожже; возвращающеся воспятъ къ Чигирину, остави пѣхоти полкъ въ Уманѣ, — но Уманцѣ, Полковника Жеребила и его Старшину побивши, пѣхоту же зъ града изгнавше, сами на имя Королевское Ханенкови Гетману поклонившися, отдаша градъ.

Тоей же зими о средопостю, Старшина Енералная зъ Писаремъ Карпомъ Мокрѣевичемъ совѣщавшеся, — Гетмана Демяна Игнатовича Многогрѣшного, именующи усмотренную въ немъ противу Царского Величества змѣну, нападше въ замку Батуринскомъ, въ нощи, на ложи, связаша и вложше на возъ подъ кожу, отвезоша въ Москву; бояху бо ся, даби не былъ отнятъ, понеже имѣяша войска затяж-

(*) Въ другихъ спискахъ: *Вѣзицкимъ*, какъ и въ Лѣтоп. Самовидца, стр. 57.

ного по становискахъ и Полковниковъ градскихъ свойственнихъ не мало, которія тогдижъ наутріе разбѣгошася; а другихъ ято, и въ Москву со братами и женою на вѣчное житіе зослано.

Сей Гетманъ Украину всю соединилъ и смирилъ, и у Царского Величества, за виступки прежде бывшихъ Гетмановъ и Бруховецкого противу Его Царского Величества, всему Войску Запорожскому отпустити и вѣчне тихъ винъ не поминати—упросилъ, и статути на волности преждніе потвердилъ,—и новіе, даби воеводамъ въ Малороссіи не быти, постановилъ; за что такову мзду отъ своихъ подручнихъ воспріялъ.

Но Дорошенко, видя себе отвсюду утѣсняемого, не хотящу же Гетманства погубить, безпрестанно Турецкого Цара просяше о помощъ,—чего Турецкій Царъ Христіанамъ желая, самъ со всѣми войски, приказавши и Хановѣ зъ Дорошенкомъ къ себѣ прійти, подъ Камянецъ прійде и вновъ не обрѣтши войскъ Полскихъ, къ сему же порохи въ цекавзу запалившися, часть замку разтерзавши, развергоша,—коихъ ради винъ граждане, въ облеженю бывшіе недѣль двѣ, 18 числа мѣсяца августа Камянецъ Турчину отдаша. Для егоже уѣзду очищаючи, мертвихъ людей зъ склеповъ вибирано и внѣ града вивожено; такожде по улицяхъ градскихъ, где блато и грязь бяше, иконами церковними путь постилано и мости мощено,—по нихъже Турчинъ и его подданній, безбожній Дорошенко—не поболѣвши сердцемъ за обругапіе иконъ Божіихъ, честолюбія ради—въехали въ Камянецъ. И того часу, изъ самого найболшого костела, нарицаемого Фара—самому Царю Турецкому ме-

четъ здѣлано; по семъ и прочіе костели и церкви на мечети обращено, и кресты зъ церквей и костеловъ вездѣ до послѣдного, такожде и дзвони низверженно. И оттуду Царъ Турецкій своего Вензира и Хана и Дорошенка, зъ войсками изъ великими, опустошающе городи и села везде и людей на путехъ въ градѣхъ и селѣхъ забирающи, посла подъ Львовъ,—где, хотя неколико штурмовъ Турки погубиша, обаче Львова не поддавши, принужденни бяху окупитися; Татаре же загонами ходили на Подгоря. О чесомъ Коменданти, по замкахъ Ладижинскомъ, Могилевскомъ и прочіихъ, такожде и рейментарѣ Полского войска, которіе были Ханенку Гетману подъ команду дани, послишавши, вси въ Полщу къ Королеви пойдоша. Царъ же Турецкій, Камянецъ Турками осадивши, въ Межибожу, въ Бару и по иныхъ градѣхъ своя началники постановилъ. По семъ, пріемши отъ Короля Полского данъ и всю Подолскую землю, примирился зъ Королемъ. Тогда Дорошенко Ханенкового Наказного уловилъ и, въ Чигиринъ запровадивши, погубилъ. Обаче Бѣлоцерковскій Комендантъ, не разсуждая примиря Королевского зъ Туркомъ, въ Бѣлоцерковскій замокъ Турковъ не принятъ; а въ Камянцу оставлшая Русь испрошиша себѣ у Турковъ три церкви, а Армени едину, въ нихъже со великимъ трудомъ молитви церковнія совершаху.

ГЕТМАНСТВО ИВАНА САМОЙЛОВИЧА.

Году 1672. За повелѣніемъ Его Царского Величества Алексѣя Михайловича, зъехавшися все войско Запорожское въ Козацкую-Дуброву, между Путивлемъ и Конотопомъ, въ радѣ волними голосами избрали Гетмана Ивана Самойловича, въ мѣсяцію іюню,—и на избраніе прислани были отъ Царского Величества Бояринъ и Воевода, Намѣсникъ Бѣлогородскій и Князь Григорій Григоріевичъ Ромодановскій, Думній дворянинъ и Намѣсникъ Мединскій Иванъ Ивановичъ Ржевскій и Дякъ Ахвтанасій Ташликовъ; на которой радѣ присягли вси Его Царскому Величеству и Его Государевимъ дѣтемъ, Великимъ Государамъ, Благороднимъ Царевичамъ и Великимъ Князямъ, Өеодору Алексѣевичу, Іоанну Алексѣевичу и протчіимъ, даби быти Гетману зъ Войскомъ Запорожскимъ въ вѣчномъ подданствѣ неотступне по преждныхъ правахъ и волностяхъ и жалованнихъ Его Царского Величества грамотахъ, какіе были дани прежнему Гетману Богдану Хмелницкому и прочіимъ Гетманомъ и всему Войску Запорожскому и по статямъ Глуховскимъ. Таможде били челомъ Царскому Величеству, не поставля еще Гетмана, вся Енералная Старшина: Обозній Петръ Забѣла, Судіи два: Иванъ Самойловичъ и Иванъ Домонтовичъ, Писаръ Карпъ Мокрѣевичъ и Полковники, со всею Старшиною Войсковою, Сотники и все Войско Запорожское, аби были Войску Запорожскому обявленни попостановленніе мірніе договори между послами, отъ Царского Величества—Княземъ Юріемъ Григоріевичемъ Долгорукимъ, зъ товарищи, а зъ сторони Королевского Вели-

чества—полномощнимъ посломъ Яномъ Гнѣнскимъ, Воеводою Хелмянскимъ, зъ товарищи,—понеже зъ тоей Комѣссіи нарочно многіе, чрезъ Ляховъ, на Комѣссіи будущихъ, на словахъ и писмахъ произійшли въ Малороссійскомъ народѣ смущенія: будто нарочно Царское Величество Малую Россію зъ Войскомъ Запорожскимъ и Кіевъ постановилъ отдати паки Ляхамъ въ работное иго, и Ляхи мѣютъ зъ Кіева мощи Святихъ розвезти по Полщи; такожде и Козаки принужденни будутъ награждать чрезъ всю войну забранніе по всей Полщи и костелахъ скарби, аппарати и утвари. И у протчіихъ неисповѣдимихъ напесли Ляхи вредителнихъ вѣстей. »Се же, того ради такъ стало, что нашихъ, по старимъ поведеніямъ, Козацкихъ пословъ на тую Комиссію не допущенно, которіи би, вѣдаючи о всякомъ на той Комѣссіи постановленю, Старшинѣ и народу не дали тимъ Лядскимъ возмущеніямъ вѣрити. Но для сего своего умишленія не допустили Козакамъ Ляхи и на Комѣссіи бити, даби, что хотѣли, у пословъ Вашего Царского Величества безъ препятія на свою сторону вимогти могли, понеже непрестанно, чрезъ свои лживіе, подосланіе на писмахъ вѣсти, Старшину и Козаковъ, будто по знаемости пишучи, перестерегали,—даби завременно, доколь не отдани будутъ Королевѣ, поклонилися ему; чего Гетманъ Бруховецкій, не усмотрѣвши, при прочіихъ Войска Запорожского обидахъ, измѣнити Его Царскому Величеству принужденъ былъ«. На что отъ Царского Величества получили ми отвѣтъ Его Монаршій милостивій таковъ: »что аще при такихъ отъ обоихъ Монарховъ Московского и Полского полномощнихъ послахъ договори и дотвердили, а инніе ста-

тіи отложенни на зъездъ до року 7184 (1674); обаче, за нарушеніе отъ Королевского Величества многихъ статей, нинѣ Наше Царское Величество града Кіева никогда не велитъ уступити, и васъ всѣхъ—Полковниковъ, на сей сторонѣ будучихъ, во вѣки подъ своею високодержавною рукою и наслѣдниковъ своихъ обѣщаемся содержати, по правамъ и волностямъ вашимъ и по Глуховскимъ статіямъ, безъ всякого опасателства въ свободѣ жити вамъ, утвердити сіе обнадеживаемъ«.

По семъ убо отвѣтѣ Монаршимъ, на власти Гетманства Самойловичъ ставши, началъ Царскому Величеству вѣрно и радѣтелно служити; ибо усмиривши во всей Малой Россіи всю своеволю, и совокупивши—всѣхъ на вѣрность Царскому Величеству мисли, потомъ началъ и Заднѣпрскихъ, крове людской неситихъ властителей, вождовъ и своеволцовъ,—ово ласканіемъ перезиваючи ихъ на туую сторону Днѣпра, дающи имъ началство и опредѣленіе къ прожитію—усмиряти и подъ Царскую руку приводити,—ово силами Монаршими угрожая. Обаче по недолгомъ часѣ, и противу его повставъ, яко противу Многогрѣшного, Рославецъ Полковникъ Стародубовскій и Семеонъ Адамовичъ Протопопъ Нѣжинскій, которій былъ въ такой милости Государевой, что по указу, не токмо Гетмани и Полковники, но и Воеводи безъ него нѣгде ничтоже не совѣтовали. Сіи, поставши противу Гетмана Самуйловича, а не могучи на него правдивихъ причинъ снискати, Рославецъ, на Москву просячись, даби былъ зъ своимъ Стародубскимъ полкомъ зъ-подъ рейменту Гетманского отдѣленъ и надлежалъ би до Москви, яко и Сумяне; но по Гетманской жалобѣ, при-

слани оба зъ Протопопою на Судъ Войсковій; которихъ, по обявленію ихъ злого на Гетмана намѣренія, суждено на смерть; но Гетманъ, не желающи имъ смерти, видалъ ихъ на вѣчное житіе на Сѣбиръ, а Протопопу Нѣжинского, что по декрету суда духовного не похотѣлъ монахомъ быти, ростригши, видано на судъ мірскій, — которій въ біенніи принужденъ исповѣсти, что зъ Полковниками, а именно: зъ Рославцемъ Стародубскимъ и Дмитришкомъ (*) Переяславскимъ и Лазаремъ Прилуцкимъ и зъ прочіими важили на здравіе Гетманское; ихъже всѣхъ въ заключеніе темничное взято, имѣніе попечатано и маетности поотбирано.

Году 1673. Війшло подъ Хотѣпня, зъ Господаремъ Волоскимъ и Мунтянскимъ (**) Турецкихъ Башей седмь, а осмій Капланъ Баша отлучился на Цоцору, намѣреваючи къ Полщи; противу которихъ Король Полскій Михаилъ Вишневецкій, самъ бывши отъ отрави болѣзненъ, послалъ зъ войсками Полскими и Литовскими Коронного Гетмана Яна Собецкого, которій прямо натягъ на обозъ Турецкій, — и абіе Господари Волоскіе и Мунтянскій, отъ Турковъ отставши, до войска Коронного пристали; и по другомъ дни, на окопи Турецкіе Собіецкій зъ войсками Полскими наступивши, Турковъ всѣхъ розбилъ, ихъже именованно четиридесятъ тисящъ. Где Гетмане Полскіе замокъ Хотѣнскій, зъ премногими скарбами Турецкими, взявши, пойшли на Каплана Башу къ Цоцорѣ; но тотъ, не дожидаючи ихъ,

---

(*) Въ спискѣ г. Помощн. Попеч.: *Дмитрашкомъ*.

(**) Тамъ же: *Мултянскимъ*.

уступилъ за Дунай, где Полское войско по всей Волоской землѣ расположилося и пѣхотами Нѣмецкими осадили Яси, Хотѣнъ, Сачаву и прочія гради; но Турчинъ, по пораженіи томъ, далъ Татарамъ на всякого человѣка по два червонцѣ,—которіе зъ Ханскимъ сиюмъ нападши на Бѣлогородщину, Ляховъ отъ всѣхъ градовъ, за змѣною Волоского и Мунтанского Господара, изгнали; токмо пѣхота въ Сачавскомъ и Хотѣнскомъ замку зостала, где много войска Полского отъ глада и зими погибло.

Тогожъ года, Сѣрко Кошовій Запорожскій, зъ Козаками и Колмиками впадши нечаянно въ Кримъ, потомъ и въ Бѣлогородщину, великіе школи починилъ; понеже и Татаре землю безъ милосердія, за змѣну Волоховъ, опостушали,—даже принужденни били и знатніе Волоскіе господа въ чуждіе землѣ збѣгати, даби не били въ Татарской неволѣ.

Году 1674. Бояринъ Князь Григорій Григоріевичъ Ромодановскій и Петръ Димитріевичъ Шкуратовъ, злучившися зъ Гетманомъ Запорожскимъ Иваномъ Самойловичемъ, потягли зъ войсками подъ Чигиринъ, где затворившогося Гетмана Дорошенка зъ своими полками не достали и отступивши, потягли подъ Черкаси, которіе чрезъ Ивана Гулака, Обозного Енералного Дорошенка, примирили, януарія дня 1,—и въ Черкасахъ сколко полковъ оставивши, подъ Каневъ рушили, но и Каневци чрезъ Якова Лизогуба примирили. Что видя Гетманъ Дорошенко—же гради крѣпкіе по-надъ Днѣпромъ Гетману Самуйловичу поддалися, боячися бо й о Корсунѣ, послалъ отъ себе полковъ седмъ зъ

Чигирина, надъ нимиже были Полковники: Корсунскій Михайло Соловей, Торговицкій Евфимій, Уманскій Григорій Бѣлогрудъ, Браславскій Григорій Дорошенко, Подолскій и Могилевскій Евстафій Гоголь, Калницкій Андрей, Павалоцкій Андрей Дорошенко; надъ которими полками поставилъ Наказнимъ Гетманомъ Григорія Гамалѣю, а самъ, затворившися въ Чигиринѣ, пославъ по Орду,—которая, идучи на Рашковъ, начала была насилія чинити, за что отъ граждан зъ града вибити, и принужденни, еднаючи граждан, шесть тисячій золотихъ заплатити; потомъ Орда зъ братомъ Дорошенковимъ Григоріемъ пошла подъ Богуславъ и тамъ на Москву и Гетмана ударили, но едва сами въ Лисянку убѣгли, ихъже Лисянскіе граждане вибили и Старшину Татарскую зъ братомъ Дорошенковимъ Гетману Самуйловичу видали, а другій братъ Дорошенковъ зъ Компанѣею убѣже,—и тако всѣ гради и полки Заднѣпрскіе, кромѣ Чигирина и Паволочи, чрезъ Якова Петровича Улѣзкого, Судію Енералного Дорошенкового и Михайла Соловя, Полковника Корсунского, Царскому Величеству и Гетману Самойловичу поклонилися. Тогожъ часу и Гетманъ Ханенко, отъ Короля Вишневецкого поставленій, по смерти Королевской булаву и бунчукъ, отъ Короля ему на Гетманство данніе, и войско при немъ сущее Гетману Самуйловичу зъ Гетманствомъ отдалъ; которому опредѣленно до времени прожити въ Кіевѣ. Потомъ Бояринъ Ромодановскій, надъ частію войска Великороссійского оставивъ на мѣсцю своемъ Андрея Цея, а Гетманъ Самуйловичъ, надъ Малороссійскимъ войскомъ Наказнимъ Гетманомъ Ивана Лисенка, сами пойшли подъ Переясловъ. Где прибывши зъ-Заднѣпра

Улѣзко Судія Дорошенковъ и Соловей Корсунскій Полковникъ зъ прочими, такожде и Малороссійская Енералная Старшина и Полковники и вся чернь, учинивши въ Переясловлѣ волную общую раду предъ Бояриномъ Ромодановскимъ, потвердили на обѣ сторони Днѣпра, даже до Днѣстра, единимъ Ивана Самуйловича Гетманомъ. А Гетманъ Дорошенко, затворившися зъ Сердюками въ Чигиринѣ, дожидалъ посилку отъ Турчина и Орди, и аще Ивана Мазепу и посилалъ въ Переяславль на раду къ Боярину Ромодановскому и къ Гетману Самойловичу, даби прислали въ Чигиринъ Великороссійского какого особу за него въ замѣну, что на требованіе его было и учинено, но онъ посланнимъ Его Царского Величества дворяниномъ не бывши доволенъ, отслалъ оного воспятъ въ Переяславль и просилъ отложить раду до лѣта — даби здалъ Самойловичу Гетманство; а тимъ временемъ затяглъ Орди Солтановъ три, изъ Сердюками, зъ Компанѣею и Чемерисами (*), въ мѣсяцѣ априлю зъ Чигирина рушивши, гради по-близу бившіе подоставалъ и попалилъ, а залоги, отъ Гетмана Самойловича въ градѣхъ тихъ оставленніе, такожде и людей зъ женами и дѣтми — Ордѣ повидававши, въ Чигиринъ возвратился, Орда же зъ немалимъ Христіанства плѣномъ въ Кримъ отійде. Чесо ради Гетманъ Самойловичъ, въ мѣсяцю Маю виправилъ Полковника Переяславского Дмитришка Наказнимъ Гетманомъ надъ двадесятми тисячами Козацкого войска, придавши два полки Москви и пятнадцать штукъ арматъ, которой, пришедъ подъ Смѣлую, сталъ зъ войскомъ. Въ тоежъ время війшолъ зъ Криму въ двадесяти тисячахъ

(*) Тамъ же: *Чемересами.*

Орди нѣкій Солтанъ на-ново Дорошенку въ помочъ, и согласившися зъ Андреемъ Дорошенкомъ, даби подъ Смѣлою всячески розбити Дмитришка, вземши полки Сердюковъ, Компанѣю и Чемереси, идоша подъ войско тайно, и не доходя Дмитришка, нечаянно найдоша подъ Орловцемъ на полки случившіеся: Гадяцкій, Уманскій, Торговицкій, на нихъже Андрей Дорошенко и Солтанъ, всѣми своими войски нечаянно нападше, крѣпко удариша. Но помощію Божіею, мужественно чрезъ долгій часъ отбивающимся, не возмогоша что дѣлати; а тимъ временемъ, Дмитришко, получивъ о стрелбѣ нѣкую вѣсть (*), яко найскорѣе, комонно зъ войскомъ таможъ приспѣлъ и Татаръ по-надъ Ташликомъ и Дорошенка тако поразили, что даже густимъ трупомъ на чтири милѣ поле услали и многихъ Татаръ и Козаковъ живихъ взяша. По коей Дорошенковой неправдѣ, Бояринъ Ромодановскій и Гетманъ Самойловичъ, благоразумно посовѣтовавши, потягли зъ войсками великими подъ Чигиринъ и облегли сторону отъ Черкасъ и Затясминскую; которою Дорошенко въ Кримъ и чрезъ Гоголя въ Цариградъ горячимъ прошеніемъ посилаючи, подвигнулъ повторне Солтана Турского и Хана,—и застали по всѣхъ градѣхъ, даже до Днѣстра, людей небоязненнихъ, ихъже Бояринъ Ромодановскій и Гетманъ Самойловичъ многими писмами обнадежили, даби надѣющеся на премногіе Государственніе войска, сидѣли безбоязненно.

(*) Тамъ же: *почувъ отъ стрелби вѣсть.*

О ВЗЯТІИ ОТЪ ТУРКОВЪ УМАНИ И ЛАДИЖИНА И ПРОЧИХЪ УКРАИНСКИХЪ ГРАДОВЪ.

Потомъ Бояринъ и Гетманъ, чрезъ нѣсколко недѣль Чигирина доставаючи, извѣстилися, что Турчинъ зъ великими силами на Украину вийшолъ, и виправили Дмитришка зъ войскомъ на отсѣчъ Мурашцѣ, въ Ладижинѣ будучому отъ Турковъ въ облеженню; но Дмитришко, получивши вѣсть, что уже гради—Турки: Стѣну, Баръ, Подгайцѣ, Межибожъ, Ладижинъ и Умань подоставали и еще Ханъ зо всѣми силами спѣшитъ къ Чигирину на отсѣчъ Дорошенку, принужденъ былъ оставити Мурашку и пойти воспятъ къ Каневу. Понеже Князь Ромодановскій и Самойловичъ Гетманъ, не доставши Чигирина, возвратилися къ Днѣпру,—ихъже Ханъ не заставши, гналъ зъ Дорошенкомъ, даже до Днѣпра, но не во время, понеже Россійскіе войска вси за едини сутки за Днѣпръ прейдоша. По отшествіи же тако силнихъ Россійскихъ войскъ, которіе не токмо не дали Ладижину, Умани и прочіимъ градомъ на Турка помощи, но послишавши Хана зъ Дорошенкомъ на ихъ наступующого, ближайшіе по-надъ Днѣпромъ гради Татарамъ на ловъ и все Заднѣпра въ необятомъ страху оставили; даже изъ крѣпкихъ градовъ людіе, оставивши Церкви Божія, и доволніе припаси военніе и доми, всякого блага исполненніе, невѣдомо въ какую страну отъ страха бѣжаше. Отъ коихъ градовъ всѣхъ, воспоминанія достойнихъ, едину въ примѣръ Лисянку воспомяну, которая не единожди и силнимъ войскамъ отпоръ давала; потомъ и Чернецкому, земель Рус-

кихъ Воеводѣ, зъ Тетерою Гетманомъ, зъ Полскими и Козацкими пѣшими и конними великими войсками и зъ силними Ордами пришедшу и чрезъ шестнадесятъ недѣль всякими воинского наважденія устремленіями, гранатами и арматами добивающему, не далася; Костанного (*) Волошина, въ шести тисящахъ войска пришедшого мирнимъ образомъ, а потомъ зрабовати градъ хотѣвшого, на безчестіе главопретикатеннѣ изгнаша изъ града и вибиша; такожде и Суховѣя Гетмана, зъ великими Ордами на Украину нашедшого, отъ негоже вси гради Украинскіе въ страху быша, многолюдственная Лисянка къ себѣ и не допустила. Но въ томъ году 1674, августа 16, увидѣвши, что тако силніе войска отъ единого Ордиица за Днѣпръ уступили, принужденни и они, оставивши толь крѣпкое и въ стрелбу запасное мѣсто, зъ церковними всѣми утварми и домовими своими цѣлими имѣніи, страхомъ жаль покривши, никимъ же гоними, въ разніе страни розбѣгтися. Потомъ и Ханъ зъ Дорошенкомъ, возвратившися отъ Днѣпра и попустошивши безлюдскіе гради и села, увидѣвъ и сей—тотъ знаменитій и многолюдній градъ Лисянку, со всѣми его строеніи и доволствіи—опустѣвшій, по-премногу возвеселился; ибо на негожъ прежде Ханъ зъ Татари не моглъ зблизу и посмотрѣти, нинѣ, безбоязненно вшедши въ онъ, разорилъ его и спалилъ, что послѣди по Стеблеву и прочіимъ градамъ стало, же огнемъ къ горѣ пойшли; но прежде сего Солтанъ Турецкій послалъ Війзера на мѣстцу своемъ зъ войсками добивати мѣста Ладижина, где былъ Мурашка зъ

(*) Тамъ же: *Костантого.*

пятема тисячами Козаковъ, отъ Гетмана Самойловича подъ команду ему данныхъ, ради защищенія града, затворился, которій тако силне боронился, что на единонадесяти знатнихъ потребахъ великое множество Турковъ побилъ,—а когда самъ Солтанъ Турскій тамо приспѣлъ, тогожъ часу, чрезъ намову и присягу Гетмана Дорошенка и Гоголя Полковника Подолского, при Турскомъ войску будучихъ, Ладижинѣ отъ войска Заднѣпрского, зъ ними въ облеженю бившого, зрадливе отступили. Видячи Мурашка змѣну, положившися на Бога, зъ войскомъ своимъ въ за̀мокъ вступилъ; а Турчинъ, визвавши зъ града всю Старшину къ присязѣ, увидѣлъ, что Мурашка зъ войскомъ вступилъ въ за̀мокъ и Ладижинцѣ безъ старѣйшини зостали, пустивши въ забвеніе присягу, всѣми силами на прѣмиренних гражданъ нападе и немилостивно мечемъ посѣче, и градъ изъ женами и дѣтми весь сожже,—избывшихъ же огня въ плѣнъ отведе; и аще—яко Христіане, въ за̀мку затворившися—пятотисячное зъ Мурашкою Полковникомъ Заднѣпрское войско, елико мощно би, убивающе Турковъ, помощи давало, но ничтоже успѣло: вси бо граждане отъ меча погибоша. Послѣди же и къ за̀мку Турки приступъ учинили, где Мурашка, чрезъ двѣ недѣлѣ въ непрестанномъ штурмѣ будучи и на випоръ зъ за̀мку випадаючи, много Турковъ побивалъ; наконецъ трудами нощедневними и жаждою безъ води изможденни бывши, обаче бѣсурману ни единого отъ себе взяти не давше, вси единъ на другомъ смертію умроша.

Тогожъ году, разжегшися Турчинъ кровію Христіанскою, подступилъ подъ Умань,—послалъ въ градъ дванаде-

сятъ Пашей, возиваюче граждапъ къ примиренію, но Уманцѣ, вѣдаючи — что своимъ примиреніемъ учинилъ Ладижину, уповающе же на безчесленій зъ околичнихъ градовъ и селъ у себе людъ, где былъ зійшолъ и знатній градъ Торговиця зъ своими меншими гради и селами въ забѣгъ, побили онихъ Пашей и чрезъ нѣсколко недѣль знатній отпоръ Туркамъ давали, но потомъ подкопами взяти, — обаче тако сопротивляхуся имъ и защищаху себе, яко не токмо на стѣнахъ градскихъ, но и по улицахъ зъ Турками ручнимъ боемъ бишася. Тамо бяше со ужасомъ Дорошенку и при немъ будучимъ войскамъ Христіянскимъ видѣти кровъ, улицами текущую, ибо вси Уманѣ Христіяне мужественно отъ меча умроша; таможде въ Умани Турки отъ побитихъ Христіянъ глави отрѣзовали, и у Турецкого Паши за всякую по червонцу брали, — зъ которихъ главъ кожи снемши и соломою онія наполнивши и осушивши, подъ Ладижинъ къ Цесару отвезоша; такожде, какіе гради и села Турчину поздавалися, зъ онихъ дань взялъ синами и дщерми и всѣхъ побѣсурманилъ.

По семъ Турчинъ, взявши Умань, въ свою землю отійде и оставилъ при Дорошенку Орду. Зъ неюже Дорошенко, преходя Украину, всѣхъ, которіе Царскому Величеству поддалися, вигублялъ; кто что былъ предъ войсками сокрилъ, тое все у людей повимучувавши, Татарамъ платилъ, а пѣхотѣ своей, не имѣя чимъ платити, повелѣлъ на путехъ купцовъ разграбрати и обнажати.

Году 1675. Начали вси Заднѣпряне свою землю пусто оставляти и подъ Гетмана Самуйловича преходити

въ Малу Россію, которихъ Гетманъ — свояволю укрощающи, ласкаве пріймовалъ и началъ (*) чинами потѣшалъ, даби тамъ, на Заднѣпру будучи, зъ Турками и Татарами при Дорошенку Христіянъ не вигубляли.

Тогожъ году и пѣхота Дорошенкова Королю Собецкому поддалися, которихъ Король до Двору своего принявши, барву и плату далъ; но Орда, даби и Дорошенко зъ Королемъ не примирился, пришла еще ему на помощъ, понеже Король, по отшествіи Турецкомъ зъ Бару, зъ Рашкова и зъ Могилева, Турковъ вибилъ и желалъ себѣ Украину прибавити, но оставивши въ отъятихъ отъ Турковъ градѣхъ Комендантиі, принужденъ, замислу своего не окончa, въ Краковъ на Коронацѣю одійти; а Князь Ромодановскій и Гетманъ Самуйловичъ, пославши подъ Чигиринъ подъездъ, сами зогнали за Днѣпръ, въ Малую Россію — Корсунъ зъ Полковникомъ и людми, которій градъ, напотомъ, Ляхи зъ церквами сожгли, — а посланій поездъ ничого не получилъ. Обаче, примирившися Дорошенко зъ Запорожцями и зъ Кошовимъ ихъ Сѣркомъ, присяглъ и они такожъ присягли Царскому Величеству на подданство, и ради увѣренія, послалъ тестемъ своимъ на Москву Янчари Турецкіе. И хотячи бити Гетманомъ Малороссійскимъ, началъ Запорожцовъ дарами прелщати, такожде и подъ реементомъ Самуйловича Гетмана Старшину побуждалъ противу Гетмана бунти, даби Чорную Раду собравши, яко за Брюховецкого и за Сомка Гетмановъ, волними голосами избрали себѣ Гетмана; но и къ сему мало кого привелъ. Послѣ

(*) Тамъ же: *началнихъ*.

ди же уразумѣвшу, что ему Гетманомъ въ Малой Россіи не быти, паки началъ къ Ордѣ и Турчину посилати; но Турчинъ, за свои Янчари бывши загнѣванній, отрѣкалъ ему помощи дати. Онъ, со всѣхъ странъ оставленъ, въ полтори тисящи своеволной пѣхоти, на которихъ изъ позосталихъ послушнихъ градовъ плату и хлѣбъ собиралъ, оставшися,—на всѣ страни пріязнею своею манилъ.

Году 1676. Видячи Царское Величество, что Дорошенко писаніями зичливими лжу и коварство свое покриваетъ, и даби чесо злобою своею вредъ не здѣлалъ, послалъ войска Великороссійскіе и Малороссійскіе и шляхту Смоленскую зъ Княземъ Ромодановскимъ и зъ Гетманомъ Самуйловичемъ подъ Чегеринъ,—которіе виправили, первѣе, въ тисящей двадесятъ поездъ. Тотъ поездъ тако облегъ Чегеринъ, же околичнихъ градовъ ни единного чоловѣка не пущено въ Чигиринъ. Где Дорошенко, зъ самыми Чигиринцями оставши въ осадѣ, убоялся и началъ зъ Ромодановскимъ Княземъ и Гетманомъ Самуйловичемъ трактовати, даби поприсягли, что имѣютъ его сохранити жива,— что отъ нихъ получивши, изійде зъ града, и поклонившися Боярину и Гетману, здалъ Самойловичу Гетманство, а при томъ булаву и бунчукъ; потомъ войско платное зъ града вивелъ и градъ зъ арматами здалъ. На ихъже мѣсто внійшло войско Великороссійское и Малороссійское зъ Полковникомъ Чернѣговскимъ Василіемъ Бурковскимъ, где застали арматъ и пороховъ не мало; потомъ Дорошенковѣ велено ити въ градъ Малороссійскій Сосницю (*) на жи-

(*) Тамъ же: *въ Рибницю.*

тіе. И тако зъ неоплаканіимъ падежемъ и разореніемъ Украины, окончилося Гетманство Дорошенково, и со великимъ страхомъ Поляковъ, понеже чрезъ Дорошенка виведеній Солтанъ Турецкій, заехавши все Подоля и Украину, поделалъ себѣ границѣ—даже подъ градъ Коростишевъ и недалече отъ Львова.

Тогожъ году, Капланъ Баша Турецкій наступилъ зъ войсками великими на несобравшогося зъ своими войсками Короля Собецкого, которій и далъ добрую битву, обаче бывши въ облеженю, устрашенній отъ великой нужди, и не хотя—зъ Турками примирился,—и давши тридесятъ тисящей червонцовъ, уступилъ всего Подоля и Украини по Коростишевъ, и на инніе многіе Турецкіе вимисли принужденъ пристати.

ГЕТМАНСТВО ГОГОЛЕВО НА ЗАДНѢПРЮ.

Гетманство Евстафія Гоголя началося—отъ Короля Полского Гетманомъ Козацкимъ Евстафій Гоголь, бывшій Полковникъ Подолскій, былъ учиненъ; а понеже все Подоля и Украину Туркамъ отдано, сего ради дано оному становиско въ Димерѣ,—которій расположилъ войско свое въ Полѣсѣ и въ Литвѣ, а барву и плату зъ скарбу Королевского давано.

Году 1677. Имѣючи Солтанъ Турецкій Подоля и Украину, по примиреніи зъ Королемъ Полскимъ, аки би за свою,—видя же, что Великороссіяне и Гетманъ Малороссійскій Дорошенка къ себѣ взяли, такожде и людей, со

всею ихъ Старшиною, безчисленно за Днѣпръ перезвавши, на Великороссійскихъ пустихъ земляхъ, даже до рѣки Дону градами и селами поосажовали, и Чигиринъ Россіянами и Заднѣпрскими Козаками осадили, смотрѣлъ, даби зъ того въ замислахъ его каковое препятсвіе не уросло.

Випущенс Хмелницкого на Украину Гетманомъ.

И хотячи въ томъ Россіянамъ и Гетману Самойловичу препятствовати, випустилъ зъ заключенія—ради возмущенія—на Украину Юрія Хмелницкого и далъ ему титулъ, даби писался Княземъ Рускимъ и Гетманомъ Запорожскимъ, и шедъ би къ Сороцѣ (*), даби на Заднѣстрю войска къ себѣ собиралъ и слободи на свое имя по Украинѣ на опустошеннихъ мѣстахъ осажовалъ. И повелѣлъ ему, при своихъ силахъ Турецкихъ и Татарскихъ, зъ Имбраимъ Башею и Ханомъ Кримскимъ, прежде подъ славній старинній началнѣйшій градъ Козацкій Чигиринъ ити; которого добывши, потомъ пойти и подъ Кіевъ. Якожъ въ послѣднихъ числехъ іюня, сили Турецкіе и Татарскіе и при нихъ Юрій Хмелницкій подъ Чигиринъ подступили и чрезъ недѣль чтири всѣми силами и всякими воинскими промислами и непрестанними приступами: подкопами, гранатами и ручною безчисленною стрелбою день и нощъ града доставаху,—но зъ града Великороссіяне и Козаки, крѣпко боронячися и на випоръ випадаючи, многіе тисящи Турковъ побиваху. Егда же Турки извѣстилися, что Царского Величества великіе сили зъ Княземъ Ромодановскимъ и зъ Гетманомъ Малороссійскимъ Самойловичемъ войска Козацкіе на отсѣчъ Чигирина идутъ, по семъ прилѣжнѣе на

(*) Тамъ же: *къ Ордѣ*.

градъ начали днемъ и нощію, не даючи облеженцамъ отрады, наступати — даби града добыти, донелѣ не прійдутъ войска на отсѣчъ. Но Бояринъ Ромодановскій и Самойловичъ Гетманъ, скоро прійдоша къ Днѣпру, абіе тайно впредъ послаша къ Чигрину пѣхоти полтори тисячи и Москви полкъ; которіе, при помощи Божеей, пробившеся сквозѣ Орди, прійдоша къ облеженцомъ въ градъ. Такожде Турки и Татаре воспящали войскамъ Великороссійскимъ и Малороссійскимъ прейти Днѣпръ, но Козаки, въ-нощи суднами превезшися, на той странѣ Днѣпра шанцѣ подѣлали; до которихъ и все войско собравшися, зъ арматъ Хана и Турковъ отъ брега Днѣпрового отбиваючи и шанцовъ причиняючи, чрезъ дній два въ битвѣ великой пребыша, — въ какой потребѣ и сина Ханского убито. Видя Турчинъ подъ Чигриномъ войска Великороссійскіе и Малороссійскіе великіе, извѣстился же, что и Князь Галѣцинъ зъ великими войсками близъ Днѣпра въ пивахъ (*) сталъ, а и Чигрина, чрезъ четири недѣлѣ приступами добываючи (которихъ Козаки уже зъ валу рукопашъ сколко кратъ отбивали) и четири подкопи стративши, града не досталъ, убоялися зѣло — ибо Орда не весма зичлива Туркамъ была, — отступилъ отъ Чигрина Августа 29. По которихъ отходѣ, войско Великороссійское и Малороссійское градъ Чигринъ и замокъ, зъ арматъ Турецкихъ и подкопами попсованій, направляли и шанци заровняли; а гради: Черкаси, Медведовку, Жаботинъ, Мошни, Драбовку и прочіе, яже былъ Турчинъ заобладалъ, своими залогами поосажовали,

---

(*) Тамъ же: *въ Пивахъ*.

и въ Чигиринѣ Коровченка Полковникомъ зъ Москвою и Козаками посадивши, тамошнюю Старшину и Козаковъ старшинныхъ, не вѣрячи имъ, зъ Чигирина на Заднѣпря Самойловичъ на житіе забралъ. Но Турчинъ зъ-подъ Чигирина Пашей збѣгшихъ велѣлъ побити; что би и Хану было, аще би въ Черкескую землю не уступилъ, — обаче инного Хана въ Кримъ наслано. А на Юрія Хмелницкого меншую вину положено и велено на пришлое лѣто подъ Чигиринъ и подъ Кіевъ готоватися.

Году 1678. На всеедной недѣлѣ, ставши Орди кошемъ на Рославѣ (*), много въ Переясловскомъ повѣтѣ шкодъ въ людехъ дѣлали.

Тогожъ году Гетманъ Самойловичъ, для заплати войску пѣхотному и конному и отъ Гоголя передавшомуся, оренди на горѣлки въ Малой Россіи уставилъ. *На горѣлки оренди въ Малой Россіи.*

Тогожъ году, по веснѣ, Его Царского Величества Великороссійскіе сили війшли; надъ нимиже старшій былъ — Царевичъ Касимовскій и Князь Ромодановскій, такожде и Малороссійскіе зѣло великіе зъ Гетманомъ Самойловичомъ вишли сили, и совокупившися мая 10, пойдоша на Бужинскую пристань къ Днѣпру, намѣреваючи подъ Чигиринъ, — понеже Турчинъ, желая прешлогодній въ Туркахъ своихъ великій убытокъ и свое безчестіе отмстити, послалъ болшіе свои Турецкіе и Татарскіе сили, зъ Вейзеромъ Мустафою и со многими Пашами, подъ Чигиринъ; которіе, пришедши іюля 8, доставали Чигирина: приступами, огненною

(*) Тамъ же: *на Русановѣ.*

стрелбою, гранатами, подкопами и всякими промисли чрезъ многое время, нудящеся (*) злое свое намѣреніе совершити. Но и войско Великоросійское, подъ командою благоразумного командѣра Ивана Ивановича Ржевского, а Запорожское войско, подъ командою искусного въ дѣлехъ воинскихъ вожда Григорія Карповича Коровченка (**), мужественно на непріятелей отъ стѣнъ градскихъ стреляючи, отбивали, и отъ града исходячи, по шанцахъ множество Янчаровъ убивали, и живихъ началниковъ и рядовихъ ловили; коей храбрости и дерзости Козацкой зѣло Турки удивлялися; а войска Великороссійскіе и Малороссійскіе, зъ Бояриномъ и зъ Гетманомъ на отсѣчъ пришедшіе, въ Бужинѣ ставши близъ перевоза, ожидали Князя Булата зъ Колмиками и Донскими Козаками, которихъ Турки и Татаре перемѣною чрезъ нѣсколко недѣль стрегоша, — и скоро Колмики прійдоша, абіе войско на Турковъ подъ Чигиринъ рушило, противу нихъже Капланъ Паша зъ арматами и великими военними силами на Вету рѣку війшолъ, где мѣли на переправѣ чрезъ весь день потребу страшную, доколь не безъ значного урону обѣ войска нощъ обняла. Наутрѣе же Россіяне и Козаки, переправивши таборъ, подъ гору прійдоша, на нихъже Турки зъ гори чрезъ цѣлій день зъ арматъ стреляху тако, что даже въ страшномъ бою принужденни тамо вребыти до нощи; потомъ, въ нощи, виправили Полковника Чернѣговского Бурковского, придавши Москви немало, къ Чигирину; которіе, не дошедши гори,

(*) Тамъ же: *намагаяся.*
(**) Тамъ же: *Коровки.*

страхомъ обяти и возмущенни стрелбою, возбудили Турковъ тако, что стали на таборъ Козацкій зъ арматъ паки жестоко бити, и чрезъ цѣлій день бой страшній отправуючи, принужденни еще заночовати; но въ суботу рано, пошедши строемъ добримъ Россіане и Козаки, зъ гори Турковъ збиша, и арматъ двадесятъ седмъ зъ иншими риштунками взяша. По чому Турки въ великомъ страху биша; но понеже войска за Турками не пущено, въ чемъ (*) комонникъ Турецкій, обозрѣвшися на погоню Козацкую — на полѣ, даже до табору, Москву и Козаковъ рубаючи, гонилъ; где Полковникъ единъ Московскій, окидавшися рогатками, не безъ знатной отваги одержался на горѣ. До которого и всѣ войска зъ таборомъ притягши, чрезъ цѣлій день брань зъ Турками имѣли; каковіе Турчинъ увидѣвши великіе сили и убоявшися зѣло, прейде за Тясминъ, и мости сожеглъ. А войска Великороссійскіе и Малороссійскіе, подступивши подъ Чигиринъ, подъ боромъ, коло озера, седмицу жадного промисла не дѣючи, стояли; черезъ которій часъ Турки заБодрившися, начали Чигирина прилѣжнѣе доставати. И аще Гетманъ кослалъ въ Чигиринъ свѣжое войско, но тіе не обыкли подкопамъ и онихъ зѣло бояхуся, — а пріобикліе всѣмъ штурмамъ Турецкимъ Козаки полку Гадяцкого и прочіе, которіе чрезъ все время въ облеженю сидяху, въ обозъ Гетманскій къ своимъ сродникамъ въ-гостѣ отидоша; чрезъ нихъже, въ пятокъ, подкопъ подъ замкомъ дѣру врвалъ, и убито гранатомъ Воеводу Чигиринского зъ Великороссіянъ Ивана Ивановича Ржевского, чоловѣка справного и военного.

(*) Тамъ же: *того ради.*

Чигиринъ взятъ.

Потомъ же августа 10, въ недѣлю о полудни, когда войско въ таборѣ попилося и, въ градъ возвратившися, по обозѣ поспуло, тогда подъ градомъ вирвало нѣсколко подкоповъ — и увидѣвши новошедшое въ градъ войско Турковъ, на подкопніе вирви не кинулися, — яко преждніе, тому обикліе, Козаки — Турковъ на дѣрѣ бивали и землею зъ мѣхами дѣри затикали; но вси зъ града бѣгомъ бѣгаша, — и на мосту обломившися, топишася въ водѣ, и на гребли бѣжуще, сами себе удавляху, ихъже ни коимъ образомъ старѣйшина не возможе воспятити. Въ тое время нѣсколко тисящъ Козаковъ погибло; токмо пѣхота войска Козацкого — пидъ горою за церквою, а Москва — въ за̂мку боронилися до самои нощи. А Турки до вечера оставшихся въ градѣ и за градомъ, коло Тясмина и за Тясминомъ Козаковъ, не живячи ни единого, мечемъ посѣкаху; но Сердюки, когда переходъ на греблѣ до нощи оборонили, Москвѣ, скоро нощъ настала, пришедшей, понабивавши полніе армати пороху и за̂мокъ запаливши, зъ тимижъ Козаками, при греблѣ бывшими, на проломъ, — чрезъ Турецкое войско, которое прейшло было Тясминъ, пройшли къ своему войску; понеже и Турки въ той часъ въ великомъ ужасѣ были, когда запаленніе порохи и армати, въ за̂мку, силою своего духа порвавши тамъ будучіе, до арматъ надлежащіе, многіе запаси, и все небо освѣтивши, зъ великимъ трускомъ даже до небесъ возносити и зъ гори на обози пущати начали.

Въ понеделокъ же рано, предъ сходомъ слонца, войско Великороссійское и Малороссійское рушило къ Днѣпру, зъ великимъ неудобствіемъ, — чрезъ силное наступленіе

отъ Турковъ и Татаръ, — и токмо двѣ мили за два дни прейдоша; во вторникъ при Днѣпрѣ окопалися. За нимиже Вейзеръ и Ханъ и Юрій Хмелницкій со всѣми силами и арматами приспѣли, — и обступивши, чрезъ цѣлую седмицу страшнимъ непрестаннимъ насилованіемъ, денними и нощними приступами, Боярипа и Гетмана доставали. Где, искусного вожда — Запорожского Гетмана (*) наставленіемъ, толикій бой зъ Турки свели, коликій нинѣшнего вѣку никогда же былъ видѣнній, — и не точію безчисленное множество Турковъ побіенно, но и подъ самимъ Вейзеромъ коней двухъ убито, ибо не токмо стрелбою, но и рукопашъ зъ Турками Козаки билися: понеже Турки, хотячи себѣ болшей слави, тако наступали — даби обозъ зъ вождами взяти; но, за помощію Божіею, на собѣ неповетованій убитокъ понесли, — и принужденни отъ войскъ нашихъ къ Чигирину отступити; и токмо тяжари обозовіе преправляющи, чрезъ три дни умедлѣли, и пойдоша найскорѣй въ свою землю — едва въ третей части силъ своихъ бѣсурманскихъ. О чесомъ обширнѣе въ Синопсисѣ Кіевскомъ, читателю, обрящеши. — Тамо Козаки, набравши на випорѣ велбудовъ зъ болванами и наметовъ въ таборѣ — порожнихъ, уразумѣли, что Турки ради обявленія великости своего войска и ради обмани, — даби Россіяне и Козаки напрасно порохъ вистреляли, — порожнихъ наметовъ и на верблюдахъ болвановъ премного ставили.

Что видя Юрій Хмелницкій, — же сили Турецкіе, повергаючи много вещей по пути, въ свою землю пойдоша,

---

(*) Тамъ же: *Ивана Самойловича.*

скоро иросилъ малой части легкихъ своеволнихъ людей Турковъ и Татаръ, и пошедши зъ Яненкомъ, Каневъ сожгли и людей виспкли, и въ монастирской церквѣ мурованой множо людей Турки огнемъ подушили; а остатки чрезъ присягу Хмелницкому здалися, якоже и прочіе гради, — си есть: Черкаси, Мошна, Корсунь, Жаботинъ,—Хмелницкому поклонившися, до Турской власти надлежали. Потомъ изъ Калника, Немерова, Илѣнецъ, Жорнищъ, жолнѣре Полскіе уступили; и Хмелницкій въ Немировѣ, а Яненко въ Корсунѣ зъ Татарми ставши, свои залоги по градѣхъ постановили. И тамо Хмелницкій, зъ Турской ласки, писался Княземъ Рускимъ и Гетманомъ Запорожскимъ.

ГЕТМАНСТВО ЯНЕНКОВО ЗА ДНѢПРОМЪ.

Году 1679. Яненко, озвавшися Гетманомъ, випровадилъ Бѣлоградскіе немаліе Орди, изъ-за Днѣпра,—подъ Козелецъ прійшолъ, и даже по Носовку села повибѣрали,— и абіе, по тихъ, зъ Кримской Орди четирма Солтанами и самъ Хмелницкій идяше на Черкаси и Малу Россію разоряти; которихъ снѣги великіе зѣло воспятили, что токмо по Лукомль и Яблуневъ загони сягли. И послишавши войска готовіе—отъ Иркалѣева и отъ Миргорода, потерявши много коней и Татаръ, воспять возвратилися. По отходѣ сонихъ, Гетманъ Самуйловичъ послалъ сина своего Семена за Днѣпръ,—предъ которимъ Яненко зъ Корсуна бѣжалъ, а Семенъ Гетмановичъ Корсунъ, Мошни, Драбовку, Черкаси и Жаботинъ со всѣми людми на свою страну Днѣпра переправилъ.

Тогожъ году, сеймъ валній въ Гроднѣ отправлялся; на которій и папа прислалъ посла своего, даби всячески Король и Рѣчъ-Посполитая разорили миръ зъ Туркомъ, а примирилися бъ зъ Царскимъ Величествомъ и всѣмъ Христіянствомъ, обѣщая и своего скарбу на войско дати; понеже Турчинъ тими часи, толь много Христіянства пожерши, зѣло обогатился, и даби оному,—все Христіянство совокупившися, далѣ разшаритися воспятило.

Тогожъ году, войска великіе подъ Кіевъ ходили,— о чесомъ зри въ Кіевскомъ Синопсисѣ.

Тогожъ году, войска Турецкіе Казикерменъ и Тавапь змуровали; а Москва и Козаки зъ Кошовимъ Иваномъ Сѣркомъ, ради разоренія тихъ градовъ ходили, и Запорожцѣ вси предъ Туркомъ зъ Сѣчи въ луги Днѣпровіе зходили.

Году 1680. Въ началѣ году, вишедши Ханъ зъ Ордами, сталъ коло Мерла, и въ слободахъ Московскихъ миль на тридесятъ загонами людей брали.

Тогожъ году, на веснѣ, въ день Св. Николая, потомъ на Св. Тройцу, Бѣлоградская Орда коло Кіева—много людей позабирали.

Тогожъ году, войска великіе Московскіе зъ Княземъ Галѣциномъ и Ромодановскимъ подъ Путивля прійшли, поглядаючи на Турчина—что би еще мѣлъ Христіянству затѣяти; до которихъ Гетманъ Самуйловичъ зъ Старшиною ездилъ и совѣтовали о примиреніи зъ Турками.

Тогожъ году, Турки, не дождаючи сейму, до которого Ляхи откладали, сами собѣ Подоля розграничили: за

рѣку Стрій, по градъ Чортковъ и Трембовля, все подгорнувши, границу мѣдними столпами означали.

Году 1683. Король Полскій Янъ Собецкій разорилъ миръ зъ Туркомъ, понеже Турчинъ пошолъ былъ на Цесара Христіянского и взялъ былъ всю землю Венгерскую, потомъ подступилъ Вейзеръ подъ престолній градъ Цесарскій Вѣдень и тамо крѣпко его добывалъ; даже принужденъ былъ Цесаръ, по коликократной зъ Турками брани, градъ зъ своими войсками оставити, а самъ виступилъ зъ Вѣдня—ради собиранія войскъ иноземскихъ, на отсѣчъ. Где и Козаковъ много охотою своею ходило, ради помощи обще всему Христіянству отъ бѣсурманъ и ради освобожденія оного града. Которимъ Козакамъ давано тамо знатную плату. А когда Король Полскій Янъ Собіецкій зъ войсками Полскими подъ Вѣдень приспѣлъ, въ той часъ войско Турецкое тако розбито, что насилу самъ Вейзеръ, въ малой дружинѣ, оставивши увесь обозъ и армати и намети, убѣжалъ; за нимъже пошедши войска въ погоню, много градовъ Турецкихъ, куди хотя—небоязнено, безъ отсѣчи ходячи, поразоряли и попустошували.

ГЕТМАНСТВО КУНИЦКОГО ЗА ДНѢПРОМЪ.

Году 1684. Поставленъ отъ Короля Собецкого Гетманомъ Заднѣпрскимъ въ Немятовѣ (*) Куницкій,—и за позволеніемъ Королевскимъ, по всѣхъ полковихъ градѣхъ

(*) Тамъ же: *въ Немеровѣ.*

Заднѣпрскихъ поставилъ Полковниковъ и Сотниковъ, и принявши до Козаковъ подъ корогви, за вѣдомомъ Кролевскимъ—и посполитихъ людей,—ходилъ въ Бѣлградщину и коло Тагинѣ посадъ сожеглъ, и много обидъ въ Татарской земли починилъ; но когда синъ Ханскій зъ Ордами на него наступилъ,—онъ, не надѣяся отбитися, зъ войска, въ малой дружинѣ, убѣжалъ; а войско и безъ него, Гетмана, отъ Татаръ отбившися и въ цѣлости возвратившися, Куницкого убили.

ГЕТМАНСТВО КОЗАКА ЗАПОРОЖСКОГО МОГИЛИ ЗА ДНѢПРОМЪ.

По тому, Могилу—Запорожского Козака—въ Немеровѣ Гетманомъ постановленно; которій по градѣхъ, около Камянця, Турковъ вигнавши, своими войсками Козацкими гради поосажовалъ. Потомъ на затягъ до Цесара много Козаковъ зъ обоихъ странъ Днѣпра ходило, — и розбилъ Цесаръ нѣсколко Пашей Турецкихъ, зъ Текеліемъ, вождомъ Венгерскимъ, въ Венграхъ; подъ какое время, Волоская земля до-остатка чрезъ Татаръ и Козаковъ и Ляховъ спустѣла.

Тогожъ году, за вѣдомомъ Ихъ Царского Величества, Гетманъ Запорожскій Иванъ Самуйловичъ отъехалъ границѣ отъ Ляховъ — по Сужъ рѣку, отъ Гомля даже по самое Рославля; и поставивши по градѣхъ своихъ (*) залоги, тіе волости къ Стародубовскому полку привернулъ.

(*) Тамъ же: *свои*.

Году 1685. По разореніи войска Турецкого Цесаремъ и Поляками, и по взятіи пятисотъ арматъ, и градовъ: Буди, Решичъ и Стрикона,—возвращаючихся Поляковъ Турки зъ Татарми перенявши, крѣпко осадили; где Гетманъ Коронній, не могучи освободитися, позволилъ Таталромъ на Волиню, на великую свою шкоду, людей въ неволю брати.

Тогожъ году, Венетове и Фрикіи на мори Турковъ розбили, и было въ той часъ Туркамъ тѣсно отвсюду.

Году 1686. Король Полскій, зъ Ихъ Царскимъ Величествомъ вѣчній миръ учинивши, при Шеремету въ Яворовѣ, присягою потвердилъ, даби Украини и Смоленска вѣчне не упоминатися, что и Цесаръ, за позволеніемъ Папѣжскимъ, потвердилъ, — токмо би, разоривши зъ Турками миръ, ишли Россійскими и Козацкими силами на Кримъ, воспящающи Татаромъ ити на Цесара и Ляховъ. И абіе Косоговъ зъ Россіянами пошолъ, и нижей Запорожя зимовалъ.

Году 1687. Василій Василіевичъ Галѣцинъ зъ Великороссійскими войсками подъ Перекопъ ходилъ; где и Гетманъ Самуйловичъ, въ шестидесятъ тисящахъ мушетаровъ (*) доброго войска Козацкого, въ компаніи былъ. А понеже степи Татаре зъ травою пожаромъ сожегли, принужденни войска, отъ Кунской рѣчки возвратившися, отъ глада сами зъ конми умирати; дошедши же Коломака, сами

(*) Тамъ же: *мушкатировъ*.

Еперална Старшина и Полковники своего Гетмана взяли, и мѣсяця іюня дня 23 Галѣцину подъ караулъ отдали. И тако скончася Гетманство Самуйловичево.

ГЕТМАНСТВО МАЗЕПИНО ВЪ МАЛОЙ РОССІИ.

По отданіи Гетмана Самуйловича подъ караулъ, тогожъ мѣсяця 25 числа поставили Ивана Мазепу; которій власть принявши, не въ долгомъ часѣ, послалъ по Григорія Гетманича, за Днѣпромъ зъ великими войсками бывшого и надъ Татарми побѣду посящого, которого не сопротившогося взято и послѣди въ Сивску къ пласѣ главу отсѣчено, а брата его Якова, зятя Швайковского, Еперала Смоленского, на Сибѣръ заслано, — что все было Мазепино злохитрное дѣйство.

Году 1688. Градъ Самару Россіяне и Козаки устроили.

Тогожъ году Цесаръ, розбивши Турецкое войско, взялъ Бѣлградъ, Сербскую столицю, и Соленикъ и иніе гради; а Козаки весь Очаковскій посадъ сожгли и людей забрали.

Году 1689. Вторицею на Кримъ Василій Василієвичъ Галѣцинъ и Гетманъ Мазепа и Бояре Шейнъ, Долгорукій, Зміовъ, Шереметовъ и Шепеліовъ, зъ Великороссійскими войсками, ходили тако рано, — даже въ мѣсяцѣ Априлѣ, со всѣми силами и обозами, подъ Самарею стали; и тамо доволно отпочивши и обози добрѣ устроивши, —

при Божіей помощи, подъ Перекопъ, на Святую Тройцу, приспѣли. И аще въ томъ походѣ много Татаре на обози нападали, но отъ войска Великороссійского и Малороссійского всегда отбіени бываху; аще же, единожди, въ обози устремителнимъ насилствіемъ вскочивше, Сумскому полку и Ахтирскому немалую обиду въ людехъ и обозахъ сотвориша, обаче Сердюки, зъ обозу Гетманского тамо подпавши, зъ табору Татаръ боемъ изгнаша. Потомъ, видяще Татаре, что войскъ толь великихъ удержати не могуть, абіе бѣжавше въ Кримъ, удашася до хитростей, — ибо, когда войска наши начали подъ Перекопъ шанцями приступати, тогда Татаре, мира себѣ просяще, поступили Великому Боярину окупъ и ложними червонцами его, Галѣцина, обманули: насипавши въ бурдюги личмановъ, токмо зверху добрими прикрили. И тако войско все, достигши, аще зъ великими трудами, обаче зъ премногою охотою, желаемого себѣ, ради користей и слави, Криму, принужденни отъ стѣнъ градскихъ зъ великимъ жалемъ и безчестнимъ ругаіемъ на Гетмана отступити; где принужденъ былъ Гетманъ предъ войско віехати и свою невинность вимовлячи, лагодними словами войско укротити. Потомъ отъиде Мазепа зъ Полковниками на Москву, и у Царей Ивана и Петра Алексѣевичовъ великую мылость получилъ; и умедлѣлъ тамо: отъ дне Святого Пророка Иліи до Покрови Пресвятія Богородици,—подъ какое время Бояръ, за измѣну, казнено и Галѣцина на Сибѣръ заслано.

Году 1690. Войско Козацкое ходило подъ Очаковъ; где посадъ сожгли и много обидъ Татаромъ подѣ-

лали. Тогожъ часу, въ новій градъ Самару полками на стражу, на четверть года въ-перемѣну, хожували.

Году 1692. Зимою, Орди Кримскіе и Бѣлоградскіе окрестъ Домонтова людіи плѣниша, и послишавши войска Козацкіе зъ Гетманомъ — готовіе, возвратишася воспять; за нимиже гналъ, даже за Днѣпръ, Асаулъ Гамалѣя, зъ немалимъ войскомъ коннимъ, и не нагнавши, возвратился, — обаче войско Градское (*) и Компанѣя, пошедши подъ Очаковъ, тамо посадъ сожегли и зъ ясиромъ воспять возвратилися.

Тогожъ году, Канцеляриста Мазепинъ Петрикъ на Запорожа, а оттуду въ Кримъ збѣгши, купно же Орду и Запорожцовъ поднявши, — по веснѣ, Полтавщину началъ былъ пустошити и гради подъ власть свою покоряти; но егда Мазепа, зъ полками Малороссійскими собравшися, противо Ордъ и Петрика изійшолъ, абіе Орди зъ Петрикомъ зъ градовъ Малороссійскихъ въ Кримъ уступили.

Году 1693. Зимою синъ Ханскій и Петрикъ зъ Ордами подъ Полтаву прійдеша, а понеже Гетмана Мазепу — зъ войсками готового засташа, убоявшися и мало что окрестъ Полтави и въ слободахъ обидъ здѣлавши, въ свою землю бездѣлно возвратишася.

(*) Тамъ же: *Городовое.*

ОТКУДУ ПАЛѢЙ ПОВСТАЛЪ — ПОВѢСТЬ.

По примиреніи Короля Полского зъ Россійскими Монархами и по согласію Папѣжа и Цесара, даби всѣмъ Христіянскимъ Монархамъ на Турковъ и Татаръ воевати, — въ тотъ часъ, яко зъ Малороссійскихъ, тако и зъ Запорожскихъ отважнихъ юнаковъ многіе, собравши себѣ охотниковъ Козаковъ и подѣлавшися ватагами, сѣрич Полковниками, безъ всякого указу, своею охотою, ради защищенія отъ нападенія бесурманского Христіянъ и границъ обороняючи, по дикихъ степахъ на обію страну Днѣпра, кормячися отъ дикихъ звѣрей мясомъ и кріючися, Татарскіе загони, зъ Полщѣ и зъ России зъ людми набранними, въ Кримъ и въ Бѣлоградщину въ неволю проваженними, розбивали, и користей зъ конми и оружіемъ Татарскихъ доставши, употребляли; Христіянъ же мужеска полу и женска, зъ ихъ дѣтми, въ землѣ и отчества свои свободно отпущали и провождали. На которихъ широкихъ и пустихъ степахъ тихъже отъ усердія всему Христіянству безъ найму служащихъ Козаковъ со удивленіемъ надлежитъ ходъ разсуждати; понеже на тихъ дикихъ и широкихъ степахъ не имѣется ни единой стезѣ, ни слѣду, яко на морѣ. Обаче тіе вишеписанніе ватаги, добре знающи проходи, аки би по широкихъ извѣстнихъ путехъ, зъ великимъ опасеніемъ, даби не были где отъ Татаръ изслѣдованни, не имѣющи себѣ чрезъ нѣсколко мѣсяцей огня, и единожди въ сутки зѣло скудной пищи — толокна и сухарей толче-

нихъ вкушаючи и конямъ рзати (*) не дающи, аки би дикіе звѣри кріючися по тернахъ и комишахъ, и зъ великимъ опасеніемъ, пути своя—разно розъездяся—гублящи,—хождаху; познаваху же на тихъ дикихъ и широкихъ степахъ себѣ путь въ-день по слонцу и кряжахъ високихъ земнихъ и могилахъ, въ нощи же—по звѣздахъ, вѣтрахъ и рѣчкахъ,—и тако Татаръ висмотривши и нечаянно нападши, малимъ людомъ великіе ихъ купи разбиваху, и отпустивши Христіянъ въ ихъ отчество свободно, самихъ Турковъ и Татаръ въ Москву, а иннихъ въ Полщу къ Королю отвозяху. Ихъ же тамо пріймовано и доволно обдаривши, при милости Монаршой и при всякой всему Войску Запорожскому свободѣ, въ Малую Россію и на Запорожа отпускано.

Зъ тихъ убо Запорожскихъ ватаговъ или Охотнихъ Полковниковъ називаемій Семенъ Палѣй, родомъ зъ Борзни, оженившися на Заднѣпру въ Фастовѣ и держачи войско при себѣ Охотное, не токмо не допущалъ Татаромъ Полщи и Россіи воевати и опустошати, но ходящи и самъ и посилающи на Бучаки и въ Бѣлоградщину, села Татарскіе и Очаковъ не единожди разорялъ. Противу емуже где являхуся Татаре, онъ мужественно и щасливе чрезъ нѣсколконадесятъ лѣтъ ихъ розбивалъ, зъ великою коронѣ Полской и всему Христіянству ползою. Утишивши же Заднѣпра и поосажовавши многіе гради, людми осѣлъ былъ, яко Удѣлній Панъ, войска свои Охотніе по Полѣсю, даже до Литовской границѣ, розстановляющи, десятини

(*) Тамъ же: *ржати.*

зъ пасѣкъ, индукти и всякіе приходи со всего Заднѣпра, даже до Днѣстра и Случи, на себе отбирающи. На него же коликократнѣ Солтани Кримскіе и Бѣлоградскіе, имѣщи при себѣ и Янчаровъ, даже подъ самій градъ Фастовъ (гдѣ Палѣй резидовалъ) приходили, даби его достати, но онъ тако ихъ побѣждалъ и проганялъ,—даже единого часу, и самого надъ войскомъ началствующого Солтана живо побралъ. Зъ нимъже, послѣди, Татаре, приходящи въ примиреніе, начали были частокротне дарами знатними обсилати его. Потомъ Ляхи, забувши своихъ, чрезъ тяжкія Татарскія нахожденія бывшихъ, разореній, чрезъ чіе мужество и промислъ военній освобожденни были и мало въ тишинѣ пожили, — на того отъ зависти повстали; и первіе, обманою вземши его, въ градъ Майборокъ на зоточеніе заслали. Откуду, по доволномъ сидѣніи, на нарочно подведенного коня въ кайданахъ спадши, къ своему войску прибѣгъ. Потомъ виправилъ Гетманъ Коронній рейментара зъ кварцяннимъ войскомъ, такожде зъ Нѣмецкою и Полскою пѣхотою, при арматахъ и гранатахъ, подъ Фастовъ. Но Палѣй, не посилая противъ Ляховъ своего войска, сокрилъ оное въ лѣсахъ, а самъ затворился въ Фастовѣ; когда же Поляки подъ градъ подступиша, Палѣево войско утаенное зъ поля на обозъ, а Палѣй зъ града на шанцѣ Лядскіе ударивши, тако Поляковъ поразиша, яко едва въ обозѣ удержавшися, таможде зъ Палѣемъ примирившися, въ свою землю со стидомъ принуждени отійти. Послѣди же, любо имѣяше Палѣй отъ Поляковъ на себе всегдашную тайную вражду, но имѣющи отъ Царского Величества и отъ Короля Полского къ себѣ милость, жилъ при

всѣхъ доволствіяхъ, владѣющи всѣмъ Заднѣпрямъ по Днѣстръ и Случъ, акиби Гетманъ, но не былъ Гетманомъ,—токмо Полковникомъ паче всѣхъ Полковниковъ первѣйшій и въ бранехъ мужественнѣйшій. А Гетманомъ былъ тогда на Заднѣпру Самусь.

САМУСЕВО ГЕТМАНСТВО НА ЗАДНѢПРУ.

По Могилѣ—за Днѣпромъ Гетманѣ, Король Собецкій поставилъ Гетманомъ Заднѣпрскимъ Самуся и далъ ему привилеи на Гетманство, и волности и клейноти войсковіе: бунчукъ и булаву, и плату войску зъ карбу Папѣжского; понеже на Турка Папа Монарховъ Христіянскихъ намовивши, войско затягалъ своимъ скарбомъ. И Самусь, Гетманство свое правящи, резидовалъ въ градѣ Вѣницѣ, на Поднѣстру. Когда же еще Ляхи о Палѣю вознегодовавши, виправили на него и на его Полковниковъ рейментра Рустича зъ Полскимъ знатнимъ войскомъ, въ которомъ войску—были и високихъ домовъ панове війшли на Украину, ради отбираня своихъ маетностей,—тогда Палѣй, противъ Ляховъ самъ не пойшовши, здалъ свое войско Самусевѣ Гетману. Которій зъ Полковниками Абазиномъ и Искрою и прочіими пойшолъ противъ рейментара Полского Рустича, и подъ Бердичовомъ Ляховъ збивши, въ замокъ Манжелѣевскій вгналъ; которихъ и въ замку когда досталъ, въ тотъ часъ принужденъ рейментаръ Рустичъ, оставивши все свое войско на рѣзь и весь обозъ Козакамъ на разграбленіе, зъ муру спуститися и на подведеного коня спадши, зъ великимъ живота своего недоумѣніемъ бѣжати.

По тихъ всѣхъ возмущеніяхъ, жили всѣ Полковники Заднѣпрскіе и Палѣй въ тишинѣ, признающи себѣ Мазепу за вишшого Гетмана. Но Мазепа, по намовѣ Лядской, о Палѣи началъ промишляти. И по многихъ дому обидахъ, змислилъ змѣну (*), и вземши его, далъ подъ Московскій караулъ, а потомъ на Сибѣръ заслалъ. И тако власть Палѣева по всему Заднѣпру окончилася. А Самусь Гетманъ, здавши Мазепѣ Заднѣпрское Гетманство, и булаву и бунчукъ и привилей Королевскій, — по Гетманствѣ, доволенъ былъ и Богуславскимъ Полковнииствомъ. Но по змѣнѣ Мазепиной, Государь Царъ Петръ Алексѣевичъ изволилъ Палѣя зискати зъ Сибѣра, емуже милость свою Монаршую премногую явилъ; даже Палѣй удостоился видѣти Царского Величества побѣду надъ Шведами подъ Полтавою, — где, бывши уже немощнимъ, обаче на конѣ, аще и поддержованіемъ, ѣздячи, понуждалъ войско, даби непріятелю зломанному не дали обозрѣтися и убивали би Шведовъ (**), донелѣ во всемъ ослабѣютъ и начнутъ у Россіянъ милости просити.

Году 1694. О масляной, окрестъ Переяславля, нечаянно нападше Орди, по селахъ великіе обиди подѣлали. Потомъ и Козацкое войско — полкъ Кіевскій и Переяславскій, и Компанѣя зъ Палѣемъ, пошедши, Очаковъ спустошили, и нѣсколко корогвей войска Турецкого, до послѣдного, избивши, на триста человѣкъ плѣнниковъ зъ корогвами въ Батуринъ пригнали.

(*) Тамъ же: *вимислилъ на него измѣну*.
(**) Тамъ же: *Шведовъ и его партезантовъ*.

Тогожъ году, Гетманъ Мазепа послалъ Полковника Чернѣговского Якова Лизогуба, въ тисящахъ двадесяти войска, на Бучаки, — где села Татарскіе попустошивши, и ясиру доволно и коней — здобичи набравши, къ домомъ своимъ въ-цѣлости возвратилися; понеже Татарскіе вси сили Турецкому Цару противу Цесара на помощъ отійдоша.

Подъ той часъ и Запорожцѣ, подъ Перекопъ пошедши, и на Гниломъ морѣ вежѣ доставши, осмъ штукъ арматъ и ясиру и прочихъ вещей здобивши, — а потомъ, зъ Неруди, Солтаномъ знатнихъ боевъ нѣсколко отправивши, до Коша своего въ-цѣлѣ возратишася.

Году 1695. Зимою получивши Орди вѣсть подъ Кропивною чрезъ язикъ, что Гетманъ Мазепа въ поготовости зъ войскомъ Малороссійскимъ на Украинѣ обрѣтается, обратилися въ Полскую страну и великіе тамо обиди подѣлали, а на веснѣ предградіе Лвовское спалили, — и самъ Гетманъ Яблуновскій едва въ градъ Лвовъ ускорилъ внійти, и безъ числа по волостяхъ обиди подѣлали.

Тогожъ году, Великій Государъ Всероссійскій, Царъ Петръ Алексіевичъ зъ Россіянами землею и рѣкою Дономъ ходилъ подъ Озовъ, и чрезъ нѣсколко недѣль подъ градъ поступащи (*), самого Азова не взялъ, токмо каланчу; въ нейже войско при Азову на зиму оставивши, такожде и въ Черкаскомъ военніе припаси зложивши, самъ возвратился на зиму къ Москвѣ.

(*) Тамъ же: *подступи дѣлая.*

Тогожъ лѣта, Борисъ Петровичъ Шереметовъ зъ Бѣлогородскими, Путивскими, Сѣвскими и Слободскими полками, такожде и Мазепа Гетманъ со всѣми Малороссійскими, и Компанѣйскими, и Сердюцкими полками, бившимъ же тамо и Низового Запорожа Козакамъ зъ своимъ Кошовимъ, четире Турецкіе гради, каменіемъ мурованіе, надъ Днѣпромъ, въ Спасовъ мясопустъ (*) взяли, и градоначалниковъ со женами и зъ дѣтми, и военихъ людей Янчаровъ, со всѣми ихъ богатствами, такожде армати и можчерѣ спѣжовіе, великіе и маліе, и всѣ военніе Турецкіе мирипаси забрали, и раздѣливши, въ Великую Россію и Малую отпровадили, а градъ Козѣкерменъ и градъ Муберекъ и Асламъ до основанія разорили; токмо на Таванскомъ островѣ, замокъ Таванъ или Муштритъ мурованій оставивши, и землянимъ валомъ разширивши и укрѣпивши, войска тамо Великороссійскіе и Малороссійскіе и Низового Запорожа Козаковъ посадили. И еще замислили были ити подъ Очаковъ; но войско когда зѣло зголоднѣло, за тимъ намѣреніе свое оставили.

Году 1696. Мѣсяця февраля, Ханъ, хотячи за Казѣкерменъ и прочіе Турецкіе гради отмстити, со многими своими силами Татарскими и Петрикомъ на Малороссійскіе гради наступилъ; и начавши пустошити Полтавщину и Миргородщину, дошедъ града Говтви, — и надъ рѣкою Псломъ, на полкъ Гадяцкій всѣми своими Кримскими силами на не-

---

(*) Тамъ же: *постъ.*

оборонномъ мѣстѣ напасть, и аще не безъ своего Татарского великого урону, Козакомъ ушкодилъ, обаче цѣлому полку не одолѣло (*), понеже великою отвагою и крѣпкимъ боемъ боронячися, Полковникъ ихъ Михаилъ Бороховичъ, полкъ зъ арматою и обозомъ къ Говтвѣ ближае припровадивши и укрѣпивши, отбилъ. Емуже Данило Апостолъ Полковникъ Миргородскій и Павелъ Герцикъ Полковникъ Полтавскій, зъ горняго града Говтви давши помощъ, всю силу ихъ Татарскую отбили и уничтожили,—откуду Орди, на маліе части зъ великою своею шкодою спробовавшися, нескоро потомъ внутръ Малой Россіи поступовали; но когда еще извѣстилися, что Гетманъ зъ войсками Малороссійскими къ Лохвицѣ приспѣлъ, такожде и Борисъ Петровичъ Шереметовъ рушился отъ Бѣлграда зъ Великороссіянами, и сами Татаре, на пути близъ Сорочинецъ увидѣвши проѣздящихъ дивизіи Шереметовой Колмиковъ,—воспятъ въ своя жилища возвратилися; а понеже, отъ наступившой весни рѣки растали, того ради—яко на Днѣпрѣ Бѣлградскіе,—тако на Ворсклѣ рѣцѣ Кримскіе Орди, спѣшаще за рѣки, для погонѣ за собою, въ оныхъ рѣкахъ премногіе потонули.

По отшествіи же Татаръ, Мазепа Гетманъ всѣхъ Казѣкерменскихъ Турковъ, зъ ихъ началними, чрезъ Михайла Бороховича Полковника Гадяцкого, и Ивана Мировича Полковника Переясловского, и Костантія Мокіевского Полковника Кіевского послалъ въ Москву; где, премногую милость и великіе дари отъ Царского Величества получив-

(*) Тамъ же: *не одоливъ*.

ши,—ради близъ-наступающого Азовского повторного походу, въ доми своя скоро возвратилися.

Тогожъ году, по смерти Цара Іоана Алексіевича, виправился повторне подъ Азовъ Государъ Царъ Петръ Алексеевичъ зъ великими силами и дивнихъ Нѣмецкихъ разнихъ штукъ военними фурѣями и арматами, зъ кгранатами, и безчисленними запаси, стройно, — где повелѣлъ и войску Малороссійскому пятпадесятимъ тисящамъ въ тую жъ компанѣю бити. Якожъ найскорѣй виправивши Гетманъ Мазепа оное число Козацкого войска, учинилъ надъ онимъ Наказнимъ Гетманомъ Чернѣговского Полковника Якова Лизогуба; а зъ нимъ послалъ Полковниковъ: Гадяцкого Михаила Бороховича, Прилуцкого Димитрія Горленка и Лубенского Леонтія Свѣчку, такожде и Компанѣй Федковъ полкъ и Сердюцкій полкъ Кужуховского. Которіе, идущи зѣло спѣшно, приспѣли подъ Азовъ въ Петровъ постъ и поставлени за Азовомъ внизъ рѣки Дону отъ моря и отъ Кубанской Орди, и занявши самій Донъ рѣку обозами, отняли сообщеніе—коммунѣкацію полевому Татарскому войску зъ сиделцами Азовскими, — которіе до того часу зносилися совѣтами, спомоществовалися запасами и посилковалися чрезъ тое порожное мѣсто, землею и водою; а Царское Величество, ставши судномъ на устіѣ рѣки Дону, не пустилъ Турковъ, кораблями пришедшихъ, зъ моря. Что видя Татаре, яко надъ надежду путь имъ той свободній, аще и тайній, къ облеженцомъ Азовскимъ воспященъ, всѣми силами своими начали великія, еже-день, чинити на обозъ Козацкій нападенія, желающе поне (*) на коняхъ,

---

(*) Тамъ же: *крайнею-мѣрою хотя,*

вземши зъ кораблей Турковъ, въ Азовъ на помощъ впровадити; но ради храбрости и бодрого Козацкого ока и отпору, не возмогли того доказати. Напослѣдокъ, водою въ нощи проездя, Турки зъ Азова дали о себѣ знати полевой Ордѣ, а Орди Туркамъ на кораблѣ; и того Козаки досмотривши, стражъ крѣпкую надъ рѣкою утвердили и не дали имъ отпюдъ о своей нуждѣ извѣщати и зноситися зъ собою.

И аще колкрати, яко зъ града випоромъ Турки вибѣгаючи, тако и Орди зъ поля на Козацкій обозъ нападающи, Козаковъ поражали; обаче Козаки, при Божіей помощи, не дожидая Нѣмецкихъ чрезъ нѣсколко недель готующихся подкоповъ и штурмовъ, сами давнею своею разгорѣвшися охотою, дерзновенно зведши чрезъ валъ Азовскій зъ Турками великій бой, цѣлій день въ огнѣ страшномъ на непріятеля жестоко валячися, прислугу свою Царскому Величеству противу невѣрнихъ даже до нощи являли, токмо зъ оружжа огнистого палячи непохибно, убивающе безпощадно и снопѣями на валъ скачуще мужественно, не токмо Турковъ оружіемъ изручъ ломали, корогви ихъ хватали, и канатами водними за палѣ закидающе, палѣ градскіе зъ валу виворочали и въ градъ дѣру чинили,—но и на оную едини другихъ въ градъ увалитися принуждали и заохочали. Въ каковой Марсовой охотѣ, милѣйшая была всякому смерть, нежели животъ; где Турки, не могуще отъ валу оружіемъ Козаковъ отбити, мѣшками нѣкоимись приправивши порохъ и запаливши, за валъ извергали и Козаковъ опаляли,—но ни тимъ что успѣли. Потомъ ровъ глубокій въ градѣ, близъ валу, противу штурмовъ Турки

ископали, даби Козаки, когда въ градъ увалятся, въ оній ровъ упали; но ниже то имъ что поможе,—понеже Турецкій блякавзъ въ-нощи доставши, четири армати зъ оного въ свои шанцѣ и нѣчтось паметовъ и иныхъ вещей впровадили. Сіе во утрешній день рано увидѣвши Азовскіе жители, Турки, и взираюче, что Козаки, болше еще возмужавше, охотно собирающися въ великія купи, и не щадя живота своего, начинаютъ, не укрѣпившися и пищею, устримлятися — силное нападеніе на градъ учинити, и уже многіе началники (*) Царскому Величеству предъ его Монаршими очима въ прислугу, и матерѣ своей Малой Россіи, на лонѣ своемъ ихъ воспитавшей, на славу являюще,— тогда, забивше о животѣ своемъ, начали на вали градскіе отчасти наступати; тогда Турки, видя Козаковъ, охотою нарозженнихъ непреодолѣніе и свою крайную погибель, начали на миръ взивати и милости у Царского Величества просити,—что и получили.

Которого войска Малороссійского прислугою Царское Пресвѣтлое Величество бывши зѣло доволенъ, не токмо у столовъ своихъ доволно всѣми изобиліи Наказного Гетмана, зъ Полковниками и всѣми началами, и знатное Товариство учреждалъ, но и въ обозъ Малороссійскій всѣхъ запасовъ піемихъ и ядомихъ толь премного надалъ, что не токмо не могли изжити и зъ собою забрати, но и продати не все возмогли; а зверхъ того, еще на чернь пятнадесятъ тисящъ рублей денегъ, а на знатнѣйшихъ Козаковъ и Сотниковъ во всѣ полки—на коегождо по пятнадцять чер-

(*) Тамъ же: *начатки.*

вонцовъ далъ; такожде Гетмана Наказного и всѣхъ Полковниковъ пребогато обдарилъ и со премногою милостію въ доми своя отпустилъ. Коего дѣйствія бывшого и достовѣрное свѣдителство прелагается здѣ — грамоти, отъ Царского Величества ко Патріярхѣ Московскому писанной, копѣя:

»Всесвятѣйшому Киръ Архимандриту Божіею Милостію Архіепископу Московскому и всея Россіи и всѣхъ странъ Сѣверпихъ Патріарху, въ Святомъ Дусѣ Отцу нашему и Богомолцу, глубокого мира и твердого стоянія во благочестивой Церкви Христови Восточнія, здравія и долгоденствія, вкупѣ и душевнего спасенія отъ Господа Бога, во Тройци славимого, усердно сподобитися желаемъ.

По прежде писанному Нашему извѣщенію, Вашему Святителству о цѣлости здравія Нашего и военнихъ Нашихъ трудѣхъ доволно предложено; а нинѣ извѣствуемъ, что милостію превеликою Христа Бога нашего, во Тройци славимого, и предстателствомъ Пресвятія Богоматере Дѣви Маріи и молитвами всѣхъ Святихъ, тѣхъ военнихъ трудовъ радостное облегченіе воспріяли есми сицевимъ образомъ: егда по повелѣнію Нашему, промисломъ и усердно-радѣтелними трудами Боярина Нашего и Старшого полку Воеводи, Алексія Семеновича Шейна, Великороссійскіе и Малороссійскіе Наши войски, въ облеженіи будучіе, около града Озова, земляній валъ къ непріятелскому рову отвсюду равномѣрно привалили, — и зъ-за того валу ровъ заметавши и заровнявши, тимъ же валомъ чрезъ той ровъ

до непріятелского валу дойшли, и вали такъ близко сово-купили, же невозможно было зъ непріятелми кроме ору-жія битися; уже и земля за ихъ валъ метаніемъ въ го-родъ сипалася, и сего настоящого мѣсяця Іюля 17 числа, въ пятокъ, Малороссійскіе Наши войска, по жребію своему, въ тѣхъ трудѣхъ пребывающе (при которихъ неотступно пребывающе мужъ, въ добродѣтели и въ воинскихъ трудѣхъ искусній, Гетманъ Наказній Яковъ Лизогубъ), попередили непріятелскій блякавецъ подкопати и на него мужественно взійти; и тамо, зъ непріятелями бившися доволно, той ихъ блякавецъ опановали, и дождавши ночи, зъ того блякавца чтири арматѣ спровадили,—ибо въ 18 числѣ, въ суботу рано, непріятелѣ—Азовскіе люде, видячи войскъ Нашихъ Малороссійскихъ крѣпкое на градъ наступленіе и радѣ-телній промислъ, а свою конечную погибель, замахали шап-ками и корогви прихилили, и вислали для поговору отъ себе двохъ человѣка значнихъ людей, и просили, чтобъ ихъ даровали душами и пустили волно зъ женами и дѣтми; и на знакъ увѣренія и твердости въ правдѣ оставили двохъ чоловѣка атамановъ (*) и отдали Нѣмця Якова, которій, змѣнивши, зъ войскъ Нашихъ утѣклъ къ нимъ въ Азовъ и побѣсурманился, прошлого году. А въ 19 числѣ, въ не-дѣлю, другой годипи дня, Азовци Бояриву Нашему и Стар-шого полку Воеводѣ Алексѣю Семеновичу Шейну городъ Азовъ зъ корогвами и зъ арматами, зъ пороховою каз-ною,—со всѣмъ, что въ немъ было—запасомъ, отдали. И имъ, и женамъ ихъ и дѣтемъ учинена свобода, и отпущени

(*) Тамъ же: *аманатовъ*.

внизъ рѣкою Дономъ до рѣки Кагамлика по осмнадцяти буярахъ (*); и аби ихъ, сидѣлцовъ, по слову Нашему, отпустить и отъ Малороссійского войска сохранить въ-цѣлѣ, казалемъ дать зъ казни нашой на радовихъ Козаковъ пятнадцятъ тисячъ рублей, а на Старшину Полковую и Сотниковъ и на знатнѣйшое Товариство по пятнадесятъ червоних золотихъ, а Гетмана Наказного зъ Полковниками особно подарили (**). А двадцятого числа, по вѣдомостяхъ, тихъ вишлихъ людей — Азовскихъ и комонникъ ихъ отвезли всѣхъ на кораблѣ Турецкіе, которіе стояли противъ нашихъ морскихъ суденъ, — и тіе ихъ судна отступили далеко, и комонникъ ихъ на чайцѣ розбѣглися.

Тако Господу Богу нашему, содѣвающему дивная чудеса по своей Ему (***) волѣ, за которое Его святое и неизреченное милосердіе къ роду Христіянскому въ радостнихъ слезахъ молебное чиня благодареніе, — о чомъ ознаймивши и Вашего Святителства въ Дусѣ Святемъ Отца Нашего и богомолца, просимъ — даби за таковое неизрѣченное Божіе милосердіе, соборнѣ и клейнѣ молебное воздали о Нашемъ здравіи и всего войска благодареніе«.

Потомъ Царское Величество, возвратившися зъ-подъ Азова, велѣлъ Гетману Мазепѣ въ Рибное къ себѣ ѣхать, — ибо по отходѣ Царского Величества зъ войсками подъ Азовъ, Гетманъ Мазепа и бояринъ Шереметъ, війшовши зъ войсками на Коломакъ противъ Хана Кримского, кото-

(*) Тамъ же: *во осмнадцяти Боярахъ.*
(**) Тамъ же: *порадились.*
(***) Тамъ же: *Его.*

рій стоялъ зъ Ордами, возбраняючи войскамъ Государевимъ ити въ Кримъ, стояли тамо, — и много подъездами (где единъ подъездъ зъ вождомъ Плюкою (*) Ордою взятъ) росправляючися, ожидали дотолѣ, допелѣ подъ Азовомъ Богъ даровалъ побѣду надъ бесурманомъ; и когда прибылъ Мазепа къ Царскому Величеству въ Рибное, милостиво принятъ былъ и, по нѣсколько дней, удорованій, отпущенъ.

Году 1697. Вейзеръ Турецкій, которій ходилъ прошлого лѣта на отсѣчъ къ Азову, — и тамо ничтоже успѣвши, со всею дивѣзіею зазимувалъ въ Криму. Где, получивши вѣсть о замислахъ Россійскихъ, тогожъ часу войско Турецкое и Татарское, конное и пѣшое, виправилъ — даби Асламъ градъ своими войсками предварилъ осадити, а самъ кораблями подъ Таванъ подступилъ. Тогда Бояринъ Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій и Гетманъ Мазепа, припливши тамо Днѣпромъ на суднахъ воднихъ, називаемихъ фуркатахъ, которихъ по всѣхъ полкахъ надѣлали, зъ войсками Великороссійскими и Малороссійскими, — оставили свое намѣреніе — чтоби гради, отъ Турковъ отнятіе, Казѣкерменъ и прочіе, построивши, до Очакова тягнути, — и начали совѣтовати, какъ би зъ войсками отъ Турской сили воспятъ возвратитися и гради осадивши людомъ военнимъ, Туркамъ не датися, понеже вѣдали, что Турки къ суднамъ морскимъ обикліе, и по всякъ часъ онихъ водою и и землею умножалося, а своихъ войскъ, въ запасѣ хлѣбномъ оскудѣвшихъ и до водного бою не обиклихъ, — по-

(*) Тамъ же: *Плякою.*

становили на томъ, даби войскомъ Великороссійскимъ и Малороссійскимъ и Запорожцями гради осадити; где оставивши имъ свои хлѣбніи запаси, сами зо всѣмъ войскомъ въ Россію возвратилися. По которихъ отходѣ, Турки великіе штурми до города Таванѣ, такожде и до Казѣкермену, ежеденно чинили; понеже Вейзеръ, хотящи прошлогодную свою подъ Азовомъ неславу здесь наградити, паче же надѣяся, что войска вси отійдоша,—сихъ осталихъ, или насиліемъ достати, или прелстити коимъ способомъ тщился, и чрезъ полпяти недѣль ежеденъ штурмъ дѣлающи, многое число своихъ Турковъ тамо положилъ,—где, въ Таванъ самій ӻранатовъ тисящей пять вверхъ (*) и подкопи тамо низко при водѣ дивною штукою приправлялъ; а когда уже не возмоглъ всѣми способами облеженцовъ мужеству и храбрости одолѣти, видя въ своихъ людехъ превеликій уронъ, ихъже заохочаючи къ приступамъ, надъ Цесара своего плату, своими власними денгами звишше еще войску платилъ,—напослѣдокъ, удался до хитрости лестной: началъ намовляти облеженцовъ, даби градъ ему здали. »Понеже«, рече, »у васъ казну пороховую и денежную гранати наши спалили и вини дали, — а и вашъ Гетманъ васъ здесь на погибель оставилъ; къ сему, ви кавалеріи нашей отнюдъ видержати не можете. Сего ради, здайте гради, а ми васъ, зо всѣми вашими користми, на своихъ суднахъ и коняхъ, где вамъ треба будеть, отвеземъ и еще на всякого по пять талярей грошей дамо«. Но Козаки отнюдь на тое не позволилися; но на бой непрестанно взи-

(*) Тамъ же: *гдѣ въ Тавань самихъ гранатовъ тисячей пять вбросилъ.*

вающе, ихъ вѣру бусурманскую блюзнили. Тогда Турчинъ, видя непреодолѣнную сидѣлцовъ дерзость и непреклонную надъ ихъ прелести мисль, принуждени, зъ великимъ встидомъ и болшою въ людехъ и оружіи военномъ шкодою, восвояси возвратитися; а Козаки, избавившися отъ непобѣдимого нуждного облеженія, воздали хвалу Вишнему Богу, приписавши тое свое отъ бѣсурманъ избавленіе своего Монархи Великого Государа Цара Петра Алексеевича щастю.

Году 1698. Весною, Бояринъ Долгорукой и Мазепа Гетманъ, пошедши зъ войсками, Казѣкерменъ и Таванъ укрѣпили, и имѣвши нѣсколко боевъ зъ Татарами, воспятъ возвратилися.

Тогожъ году, возвратившися Царское Величество зъ Нѣмецкихъ земель, повелѣлъ Гетману Мазепѣ въ Воронѣжъ къ себѣ ехати, где судна морскіе на Дону рецѣ готовали; откуду Гетманъ зъ премногою милостію былъ отпущенъ.

Году 1699. Турки зъ Государемъ Всероссійскимъ, Царемъ Петромъ Алексіевичемъ на тридесятъ лѣтъ, а зъ Цесаромъ и зъ иними Христіянскими Монархами на двадесятъ пять лѣтъ змирили.

Году 1770. Войскамъ Малороссійскимъ жадного походу не было, въ домахъ тогда всѣ зоставали, на войну толко зъ Шведомъ тогда заводилося.

Году 1701. Государъ Царъ Петръ Алексеевичъ

ходилъ подъ градъ Шведскій Ругодевъ, где Искра Полковникъ Полтавскій Наказнимъ Гетманомъ, а болше—Обидовскій, племѣнникъ Мазепинъ, надъ войскомъ Малороссійскимъ были; но попущеніемъ Божіимъ, Россіянъ нещастливость на болшую имъ ползу стрѣте, ибо Король Шведскій разгордѣвшися по побѣдѣ, отъ такого щастія сію войну зъ Россіяни пренебрегъ и въ Полщу отійшолъ, — а Царское Величество потомъ весь брегъ Балтицкого моря, зъ провѣнціями и крѣпкими портовими гради, къ коронѣ Россійской завоевалъ.

Тогожъ году, весь полкъ Гадяцкій зъ Полковникомъ Бороховичемъ и Запорожцовъ нѣсколко тисящей ходили до Пскова, для отпору Шведовъ.

Тогожъ году и Мазепа со всѣми войсками и зъ арматою пошолъ былъ къ Пскову и мости по тракту указаному велѣлъ мостити; потомъ, по указу Царского Величества, виправивши туда въ тисящахъ двадесяти Полковника Миргородского Данила Апостола, самъ зъ арматами возвратился въ-домъ зъ-подъ Могилева.

Тогожъ часу, Гадяцкого полку Козаки ходили зъ-подъ Пскова зъ Репниномъ подъ Ригу.

Тогожъ часу, Полковникъ Миргородскій, за прибытіемъ своимъ зъ Козацкимъ войскомъ до Пскова, ходилъ зъ сипомъ Шереметовимъ Михайломъ Борисовичемъ подъ Гордевъ (*) Лѣвонскій, и тамо Шведское войско разграбили, где забитъ Полковникъ Малороссійскій Пашковскій.

Году 1702. Посилалъ Мазепа Наказнимъ Гетма-

(*) Тамъ же: *Юревъ.*

номъ надъ Малороссійскими полками Стародубского Полковника Миклашевского подъ Биховъ, и тамо совокупившеся зъ Полскимъ войскомъ, надъ которимъ былъ рейментаромъ Халецкій, многіе приступи къ граду чинили зъ обостранною шкодою, обаче градъ здался. Зъ которого Бѣлцикіевичъ зъ своими людми къ войску Малороссійскому изійшолъ, а на его мѣсто Халецкій зъ войскомъ въ градъ внійде; которого Бѣлцикевича Козаки взяли и къ Гетману въ Батуринъ припровадили. Потомъ, и въ-другое, по прошенію пановъ Литовскихъ, посилалъ Мазепа подъ Биховъ Радича зъ Охотнимъ Козацкимъ войскомъ, ради наступленія ротъ Шведскихъ.

Году 1703. Посилалъ Мазепа зъ Лубенскимъ Судіею Кичкаровскимъ Козаковъ за Волгу къ Шеремету, ради збунтовавшихся Башкирцовъ.

Году 1704. Гетманъ Мазепа зъ войсками Малороссійскими, первѣе на Перепятисѣ, потомъ подъ Люберемъ (*) до самой осени стоялъ; понеже Шведъ, вступивши въ Полщу, Короля Августа Второго зъ Королевства згонилъ и въ Полщѣ великіе грабителства костеламъ и шляхтѣ дѣлалъ,—тогда въ градѣ Лвовѣ и въ Сокалскомъ кляшторѣ скарби костелніе и шляхетскіе побралъ.

Году 1705. Ходилъ Мазепа зъ войсками Малороссійскими въ Полщу и былъ въ Замостю; потомъ, рас-

---

(*) Тамъ же: *Любаромъ.*

положивши войска по Полщѣ на кватерахъ, послалъ зимою Черпѣговского Полковника зъ его полкомъ и зъ Гадяцкимъ полкомъ, и зъ Тапского Компанѣею на границю Цесарскую, въ Спиское Княженіе; где Полковника Спиского Князя убили и полкъ его разграбили. Въ тотъ часъ Мазепа зъ Бродовъ пошолъ зимою къ Мѣнску.

Году 1706. Полковникъ Стародубскій Миклашевскій отъ Шведовъ забитъ. Такожде и Полковникъ Переясловскій Иванъ Мировичъ со всѣмъ полкомъ своимъ взятъ Шведами въ неволю.

Году 1708. Печерскую крѣпость самъ Государъ Царъ Петръ Алексеевичъ заложилъ, — и руками своими, по процессіи, дернини на фундаментъ покладалъ.

Году 1708. Мазепа змѣнивъ, а Іоанъ Скоропадскій указомъ Царского Величества, по давнему обикновенію — волними голосами отъ Козаковъ на Гетманство избранъ; которого самъ Государъ Царъ Петръ Алексеевичъ, будучи на тотъ часъ Монаршою своею особою зо всѣмъ Сиглитомъ въ Глуховѣ, на Гетманствѣ утвердилъ, и булаву и печать Войсковую отъ себе далъ, — понеже всѣ Войсковіе клейноти Мазепа, идучи къ Шведу, зъ собою забралъ.

КОНЕЦЪ.

Собраніе Гетмановъ Войска Запорожского Малой Россіи, предъ Хмелницкимъ бывшихъ.

1. Року 1506, былъ Гетманъ войскъ Запорожскихъ зъ фамилѣи сенаторской, именуемій Прецславъ Лянцкронскій. Сей многократне землю Турецкую зъ Козаками щасливе воевалъ.

За сего Гетмана, а за Короля Полского Жигмунта Первого, привернено Козакамъ, за вислуги ихъ, около Днѣпра Землю, Королемъ Полскимъ Казимиромъ Первимъ, въ Земляхъ Рускихъ, въ року 1340 заобладанную, — и дано имъ волности всякіе.

2. Гетманъ Запорожскій Димитрій Князь Вишневецкій.

3. Гетманъ Запорожскій Евстафій Князь Ружинскій.

4. Року 1534, былъ Гетманомъ Запорожскимъ нѣякійсь Козакъ Венжикъ Хмелницкій, и побилъ Орди подъ Заславемъ, на Волиню.

5. Року 1574, былъ Гетманъ Запорожскій Свѣрговскій, и по четиридесятехъ побѣдоносныхъ битвахъ, отъ Турковъ въ Волошшехъ забитъ.

6. Року 1576, былъ Гетманомъ Запорожскимъ Богданко. Сей воевалъ Кримъ.

7. Року 1577, былъ Гетманомъ Запорожскимъ Подкова. Сей взятъ на Господарство Волоское.

8. Року 1577, былъ Гетманомъ Запорожскимъ Шахъ.

9. Скалозубъ Гетманъ Запорожскій отъ Турковъ на морѣ забитъ.

Року 1593, Косѣнскій былъ Гетманомъ Запорожскимъ.

10. Року 1597, былъ Гетманомъ Запорожскимъ Наливайко.

11. Кушка Гетманъ Запорожскій отъ Турковъ живимъ въ плѣнъ заведенъ.

12. Року 1620, былъ Гетманомъ Запорожскимъ Бородавка.

13. Року 1621, былъ Гетманомъ Запорожскимъ у Малой Россіи Петръ Конашевичъ-Сагайдачній. Сей своею смертію померъ.

14. Року 1628, Гетманъ Запорожскій Тарасъ подъ Переясловлемъ билъ Ляховъ, и обози ихъ разбилъ.

15. Року 1637, былъ Гетманъ Запорожскій Павлюкъ; на Кумейкахъ воевался зъ Ляхами.

16. Року 1638, былъ Гетманъ Запорожскій Остраниця, и изъ Гупею на рѣцѣ Старійцѣ Ляховъ побѣдилъ.

17. Року 1639, назвался Гетманомъ Полтора-Кожуха, и на Мерлѣ отъ Ляховъ прогнанъ.

18. Року 1640-го, былъ Гетманъ Запорожскій Булукъ; на которомъ Ляхи Гетманство Запорожское окончивши, наслали Козакамъ вмѣсто Гетмана Комиссаровъ и вождовъ

своея Лядскія породи и вѣри,—которіе, пилнуючи своихъ зисковъ, такъ были Козаковъ утѣснили, же ледво хто имѣлъ своего что въ дому, кромѣ жени.

19. 1647-го, для збунтовавшогося Хмелницкого, приверпули Ляхи Запорожское Гетманство, за присягою, Барабашевѣ,—въ томъ бо року, декабря 7 дня, збѣгъ Хмелницкій на Запороги, отъ Ляховъ на смерть гонимій.

Хмелницкого Гетманство и его военніе дѣйства.

20. Року 1648, притягши Хмелницкій зъ Запорожжа, казалъ забити Барабаша Гетмана, и прилучивши себѣ его войско, озвался Гетманомъ, въ томъ же року, мая 2; на Жолтой-Водѣ, Кашталянича и Енерала Гетманича Стефана Потоцкого, зъ Комиссаромъ Козацкимъ, забилъ, и розбивши гусарію и Полское войско, въ неволю Шемберка и Сапѣгу, зъ знатнѣйшими полководцами, забралъ.

Въ томъ же року, мая 16,—за-другое, подъ Корсуномъ Полское войско збивши, Гетмановъ Коронного Потоцкого и Полного Калиновского, зо всѣмъ Панствомъ, въ въ неволю живо побралъ, и обози Полскіе разграбилъ.

Суплѣка жалобливая отъ Хмелницкого до Короля Полского Владислава, и о взятіи Нестервара.

За-третее въ томъ же року, сентевря 7, новихъ двохъ Гетмановъ Доминѣка и Фирлея, зъ великими Полскими силами на Хмелницкого пришедшихъ, подъ Пилявцами Хмелницкій розбилъ, — где сто тисячъ фурмановъ кованнихъ,

всѣми достатками накладеннихъ, взялъ; а что въ риштункахъ, сукняхъ и столовихъ дражайшихъ посудахъ, галянтеріяхъ, коняхъ и ридванахъ,—то жеби оную добичъ ошацовати—таковаго на землѣ нѣтъ человѣка, — гди жъ всѣ панове Полскіе сію войну своими дворовими жолнѣрами, на тое въ риштунки военніе добре пристроенними, мѣли отправовати, а сами толко зъ собою повидавшися, погуляти и свою въ презентахъ можность показати, вибиралися, а о имѣючой имъ бѣдѣ быти не мислили.

О походѣ Хмелницкого къ Лвову и Замостю.

О послахъ, зъ дарами и привиліемъ, отъ новоизбранного Короля Полского Казимира —до Хмелницкого, и о возвращеніи его зъ-подъ Замостя.

О послахъ отъ многихъ Царей и Земель до Хмелницкого.

Увѣщаніе Мясковского ко Хмелницкому.

О Збаразской и Зборовской побѣдѣ Козацкой надъ Ляхами.

Листъ Кролевскій до Хана и отвѣтъ Ханскій.

О змиренню подъ Зборовомъ, и о статіахъ Зборовскихъ.

О походѣ Митрополити Кіевского на сеймъ.

О походѣ Козаковъ на Волохи и о извѣстіи отъ Хмелницкого о Лядскомъ и Татарскомъ намѣреніи на Россіанъ.

Привилеіи, отъ Короля данніи Войску Запорожскому, по Зборовской побѣди.

О походѣ Гладкого у Полѣссе и о различнихъ тамъ бранехъ Козацкихъ.

Котрая вина войнѣ Берестецкой.

О войнѣ Берестецкой и о побѣжцѣ Ханской зъ военного пляцу, и о поражцѣ отъ Ляховъ надъ Козаками.

О дѣйствіахъ Хмелницкого подъ Бѣлою Церквою зъ Полскими Гетмани, и о позволеню его: изъ-за Днѣпра народу Рускому ити населяти Полтавщину,—которіе потомъ и слободи на границяхъ Рускихъ населили.

О побѣдѣ Козацкой на Батозѣ надъ Ляхами, и о виправѣ до Волоского Господара Хмелницкого сина на весѣліе.

О войнѣ Жванецкой, о походѣ Козаковъ на Волохи и о убіеніи Тимоша Хмелниченка отъ Венгровъ и Волохъ.

О облеженю Короля Казѣмира зъ его войскомъ подъ Жванцемъ отъ Козаковъ и Татаръ.

Како поддадеся Хмелницкій Великому Государю Царю Всероссійскому.

О виправѣ отъ Хмелницкого полковъ Козацкихъ зъ Наказнимъ Гетманомъ Золотаренкомъ—Великому Государю на помощъ, подъ Смоленскъ и Вилню.

О войнѣ на Дрижиполѣ Хмелницкого противъ Ляховъ и Татаръ.

О походѣ Хмелницкого зъ Россіани подъ Львовъ, и о взятіи Люблина, и о розбитю Полскихъ Гетмановъ подъ Гродномъ.

О переговорѣ досадливомъ зъ Ханомъ Кримскимъ.

О виправѣ Козацкихъ войскъ за Вислу, по прошенію Шведа и Ракоцого, зъ Антономъ Полковникомъ Кіевскимъ, и о взятіи Кракова и Варшави.

О прошеніи Кролевскомъ и Примаса Короны Пол-

ской до Хмелницкого, аби преставъ вражди, а помоглъ, якъ синъ отчизнѣ, чрезъ себе спустошенной, Полщи — Шведа и Венгра вигонити.

О гнѣви Турецкого Солтана и Цесара Римского на Хмелницкого, же соединилися зъ Россіани, и якоби до того далъ поводъ и Полякомъ.

О поставленю на Гетманство Юрася Хмелниченка, при болѣзни Хмелницкого старого; а по многихъ, надъ самимъ Королемъ Полской и его Гетмана, виграннихъ щасливе битвахъ, и надъ Ракоцимъ Княземъ Венгерскимъ, и Радулимъ Господаремъ Мултянскимъ въ Сочавѣ и подъ Сочавою, а зъ Господаромъ Волоскимъ Василіемъ Лупполею (прежде сватовства) двократне въ Волошехъ, такожъ зъ Ханомъ Кримскимъ Мелѣгереемъ — сполне зо всѣмъ войскомъ Кримскимъ — между Ставищами и Охматовомъ, зъ тимъ же Мелѣгереемъ, за-другое, на Озѣрной, отправивши и скончивши щасливе войни, — померъ, року 1657, августа 17.

Имена полковимъ городамъ и Полковникамъ, по обохъ сторонахъ Днѣпра за Хмелницкого будучимъ,

КРОМѢ ЗЪ РОЗНИХЪ НАРОДОВЪ И ЗЪ ПОДДАНИХЪ ЛЯДСКИХЪ ОХОТНИКА, И КРОМѢ КОШОВОГО — ЗЪ ВОЙСКОМЪ НИЗОВОГО ЗАПОРОЖЖА И ЕГО ПОЛКОВНИКОВЪ — ПОДЪ ХМЕЛНИЦКОГО ЖЕ РЕГИМЕНТОМЪ ЗОСТАЮЧИМЪ.

1. Городъ полковій и столній Гетманскій Чигиринъ, а въ немъ Полковникъ прежде Гетманства Хмелницкій былъ, а по немъ Якубовскій.

2. Городъ полковій Корсунъ, а въ немъ Полковникъ Морозъ.

3. Городъ полковій Каневъ, а въ немъ Полковникъ Кутакъ.

4. Городъ полковій Черкаси, а въ немъ Полковникъ Ворончeнко.

5. Городъ Бѣлая-Церковъ, а въ немъ Полковникъ Гира.

6. Городъ Паволочъ, а въ немъ Полковникъ Андрѣй Дорошенко.

7. Городъ Лисянка, а въ немъ Полковникъ....(*)

8. Городъ Торговиця, а въ немъ Полковникъ Евфимій.

9. Городъ Умань, а въ немъ Полковникъ Степка.

10. Городъ Браславъ, а въ немъ Полковникъ Данило Нечай.

11. Городъ Винниця, а въ немъ Полковникъ Бугунъ.

12. Городъ Могилевъ-Подолскій, а въ немъ Полковникъ Евстафій Гоголь.

13. Городъ Калникъ, а въ немъ Полковникъ Остапъ.

14. Городъ Животовъ, а въ немъ Полковникъ....(**)

15. Городъ Камянецъ-Подолскій, а въ немъ Полковникъ Зеленскій.

На сей сторонѣ Днѣпра.

16. Городъ Кіевъ, а въ немъ Полковникъ Антонъ Адамовичъ.

17. Городъ Переясловъ, а въ немъ Полковникъ Лобода.

18. Городъ Арклѣевъ, а въ немъ Полковникъ...(***)

19. Городъ Кропивная, а въ немъ Полковникъ Филонъ.

20. Городъ Миргородъ, а въ немъ Полковникъ Максимъ Гладкій.

(*) Пропускъ въ подлинникѣ.

(**) Тоже.

(***) Тоже.

21. Городъ Полтава, а въ немъ Полковникъ Мартинъ Пушкаренко.

22. Городъ Зенковъ, а въ немъ Полковникъ Василь Шиманъ.

23. Городъ Гадячъ, а въ немъ Полковникъ Бурляй.

24. Городъ Лубнѣ, а въ немъ Полковникъ Степанъ Шамлицкій.

25. Городъ Прилука, а въ немъ Полковникъ Шкуратъ.

26. Городъ Ичень, а въ немъ Полковникъ....(*)

27. Городъ Нѣжинъ, а въ немъ Полковникъ Шумейко.

28. Городъ Вустръ, а въ немъ Полковникъ Тимошъ Носачъ.

29. Городъ Чернѣговъ, а въ немъ Полковникъ Мартинъ Небаба.

30. Городъ Сосниця, а въ немъ Полковникъ Леонтій Рукашка.

31. Городъ Стародубъ, а въ немъ Полковникъ Григорій Карповичъ Коробка.

32. Городъ Бнховъ, а въ немъ Полковникъ Данило, Виговского братъ.

33. Городъ Обручовъ, а въ немъ Полковникъ Голота, потомъ Подобайло.

34. Городъ Туровъ, а въ немъ Полковникъ Костантій Виговскій.

(*) Проп. въ подл.

Реестръ Гетмановъ, по Хмелницкого смерти будучихъ,

и за нихъ отправуючихся военихъ дѣйствіахъ.

1. Юрій Хмелницкій обоихъ сторонъ Днѣпра Гетманъ.

2. Иванъ Виговскій обоихъ сторонъ Днѣпра Гетманъ.

О Пушкаревой противъ Виговского за измѣну войнѣ.

3. Искра Гетманъ, не дошедъ зъ Москви къ Ромодановскому въ Лохвицю, подъ Пѣсками забитъ.

4. Иванъ Силка Гетманъ.

5. Иванъ Безпалій Гетманъ.

О войнѣ Виговского подъ Конотопомъ зъ Великороссіани.

О бунтахъ всѣхъ Козаковъ на Виговского за змѣну Россіанамъ и о отятіи за то Гетманства.

О второй бытности Юрася Хмелницкого на Гетманствѣ и о потверженіи чрезъ посли Короля.

О повторномъ пропуску чрезъ Юрася за Днѣпръ народа, для поселенія Украини и Слободскихъ полковъ.

6. Гетманъ Цюцюра.

О взятіи Шеремета подъ Чудновомъ въ Татарскую землю.

7. О Якимовомъ Самковомъ Гетманствѣ.

8. О назвавшемся Гетманѣ Василіи Васюти Золотаренку.

9. Иванъ Тетера, Гетманъ Заднѣпранскій.

10. Иванъ Бруховецкій, Гетманъ обоихъ сторонъ Днѣпра.

О забитю Сомка и Васюти и многихъ знатнихъ Козаковъ Бруховецкимъ.

О походѣ Короля Казиміра подъ Глуховъ.

11. Опара Гетманъ.

12. Петро Дорошенко, Гетманъ Заднѣпранскій.

13. Децикъ, Гетманъ Заднѣпранскій.

14. Демянъ Многогрѣшній, обохъ сторонъ Гетманъ.

15. Суховѣй, Гетманъ Заднѣпранскій.

16. Михайла Ханенка, Гетмана Заднѣпранского, потвердилъ Король Полскій Михаилъ Вишневецкій на Гетманство, и далъ свои привилея на волности и Землю Козацкую, ведле Гадяцкихъ пактовъ.

О взятіи Камянца-Подолского отъ Турковъ, потомъ Ладижина, Межибожжа, Умани и прочіихъ.

17. Иванъ Самойловичъ, обоихъ сторонъ Днѣпра Гетманъ.

О зданю Дорошенковомъ Заднѣпрского Гетманства Самуйловичивѣ.

18. О поставленю отъ Короля Полского Собецкого на Гетманство Еустафія Гоголя, на Заднѣпру.

За-третее, Юрась Хмелниченко поставленъ отъ Турского Царя Княземъ Рускимъ и Гетманомъ Запорожскимъ.

О первомъ и второмъ походѣ подъ Чигиринъ.

19. Яненко озвался Гетманомъ Заднѣпрскимъ.

20. Кунѣцкій поставленъ Гетманомъ Заднѣпрскимъ отъ Короля Полского.

21. Могилу Козака Запорожского на Заднѣпри поставлено Гетманомъ.

22. Гетманство Драгинича.

Походъ первій Василія Галѣцина и Самойловича Гетмана подъ Перекопъ.

23. Иванъ Мазепа обохъ сторонъ Днѣпра Гетманъ.

Другій походъ Боярина Галѣцина и Мазепи Гетмана подъ Перекопъ.

24. Татаре Петрика, перекинувшогося до ихъ, Гетманомъ были учинили.

25. Самусь поставленъ отъ Короля Полского Яна Собецкого Гетманомъ, и дано булаву и бунчукъ и привилеи на Гетманство. Тую, напотомъ, булаву и бунчукъ и Гетманство здалъ Самусь Мазепѣ, подъ Хвастовомъ.

О взятіи Казикермена.

О взятіи Озова.

О приходѣ Турковъ подъ Таванъ и Казикерменъ.

О походѣ Козаковъ подъ Руголевъ и Псковъ и Ригу.

О походѣ Гетмана Мазепи зъ войскомъ Козацкимъ до Полщи.

О поставленю, по змѣнѣ Мазепиной, на Гетманство Іоана Скоропадского.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЛѢТОПИСИ

ЛЕОНТІЯ БОБОЛИНСКАГО.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Лѣтопись Боболинскаго имѣетъ слѣдующее заглавіе: *Лѣтописецъ сій естъ* Кроника *зъ розныхъ авторовъ и гисторыковъ многихъ, діалектомъ естъ написана въ монастыру Свято-Троицкомъ Илинскомъ Черниговскомъ Іеромонахомъ Леонтіемъ Боболинскимъ, законникомъ монастыря Выдубицкаго Кіевскаго, року отъ Рождества Христова 1699, мѣсяца апрѣля дня 23.* Она принадлежитъ Библіотекѣ Черниговской Духовной Семинаріи, которой принесена въ даръ Архіепископомъ Черниговскимъ и Новгородъ-Сѣверскимъ Антоніемъ Стаховскимъ, въ 1717 году, какъ видно изъ слѣдующей надписи, сдѣланной этимъ Преосвященнымъ внизу на поляхъ первыхъ тридцати полулистовъ Лѣтописи: »Сію книгу, гла»големую Хроника или Лѣтопись, по смерти Іеромонаха

»Леонтія Боболинскаго, по завѣту его и остатней воли, »привезъ зъ Новгородскаго Спасоваго Монастыря Сѣ»верскаго Архимандрита тогда обители Святой Спаской »Новгородской Генадій Стефановичъ въ Чернѣговъ въ »домъ Архіепископскій, и отдалъ ее саморучно до кни»гохранительницы Кафедральной, року 1717, мѣсяца »мая, правящу тогда престолъ Архіепископіи Чернѣ»говской недостойному мнѣ Архіепископу Чернѣговскому »и Новгородка-Сѣверскаго Антонію Стаховскому, иже и »надписахъ книгу сію, дабы она не была отдаленна »подъ анаѳему отъ помянутой библіотеки, а кто дер»знетъ ее отдалити дастъ отвѣтъ Богу, Судіи правед»ному. Аминь«.

Рукопись писана самымъ авторомъ въ концѣ XVII столѣтія на обыкновенной бумагѣ въ листъ, почеркомъ мелкимъ, но четкымъ, весьма тщательнымъ и отъ начала до конца одинаковымъ. Она содержитъ въ себѣ 636 полулистовъ и составляетъ большую, толстую книгу въ кожанномъ переплетѣ. На заглавномъ листѣ ея вокругъ заглавія находятся украшенія, сдѣланныя чернилами и жолтою краскою. Годы и страницы вездѣ означены славянскими буквами.

Въ началѣ послѣ предисловія автора — »Слова къ любимому читателю всякому«, — на 16 полулистахъ помѣщено подробное оглавленіе »речей«, въ книгѣ находящихся.

Лѣтописецъ начинается словами: »*А на первѣе о*

сотворению отъ Бога, о днехъ шестихъ. Ничого было Господу Богу, потомъ сотворенному небу и ангелахъ и потомъ всемъ що есть, и що ся рушаетъ, и що живетъ и розумъ маетъ и т. д.

Съ 1-го по 390-й полулистъ Лѣтописецъ обозрѣваетъ событія Священной и Всемірной исторіи, по вѣкамъ, отъ сотворенія »свѣта« до взятія Константинополя Турками; говоритъ потомъ *о панствахъ Турецкихъ, отколь повстали и якъ размножились и зайшли въ тые всходніи краини* (391—398 пол.), и переходитъ за тѣмъ къ событіямъ Русской, Польской и Литовской исторіи, изложенной имъ въ *кроникѣ Славяно-Русской о панствахъ Русскихъ, Польскихъ и Литовскихъ* (398—615), которая, такъ сказать, заключаетъ три отдѣльныя кроники: собственно Русскую, короткое собраніе кроники Литовской и короткое же собраніе кроники Польской. Въ *Кроникѣ* собственно *Русской* (403—478) Лѣтописецъ говоритъ о происшествіяхъ древней Руси, преимущественно юго-западной съ самыхъ древнѣйшихъ временъ ея до возвращенія Кіева подъ Русскій скипетръ при Алексѣѣ Михайловичѣ; въ ней довольно подробно расказаны происшествія до нашествія Монголовъ и самое ихъ нашествіе, но послѣдующія событія чрезвычайно кратко. Въ концѣ Кроники находится сказаніе о первомъ и второмъ приходѣ бесурманъ подъ Чигиринъ при Өеодорѣ Алексѣевичѣ. Съ 488-го полулиста по 585-й слѣдуетъ *Короткое собраніе Кроники Литовской*, доведенной до смерти

Стефана Баторія, въ нее входятъ не только »дѣла« Литовскія, но и происшествія Восточной Руси, которыя авторъ включилъ сюда вѣроятно на основаніи частыхъ столкновеній Литовскихъ Князей съ Московскими въ сплу родственныхъ союзовъ и враждебныхъ между ними отношеній. *Короткимъ собраніемъ Кроники Польской* (585—608), доведенной тоже до Стефана Баторія, оканчивается Кроника Славяно-Русская. Послѣ этой Кроники въ концѣ книги помѣщены Лѣтописцемъ статьи различнаго содержанія, а именно:

1) *Kopia listu X. I. M. Bawarskiego de Baden do Cesarza I. M. o bitwie z Turcami odprawioney, 19 Augusta, roku 1691.* (Копія письма Его Милости Князя Баварскаго изъ Бадена къ Его Милости Императору о сраженіи съ Турками, 19 Августа, 1691 года) (616—619).

2) *Decessum, electia, inauguracija summi pontificis in Roma.* (Смерть, избраніе и посвященіе Папы въ Римѣ) (619—629).

3) *Commissia Hadiacka* и *Pacta* (Гадяцкая Коммисія) (629—635).

4) *Наука о дріаквѣ (опіумѣ) кому треба ее заживать.*

5) *Листъ до Ксіонженця Іереміи Корыбута Вишневецкаго, того часу писаный, якъ зъ Русина Ляхомъ заставъ, въ року 1634,* (636—637).

Сочиненіе Боболинскаго есть ничто иное какъ сводъ,

какъ компиляція свѣденій о происшествіяхъ церковной и гражданской исторіи, отъ сотворенія міра до начала XVII столѣтія, почерпнутыя изъ различныхъ источниковъ, какъ-то изъ Библіи, изъ Латинскихъ, Греческихъ и Польскихъ историковъ, изъ Польскихъ и Литовскихъ кроникъ, изъ лѣтописи Нестора, Чети-Минеи и т. д.

Представляя по своему языку, близко подходящему къ живой, народной рѣчи, замѣчательное произведеніе Южно-Русской Литературы конца XVII столѣтія, и служа доказательствомъ любознательности, необыкновеннаго трудолюбія и учености автора. Лѣтопись Боболинскаго къ сожалѣнію весьма мало заключаетъ въ себѣ новыхъ свѣденій для Исторіи юго-западной Руси. Въ Кроникѣ *Русской*, исключая сказанія оприходѣ бѣсурманъ подъ Чигиринъ и т. д., мы встрѣчаемъ только повтореніе сказаній Нестора и его продолжателей съ примѣсью краткихъ извѣстій, заимствованныхъ лѣтописцемъ изъ Польскихъ лѣтописей и изъ нѣкоторихъ другихъ источниковъ, какъ напр. Герберштейна и т. д. *Короткое собраніе Кроники Литовской*, есть ничто иное какъ Литовская Кроника, принадлежащая неизвѣстному писателю конца XVI или начала XVII столѣтія, напечатанная Θ. Нарбутомъ въ 1846 г. въ Вильнѣ, въ его »Pomniki do dziejów litewskich« подъ заглавіемъ »Kronika Litewska«. Бобылинскій внесъ ее въ свой »Лѣтописецъ« съ небольшими дополненіями, измѣнивъ нѣсколько ея языкъ. Стольже мало новыхъ свѣденій заключается и въ Кроникѣ Польской.

Принявъ во вниманіе содержаніе Лѣтописи Боболинскаго, скудное для науки новыми фактами, Коммиссія считала безполезнымъ принять на себя трудъ изданія всей Лѣтописи и ограничилась напечатаніемъ немногихъ почерпнутыхъ изъ нея матеріаловъ, имѣющихъ отношеніе къ исторіи здѣшняго края. Къ такимъ матеріаламъ можно отнести: »1) О Ивонѣ, Господару Волоскомъ, 2) Повѣсть о Подковѣ, Господару Волоскомъ, 3) Сказанія о первомъ бѣсурманскомъ приходѣ подъ Чигиринъ, о второмъ приходѣ ихъ подъ Чигиринъ, о преславной побѣдѣ надъ Турками и Татарами, о пришествіи подъ Чигиринъ войскъ Православныхъ, о приходѣ множественныхъ силъ Царскихъ и войскъ Запорожскихъко Кіеву и т. д., 4) Листъ до Ксіонженця Іереміи Корыбута Вишневецкаго и т. д.

Изъ нихъ »повѣсти« *объ Ивонѣ и Подковѣ Господару Волоскомъ* содержатъ подробныя, невстрѣчающіяся нигдѣ въ нашихъ лѣтописяхъ, свѣденія о дѣйствіяхъ Козаковъ въ Валахіи, въ концѣ XVI вѣка, подъ начальствомъ Гетмана Свирговскаго и Шаха. Первая изъ нихъ кромѣ того отличается драматическимъ, живымъ изложеніемъ. Обѣ эти такъ называемыя повѣсти находятся въ лѣтописи Боболинскаго »въ короткомъ собраніи Кроники Польской« какъ отдѣльныя сказанія.

»Сказанія о первомъ и второмъ бѣсурманскомъ приходѣ подъ Чигиринъ, о преславной побѣдѣ надъ Турками и Татарами, о пришествіи подъ Чигиринъ войскъ Православныхъ, о

приходѣ множественныхъ силъ Царскихъ и войскъ Запорожскихъ ко Кіеву и пр.«, замѣчательны какъ сказанія о событіяхъ современныхъ автору; о нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ могъ говорить какъ очевидецъ, напр. о построеніи въ Кіевѣ въ первый разъ моста на Днѣпрѣ въ 1697, о насыпи »крѣпкихъ« валовъ вокругъ Кіева, о каменной оградѣ, сооруженной Гетманомъ Самойловичемъ вокругъ Лавры и о др.

Листъ Кіевскаго Митрополита Исаіи Копинскаго до Ксіонжеця Іереміи Корыбута Вишневецкаго, того часу писанный, якъ зъ Русина Ляхомъ зосталъ, въ року 1634« служитъ доказательствомъ энергическаго противудѣйствія Православнаго духовенства успѣхамъ Уніи. Въ этомъ обличительномъ посланіи Кіевскій Митрополитъ въ сильныхъ выраженіяхъ укоряетъ Вишневецкаго въ отступничествѣ отъ вѣры праотцевъ и, представляя доказательства превосходства Православія, умоляетъ Князя возвратиться на лоно его.

Въ одной книгѣ съ Лѣтописью Боболинскаго, въ концѣ ея, находится »*Реестръ Князьямъ Черниговскимъ и другимъ нѣкоторымъ, погребеннымъ въ Черниговѣ, съ показаніемъ времени ихъ кончины и мѣста, гдѣ погребены*«, составленный Префектомъ Черниговской Семинаріи, Протопопомъ Іоанномъ Левицкимъ, 1792 года. Онъ помѣщенъ и въ нашемъ изданіи какъ замѣчательная перечень упомянутыхъ лицъ, составленная съ удивительнымъ трудолюбіемъ на основаніи извѣстій Чети-Миней,

Никоновой лѣтописи, лѣтописи Боболинскаго, Россійской Вивліоѳики, Россійской Исторіи Князя Щербатова и др.

О жизни Боболинскаго мы имѣемъ самыя скудныя и отрывочныя извѣстія. Изъ заглавія и предисловія его Лѣтописи видно, что Леонтій Боболинскій жилъ въ концѣ XVII вѣка, постриженъ въ монахи въ Кіевскомъ Выдубицкомъ Монастырѣ, былъ тамъ въ послѣдствіи времени Іеромонахомъ и законникомъ, переведенъ въ Черниговскій Ильинскій монастырь и умеръ въ Новгородъ-Сѣверскѣ, въ тамошнемъ первокласномъ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ, завѣщая свою »Кронику« книгохранилищу того города, въ которомъ онъ употребилъ для ея составленія многіе годы своей жизни.

И. Самчевскій.

Кіевъ, 1853 года.

ОТРЫВКИ

ИЗЪ

ЛѢТОПИСЦА ИЛИ КРОНИКИ

ІЕРОМОНАХА

ЛЕОНТІЯ БОБОЛИНСКАГО.

СЛОВО КО ЛЮБИМОМУ ЧИТАТЕЛЮ ВСЯКОМУ.

Сотворитель Богъ, не имѣяй початку, ниже конца, видимыхъ и невидимыхъ речій, человѣка посемъ созда рукама своима, и водхну душу ему, да познаеть Творца своего, и возлюбить его, и тако блаженнымъ безсмертіемъ блаженъ сотворится, (состоитъ же ся смертнымъ). Въ сей жизни, ничтоже быти угоднѣе и потребнѣе, токмо да все помышленіе, прилѣжаніе и все ученіе свое приносить ко оной премудрости, ею же Бога, Творца своего, познати и возлюбити и чествовати учитъ; аще бо сіе не сотворятъ, всуе труждаются, и вотще уповаютъ себе онаго, егоже желаютъ, блаженства наслѣдити, — еже и Духъ Святый, усты премудрѣйшаго Цара Соломона, свѣдителствуетъ, глаголя: суетни суть вси человѣци, въ нихъже не подлежитъ вѣдѣніе Божіе; сего ради, къ таковымъ убо входъ во блаженный покой, гласомъ пророческимъ, отъ Господа, отвращается. Тѣмъ, рече, не познаша путей моихъ, имиже кляхся во гнѣвѣ моемъ: аще внійдуть во покой мой? ко уставленному убо себѣ предѣлу никтоже дойти можетъ, аще не

путь, имъже йти подобно есть, содержитъ,—якоже убо мнози суть человѣческимъ взысканіемъ изобрѣтенны хитрости и вѣдѣнія — вѣдѣти убо зданіе Божіе и совершенно разумѣти е, яко не кто инъ, но единъ Богъ есть вся сія, по хотенію своего Божества, творяй, Емуже вся творенная имъ — небесная, земная и преисподняя, страхомъ, трепетомъ и ужасомъ содержими, повинуются, боятся и трепещуть отъ лица велелѣпныя славы и царства Его, и да не невѣдома будетъ велія слава, сила, крѣпость и держава Его всемогущая, недомыслимая и неисказанна; послѣднему отъ Адама роду человѣческому подаде глубину премудрости Своея, писанія словесъ книжныхъ, угодившимъ ему избраннымъ отъ Духа Святого, исходящаго отъ Него, Святымъ Богодухновеннымъ людемъ,—ониже, посемъ, предаша и намъ, отъ себе послѣжднему роду, яко да чтяй, или слушуяй, еже, по изволенію Божію и смотренію Его, когда, где и что собыстся, и восхвалитъ имя Святого Бога своего.

И тако, со великимъ разсмотреніемъ и прилежнымъ чтеніемъ сію книгу, наченши отъ сотворенія неба и землѣ во днехъ шестихъ, якоже глаголетъ Писаніе, даже до килка тисящій лѣтъ вѣка сего,—въ нихъже царствоваша Царіе мнози, мучители и благочестивыя, и яко владѣша царствы своими и многими странами земли, по изволенію его Святомъ, и отійдоша откуду взяти быша, си есть въ землю, по словеси Господню, рекшему до человѣка: земля еси и въ землю паки возвратишися, но, единаче, по себѣ оставиша извѣстіе, еже нарицается Лѣтописецъ или, просто рещи, Кроника бытія, царства и владѣнія своего, чрезъ многія

времена, — еяже, любимый читателю, чти со всякимъ прилежаніемъ и разсужденіемъ; добро бо есть писмены, а не брашнами (все) насыщатися, да не токмо самъ чтяй, но и прочіимъ, незнающимъ писмене, исповѣси и подаси во увѣдомлѣніе: како имать Господь Богъ чрезъ многія дѣла человѣческія познатися, и како всякая власть Царей пребысть, и еже, когда, где и что собыстся, — совершенно увѣси, и будеши премудръ и смысленъ о всѣхъ сихъ, иже обрѣтаются во книзѣ сей, вещехъ, и для чого имя имать въ ней себѣ кроническое; чти здравъ уже и мене, писателя, спомипай. Не лай, аще обрящеши въ ней нѣкое погрѣшеніе, но моли о мнѣ Господа Бога, да и ты, и я молитвами твоими, спасенъ буду, аминь.

Твоему благородію, возлюбленный читателю, всѣхъ благъ желающій

Леонъ Боболинскій, Іеремонахъ и постриженецъ монастира Выдубицкого Кіевского.

I.

О ИВОНѢ, ГОСПОДАРУ ВОЛОСКОМЪ.

(Въ Лѣтописцѣ — *Короткое Собраніе Кроники Полской*, стр. 605 на оборотѣ).

Ивоня Волоскій Господаръ.

Еще за Кроля Полского Генрика, року 1574, великіе ростирки въ Волошехъ были, — бо Ивоня, Господаръ Волоскій, которого былъ Цесаръ Турецкій на мѣстцу Богдановомъ посадилъ, мѣлъ уставичные непокои отъ Петра, Мултанского Воеводы брата; который его зъ Турки, зъ Венгры, зъ Греками, Сербами и Мултанами наеждалъ, подкупуючися у Цесара Селима на Господарство Волоское.

Послалъ Турецкій Цесаръ до Ивони, абы ему тилко далъ, яко иншій даеть, — або ему уступилъ. Зозвалъ Ивоня Радныхъ своихъ Пановъ и ознаймилъ имъ волю Цесарскую, пытаючи ихъ, що волять: такъ-ли много дати (а щорокъ мусять, кромъ того, болшей давать, бо Турки слова никому не додержать), чили тежъ боронитися мають? Згодилися всѣ на тое Волохи, же ся рачей боротн хотять, — що Ивоня имъ позволилъ и до горла своего имъ того допомочи обѣцалъ. Зъ тымъ посланца Турецкого отправилъ Ивоня, — и заразъ на войну готовался, людъ пѣшій пріймовалъ и Волохомъ на поготовю быти росказалъ.

А ижъ Поляки болшъ отъ ста лѣтъ маютъ пакта о примирѣе съ Цесаромъ Турецкимъ, зачимъ вѣдаючи, же ему на Турка помочи не дадуть, хотя Поляки завше звыкли Волоховъ боронити, которымъ и Волохи бывали послушны, и Полща за ними, якъ за стѣною, седѣла безпечне, — не побужаючи, теды, ихъ до нарушеня примирѣя, — еднакъ же, вѣдаючи о Козакахъ, же то люде собѣ суть волные и рыцери межи ними бываютъ добрые, послалъ до нихъ, просячи ихъ, абы ему до той потребы противъ Турковъ прибыли, обѣцуючи имъ плату, якую сами будуть хотѣти. А они Ради заразъ учинили, зобравшися ихъ 12 сотъ, не пытаючися о тое преложоныхъ Коронныхъ, а ни тежъ того розумѣючи, жебы то противко воли ихъ було, выѣхали до его войска. Мижи которыми, тые переднѣйшіе были: Свирщевскій и Балсанъ; обадва мѣли по двѣстѣ мужевъ; Браславлянъ тежъ было двѣстѣ, Козловскій мѣлъ двѣстѣ, Служевскій двѣстѣ, Янчинскій сто, Соколовскій сто.

Козаки до Ивонѣ пришли.

И былъ имъ Ивоня радъ велми, — и частовалъ всѣхъ подъ наметами своими: особно старшину, особно посполство, и казалъ — зъ дѣлъ, гаковницъ и ручной стрелби стреляти; а скоро было по обѣдѣ, казалъ килка мисъ серебраныхъ, полныхъ чирвоныхъ золотыхъ, принести а передъ нихъ поставити, просячи, абы то на той часъ приняли. Вымовлялися долго, не хотячи брати, але онъ ихъ просилъ, абы взяли; теды взявши, подяковали и роздѣлили межи себе. Потымъ, указалъ имъ становиска по лѣвой сторонѣ войска своего, и тамъ всѣ станули. Пославъ имъ Ивоня шесть бочокъ вина, абы пили за здоровѣе его, и килка сотъ таляровъ.

А на завтрее, предъ свѣтомъ ставши, пришолъ до нихъ и просилъ всѣхъ до себе; потымъ до нихъ учинилъ речъ такую, языкомъ Полскимъ, бо мовивъ по-Полску барзо добре: »Бымъ не вѣдалъ о вашей дѣлности, рицеры цнотливые, теды бымъ по васъ нигды не посылалъ, и такъ далеко не трудилъ; лечъ, же вѣдаю, жесте люде рицерскіе и славу великую въ томъ маете, прето-мъ васъ до тои потребы призвалъ, которую маю мѣти зъ Селимомъ Цесаромъ Турецкимъ. Прошу, абы-сте ми за гроши служили, ачъ то вамъ жолду установити не смѣю, боячися абы-мъ вамъ мало що, взглядомъ великои дѣлности вашои, не поступилъ; еднакъ же, чого вамъ будетъ потреба: хочай грошей, хочай живности, — такъ вамъ самымъ, яко и конемъ и слугамъ вашимъ, будетъ всего досыть. Я тежъ ничого не вонтплю, же такъ собѣ починати будете, яко добрымъ юнакомъ пристоитъ, — а за тую охоту вашу вамъ велце дякую, же будучи Христіанами, до мене пріехали и въ той моей послузѣ мене не опустили, за що вамъ всегда завдячать виненъ буду; тылко на коня платити хочу, що сами скажете, — бо хочай васъ горсту вижу противъ таковому непріятелеви, теды я-мъ васъ кладу такъ, якобы-сте дванадцеть тисячій коней васъ прибыло, ачъ и такъ о томъ непріятелю шкода намъ того розумѣти, абы отъ насъ битъ не моглъ быти. Мушу имъ то, еднакъ, признати, же то имъ щасте служить, поневажъ зъ малого початку такъ гору барзо вынесли, — що все, зъ допущеня Божого, за грехи наши сталося; вшакже, що колвекъ где взяли, то все зрадою и хитростю своею, а не войною, — еднакъ же, вылетѣвая въ-гору тымъ спаднѣй, же за-часомъ

Мова Ивонѣ до Козаковъ якая.

упасти могуть. Болшой плачъ отъ радости мнѣ не допущаетъ мовити, яко вамъ естемъ радъ, и якое серце мое маю до васъ—Богъ то самъ видить: прето залецатися самъ вамъ много не хочу; то тылко вѣдайте, же мое щасте—щасте ваше есть«. То рекше, слезами ся залилъ.

Отповѣдь Свирщевского отъ всѣхъ Козаковъ до Ивонѣ.

На тое ему Свирщевскій въ-коротцѣ отъ всѣхъ, яко жолнѣръ, отповилѣлъ: »не жадныи гроши, о которыи мы мало дбаемъ, насъ до того привели, жебы-смо до тебе, Пане Ивоня, пріѣхали,—тылко абы-смо непріятеля твоего били; а такъ, о плату жадную не дбаемъ. Досыть мѣти на томъ будемъ, если непріятеля твоего оттуль выженемъ, а тебе зъ нимъ успокоимъ,—а ты яко намъ будешъ нагорожать, щасте то покажеть. Мы моцы Турецкои ни-трохи не лякаемся; а якій конецъ той войнѣ будеть, Богу то полецаемъ,—атоли о тое старатися будемъ, якъбы-смо тебе отъ непріятеля твоего оборонили«. Потомъ Ивоня просилъ ихъ до себе на обѣдъ, посадилъ ихъ зъ собою за столъ; у другого столу Логофетъ, и Іеремѣя, Гетманъ его, и другая Волоская Рада сѣла.

Чого довѣдавшися Цесаръ Турецкій, заразъ 30 тисячій Турковъ а двѣ тисячи Венгровъ послалъ Воеводѣ Мултанскому на помочъ, росказуючи ему, абы Ивоню поймалъ, а Петра, брата своего, на Господарство Волоское всадилъ. Той заразъ, зъ росказаня Цесарского, зъ Турками и Венграми рушился и перешолъ Молдаву рѣку,—маючи до-того своихъ Мултанъ до сорока тисячій, положился надъ рѣкою, въ доброй паши, и тамъ кони роспустили самопасъ.

Постерегши ихъ Волошя, заразъ до Ивони дали знати; а Ивоня заразъ подъ нихъ выправилъ Свирщевского съ

Козаками, давши имъ Волоховъ тисячій шесть, а самъ за ними зъ своимъ другимъ наступовалъ войскомъ. Свирщевскій всѣхъ просилъ, такъ своихъ Козаковъ, яко и Волоховъ, если справити хотять що доброго въ той оказіи, абы що найпрудшей и яко найтихше шли, абы непріятеля якъ могли збѣгти неопатрного. Въ-томъ, на сторожу Мултанскую — коней чтыриста натрафили, которую въ-коло огорнули, и всю поймали. Взявши отъ нихъ всю вѣдомость, далъ знати о томъ Ивонѣ Свирщевскій, и, абы що-прудше прибывалъ зъ войскомъ, просилъ, тушичи о звитязствѣ певномъ; а самъ надъ ними станулъ, стерегучи. И такъ, за двѣ годины притягнулъ Ивоня до нихъ зъ войскомъ, котрое раздѣлилъ на три части, — Свирщевскій зъ едной стороны, а Ивоня зъ трохъ сторонъ, зъ великимъ крикомъ, ударили на обозъ. Овыи оцкнувшися, полякали: а ни боронитися, а ни утекать могучи; до коней припасти трудно, бо въ-ночи. И такъ, Турки всѣ тамъ полегли, Мултаны и Венгри всѣ, въ неволю Мултановъ мало що взяли — всѣхъ выстинано; Воевода Мултанскій самъ зъ братомъ своимъ утеклъ до Браилова, — што, ажъ плавали презъ озеро, котрое Дунай поливаеть; полно было всюды труповъ, а кровъ текла струменми; въ обозѣ было всего полно, — тамъ же Ивоня здобычъ великую взялъ, которую роздалъ людови своему, а найболшей Козакомъ; потомъ вторгнулъ до земли Мултанскои, и тамъ шкоды великіе мечемъ и огнемъ починилъ, никому не фолгуючи.

Ивоня Турковъ и Мултановъ збилъ.

А о самомъ Воеводѣ довѣдавшися Ивоня, же есть въ Браиловѣ (лежитъ тое мѣстечко надъ Дунаемъ, маючи замокъ моцный), ишолъ подъ него и станулъ обозомъ. По-

слалъ заразъ до преложоного того замку двохъ Мултановъ вязневъ, абы ему Воеводу Мултанского зъ братомъ его выдалъ, а если того не учинитъ, поты тамъ стояти будетъ, ажъ его возметъ. А онъ ему на тое десять куль великихъ а десять малыхъ презъ чотырохъ Турчиновъ прислалъ, мовячи: »же Ивоню тыми потравами будетъ частовати, отъ которыхъ войска своего не переховаетъ«. Розгнѣвався велми Ивоня на тыи послы и казалъ имъ обрѣзати уши, зубы и носы, и повѣсити тутъ же, предъ мѣстомъ, за ноги,—и заразъ пѣхоту зъ драбинами до мѣста припустилъ, которая барзо прудко парканъ перешла, и роскидали его; а до мѣста впавши, всѣхъ Турковъ выстинали,—жаднои живои речи, наветъ и пса, не живили; а кровъ зъ мѣста ишла ажъ до Дуная. Потомъ мѣсто все збурили, а побравши въ немъ користи великіе: сребра, злота, суконъ, матерій, перелъ много, спалили, — бо тое мѣсто отъ тыхъ часовъ, якъ его Турки достали, было завше въ покою, и для того богацтва были въ немъ немалые; и о замокъ самый уже мыслили, але дано вѣдомость, же Турковъ 12 тисячій — на отсѣчъ до Браилова. Противъ которыхъ послалъ Ивоня Свирщевского съ Козаками, давши нему Волоховъ тисячій осмъ; на которые Свирщевскій напавши, а не давши имъ роспотиратися, сточилъ зъ ними битву, и всѣхъ побилъ, тылко ихъ тисяча коней утекло до Тягинѣ,—а тамъ было другое войско Турецкое съ Татарами. Дано о томъ знать Ивони; а такъ Ивоня, давши покой замку Браиловскому, зыйшолся зъ Свирщевскимъ, и съ полною силою ударили на оное войско Турецкое и по-

Пословъ повѣшано.

Браиловъ взялъ Ивоня.

Турковъ побито.

Два разы Ивоня Турковъ збилъ.

разили его. Потымъ Ивоня притягнулъ подъ мѣсто Тягиню, которую заразъ взявши, людъ ввесь высеклъ.

Тягиню добылъ Ивоня.

Такъ, килка потребъ значныхъ Ивоня мѣлъ зъ Турками, маючи при собѣ Свирщевского зъ Козаками, котрые Козаки были ему завше на великой помочи. Потомъ шесть сотъ Козаковъ ишло до Бѣлагорода, который убѣгли и половину спалили; а Ивоня, тымъ часомъ, зъ войскомъ своимъ выдхнулъ. Але Козаки, еднакъ, не порожневали; знову постерегши войско Турецкое, которое ишло зъ Татарами подъ Бѣлогородъ, вышли противъ ему. Далъ имъ Ивоня Волоховъ три тисячи, которые Свирщевскій позаду зоставивши, свои Козаки на три части розшиковалъ: въ першомъ полку было человѣка чотыриста зъ ручною стрелбою,—мѣючи пукли ритые, противко копѣйникомъ Турецкимъ обернулъ; въ другомъ полку также много было стрелцовъ зъ луками,—тыи по правомъ боку поставилъ, и самъ тамъ станулъ; въ третемъ полку также ихъ много было зъ рогатинами, которого на лѣвый бокъ обернулъ. Турки, видячи горсть людій, смѣле зъ ними поткалися. Свирщевскій середнему полку каже на нихъ огню зъ стрелбы ручнои дати, а ꙁды почали Турки мѣшатися, прійшолъ самъ Свирщевскій зъ другимъ полкомъ, почалъ зъ луковъ шпилять, а другіи зъ другого боку рогатинами колоть, — и такъ ихъ отвсюду губили; цѣлую годину битва трвала; а въ-тымъ Волохи—людъ свѣжій—припалъ,—и спрацованыхъ Турковъ латво переломили и поразили, а двѣ тисячи Турковъ поймали и до Ивони, якъ быдло, пригнали; которыхъ Ивоня своей черни косами казалъ розсѣкти. Былъ вожъ того войска такъ богатый, же ся Свирщевскому хотѣлъ два

разы отважити золотомъ, а три разы срѣбромъ, а разъ клейнотами — тылко его абы до Ивони не провадили; але Свирщевскій болшей собѣ вѣру свою, которую разъ Ивонѣ прireклъ, важилъ, нижли его всѣ скарбы, — а такъ отъ черни зъ иншими Турками зосталъ розсѣченый на штуки.

А гды тыи поражки отъ Ивони надъ Турками дошли вѣдати Цесара Турецкого, барзо его тое болѣло, бо боялся — абы такъ Панства великого и того всего, що маетъ тутъ, зъ той стороны Дуная, не стратилъ; бо уже близко того было, — гды бы Іремѣй, Хотѣнскій Староста, Ивонѣ не зрадилъ. Которого Ивоня зъ тринадцетю тысячю Волоховъ до Дуная послалъ боронити переправи Туркомъ, а самъ на-часъ войско роспустилъ — тымъ способомъ, абы знову зобралися, якъ скоро Еремій дасть о непріятелю знати. А Еремій Петрилу, брату Воеводы Мултанского, взявши отъ него 30 тысячій червоныхъ золотыхъ, допустилъ зъ Турками презъ Дунай переправитися, а самъ до Ивони ѣхалъ, вымовляючися ему, же не могъ жадною мѣрою оборонити преправы. И засталъ Ивоню — а онъ зъ Козаками добываетъ за̂мку Тягинского; а такъ, опустивши за̂мокъ, зобралъ людъ, яко моглъ — що найпрудшей, а пошолъ до Дуная противко непріятелеви, — и пришолъ надъ него, станулъ обозомъ.

Еремѣй здрайця Ивонинъ.

Козаки, не маючи языка, а ни вѣдаючи справы, бо они Еремѣи не дуфали, почали ся барзо фрасовати; и пришли всѣ до Ивони, — почалъ отъ нихъ мовити Свирщевскій: »дали-смо мы тобѣ, пане Ивоня, разъ вѣру, и служили-смо тобѣ вѣрне до того часу, помагаючи тобѣ на твоего непріятеля, и теперъ есте-смо слуги твои, на томъ —

не допустити броду непріятелеви до твоеи Земли; тылко намъ того потреба довѣдатися першей: много ихъ есть, и що мыслять?—абы-смо, якъ на гакъ, не были приведени, и горлъ своихъ, якъ нѣмое быдло, марне не дали,—прето, що маешъ за вѣдомость о Туркахъ, що за раду, що за фортель, скажи намъ?« За такою примовою, Ивоня здохнувши, такъ просто мовилъ: »дознаемъ много кротъ вѣри вашои противко собѣ, милыи рицери мои,—а такъ, не радъ бы-мъ васъ на мясныи ятки выдати, а ни тежъ що безъ вашеи рады чинити; а такъ, вамъ тое вѣдати доношу, же Еремѣй есть недалеко зъ войскомъ моимъ другимъ, которому злецилемъ то, абы о непріятелю взявши вѣдомость певную, давалъ намъ знати, не бавячи,—я ему уфаю, якъ здоровю своему, бо его вѣры и цноты добре естемъ свѣдомъ: и далъ ми справу, же немашъ Турковъ болшъ надъ пятнадцетъ тисячій, а хочай бы ихъ было и 30 тисячей, будемъ битися, за помощію Божіею«! Не пересталъ на томъ Свирщевскій, але—абы ся въ обозѣ задержалъ, просилъ, а онъ зъ Козаками своими подъ непріятеля подъѣхати для языка умыслилъ; чого ему Ивоня, барзо радъ, позволилъ и еще ему вѣрного своего Гетмана зъ шестю тисячей люду ѣзды придалъ. А ꙃды выѣхали, заразъ на сторожу Турецкую трафили, которои также было много; ударилъ на нихъ Свирщевскій, и розгромилъ,—едного зъ нихъ поймали, нто барзо ранного, съ которого справы не могли взяти о непріятелю. Тылко зъ самои стражи узнали, же великое непріятелское войско есть. А такъ, радили Ивони, абы ся чулъ и вѣдалъ—яко далѣй Еремѣеви маетъ уфати. Который на тое ничого не отповидѣлъ, тылко то: »не ма-

емъ ся о що фрасовати; вѣдаю, яко ему уфаю,—а не задовго тое ся покажеть. Я тутъ на тое вышолъ, абы-мъ до горла отчизны своеи боронилъ«. И такъ, тылко въ трохъ сотъ коней самъ выѣхалъ зъ обозу (который былъ въ добромъ мѣстцу положонъ, надъ озеромъ, которое Дунай поливаетъ), подъѣхалъ подъ Турки, — и была тамъ одна ґорка, на которую взѣхавши, приглядался войску Турецкому; але не моглъ ничого вырозумѣти, бо въ долу стояло,—тылко стражъ на чотырохъ мѣстцахъ видѣлъ, которая, не хотячи ся дать постеречи Волохомъ, въ полѣ стояла тихо.

А такъ Ивоня, не зрозумѣвши непріятеля, вытягнулъ зъ войскомъ своимъ въ поле, которого было тисячей 30, роздѣлилъ ихъ на 30 уфцовъ, каждый уфецъ мѣлъ свои дѣла, было и можджеровъ 80; мижи ними ѣзда особно, а чернь особно стояла, которая, же Ивоню любила барзо, не хотѣла его пустити до ѣзды, абы его Панове Волоскіе не зрадили—того боялися—и Туркомъ не выдали,— тылко дуфали Козакомъ. Ушиковавши теды Ивоня войско, пришло уже до битвы; подъѣхалъ знову подъ Турки,— обачилъ великое войско Турецкое, которое переходило личбу тисячій пятьдесятъ. А такъ Ивоня обачилъ, же его Еремѣя зрадилъ,—казалъ его до себе призвать; але онъ вымовился ему тымъ, же о немъ не моглъ статечнои справы о всемъ мѣти; а на знакъ тоеи вѣры, мѣлъ ся заразъ Еремѣй найпервѣй зъ Турками потыкати.

Еремѣй, здрайца Ивонинъ, щò учинилъ.

За чимъ, тежъ, Турки битву звели, а Еремѣй, що ся перше поткати мѣлъ, заразъ короговъ свою ажъ до самои земли схилилъ, и шапки зъ головъ знявши, на деревца и

шабли вложили, и самимъ ся схилити казалъ. Видячи то Турки застановятся и такъ якъ уже зложили были копіи до нихъ, знову ихъ поднесуть, а оны ихъ до себе возмуть. Волошя, за тою зрадою Еремѣиновою, стрвожилися, прибѣгуть до Ивони, оповѣдаючи ему тую зраду, — почали всѣ вонтпити; которымъ онъ, яко мужъ серца доброго, чинилъ имъ отуху добрую: казалъ ся имъ потыкати зъ непріятелемъ. Дано знакъ зъ гарматы до потыканя, — въ-томъ Турки Волошю Еремѣинову, напередъ противко Ивонѣ и обернувши, якъ быдло, предъ собою погнали, на котору тежъ Ивоня зъ гнѣву великого всю стрелбу выпустити казалъ; и такъ, що до едного збито, одныхъ отъ Турковъ, а другихъ отъ своихъ. Которыхъ такъ тамъ много Волоховъ полегло, же презъ ихъ трупы Турки переходити не могли. Видячи Козаки, що ся дѣеть, що-прудше зъ-боку Туркомъ зашедши, велми ихъ зъ стрелбы своеи парили, — ажъ ихъ замѣшали. Волохи, тежъ, зъ другои стороны ударили въ нихъ и барзо имъ были силны, такъ, же имъ Турки уступити зразу мусѣли, — хотячи ихъ на дѣла привести. Постерегши то̀ Свирщевскій, крикнеть на нихъ, абы назадъ уступили; вернутся Волохи, а Турки по нихъ ударутся, але ся сперти не дадуть, — и вступнымъ боемъ чинячи зъ ними, мужне ся имъ опираютъ. Потымъ, поправятся Турки, и на Волохи всею силою натруть, до-того стрелбу на нихъ выпустять; опираются имъ небожата Волохи добре, — за чимъ битва великая вщалася: летѣли, якъ снопы, зъ коней, такъ Турки, яко и Волохи, и такъ ся барзо зъ обохъ сторонъ сѣкли, же имъ руки уставали, наветъ брони въ горсти не ставало; до-того курава такъ

Срогая велми битва.

великая вщалася, же одинъ другого не видѣлъ, а предъ густою стрелбою ничого не слышалъ,—наветъ и пушкарѣ не вѣдали, где стреляли. Въ-томъ, Ивоня припадеть до своихъ и за дѣла имъ кажеть—трохи поступить, а корогвій своихъ пилновати; Турки также учинили — поступили назадъ; въ-томъ, спалъ дожчъ великій, за чимъ уже не такъ курилося, якъ першей, — що Волохомъ было не на руку, бо имъ гарматы позамокали, которые имъ на великой были помочи: мусѣли вже зъ-ручъ битися,—которымъ они вже, будучи спрацованы, подолѣти не могли.

Волохи поражены.

А що болшая, Татаре — людъ свѣжій—зъ-боку на нихъ пришолъ; а такъ, Волошя почала заразъ утѣкати, а Татаре и Турки, наганяючи ихъ, били, и далеко за ними загонилися. Тылко чернь еще зостала на пляцу, а при ней Козаковъ полъ-третя-ста, на которыхъ Турки, будучи вже спрацованыи, не смѣли натирати; а Ивоня, до Козаковъ що-вскокъ припавши, мовить: »вижу, цнотливыи мои рицеры, же чрезъ зраду Еремѣи пришло намъ до того, же горла наши дати мусимо тутъ,—але где головы ваши лягуть, тамъ нехай и моя ляжеть, а души нехай идуть просто до неба«! На то ему Свирщевскій коротко отповидѣлъ: »смерть намъ бынамнѣй не страшна; тылко, нехай тыхъ псовъ поганскихъ еще до-воли набъемося«! То мовивши, скочать всѣ зъ коней, и зъ чернію злучившися, котороп было 20 тисячій, заразъ у Турковъ полныи гарматки отняли, а самъ Ивоня одно порвалъ и утягнулъ его къ собѣ—такъ былъ дужій; але уходячи назадъ, тые дѣлка покинули, насыпавши и набивши въ нихъ полно, для розерваня, пороху,—и ушли того дня отъ побоиска милю; а въ едномъ лѣси, на

Ивоня дужъ вельми былъ.

погорѣлиску сѣлскомъ положилися и опочили, але не мѣли воды, безъ которои имъ было барзо трудно. А Турки всѣ, зобравшися и вернувшися съ погони, оступили Волоховъ, предъ заходомъ солнца, въ-коло,—которыхъ такъ было много, же окомъ ихъ прейзрѣти не могли: такъ цѣлую ночъ ихъ стерегли; а жебы зъ нихъ жаденъ не могъ утечи ночнымъ способомъ, запалили тамъ же килка домовъ села того, которые тамъ еще были зостали, отъ которыхъ видати было все; а на свитаню, Турки зъ дѣлъ всѣхъ почали до нихъ бити,—тылко не могли имъ ничого шкодити, бо валомъ добрымъ осыпалися — и не еднымъ, за которыми три дни боронилися, и килка кротъ выпадаючи, Турковъ били. *Ивоня въ обложеню.*

Видячи Турки, же ихъ трудно взяти такъ, почали зъ Ивонею трактовати, абы ся имъ поддалъ, бо жадною мѣрою не оборонится. Ивоня зась, же ему было жаль черни потратити, умыслилъ поддатися — за кондыціами двома: першая, абы Козаковъ цѣло и здорово пустили, другая, абы его живо до Цесара Турецкого провадили; о черни зась ничого не вспоминалъ, розумѣючи, же ихъ при здоровю захованоть,—гды бы ихъ потративши, никому иншому шкоды не вчинили бы, тылко Цесарови о подданство. *Ивоня поддался Туркомъ.*

Для-гарачу, Турки поприсягли ему тые кондыціи; за чимъ Ивоня до нихъ зъ окопу вышолъ, взявши зъ собою всѣхъ Козаковъ, и такъ до нихъ мовилъ: »воля то есть Божая, абы-мъ я теперъ въ рукахъ вашихъ былъ, — теды прошу, жебы-сте ми то зыстили, що-сте поприсягли, и тыхъ людей цнотливыхъ волно пустили; и если маете на нихъ якій гнѣвъ, на минѣ самомъ мстѣтеся, а имъ дайте

покуй«. Потымъ зъ Козаками жегнался, обѣцуючи имъ то, же до остатнего духа ихъ не запомнитъ, пигды. Що чуючи Козаки, зъ великимъ плачемъ его жегнали, цѣлуючи его руку. Потымъ, отшедши на трое стрелене зъ луку, черпь зъ собою вывелъ, зъ которыми ся зъ великимъ плачемъ жегналъ, и знову до Козаковъ вернулся, — и що мѣлъ злота, клейнотовъ при собѣ, межи нихъ роздалъ, мовячи: »не хотѣлъ того Господь Богъ мой, цнотливыи рицеры, же бы-мъ былъ васъ моглъ мѣти болшей при собѣ; по старому, бы-мъ ся былъ о то постарался, за помочю Божею, жебы тыи псы сегодня по моей Землѣ не ходили, — которую ото Господь Богъ за великость грѣховъ моихъ отъ мене отнялъ; але уже то дармо; мушу терпѣти, що на мене допустити рачилъ Господь Богъ, а зъ вами розстатися. Нехай же васъ Господь Богъ провадить въ добромъ здоровю до домовъ вашихъ, а мене также нехай той же Господь Богъ отъ крвавои руки тыхъ злыхъ людей уховаетъ, и здорово до Пана моего допровадить. Не вонтплю ничого въ Пану моемъ, же онъ мнѣ знову тое мое привернетъ Панство; которое гды якъ буду мѣти, поприсягаю то, же вамъ и народови вашому зацному Полскому завше чинити буду добре. Якожъ и тое, що мѣлемъ при собѣ, волю, же ся межи васъ достанетъ, а нежели бы тые псы мѣли мѣти, — бо дознаалемъ вѣри, цноти, статечности и тои охоти вашеи противко мене, котороп я до смерти моеи пигды не запомню«. Рушила тая мова Козаковъ такъ барзо, же дякуючи ему, всѣ плакали. Потомъ ся у нихъ забавивши и бронь зоставивши, само въ-томъ тылко зъ еднымъ Полякомъ Омилскимъ, яко вязень, пойшолъ до войска Турецкого, — и тамъ

Мова Ивони до Козаковъ жалосная.

зъ Башею презъ цѣлыи чотыри години говорилъ; где, подобно, Башу того мовою своею образилъ,—который, добывши шабли своеи, пхнулъ его въ черево, и тялъ презъ губу, а Янчарове, голову утявши, на копію вложили, а самого до двохъ верблюдовъ привязавши за ноги, пустили ихъ, которые его на двое росторгали, а потымъ, на дробные штучки посѣкли Турци шаблями, а кровъю его шаблѣ свои мазали всѣ. *Ивоня забитъ.*

И такъ Ивоня неборакъ скончился; который зъ Турками маючи такъ много щасливыхъ потребъ, на-остатокъ марне згинулъ: подобно, его Господь Богъ скаралъ ни за що иншое, тылко, же ся Его былъ предъ тымъ запрѣлъ, а для богатства потурчился,—любо-то знову былъ добрымъ Христіаниномъ.

Потымъ Турки, забивши Ивоню, кинулися на чернь, которую, якъ быдло, сѣкли. Обачивши Козаки, що не жартъ,— не уфаючи присязѣ Турецкой, хотѣли знову вбѣгти въ свой окопъ, а въ немъ ся боронити до горлъ своихъ, але же въ немъ уже Турковъ было повно, нелзя было; теды, где бачили найпереднѣйшій уфецъ Турецкій, тамъ впавши, якъ шаленыи, Турковъ сѣкли, и тамъ горла свои дали не безъ великои шкоды Турецкои,—и не могли ся выдивити Турки великому ихъ серцу и смѣлости. Поймали Турки ихъ тылко 12: Свирщевского Гетмана, Лаврѣнца, Козловского, Полочанина, Задерского, Янчого, Залѣского, Сучинского, Богуцского. Которыхъ всѣхъ выкуплено,— любо-то ихъ Турки на свою вѣру моцно намовляли. *Козаковъ взято въ неволю.*

И такъ Турки Петрила, брата Воеводы Мултанского, на-мѣстце Ивони—на Господарство Волоское всадили.

II.

ПОВѢСТЬ

О ПОДКОВѢ, ГОСПОДАРУ ВОЛОСКОМЪ.

(Въ Лѣтописцѣ—*Короткое Собраніе Кроники Полской,* стр. 613).

Былъ, за Кроля Стефана Баторого, Иванъ Подкова, межи Козаками Запорозскими,—братъ родный небожчика Ивони Воеводы Волоского; который, же подковы ламалъ конскіе—прозвали его Подковою.

О томъ довѣдавшися Волохи, послали потаемне до него, просячи его, абы до нихъ, яко Панъ дѣдичный, пріѣхалъ, а отчизны своеи, которая на него власне припадаеть, по братѣ его,—никому иншому уживати не допустилъ; скаржачися до-того на Петра, Воеводу своего, же отъ него много кривдъ незносныхъ терпѣли, также и отъ Турковъ, въ которыхъ ся онъ кохалъ, и на дворѣ своемъ мѣлъ. Былъ вдаченъ того Подкова, таковои ихъ ку собѣ зычливости, за которую имъ дяковалъ; еднакъ, рады ихъ въ той мѣри уживалъ, якимъ бы способомъ до того прійти мѣлъ—абы ему ознаймили,—гдыжъ его сили, а ни маетку о тое не было. Прислали ему, потомъ прудко, два листы: *Волоскіе Послы до Подковы.*

одинъ до Князя Константина Острозского, Воеводы Кіевского, другій до Старосты Барского, зъ килкунадцеть печатій Пановъ Волоскихъ що-найпреднѣйшихъ; въ которыхъ листахъ пилно просили, абы ему помочъ давали, тылко до Днестра, а тамъ уже они чекати его мѣли, дня певного, зъ войскомъ. Взявши Подкова тые листы, пріѣхалъ до Бару незначне и отдалъ ихъ Старостѣ, зъ которымъ тежъ и далшую таемную мѣлъ розмову; па що ему Староста отказалъ, же радъ бы ему того допомоглъ, я снадне бы ему тое пришло, але помнячи на примиръе, которое Король маетъ зъ Цесаромъ Турецкимъ, того не годится ему учинити, безъ воли и науки Кролевской; а такъ, пишучи до Кроля о иншихъ справахъ, о тое обѣцалъ презъ листъ Кролеви вспомнѣти, и гды бы тое было зъ воли Кролевское, не вымовлялъ бы ся ему зъ того, — а ему самому, тымъ часомъ, казалъ где индей мешкати, бо гды бы въ Бару жилъ, моглъ бы ся зъ тымъ ославити, зачимъ бы някая замѣшанина въ Волохахъ могла урости. Подкова, подяковавши, пречъ отъѣхалъ. Станиславъ Копицкій съ поля свѣжо до Бару пріѣхалъ, — довѣдавшися того, ѣхалъ до Подковы, радуючися зъ его щастя, а обѣцуючи ему, ведлугъ можности своей, допомогти; за що ему Подкова дяковалъ покорне. За чимъ Копицкій, маючи милость у Козаковъ, зъ ними отъ лѣтъ 20 бываючи, ѣхалъ до нихъ, и що мѣлъ зъ выслуги трохи грошей, далъ мижи нихъ; до чого ся и Чопа, Волошинъ одинъ, (который ся тутъ былъ оженилъ и мешкалъ въ Браславской волости) приложилъ. А такъ, за тыхъ двохъ старанемъ, зобралося Козаковъ тридцеть три выборныхъ, надъ которыми вожемъ былъ Шахъ, —

и такъ указали Подковѣ. Зъ которыми вторгнули до Волохъ; а почувши, же Петръ Воевода Волоскій выехалъ зъ великимъ войскомъ, маючи гарматъ зъ собою немало, — а такъ, боячися Козаки, набравши живности, вернулися назадъ, хотячи иншого часу сщастя своего пробовать.

Подкова въ Волохахъ.

Довѣдавшися Петро Воевода Волоскій того, же утеклъ Подкова, послалъ Чауша до Цесара Турецкого и до Каштеляна Галицкого, которій на той часъ ѣхалъ отъ Цесара Турецкого зъ примиръемъ, — ускаржаючися ему, же противъ пактовъ и примиръя, Козаки землю Цесарскую пустошать, и на томъ суть, абы Подкову на Панство Волоское провадили; и такъ, абы писалъ до Кроля, абы тому Кроль, яко найпрудше, забѣгалъ, а Подкову абы поймалъ, и, ведлугъ пактовъ, скаралъ, и съ тыхъ всѣхъ Козаковъ учинилъ справедливость; бо если такъ не учинитъ, — Цесаръ Турецкій примиръя зъ Кролемъ не будеть держати. Тое все Каштелянъ Галицкій выписавши достатечне, отдалъ Королеви. А такъ Кроль былъ барзо заѳрасовался, и заразъ Коморника своего послалъ зъ листами до Гетмана, также до нѣкоторыхъ Пановъ Рускихъ, абы ся о то пилно старали, якъ бы Подкова, зъ иншими бунтовниками, пойманъ быти могль. А такъ, Гетманъ послалъ три роты, — надъ которыми преложилъ Старшимъ Бобелецкого, слугу своего старшого — имати Подковы; который, сподѣваючися Подковы въ Немѣровѣ, бо ся тамъ передъ-тымъ бавилъ, тамъ просто удался, — якожъ его тамъ и засталъ. Але ся Подкова постерегль, и выѣхалъ зъ мѣста; маючи при собѣ пятдесятъ пѣшихъ зъ ручницами, пріѣхалъ на одинъ бродъ, въ который вбринувши конемъ по брухо, поставилъ стрелцы

Кроль кажеть Подковы имати.

передъ собою на-чоло; а гды Боболецкій пріѣхалъ въ оный бродъ, обачивши людъ оправный въ мѣстцу добромъ и труднomъ до потканя, вернулся назадъ. Онъ тежъ за нимъ въѣхалъ до Немѣрова; Боболецкій до двору, а онъ до мѣста. Напоминалъ Боболецкій урядника мѣста оного, абы ему его выдалъ; отказалъ ему онъ: »же я тобѣ его выдати не могу и не бороню его, возми его собѣ, если можешъ«. А такъ Бобелецкій отъѣхалъ, ничого не справивши.

Гетманъ далъ знати Королевѣ, же Подкову въ Немѣровѣ знашолъ, але его ему Намѣстникъ Воеводы Браславского не хотѣлъ выдати. А гды Боболецкій отъѣхалъ, Подкова, справне наготовавшися, вторгнулъ до Волохъ. Которому на помочъ Шахъ Гетманъ, (зоставивши на Низу пріпчотыриста Козаковъ), зъ шестю сотъ люду военного, прибылъ на шляхъ, которого Пробитымъ зовуть; где, привитавши Подкову за Господаря Волоского, казалъ вдарити въ бубны, и такъ его ажъ до Сороки провадили. А гды за Сороку пришли, напервѣй чернь приняла его за Пана; а гды учулъ Петръ Господаръ Волоскій о томъ, готовался противко Подковѣ. И гды пришолъ Подкова до Ясъ,—вытягнулъ Петръ зъ людомъ, которого мѣлъ при собѣ немало, — напередъ Турковъ, которыхъ было пятсотъ при гарматахъ, ушиковалъ на-чоло; а Козаки, тое постерегши, заразъ справилися такъ, якъ бы оная стрелба имъ шкодити не могла; и гды Турки зъ гарматъ дали огню, Козаки, обачивши дымы, всѣ разомъ припали до землѣ. Турки гды то обачили, розумѣли, же побиты,—скочили до нихъ; а оны, порвавшися, дадуть огню до Турковъ зъ ручниць, такъ, же Турковъ, заразъ, побитыхъ триста килканадцеть

Подкова идеть до Волохъ.

Подкова побилъ зъ Козаками Турковъ.

спало зъ коней, а другіе ся на сторону роскочили. Обачивши Петръ свое першее нещасте, що ся мѣлъ казати другому людови потыкать, казалъ имъ уступити, а що ся мѣлъ до Ясъ вернутися, то ся обернулъ до надолнои земли, до брата своего, Воеводы Мултанского; и выправилъ оттоля зъ поселствомъ до Цесара Турецкого, скаржачися на Козаки, подданыи Короля Полского, же его выбили зъ Земли Волоскои и дали се въ держанье иншому,—просячи при томъ Цесара о ратунокъ. А Цесаръ до него всказалъ: »я тебе подданымъ своимъ зову, и далемъ тобѣ тое Панство для того, абы-сь ми служилъ тамъ, где бы-мъ ти росказалъ; а ты мѣсто-того, мнѣ собѣ кажешъ служити. Росказую тобѣ такъ, абы-сь того лотрыка выгналъ пречъ зъ Панства Волоского; а если такъ не учинишъ, я голову твою кажу утяти, а тамъ на тое Панство иншого пришлю«!

Подкова утикъ до Мултанъ.

ОтповѣдьЦесара Турецкого Петрови.

А въ-томъ, Шахъ зъ Козаками впровадилъ Подкову на Господарство фортунне, безъ жадной шкоды, въ року 1585. Подкова, въѣхавши на Панство, вязневъ всѣхъ, которые-колвекъ тамъ были, на окупъ всѣхъ пустилъ волно; потымъ урады почалъ роздавать: Шахови злецилъ ввесь людъ Волоскій, а Чапели Маршалковство, Копыцкому Буркулабство Хотѣнское далъ,—а до Цесара Турецкого послалъ по короговъ; але ему посла въ дорозѣ поймано, же не дошолъ до Цесара.

Подкова— Господаромъ Волоскимъ.

Петръ, Господаръ першій Волоскій, знову людъ немалый зобралъ, и тягнулъ до Ясъ. Що учувши Козаки, же до Ясъ тягнеть, радили Подковѣ, абы непріятеля не чекалъ въ замку, але противъ него тягнулъ; а гды уже

Петръ идеть зъ войскомъ до Ясъ.

недалеко былъ Петро отъ Ясъ, вытягнулъ Подкова противъ ему съ Козаками и людомъ Волоскимъ. И заразъ Подкова почалъ Волоховъ шиковати на-чоло, хотячи, абы напродъ потыкалися; але Козаки ему того не допустили, бо не уфали Волохомъ. Затымъ, Шахъ послалъ килконадцеть Козаковъ на сторожу, абы обачили, якъ Петръ войско свое справилъ, а они обачили, же Петръ напередъ казалъ гнати стада, кони а быдло, хотячи пѣшій людъ быдломъ стерти. Предъ которыми стадами, Турковъ гарцовниковъ выправилъ,—и гарцовали до-воли, такъ долго, же вже болшъ Козакомъ терпѣти не хотѣлося; тылко Шахъ хотѣлъ, абы ближей подъѣхали, задержался,— а гды на нихъ близко натерли, казалъ дати до нихъ огню зъ ручницъ, за чимъ едны зостали побитыми, а другіе подали тылъ.

Петра и войско его отъ Подковы побито.

Потымъ, тежъ, почали Козаки стреляти и до быдла оного; а такъ, быдло, обернувшися назадъ, терли, топтали людъ Петровъ. Що видячи Подкова, который стоялъ на правой руцѣ, также Шахъ, по лѣвой, ударили въ непріятеля,—и почали бити, сѣчи людъ оный замешаный, такъ, же на пляцу полегло люду Петрового тисячій осмъ, а Петро зъ остаткомъ люду утеклъ.

Лечъ Подкова маючи выйграную, по-старому, вонтпилъ, абы ся моглъ на томъ осѣдѣти Панствѣ,— чуючи, же Петрови людъ Седмигродскій, то есть Венгрове ишло немало на помочъ,—а такъ, выѣхалъ завчасу зъ Ясъ, взявши зъ собою дѣлъ 14, и речи що-коштовнѣйшіе зъ собою забравши и въ живность ся добре запасивши.

Подкова выехалъ зъ Ясъ.

Боркулабъ старый Хотѣнскій, которого выгналъ былъ Копицкій зъ Хотѣня, мешкалъ зъ той стороны Днестра въ

маетности едной Якуба Струса, гды ся довѣдалъ, же Подкова зъ Ясъ выѣхалъ,—выѣхалъ потаемне; маючи стражъ надъ Копицкимъ, поймалъ его, а гды зъ нимъ къ Петру, Господареви Волоскому, ѣхалъ, трафилъ на Козаковъ Подковиныхъ, которыхъ былъ Подкова послалъ напротивъ его, абы тымъ безпечнѣй зъ Хотѣня зъѣхалъ: заразъ у него Коцицкого отняли, самого Буркулаба розсѣкли, и тыхъ всѣхъ побили, которые были при немъ.

А гды до Сороки приближался Подкова,—мыслилъ куды бы ся удати ку Низови мѣлъ: полемъ ити — боялися снѣговъ великихъ, а мимо Немѣровъ ѣдучи, боялися Гетмана и Воеводы Браславского, который, будучи мандатомъ отъ Короля о Подкову позваный, старался пилно его достати. Якожъ на его Гетманъ пришолъ былъ зъ людомъ, але видячи его быти въ справѣ и не зъ лядаякимъ людомъ, не важился о него покусити, розумѣючи о тое, же его мѣлъ, безъ розляня крови достати. Воевода, тежъ, Браславскій, будучи въ Немѣрови, просилъ килкохъ Козаковъ до себе до двору, межи которыми былъ Шахъ, Гетманъ ихъ Козацкій,—оповидѣлъ имъ, якую мѣлъ трудность, не будучи ничого виненъ, у Кроля, о того Подкову, которого они на Господарство провадили,—за чимъ причину до зопсованя примирья Цесарови Турецкому дали; и такъ, абы собѣ того легце не важили, а Кроля на себе не гнѣвили, радилъ имъ, а Подкова, абы до Кроля поѣхавши, о собѣ далъ справу,—але же есть мужемъ рыцерскимъ, Кроль его вдячне прійметь,—и самъ его обѣцалъ до Гетмана провадити, а Гетманъ зъ нимъ поѣдетъ до Кроля. Сказали тое Козаки Подковѣ, который, на тое радъ, позволилъ, и ѣхалъ зъ Вое-

Подкова доброволне до Кроля поихавъ.

водою до Гетмана, которому 12 дѣлъ даровалъ, а Гетманови двѣ,—а Гетманъ его отслалъ Кролеви на сеймъ; але Кроль его не принялъ вдячне,—казалъ его заразъ взяти до вязеня и кайданы вложити на ноги, и сторожу пилную надъ нимъ поставлено.

Подкова вз вязеню.

По сеймѣ, Кроль, зъ Варшавы, року 1588, ѣхалъ до Львова, для розруховъ, которые ся были стали презъ Подкову,—ачъ на сеймѣ хотѣлъ его дати стяти, бо мѣлъ на него храпъ; але ему пшло о шляхту, которая Подковы барзо жаловала, бо былъ мужъ добрый. Еднакъ же его ве Львовѣ, на жадане Чауша Турецкого Цесара, казалъ стяти.

Подкова дармо стятъ ве Львовѣ.

Той же Чаусъ, що у Короля былъ, скаржился на Яна зе Збаража, Воеводу Браславского, и Филона Клисту, же въ державахъ своихъ Козаковъ ховаютъ, которые въ Туркахъ шкоды чинятъ немалыи; а гды дано имъ позвы, не зпашлися быти винными, бо Козаковъ не было въ ихъ маетностехъ. А межи Козаками Комисаре отъ Кроля поѣхавши, хотѣли ихъ ускромить, але трудно было,—ничого не справивши, ѣхали назадъ, бо Козаки о Подкову велми были розгнѣвалися;—а такъ, знову до Волохъ часто впадаючи зъ Александромъ, братомъ того Подковы, шкоды великіи чинили. Былъ то завше велце помочный народъ Козацкій противъ всѣмъ непріятелемъ Короны Полскои.

—— ——

III.

О ПЕРВОМЪ БѢСУРМАНСКОМЪ ПРИХОДѢ ПОДЪ ЧИГИРИНЪ.

(Въ Лѣтописцѣ — *Кроники о Рускихъ Панствахъ*, стр. 479).

Въ лѣто отъ созданія міра 7186, отъ Рожества же Христова 1677, попущеніемъ ненавистника роду Христіанскаго, лжи отца внукъ, Турскій Солтанъ, устремився на Россійскій край, найпаче же на градъ Кіевъ, хотя его подъ свою бѣсурманскую подбити власть. Посла многіе свои силы войска Турецкого и Татарского зъ Имбраимъ Башею и зъ Ханомъ Кримскимъ, прежде подъ славный старинный городъ Козацкій началнѣйшій Чигиринъ, приказавши Чигирина добывати, а добывши, ити подъ Кіевъ. Но Господь, разоряяй совѣты языкъ и противляяйся гордымъ, расточи гордыя мысли сердца ихъ: аще бо и много седмицъ Чигирина всѣми силами, всякими промыслами воинскими, безпрестанно, приступами, подкопами, гранатами, безчисленною стрелбою день и ночь доставаху, и время отъ времени конца злому намѣренію своему чаяху, но не возмогоша совершенно успѣти: зъ града бо Чигирина крѣпко ратныи Царского Пресвѣтлого Величества и Козаки боронишася и поганыхъ многіи тисящи побиша, въ осадѣ сѣдяще.

Турки и Татаре подъ Чигириномъ.

Турки Чигирина добываютъ.

Москва и Козаки идуть на отсѣчъ Чигирину.

Егда же Его жъ Царского Пресвѣтлаго Величества многочисленныи силы зъ Бояриномъ Княземъ Григоріемъ Григоріевичемъ Ромодановскимъ и многіе полки Козацкіе зъ Гетманомъ войска Его Пресвѣтлаго Царского Величества Запорозского Іоанномъ Самойловичомъ къ Днѣпру на отсѣчъ или на освобожденіе Чигирина пріидоша,—Агаряне, услышавши о великихъ силахъ Царскихъ, аще и убояшася, обаче боязнь ту сокривающе въ сердцы, прилѣжнѣе къ Чегирину приступаху, нимало время ослабы осадникомъ Чигиринскимъ дающе; августа же найпаче числа 27, всѣми силами добываху Чигирина, всячески уже достати его пудящеся—допдеже бы не приспѣла отсѣчъ Царского воинства къ Чигирину. А въ Богоспасаемомъ Царственномъ градѣ Кіевѣ, тогожде мѣсяца августа, на память Преподобного Отца нашего Пимина Великаго, бысть обхожденіе окрестъ всего великого Верхнего города Кіева, съ кресты, со чудотворною иконою Пресвятыя Богородицы Кіевопечерскою (яже никогда по то время не бяше отъ церкви Пресвятыя Богородицы зъ обители Печерскія движима), со честнымъ Крестомъ, въ немъже бѣ часть животворящаго древа Креста Господня и мощи многихъ Святыхъ Угодниковъ Божіихъ, и съ прочіими Святыми чудотворными иконами, при Его Царского Пресвѣтлаго Величества Бояринѣ и Воеводѣ Кіевскомъ Князѣ Іоаннѣ Борисовичи Троекуровѣ и при Околничомъ Іоаннѣ Ивановичу Ржевскомъ, — такожде во трудехъ бяше и самъ всечестный Господинъ Отецъ Иннокентій Гизель, Архимандритъ Святыя Кіевопечерскія обители, со прочіими честными Игуменами Святыхъ монастырей Кіевскихъ, и многое множество духовнаго и мирскаго

Великій велми штурмъ.

Процесія въ Кіевѣ зъ образомъ....

чину людій, — всѣ ели не чрезъ весь день лѣтній труждахуся, за чудотворною иконою Пресвятыя Богородици ходяще, и во умиленіи и сокрушеніи сердца молебное пѣніе ко Спасителю Богу и ко спасающей отъ бѣдъ Пресвятой Богородици приносяще. И толикимъ новымъ подвиженіемъ чудотворныя Кіевопечерскія иконы Пресвятыя Богородицы, изрядно чудо и всемирная радость содѣлася: въ той бо день, подъ Чигириномъ, возбранныя Воеводы и заступници Христіяномъ непостыдныя заступленіемъ, внезапу нападе на горделивыя поганы страхъ и трепетъ велій, — и абіе превратишася въ бѣгство полки чужды, съ великимъ и никогда еще не бывшимъ толикимъ посрамленіемъ и зѣлною пагубою силъ бѣсурманскихъ; иже невидимою силою Божіею гонимы быша сице, яко безпрестаннымъ бѣгствомъ во дни и въ нощи истомлшеся, множество ихъ веліе везде по пути погибе, — едва прочіи отъ превелика страха Божія во свояси угонзнуша; градъ же Чигиринъ свобожденъ бысть отъ всѣхъ бѣдъ, и запятая сѣть суеумнаго намѣренія Агарянского на богоспасаемый градъ Кіевъ, аки паучина, сокрушися. А мы всѣ, помощію Господа, сотворшаго небо и землю, по заступленію Пресвятой Богородицы, ходатайствомъ Святыхъ Россійскихъ чудотворцовъ Антонія и Ѳеодосія и прочіихъ, и всѣхъ Святыхъ молитвами, изряднымъ щастемъ Великого Государа нашего Царя и Великаго Князя Ѳеодора Алексѣевича, всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, подъ Его высокою Государскою рукою добрѣ избавлены быхомъ.

Турци, никимъ же гоними, съ подъ Чигирина побѣгоша, токмо силою Божіею гоними суть.

О второмъ бѣсурманскомъ приходѣ подъ Чегиринъ.

Въ лѣто отъ Рожества Христова 1678, жестокосердый онъ богопротивный Турскій Солтанъ, въ лютой ярости и скорби сердца своего сый, хотя мимошедшую пагубу людій своихъ и студъ лица своего безчестнаго утолити, еще болшіи свои Турецкіи и Татарскіи силы подвиже и посла зъ поганымъ Вейзеромъ своимъ, на имя Мустафою, и со многими Башами, подъ Чигиринъ — доставати его.

Турки другій разъ подъ Чегириномъ.

Тыи бѣсурманскіи силы, пришедше мѣсяца Іюля числа 8 къ Чигирину, доставаху его различными промыслами: приступами, страшною огненною стрѣлбою, гранатами, подкопами и всякими навѣтами чрезъ многое время, нудящеся злое намѣреніе свое совершити, по многу пагубу себѣ тамо пристяжаху, — ибо ратные Его Царского Пресвѣтлаго Величества люди, подъ властію умнаго мужа, Его Царского Пресвѣтлаго Величества Околничаго и Воеводы Чигиринского Іоанна Ивановича Ржевскаго, а Войско Запорозское бодростію Полковника Чигиринского Григорія Карповича и иныхъ, тамъ же бывшихъ, храбрыхъ началниковъ войсковыхъ, промысломъ мужественно противу тѣхъ непріятелей подвизахуся, такъ отъ стѣнъ градскихъ всякою стрелбою стреляюще и отбивающе, якоже и изъ града исходяще, по щанцахъ поганскихъ многое множество Янчаровъ убиваху, и на полѣ частыи бои сводяще, безъ числа Турковъ и Татаръ поражаху, и живыхъ много начал-

Турки добываютъ Чегирина.

ныхъ и общихъ поганъ имаху, — яко толикому, Божіею силою укрѣпляемаго Православнаго воинства мужеству, промислу, дерзновенію и нарочитой храбрости богатырской зѣло дивитися бѣсурманомъ, и уже непріятели во унынія а малодушіи суще, по болшей части бяху во отчаяніи, мняще, намѣренія своего не совершивши, съ печалію и вѣчнымъ студомъ своимъ или отъ града отступити, или всѣ на приступахъ погибнути.

Отчаяніе Турковъ и Татаръ.

О преславной побѣдѣ надъ Турками и Татарами, бывшой на горѣ.

Егда же болшіи силы Его Царского Пресвѣтлаго Величества при Бояриву и Воеводѣ Князю Григорію Григоріевичу Ромодановскомъ, и многіи полки Войска Запорозского при Гетману Іоанну Самойловичу, со Богомъ данною ему благоправною отраслію Симіономъ, у Днепра снійдошася, — абіе вси купно, силою крѣпкаго во бранехъ Господа, вооружившеся, пойдоша мѣсяца іюля 31 дня съ поля Бужинского къ Чигирину — на отсѣчъ своихъ, со всѣми обозами, просто въ очи непріятелеви, ополчившемуся окрестъ Чигирина.

О семъ услышавши Вейзѣръ Турецкій, аще въ болшомъ еще страсѣ и ужасѣ оста, но аки въ дерзновеніи сый, понудися семнадесять Башей, со многими бѣсурмянскими силами, и Хана Кримского, со всѣми Ордами, и Янчарскую пѣхоту послати противу войскъ Православныхъ, — усилуя проходы путныя заняти имъ. И убо на тѣсныхъ

Турки и Татаре дорогу перешкожа-

ють войску Христіанскому.

мѣстахъ и переправахъ нужныхъ заступивше, всячески отъ всѣхъ справъ на обозы Государевы, Московскіи и Козацкіи, непріятелѣ бѣсурмане налѣгаху, и немалыя препоны содѣваху. Православное же войско, мужественно въ храбрости воинской подвизающеся, нарочитый отпоръ непріятелемъ на всѣ страны даваху, — во всякомъ дерзновеніи, всѣ праволучно идуще противу Бѣсурманомъ на гору, отъ Черкасъ до реки Чигиринской Тясмина лежащую, къ вывозу, зовомого Кувичинскому. Непріятели же, войсками своими гору ту окрывше, и всѣ удобныи восходы на ню Янычарами, со многою огненною стрелбою засадивше, отнюдъ

Злая дорога нашимъ велми.

восхода Христіанскимъ воемъ возбраняху; чесо ради, гора та — отъ множества непріятелей, отъ высоты и труднаго восхода своего, аки нѣкій страшный облакъ съ огненнымъ дождемъ и лютыми громы стрѣлянія бѣсурманского, надъ Православными вои висяше, — даже подъ нею вои Царского Величества принудишася премедлѣти день и двѣ нощи, во всякомъ трудѣ и тѣснотахъ.

Но зде — десница Господня сотвори силу! Зде множествомъ славы Своея сотре Богъ сопротивныхъ! Егда силою Креста Господа, силнаго въ бранехъ, Православныи вооружившеся, — августа мѣсяца 3 числа, въ день субботный, изряднѣе же чиннымъ управленіемъ благоразумнаго вожда войскъ Запорозскихъ, всѣ полки двигнушася, храбріи вои предваряюще, обозы же послѣдующе имъ, просто на гору тщахуся, и во всякомъ дерзновеніи и мужествѣ сердца, на обозы и войска бѣсурманскіе наступаху: тогда лукъ силныхъ изнеможе, а немощніи препоясашася силою! Ибо предстателствомъ Пресвятой Богородицы, Христіанскія

непостыдныя надежды, ходатайствомъ Преподобныхъ Отецъ Печерскихъ, и всѣхъ Святыхъ пособіемъ, купно же и явленіемъ Преподобнаго Отца Сергія Игумена Радонежескаго, великаго Чудотворца, — внезапну лютому оному супостату одолѣша Православныи вои, и отнюдъ прегордого того Кагана премогоша. Бѣсурмане же, видяще толикую не чаемую въ Христіянехъ хробрость и мужественное сердце ихъ, аки сердце лва на ловъ готового, — абіе нечестивыи падше въ страхъ и трепетъ, растаяшася въ мнимой крѣпости силъ своихъ поганскихъ: отъ шанцовъ же и отъ всѣхъ гарматъ, болшихъ и меншихъ оружій огненныхъ, отъ наметовъ и отъ всякихъ запасовъ своихъ отбѣгоша стремглавъ, единъ другаго предваряюще и другъ друга оставляющи, — утѣкаху — аможе очима зраху. Яко и ту исполнится писанному: поженетъ единъ тысящу и два двигнета тмы! Ибо стрѣлы Православныхъ воевъ изобилно упишася отъ крове бѣсурманскія, а мечъ безъ числа снѣде мясъ ихъ поганскихъ — началныхъ, Башей и Мурзъ; много же и живыхъ поганъ въ руцѣ Хрестіянскаго войска остася; а утѣкающіи — на своихъ же мостахъ, на рѣцѣ Тясмени помосченыхъ, отъ великаго страха и тѣсноты, многое множество подавися, и зъ мостовъ спадающе, безъ числа потопишася; наметы же, гарматы, запасы и многія користи непріятелскіи храброму Его Царского Пресвѣтлаго Величества воинству досташася.

Св. Сергій Радонежескій показался на воздусѣ.

Козаки и Москва на гору зышли отважне.

Наши одолѣша.

Турки и Татаре, отъ волевъ Христіанскихъ утѣкаючи, топятся у водѣ.

Тогда всѣ Христоименитыи вои утѣшахуся крѣпостію силы Бога Вседержителя, хваляще и величающе Его, яко Единаго побѣдителя, побѣждающаго врага вознесенную

Великія здобычи нашимъ осталися въ обозѣ Турецкомъ.

гордыню, дающаго же неоскудно крѣпость Православному Царевi нашему и возносящаго рогъ Христа Своего.

О пришествiи подъ Чигиринъ войскъ Православныхъ.

По таковой торжественной побѣдѣ надъ бисурманами, вси обозы ратныи Царскія и войскъ Запорозскихъ, на гору вышъ-реченную вшедши, прiйдоша подъ Чегиринъ — мѣсяца августа дня 4, и сташа подъ городомъ надъ рекою Тясменемъ. Тогда жестокосердый Вейзеръ Турецкій, отъ презѣлныя туги и студа своего — ради великія пагубы своихъ нечестивыхъ Агарянъ, ели богохулныя души своея не испроверже; всѣ же оставшія бисурманы устремилися бяху всеконечнѣ на бѣгство. А Православныи войска, въ побѣдителномъ торжествѣ суще, надѣяхуся всяко тому супостату падшему уже не востати, — лютый же супостатъ Христiанскаго рода, дiяволъ, отъ обилія своея злобы лукаваго онаго Вейзера, яко свойственный свой сосудъ, отъ послѣдняго унынія и малодушія, аки отъ смертоноснаго сна возбуждши, пусти его — оставшія всѣ бѣсурмане отъ намѣреннаго бѣгства удержати. Той же, по малу-малу въ чувство пришедши, исполнися ярости и всякія неправды, и размысли, яко уже невозможно воинскими приступами града Чигирина взяти и явнымъ боемъ противу мужественныхъ силъ Христiанскихъ постояти, вдадеся въ тайныя злохитрныя козарства; въ нихъже непрестанно упражняшеся дотолѣ, — даже яко тать, подкопавшися землею подъ нижній

Войска Христiанскiи пришли подъ Чигиринъ.

Турчинъ — сосудъ дiаволовъ есть.

городъ, восхити его и огнемъ сожже. Ратныи же Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества зъ гарматами, всякимъ оружіемъ и зъ запасами вышедши зъ города верхнего, зажгоша его; а сами цѣло пройдоша зо всѣмъ къ обозомъ силъ Государскихъ и Козацкихъ полковъ.

Мѣсто Чигиринъ Турки спалили.

Замокъ Чигиринскій сами Христіане запалили.

О возвращеніи войскъ Христіанскихъ отъ Чигирина, и о бѣгшихъ Туркахъ и Татарехъ отъ войскъ Православныхъ.

По Чигиринской же брани, Его Царского Пресвѣтлаго Величества рати и войска Запорозскіи, возвратившеся къ Днепру, сташа паки въ прежнихъ своихъ шанцахъ — на полѣ Бужинскомъ, при березѣ Днепровомъ. Но врази Креста Господня, аще и ослабѣли бяху ьъ истомленныхъ силахъ своихъ поганскихъ, — грѣхами нашими поощрены, дерзнуша паки на брань; ибо самъ Вейзеръ, со всѣми своими Турскими силами, и Ханъ, со своими Татарскими Ордами, вслѣдъ за войсками Царского Величества подвигнушася, — и начаша всѣми силами отъ всѣхъ странъ, найпаче 14 числа мѣсяца августа, въ среду, налѣгати, хотящи Православныхъ, аки гладныи звѣріе, всячески пожрѣти. Обаче силы Его Царского Пресвѣтлаго Величества, зъ войсками Запорозскими, и тутъ, стройнымъ управленіемъ искуснаго вожда наставлены, толикій бой сведоша съ погаными, еликій нынѣшнего вѣку не бяше видѣный: тамо бо гласы до небесъ возвышахуся отъ превелика клича безчисленныхъ воевъ; тамо солнце затмися, ради прегуста

Войска Царскія повернули зъ-подъ Чигирина.

Турки за войсками Христіанскими, вкупѣ съ Татарами, вослѣдъ идутъ.

Битва Москвѣ и Козакомъ съ Татарами и Турками вел-

ми великая, надъ Днѣпромъ.

дыма, отъ огненныя стрелбы восходяща; ту воздухъ помрачися отъ праха землѣ, конскими копытами горѣ возбіеннаго; тамо, мняшеся, землѣ возтогнати отъ превеликихъ силъ воинскихъ, на ней брань отяготѣвшихъ; ту стрѣлы, отъ многочисленныхъ луковъ испущенныя, яко прегустыя капли дождевныя; тамо кулѣ, отъ великія и меншія стрелбы, яко огненный градъ, исхождаху; тамо гласы стрелбы огненныя, аки страшныя громы, слышахуся; ту, мечи обнаженныя, аки молнія, блещахуся; тамо руцѣ Христіанскія омочишася во кровѣ поганской,—ибо въ томъ бою многіи отъ самыхъ лучшихъ богатыровъ поганскихъ — началныхъ и посполитыхъ, безчисленныя телеса въ трупъ падоша! Но не у кончина: жестокосердіи бо бѣсурмане, по толикомъ

Седмь дний Турци коло обозу Христіанского вѣшаются.

паденіи своемъ, еще седмъ днiй надъ Днепромъ премедлѣша, ополчающеся окрестъ обозовъ воинствъ Христіанскихъ, страшными стрѣлянми зъ многихъ и великихъ гарматъ день и нощъ настояху,—и шанцы своя по различныхъ мѣстахъ заводяще, всякіи промыслы на одолѣніе творяху. Силы же Царского Величества и войска Запорозскіи храбро и мужественно стояху противъ бѣсурмановъ, и многое множество, на всякъ день и часъ, исходяще зъ

Христіане Туркомъ и Татаромъ одолѣваху.

обозовъ, побиваху поганыхъ, и неизреченныя пакости воинскими промыслы и храбростію своею содѣваху нечестивымъ, овыхъ живыхъ восхищающе,—яко превеликихъ ради нагло-и-смертоносныхъ тѣснотъ, нужда бяше нечестивымъ въ силахъ своихъ ослабѣти и изнемогти. Наконецъ, видяще бѣсурмане, яко уже отнюдъ невозможно стерпѣти силныя храбрости и крѣпкаго мужества воевъ Христіанскихъ, понудишася отъ превеликаго страха, не яко воины—въ-началѣ пока-

завшіися, но уже, яко тѣни, въ нощи тайно отбѣгти вос-пять, (зъ девятогонадесятъ на двадесятый день августа), на вѣчный студъ свой и всенародное поношеніе,—и едва въ третей части силъ своихъ бѣсурманскихъ, ито съ ве-ликою нуждею своею, во-свояси увойти возмогоша; но силы Его Царского Пресвѣтлаго Величества и Войска Запороз-ского Козаки въ-цѣлости по домахъ розійдошася, хваля Бога.

О приходѣ множественныхъ силъ Цар-скихъ и войскъ Запорозскихъ ко Кіеву.

Въ лѣто отъ созданія мира 7177, отъ Рожества Христова 1679.

Великій Государъ Царъ и Великій Князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Са-модержецъ, слыша врага Креста Господня, Турскаго Сол-тана, хвалящагося въ душепагубной своей гордыни на бо-госпасаемый градъ Кіевъ и устремляющася всѣми силами подъ бѣсурманскую свою власть подбити или испровреши его,—ревностію благочестивый онъ помазанникъ Божій раз-дизаемъ о исперваввѣчной отчинѣ своей, найпаче о пре-славной, великой, чудотворной Лаврѣ Печерской Кіевской, чудотворной иконѣ Пресвятыя Богородицы, и о множест-венныхъ Святыхъ Угодниковъ Божіихъ Преподобныхъ Отецъ Печерскихъ чудесныхъ мощехъ, нетлѣнно въ пещерахъ ле-жащихъ, яко о многоцѣнныхъ бисерехъ и предражайшихъ каменехъ Царствія своего и діадимы своея, и о всѣхъ мо-

Царъ Турецкій хвалится на Кіевъ.

настырехъ и церквахъ, — посовѣтовалъ съ преизящнымъ своимъ Царскимъ Синклитомъ, не безъ тщаливого о томъ усердія и чолобитія изряднаго Малороссійскаго властелина и войскъ Его Царского Величества Запорозскихъ Гетмана Іоанна Самойловича, — абіе во благовременную помощъ, на оборону Святыхъ мѣстъ Кіевскихъ, подвиже противу христоненавистныхъ бѣсурмановъ многочисленныя своя Царскія войска, при многихъ великородныхъ Князехъ, Боярехъ, Околничихъ, Воеводахъ и прочіихъ благоискусныхъ въ воинскихъ дѣлехъ вождахъ, и посла на мѣстѣ своемъ Царскомъ изряднѣйшую свою особу — Болярина и Воеводу и Намѣстника Казанского, началнѣйшого вожда, благороднаго Князя

Феодоръ Царь шлетъ войска ко Кіеву.

Михаила Алегуковича Черкаского, со многими своими царедворцы, (давши ему животворящій крестъ, имущій въ себѣ власы Господа нашего Іисуса Христа, и часть древа Его креста, на немъже распятся Христосъ — истинный Богъ нашъ, во помощъ), во множествѣ многомъ конныхъ и пѣшихъ воинствъ, — придавши ему въ товарищи Столника и Воеводу Бориса Петровича Шереметева, со особливыми полками воинскими, и Столника и Воеводу Князя Феодора Юревича Борятинского, со особинными ратми. Тако же, посла и сихъ благонарочитыхъ своихъ Царскихъ Синклитовъ: благороднаго Болярина и Воеводу и Намѣстника Смоленского Петра Василіевича болшаго Шереметева, со многими конными и пѣшими вои; емуже далъ въ товарища Околничого и Воеводу Александра Савастіановича Хитрого, со особинными многими воинствы, благороднаго Болярина и Намѣстника Тверскаго Князя Михаила Юрьевича Долгорукого, со множествомъ веліимъ конныхъ и пѣшихъ во-

инствъ, — тому бяше въ товарищи Околничій и Воевода Князь Григорій Аѳанасіевичъ Козловскій, со особнымъ воинствомъ, благороднаго Боярина и Воеводу и Намѣстника Бѣлогородского Іоанна Богдановича Милославского, со многими конными и пѣшими ратми, — емуже данъ бысть въ торищи Думный Дворянинъ и Воевода и Енералъ Венедиктъ Андрѣевичъ Зміевъ, со особнымъ воинствомъ; зде же бяше и Енералъ-Поручникъ Аггей Алексѣевичъ Шепелевъ, искусный и старый мужъ воинскій, со особными многими вои, такожде и Енералъ Матфей Осиповичъ Кравковъ, со особными вои, и иныя многія Воеводы, Енералы, Столники, Полковники, Дворяне, Головы Стрелецкіи, Смоленская шляхта и прочіи великородные и иноземскіи началники, со многимъ множествомъ войскъ Его Царского Величества. Въ Кіевѣ же тогда бысть Воевода — нарочитыя породы Бояринъ и Намѣстникъ Дорогобужскій, благочестивый Князь Аникита Семеновичъ Урусовъ, съ товарищи своими: съ Околничимъ и Воеводою Княземъ Даніиломъ Афанасіевичемъ Борятинскимъ и зъ Думнымъ Дворяниномъ и Воеводою Іоанномъ Петровичемъ Лихаревомъ, — особинномъ, многими ратми городовыми управляяй. Бояринъ же и Воевода Князь Іоанъ Андрѣевичъ Хованскій, съ Великоновгородскихъ и Псковскихъ полковъ многочисленными войски, во всякой готовости на ближнихъ предѣлныхъ мѣстехъ стояше; Князь Яковъ Семеновичъ Борятинскій, со многими войски, на Бѣлгородскую черту противъ Кримскои Орды посланъ бяше; прочіи же немалыи рати Великороссійскіи и на Запороже посланы бяху; Князь Кастратъ Муцаловичъ

Черкаскій, зъ Черкаскими и Колмицкими многими Ордами, на Муравскихъ шляхахъ отъ Крыму стрежаше.

По Его жъ Царского Пресвѣтлаго Величества указу, и Малороссійскіи многочисленныи войска ко Кіеву пріидоша: Гетманъ Войскъ Запорозскихъ Іоанъ Самойловичъ, со сыномъ своимъ Григоріемъ, и со Енералною Старшиною и Полковниками; между ими бяше: Енералный Обозный Петръ Забѣла, Іоанъ Домонтовичъ Судія Енералный, Павелъ Животовскій Енералный другій Судія, Сава Прокоповичъ Писаръ Енералный, Леонтій Артемовичъ Полуботокъ Асаулъ Енералный, Константій Ивановичъ Бунчучный, Стефанъ Забѣла Хоружій Енералный. А Полковники Его Царского Пресвѣтлаго Величества Запорозского Войска, съ полками своими, сіи бяху: въ-началѣ, Константинъ Дмитровичъ Солонина Полковникъ Кіевскій, Василій Борковскій Полковникъ Чернѣговскій, Вука Сербинъ Полковникъ Переяславскій,—въ то время бѣ на стражи въ-низу Днепра,—Яковъ Жураховскій Полковникъ Нѣжинскій, Диmитръ Чернавскій Полковникъ Прилуцкій, Григорій Карповичъ Полковникъ Стародубовскій, Максимъ Ильяшенко Полковникъ Лубенскій; а Михаилъ Василіевичъ Полковникъ Гадяцкій, и Өеодоръ Жученко Полковникъ Полтавскій, и Павелъ Миргородскій, полками своими бяху на стражи въ-низу Днѣпра, отъ поль Татарскихъ,—и иные многіи полки Войска Запорозского: комонныи, Компанѣйскіи, и пѣхотныи Сердюки — воины добрые, отъ доброго сердца названные; комонній полкъ со Иліею Новицкимъ Полковникомъ бѣ подъ Кіевомъ, а Яковъ Павловскій съ полкомъ комоннымъ посланъ бѣ въ полкъ Полтавскій, ради стражи

Войско Козацкое; то все Енералы.

Полковники тыи всѣ подъ Кіевомъ были, зъ Гетманомъ; тихъ — сто пятдесятъ.

А сіи полки на стражи.

отъ Татарскихъ и всякихъ непріятелскихъ находовъ, Яковъ же Корицкій зъ своимъ полкомъ комонным и ныи многіи пѣхотныи войска отпущенны бяху на Запороже — въ помощъ Атаману Кошовому Ивану Сѣркови: идѣже Государевыми ратми, зъ Низовыми и городовыми войсками, крѣпко противляхуся, по силѣ своей дающе отпоръ Турком и Татаромъ; надъ полками же пѣхотными Сердюцкими бѣху сіи Полковники: Андрей Ребриковскій Полковникъ, Петръ Кожуховскій Полковникъ, Герасимъ Василенко Полковникъ, Василій Иванѣй Полковникъ.

Всѣ же вышъ-реченныи войска, сошедшися подъ Кіевомъ, по обою страну Днепра обозами своими стояще, всячески ожидаху тщеславнаго онаго супостата бѣсурмана; но онъ, провидѣвъ о толикихъ силахъ Его Пресвѣтлаго Царского Величества, и о всякой готовости ихъ ко брани, — абіе ужаснуся нечестивый, и аки нѣкая змія устрашенная, сопрята въ себе гордую свою главу, и овогда воздвизаше ю, — студа ради своего, пущая гласы — аки дерзновенно грядеть съ бѣсурманскими своими силами, овогда же паки сокрываше ю, аки нарочно утаевая походъ свой. Найпаче многообразнѣ хитростнаго коварства употребляше, да возможетъ прелстити силы Его Царского Пресвѣтлаго Величества — яко бы имъ разыйтися отъ Кіева, а ему, прелестнику, внезапну напасти на Кіевъ. Благоразумныи же вожды воинствъ Его Царского Пресвѣтлаго Величества, Богомъ умудряеми и указомъ Царскимъ наставляемы, всю бѣсурманскую злохитрую прелесть уразумѣвше, все лѣто стояху ополченны окрестъ Кіева, съ великимъ опасеніемъ, — всячески поганыхъ похода или подхода ожидаху.

Боялся ити Турчинъ подъ Кіевъ, чуючи войска готовые.

Тогда же и мосты на Днепрѣ, подъ Кіевомъ, пространныя и крѣпкія, каковыя отъ древнихъ временъ не бяху, по Государеву указу, мудрымъ майстеромъ, ратныи Царского Величества Стрелцы, строеніемъ Столника и Полковника Стеѳана Ивановича Янова, на стругахъ, на якорахъ и на канатахъ, удобнаго ради и скорѣйшаго перехода, противу супостатовъ, содѣлаша.

Мостъ першій разъ подъ Кіевомъ на Днепрѣ — якій.

Видящи же суемный онъ прелестникъ бѣсурманинъ, яко въ намѣреніи своемъ отнюдъ поползеся, и востати не возможе, паки нѣкую прелестную вину на удержаніе силъ своихъ отъ похода къ брани соши, студъ покривая, аки въ-тще силы Царского Величества вмѣняя, — и ругаяся имъ зъ-далеча въ своихъ странахъ, убояся ити подъ Кіевъ — близу въ очи мужественнымъ воемъ Христіанскимъ посмотрѣти.

Тогда силы Его Царского Пресвѣтлаго Величества, силою всесилнаго Бога и щастемъ Православнаго Самодержца, вражію прелесть и безумное хваленіе его и ухищреніе ни во что обративше, тщахуся и умышляху, да не празны, ниже унылн на службѣ Царской, въ толикомъ собраніи и замедлѣніи суще, обрящутся: на знаменіе бытія своего подъ Кіевомъ — обведоша Великій градъ Кіевскій многими крѣпкими валами.

Валъ коло Кіева зробили служивые люде.

А войскъ Его Царского Пресвѣтлаго Величества Запорозскихъ Гетманъ Иванъ Самойловичъ, на память своего зъ многочисленными войсками бытія подъ Кіевомъ, изряднѣе же, любовъ свою и вседушное усердіе имѣя къ святой чудотворной великой Лаврѣ Печерской, и къ благолѣпію великія Успенія Пресвятыя Богородицы церкве ка-

менныя, хотящи обновити имя ея въ прежнюю красоту, еяже ради иногда парицашеся церковъ та небеси подобною, потщася оградити ю, и утвердити окрестъ—крѣпкими земляными валами.—Да за таковое промышленіе и укрѣпленіе, укрѣпитъ его Господь крѣпкій и сильный, молитвами Пресвятыя Богородицы и Преподобныхъ Отецъ Печерскихъ, на всяко дѣло небесному и земному Цару благоугодное, съ полученіемъ временныя и вѣчныя на высотѣ небесной славы; всему же Православному воинству, подъемшему труды и всякія нужды въ томъ богоугодномъ дѣлѣ, да подастъ всемогущій Богъ, ходатайствомъ Пресвятыя Богородици и Преподобныхъ Отецъ Печерскихъ, мужество, храбрость и силу на одолѣніе бѣсурмановъ и на истребленіе всего ихъ нечестиваго рода, или—на привращеніе поганского ихъ Панства подъ Православнаго Монархи Его Царского Пресвѣтлаго Величества благополучное царствованіе; всѣхъ же паки, старшихъ и меншихъ, Христоименитыхъ воевъ, со всѣмъ посполитымъ Православнымъ народомъ, подъ высокою Его Царского Величества рукою сущихъ, желаемымъ покоемъ оградитъ, и всякою тишиною въ долготу дній ущедритъ, и почести вѣнца небеснаго да сподобитъ,—изряднѣе же, теплымъ предстателствомъ преблагія предстателници и общія Христіянскія заступницы, Пречистыя Госпожи Богородици пособіемъ, Святыхъ Россійскихъ Чудотворцовъ, Преподобныхъ Отецъ Печерскихъ и всѣхъ Святыхъ молитвами, Его Царского Пресвѣтлаго Величества высокая держава Царствія да возвысится, разширится и утвердится; и Онъ, Великій Государь нашъ, Его Царское Пресвѣтлое Величество, толикаго ради промыш-

ленія и попеченія своего, подъемлемаго о цѣлости богоспасаемаго царственнаго своего града Кіева, Святыя чудотворныя великія Лавры Печерскія и прочіихъ всѣхъ обителей и церквій божественныхъ, и о богоутишномъ житіи всего Христіанства, всегда съ побѣдоносным надъ всякими враги и супостаты одолѣніемъ, — въ мирѣ, тишинѣ и во всякомъ благополучіи, со преизящными своими Царскими роды, со благородными Князи и Боляры, со всѣмъ своимъ Синклитомъ, со всѣми цародворцы, и со всѣми духовнаго чина, бо̂лшими и меншими, богомолцы своима, и со всѣми доброхоты, ратними своими и общими людми, отъ рода и и въ родъ, да пребываетъ! аминь.

Пересторога.

Не девися сему, чителнику ласкавый, же тые походы подъ Чегиринъ Турковъ нечестивыхъ положилемъ въ концу Руской Кроники и дѣевъ старовѣчныхъ. Стало то, за поводомъ державы Великого Князя и Цара Алексея Михайловича, гды принялъ Кіевъ въ свою Царскую область, по взятю отъ Поляковъ и ихъ Воеводъ Украины; а такъ, не за Его самого Пресвѣтлаго Величества, але за Цара Ѳеодора Алексѣевича, сына Его, тое пришествіе подъ Чегиринъ было Турковъ безбожныхъ, а не за тыхъ древнихъ Княжатъ Рускихъ и Литовскихъ и Королевъ Полскихъ, — и для того, тое тутъ написалемъ, абысь вѣдалъ, въ якъ много лѣтъ, по Царехъ и Князехъ, бывшихъ въ лѣта давнія, Царъ Православный Алексей Михайловичъ об-

нялъ державою отчество и праотчество своего скиптроцарствія Кіевскаго Роскаго, — которому-то Государу Цару и Великому Князю Алексею Михайловичу Московскому, всеи Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу, благородный Зиновій Богданъ Хмелницкій, Гетманъ Войскъ Запорозскихъ, доброволне поддался въ защитъ и опеку, со всѣмъ Малороссійскимъ Панствомъ: Сѣверомъ, и Украиною, и цѣлымъ Запорожемъ, со всѣми Козаками, — року 1653, мѣсяца Януарія дня 7, въ Переяславлю Малороссійскомъ, Цару Его Милости Московскому выконалъ присягу.

IV.

ЛИСТЪ

ДО КСІОНЖЕНЦЯ ІЕРЕМИИ КОРЫБУТА ВИШНЕВЕЦКОГО, ТОГО ЧАСУ ПИСАНЫЙ, ЯКЪ ЗЪ РУСИНА ЛЯХОМЪ ЗОСТАЛЪ, ВЪ РОКУ 1634.

(Въ Лѣтописцѣ: *Тутъ позосталыи нѣкоторые речи отъ Кроникъ вспоминаю,* стр. 633).

Яснеосвѣцоне Милостивое Ксіонже, Пане,—Пане мой Милостивый.

Прошу унижене, абы тая цедула моя могла быти отъ Вашой Княжой Милости милостивно, безъ образы, духовне прочитаная и дискреце уважена: съ повинности абовѣмъ то̀ моеи Пастырскои писати мушу.

Великій жаль, Милостивый Княже, сердца нашого, всѣхъ насъ Духовныхъ и всего Христіанства, здыймуетъ, видячи Вашу Княжую Милость, утѣху нашу пожаданную — старожитнои Реліи Грецкои продковъ и родителей своихъ не наслѣдуючого; не мнѣй, тежъ, плачетъ и велце ляментуетъ Церковъ Божая — Матка наша, же ею Ваша Княжая Милость згоржати рачишъ. Зъ великою охотою всѣ очекивали-смо пожаданнои утѣхи нашои, але вмѣсто того,

надъ сподѣване наше, въ смутокъ намъ оборочаетъ. Што̀жъ Вашая Княжая Милость обачилъ въ Церкви Божой вонтпливого, што̀ подейзроного, што̀ за герезію? Аба не она есть Маткою всего Христіанства, або не Іерусалимъ есть головою, по Господѣ Бозѣ, всего свѣта, або не оттоль вѣра Христіанская початокъ и фундаментъ свой взяла? Отъ Сіона бовѣмъ выйшолъ Законъ, и Слово Господне отъ Іерусалима, яко мовить Пророкъ. Або не тамъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ кровію своею пренасвятѣйшою спасеніе наше справилъ, або не тамъ кровію своею пренайдорожшею увесь свѣтъ откупилъ, або не тамъ найпершого Епископа Патріарху Іерусалимского — Намѣстника своего — Самъ постановилъ, яко писмо свѣдчитъ? Азали не оттоль наука Христова по всѣмъ свѣтѣ розширилася, отъ всходу ажъ и до заходу слонца, и до самого Рыму зашла. Чимъ же Рымъ лѣпшій есть отъ Іерусалима? Чему Іерусалимомъ, Маткою всѣхъ Церквій, гордятъ, а до Рыму горнутся, — Іерусалимъ зневажають, а Рымъ выносять? Если для славы того свѣта, албо для великого богацтва? то̀ суть речи марныи и здрадливыи, и не единъ на томъ ся ошукалъ! Не за тымъ правдивая идеть вѣра; не за тымъ правдивая вѣра познана маетъ быти, — абовѣмъ, Господь Іисусъ Христосъ не ведлугъ того свѣта свои рѣчи справуетъ: Іисусъ Христосъ самъ былъ убогій, и отъ людей взгорженый, — а Иродъ и Пилатъ славны и велможны; ученики Іисусъ Христовы нендзныи и убогіи, а жиды и фарысеи богаты! Азали по томъ аппробована маетъ быти рѣчъ правдивая — Іерусалимомъ не треба гордѣти, же есть убогимъ — лечъ ласки Божои полный. Лѣпшей ся щитити Іе-

русалимомъ, и до него горнутися, а нижли до Рыму: абовѣмъ, въ Іерусалимѣ Ісусъ Христосъ для пасъ умеръ и воскресъ изъ мертвыхъ; тамъ вознеслся на Небо, и послалъ на ученики свои и Апостолы Духа Святого; тамъ ся наше спасеніе стало; тамъ на вѣчную память и гробъ свой Святый зоставилъ; тамъ по собѣ и Намѣстника своего — Іякова Патрыарху поставилъ.

Чимъ Рымъ есть лѣпшій отъ Іерусалиму? Тамъ Намѣстникъ Ісусъ Христовъ Патріарха, а тутъ на мѣстцу Святого Петра Отецъ Папежъ; тамъ самого Ісуса Христа Намѣстникъ, а тутъ зась слуги Его; тамъ гробъ Ісусъ Христовъ, а тутъ гробъ Петровъ. Хто убогимъ Іерусалимомъ и Намѣстникомъ его гордитъ, — правдиве, же самымъ Ісусомъ Христомъ гордитъ. Для чого жъ маемо гордѣти Церквію Божеею — Маткою нашею, Маткою всѣхъ Церквій? Што въ ней видимо прыкрого, албо недосконалого?

Немашъ, за ласкою Божіею, въ Церквѣ нашой жадного блуду, жадной ереси, и нигды не найдется! Што̀ она разъ приняла на седмихъ Соборахъ — стверженыи и постановленыи артикулы вѣры, — до того часу всѣ въ цѣлости, ничого не придаючи, а ни уймуючи, заховуетъ. Не вѣдаю, хто такъ Вашой Княжой Милости обрыдилъ еѣ и омерзилъ, хто Вашу Княжую Милость отъ неѣ отвернулъ, або отворочаетъ — мовлю то̀ щире, а правдиве: вѣчне на немъ неблагословенство Божіе будетъ зоставало!

Вѣдаемо всѣ, Милостивый Княже, подъ якими кондиціами страшными строны Реліи, и обовязками, и клятвами, родителка Вашой Княжой Милости, зъ того свѣта сходячи, зоставила. На чіей то̀ душѣ падетъ — Господь Богъ

же то вѣдаеть! Вѣдаемо, же отцевская клятва высушаеть, а материнская выкореняеть, якъ Писмо мовить. Што за утѣху, што за зыскъ тыи всѣ отнесли и относять, которыи старожитнои своеи вѣры, для марности того мизерного свѣта, отступують, — азажъ того не видимо своима очима? Што ся дѣетъ? Пыталъ бы-мъ тыхъ всѣхъ: для чого своеи старожитнои вѣры отступують — Греческои, для чого ею гордять? Если для мудрости того свѣта, — теды, мудрость того свѣта глупство есть у Бога, якъ мовить Апостолъ. Если для якого блуду, — теды, за ласкою Божею, нигды въ Церкви Христовой жаденъ блудъ не найшолся и не можетъ найдоватися; снаднѣй тамъ найдовати може, где што-рокъ, то иначей приложать, албо уймуть. Если жъ для славы того свѣта, теды — то есть речъ мнѣйшая.

Еднакъ лѣпшую тые завше славу и повагу у всѣхъ людей маютъ, которыи суть въ вѣрѣ своей статечныи, а нижли тыи, што ся хвѣють и статечне въ своей вѣрѣ не трвають, и трвати не хотять. Азали не великую славу мѣлъ Ксіонже Острозское, Воевода Кіевскій и сынъ его, Воевода Волынскій, на которыхъ ся много оглядало; азажъ не великую славу мѣлъ всюды святое памяти родитель Вашои Княжои Милости Ксіонже Михаилъ: азажъ не по всѣхъ сторонахъ плынула слава и мужество и дѣльносты рыцерскіи, азажъ не былъ утѣхою и подпорою всѣмъ правовѣрнымъ, азажъ не оглядалися всѣ противныи? Азажъ не славными были продкове Вашой Княжой Милости дѣлностями рыцерскими въ Коронѣ Полской, почавши отъ Олгерда, прадѣда Вашой Княжой Милости, Великого Княжати

Литовского, и сына его Ягелла, который, потымъ, былъ Королемъ Полскимъ, и другого сына Олгордового Дмитра Корыбута, Княжати Сиверского,—продковъ Вашои Княжои Милости Вишневецкихъ, — которого сынъ Жигмонтъ, для великои дѣлности рыцерскои, взятый былъ на Кролевство Ческое, и иншіи продки и поколѣня Вашой Княжой Милости, всѣ были славныи и мужныи рицеры — всѣ были Релѣи Грецкои, а имъ тое ничого ни шкодило, — тымъ барзѣй славнѣйшими были! Азажъ бы то теперъ уже, презъ Вашу Княжую Милость, цного Дому и великихъ Княжатъ Релѣи Грецкои, продковъ Вашой Княжой Милости, слава вѣкуистая мѣла уставати? Продкове Вашой Княжой Милости святои памяти родитель и родителка съ поколѣня были Релѣи Грецкои,—Ваша Княжая Милость тылко единъ отъ нихъ мѣлъ бы быти вылученымъ. Не дай того Боже, абы мѣлъ презъ Вашу Княжую Милость Домъ славнои Релѣи Грецкои зводити. Если, тежъ, для великого богацтва — и то есть въ рукахъ Божіихъ: Господь Богъ кому хочеть, тому даетъ!

Мы просимо Господа Бога и просити завше повинны-смо, абы Вашу Княжую Милость Богъ своеи старожитнои Апостолскои не допустилъ отступовати Релѣи, — хочъ то намъ мовять маложичливыи адверсары наши, же то Грецка — хлопска есть вѣра. Если жъ такъ есть, якъ они повѣдають,—теды хлопскои Релѣи были Апостолове, Патріархове и вси Святыи Отцы Всходнеи Церкви,—которыхъ мы за великихъ почитаемо—и суть!

Прошу, теды, Вашу Княжую Милость униженеіе именемъ всего Христіанства, и именемъ всеи Церкви: не давайся, Ваша

Княжая Милость, уводити политицкими раціами! Вспомни, Ваша Княжая Милость, на святои памяти родители свои, якои они были побожности, якого набоженства, якои вѣры — не хлопскои, не еретицкои, не подейзронои, — мѣли съ тое розуму, зналися на речахъ; але вѣры, мовлю, были старожитнои, Апостолскои Всходнои Церкви, чистои, и не покалянnои, жадными вымыслами людскими не змазаннои. Чему, Ваша Княжая Милость, не маешъ продковъ своихъ вѣры наслѣдовати, въ которой ся, Ваша Княженская Милость, народилъ, — абовѣмъ, ни въ чомъ не есть подейзроная? Не до чужеи, але до своеи Матки — Церкви Божои навернешъ!

Не маете, Ваша Княжая Милость, на што ся оглядати; не дивъ то въ молодыхъ лѣтехъ датися увести мовами людскими, а часомъ то бываеть въ молодыхъ дитинныхъ лѣтехъ и презъ мусъ, — але то все ничого: гды, Ваша Княжая Милость, схочешъ, заразъ то все учинити зможешъ; маешъ, Ваша Княжая Милость, зъ ласки Божеи, въ маетностяхъ своихъ, церквій и монастыровъ — духовныхъ особъ досыть, — не треба шукати где индей; чого, Ваша Ксіонженця Милость, потребовати будешъ, все снадне одержишъ.

Мы еднакъ до конца не вонтпимъ о мудромъ и розсуднымъ и уважномъ баченю Вашей Ксіонжецiей Милости, ижъ Ваша Ксіонженца Милость не до конца насъ всѣхъ засмутити схочешъ; не до конца Церковъ Божiю въ непамять замкнути зезволишъ. На имя Божiе, все духовенство, все Христіанство унижене, плачливе просимо: не горди, Ваша Ксіонженця Милость, вѣрою своею Церкви Всходнея, въ которой водою и духомъ естесь урожоный, — але навернися до Церкви Божой — Матки своеи.

природнои, — а утѣшъ насъ всѣхъ! И гды Ваша Ксіонженця Милость тò побожне учинити рачишъ, благословенство Божіе и родителское вѣчне на Вашой Ксіонженціей Милости опочивати будеть, и всю Церковъ и все Христіанство Релѣи старожитнои утѣшишъ, — и щасливе тутъ, на земли и фортунне вѣкъ свой препроводивши, въ ласцѣ Божой, вѣкуистый животъ одѣдичишъ. Аминь.

Вашой Ксіонженци Милости, Пана моего Милостивого унижоный слуга и богомолца, Ісаія Копинскій, Митрополитъ Кіевскій, рукою власною.

Дата въ Катедрѣ Кіевской,
року 1634, мая 7 дне.

РЕЕСТРЪ

Князьямъ Черниговскимъ и другимъ нѣкоторымъ погребенымъ въ Черниговѣ, съ показанiемъ времени ихъ кончины, и мѣста, гдѣ погребены, и съ означенiемъ лѣтописцовъ о семъ свидѣтельствующихъ; 1792 года.

Сочиненъ Семинарiи Префектомъ, Богословiи Учителемъ, Черниговскаго Преображенскаго Собора Протопопомъ Iоанномъ Левицкимъ.

Мстиславъ Владимiровичь Тмутараканскiй и Черниговскiй, Святаго Владимiра I. Святославича сынъ, скончался 1036, и погребенъ въ начатой имъ строится Черниговской каменной церквѣ (1).

Сынъ его Евстафiй Мстиславичъ, скончался 1023 года (2).

Святославъ II Ярославичъ Святаго Владимiра

---

(1). Библiотеки Россiйской исторической, части 1-й, стр. 104. Никоновой Литописи, части 1-й, стран. 133. Рукописи Iеромонаха Леонтiя Боболинскаго, принадлежащей Библiотеки Россiйской Черниговской Семенарiи, листъ 433.

(2). Библiотеки Россiйской исторической, части 1-й, стр. 104. Князя Щербатова Россiйской исторiи, книги 3-й, стр. 314.

І внукъ родился 1027, получилъ отъ отца своего Ярослава въ удѣлъ Черниговское княженіе 1053 годовъ, вступилъ на Великое Княженіе 1073, владѣлъ 3, жилъ 49 лѣтъ, скончался отъ вырѣзанія желѣзы 1076 года, Декабря 27, погребенъ въ Черниговской Спаской церквѣ (3).

Борисъ Святославичъ Черниговскій, Святослава II Ярославича сынъ на войнѣ противъ дядьевъ своихъ Великаго Князя Изяслава и Всеволода Ярославичей близъ Чернигова на нивѣ Нежатинѣ 1078 года убитъ, и погребенъ въ Черниговской Спаской церквѣ (4).

Глѣбъ Святославичъ Новгородскій, потомъ Смоленскій, Святослава II Ярославича сынъ, убитъ въ Заволочьи 1078 года, и погребенъ въ Черниговѣ, Іюля въ 24 день за Спаскою церковью (5).

Давидъ Святославичъ Черниговскій, Святослава II Ярославича сынъ, скончался 1105 года въ Черниговѣ, оставилъ сына Николу, прозваннаго Святошу князя Черниговского, который въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ по-

---

(3). Библіотеки Россійской исторической, части 1-й, стр. 124.
Никоновой лѣтописи части 1-й, стр. 178.
Рукописи Іеромонаха Леонтія Боболинского, принадлежащей Библіотеки Черниговской Семинаріи, стр. 437.

(4). Библіотеки Россійской исторической, части 1-й, стр. 180.
Никоновой лѣтописи части 1-й, стр. 180.
Рукописи Іеромонаха Леонтія Боболинского, принад. Библіотеки Черниговской Семинаріи листъ 437.

(5). Библіотеки Россійской исторической части 1-й, стр. 124.

стрыгся, скончался, и доднесь въ Θеодосіевой пещерѣ нетлѣнно почиваетъ, во Святыхъ почитаемый (6).

Олегъ Святославичъ Черниговскій, Святослава II Ярославича сынъ, 1115 года, Августа 18 дня скончался, и погребенъ въ Черниговѣ (7).

Глѣбъ Ольговичъ Черниговскій Святослава II Ярославича внукъ, скончался въ Черниговѣ 1138 года (8).

Игоръ II Ольговичъ, Святослава II Ярославича внукъ, изъ Черниговскаго на Великое Княженіе вступилъ 1146 года, владѣлъ одинъ мѣсяцъ и 13 дней, изгнанъ отъ Изяслава Мстиславича Переяславльского, заточенъ въ Переяславль, и тамо постриженъ въ схиму, перевезенъ въ Кіевъ, въ Θеодоровъ монастырь, гдѣ отъ возмутившихся Кіевлянъ 1147 года убитъ; изъ Кіева братомъ своимъ Святославомъ Ольговичемъ пренесенъ 1150 года въ Черниговъ, и погребенъ въ церквѣ Спаской въ красномъ теремѣ (9).

(6). Рукописи Іеромонаха Леонтія Боболинскаго, принадлежащей Библіотеки Черниговской Семинаріи листъ 442.

(7). Библіотеки Россійской исторической части 1-й, стр. 177.

(8). Библіотеки Россійской исторической части 1-й, стр. 192.

(9). Библіотеки Россійской исторической части 1-й, страниц. 201, 204, 205.

Рукописи Іеромонаха Леонтія Боболинского, прин. Библіотеки Черниговской Семинаріи листъ 448.

Четьи Минеи Іюня въ 5 день.

Князя Щербатова Исторіи Россійской, книга V, страниц. 163, 170, 171, 172, 173.

Владиміръ Давидовичъ Черниговскій, Святослава II Ярославича внукъ, на войнѣ противъ Великого Князя Изяслава 1151 года убитъ, и погребенъ въ Черниговѣ (10).

Изяславъ Давидовичъ Черниговскій, Святослава II Ярославича внукъ на войнѣ противъ Ростислава Мстиславича и Мстислава Изяславича 1160 года убитъ и погребенъ въ Черниговѣ (11).

Святославъ Ольговичъ Черниговскій, Святослава II Ярославича внукъ, скончался въ Черниговѣ 1164 года (12).

Супруги его: Княжна Половецкая дочь Аепы, внука Гиргенева (13).

Марія скончалась 1166 года (14).

---

(10). Библіотеки Россійской исторической части 1-й, стр. 220, 221.
Князя Щербатова Исторіи Россійской книга V, стр. 202.

(11). Библіотеки Россійской исторической части 1-й, стр. 238.
Рукописи Іеромонаха Леонтія Боболинского, принадлежащей Библіотеки Черниговской Семинаріи листъ 449.
Князя Щербатова Исторіи Россійской книги VI, страниц. 276, 277, 278.

(12). Библіотеки Россійской исторической части 1-й, стр. 229.
Рукописи Іероманаха Леонтій Боболинского, принадлежащей Библіотеки Черниговской Семинаріи листъ 452.
Князя Щербатова Исторіи Россійской книги VI, стр. 287.

(13). Библіотеки Россійской исторической части 1-й, стр. 133.
Князя Щербатова Исторіи Россійской книги VI, стр. 18.

(14). Библіотеки Россійской исторической части 1-й, стр. 241.

Святославъ Владиміровичъ Черниговскій, внукъ Давидовъ, правнукъ Святослава II Ярославича, скончался въ Черниговѣ 1166 года (15).

Ярославъ Всеволодовичъ Черниговскій, внукъ Ольговъ, правнукъ Святослава II Ярославича, скончался въ Черниговѣ 1200 года (16).

Владиміръ Всеволодовичъ Георгіевича (?) Черниговскій 1201 года, скончался въ Черниговѣ (17).

Игоръ Святославичъ Черниговскій, внукъ Ольговъ, правнукъ Святослава II Ярославича, скончался въ Черниговѣ 1202 года (18).

Олегъ Святославичъ Черниговскій, внукъ Всеволодовъ правнукъ Ольговъ, праправнукъ Святослава II Ярославича, скончался въ Черниговѣ 1205 года (19)

Супруги его: дочь Великого Князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго скончалась 1166 года въ Черниговѣ (20).

---

(15). Библіотеки Россійской исторической части 1-й, стр. 242.
(16). Библіотеки Россійской исторической части 1-й, стр. 294. Рукописи Іеромонаха Леонтія Боболинского принадлежалей Библіотеки Черниговской Семинаріи листъ 460. Князя Щербатова Исторіи Россійской книги VI, стр. 424.
(17). Библіотеки Россійской исторической части 1-й, стр. 295.
(18). Библіотеки Россійской исторической части 1-й, стр. 296.
(19). Библіотеки Россійской исторической части 1-й, стр. 299
(20). Библіотеки Россійской исторической части 1-й, стр. 241 244.

Агафія дочь Великаго Князя Ростислава Мстиславича (21).

Всеволодъ Святославичъ Чермной Черниговскій, внукъ Ольговъ, правнукъ Святославовъ, праправнукъ Ольговъ, прапращуръ Святослава II Ярославича, скончался въ Черниговѣ 1214 года (22).

---

(21). Библіотеки Россійской исторической части 1-й, стр. 241, 242.

(22). Рукописи Іеромонаха Леонтія Боболинского, принадлежащей Библіотеки Черниговской Семинаріи листъ 460. Князя Щербатова Исторіи Россійской книга VI, стр. 460.

КОНЕЦЪ.

ОБЪЯСНЕНІЕ

невразумительныхъ словъ, встрѣчающихся въ лѣтописи Грабянки и въ приложеніяхъ къ ней.

А.

Абы, чтобъ, лишь бы.

Абымъ, чтобы.

Абысмо, чтобъ мы.

Адверсаръ, противникъ.

Ажеби, но чтобъ.

Азали, развѣ.

Албо, либо.

Альбовѣмъ, и, ибо, именно, и хотя.

Але, но.

Антецессоръ, предшественникъ.

Аппараты, приборы церковные.

Арендаръ, арендаторъ.

Арматы, пушки, оружіе.

Б.

Бавитися, медлить.

Базаръ, рынокъ.

Байдакъ, барка.

Балка, долина, яръ.

Банкетъ, пиръ.

Барзо, очень.

Барзѣй, болѣе.

Башта, башня.

Безгодіе, непогода, несчастіе.

Бездѣльне, бездѣльнически, безполезно.

Бидло, скотъ.

Благаты, умолять.

Блато, болото.

Блюзнити вѣру, ругаться надъ вѣрою.

Блякавзи, блокгаузы.

Боръ, сосновый лѣсъ.

Бракъ, разборъ; безъ браку, безъ разбору.

Брама, городскія ворота.

Брамный, къ воротамъ принадлежащій.

Братерство, братство, товарищество.

Бурдюгъ, Татарскій кожан-

ный мѣшокъ для храненія воды и вина.

Бучно, пышино.

Бѣсурманъ, иновѣрецъ, нехристъ.

В.

Ватага, безпорядочная толпа.

Вароватися, остерегаться и ожидать.

Вринуть, завязнуть.

Вдати плечи, обратить плечи.

Въ добрахъ, въ имуществахъ.

Ведле, по, согласно.

Ведлугъ, по, въ окношеніи.

Вежа, башня.

Велбудъ, верблюдъ.

Вельми, весьма.

Вернути, вертати; воротить.

Вертепъ, яры; пропасть.

Веселле, свадьба.

Весь, село.

Вгонити, выгонять.

Вигубленіе, истребленіе.

Видокъ, видъ, показность.

Вижше, выше.

Вимашити, выпросить.

Вимова, объясненіе, красноречіе.

Винаходить, отыскивать.

Виконать, совершить.

Викторія, побѣда.

Випоръ, проломъ.

Витворъ, украшеніе, затѣи, выдумки, поруганіе.

Витворнѣйшій, затѣйливѣйшій, изящнѣйшій.

Вколо, вокругъ.

Возмнѣтись, возмечтаться.

Вои, воины.

Волѣть, хотѣть, изволить.

Вонтпити, сомнѣваться.

Вонтпливый сомнительный.

Ворогъ, врагъ.

Ворта, стража.

Внезапну, внезапно.

Вредительный, вредный.

Втекти, уйти.

Втручатися, вмѣшиваться.

Выстинать, вырѣзать.

Выслухане, выслушиванье.

Вязення, плѣнница.

Вязень, плѣнникъ.

Г.

Галасъ, шумъ, крикъ.

Гарачъ, подать платимая Христіанами въ Турціи.

Гармата, см. армата.

Гафованій, шитый.

Гвалтъ, насиліе.

Гендзля, торговля.

Герцевникъ, удалецъ, единоборецъ.

Глодъ, голодъ.

Година, часъ, пора.

Голота, собраніе людей, которымъ нечего ѣсть.

Горнути, склонить.

Господа, домъ, до господи, домой.

Горшій, худшій.

Въ гостину, въ гости.

Грабованіе, грабежъ.

Гребля, гать, плотина.

Гронъ, виноградная кисть, гроздіе, вѣтвь, отрасль, часть.

Гроши, деньги.

Груба, печь.

Гултайство, собраніе людей, ничѣмъ незанимающихся.

Гуня, сермяга.

Д.

Деклерація, объявленіе.

Дерга, попона.

Державецъ, владѣлецъ, помѣщикъ.

Держане, владѣніе.

Дискреце, скромно, учтиво, прилично.

Добре, хорошо.

Добувати, снискивать, добывать.

Довцѣпъ, острота, остроуміе.

Докуль, пока.

Допасти, захватить.

Донелѣ, покуда, пока.

Допяти, достигнуть.

Дорочный, годовой.

Досыть, довольно.

Дотирати, продолжать съ усиліемъ.

Дошароватися, доискаться.

Драбина, лѣсница.

Дрогій, дорогой.

Дуфать, ввѣрить, полагаться.

Дѣра, щель.

Е.

Еднати, соглашать.

Едностайно, единодушно.

Еднакъ, однако.

Епистолія, письмо, посланіе.

Есень, осень.

Ж.

Жаденъ, жадный, ни одинъ, никакой.

Жакъ, приборъ для ловли рыбы; на жакъ, на погибель.

Жахъ, ужасъ.

Же, что.

Жеби, чтобъ.

Живность, продовольствіе.

Житло, житье.

Жичливый, доброжелательный.

Жичить, доброжелательствовать.

З.

Забрать, взять.
Завзятость, неуступчивость.
Звитать, пригласись.
Загонъ, отрядъ воиновъ, отправленныхъ за добычею.
Задушенній, удавленный.
Заледво, едва, съ трудомъ.
Залецать, рекомендовать.
Залога, стража, гарнизонъ, отрядъ, засада.
Замѣшание, смятеніе, сумятица.
Занедбать, пренебрегать.
Запевне, вѣроятно.
Запровадити, завести, затащить.
Заразъ, тотчасъ.
Затяжній, вновь набранный.
Зацный, достойный.
Заховать, спрятать.
Збродня, злодѣйство.
Збѣгство, бѣгство.
Звести, перевести, растратить.
Звитяжство, побѣда.
Звитяжонный, побѣжденный.
Звитяжца, герой, побѣдитель.
Згибель, погибель.
Згода, согласіе, миръ.
Зголоднити, проголодаться.
Згубить, потерять, погубить.
Згоржати, пренебрегать.
Здирство, грабительство.
Здобути, добыть.
Здорожити, повысить цѣну.
Здыймовати, смущать, трогать, волновать.
Зичливецъ, доброжелатель.
Зичити, желать, доброжелательствовать.
Зимовля, зимовка.
Злато, золото.
Злецати, рекомендовать.
Злецити, исчислить.
Зломать (клятву), нарушить клятву.
Злоцѣстій, золочоный.
Змѣна, измѣна.
Знаемость, знакомство.
Значній, знатній.
Знevага, неуваженіе.
Знову, снова.
Зносити, истреблять.
Зопсоване, поврежденное.
Зрадить, измѣнить.
Зрадити, измѣнить.
Зухвальство, молодечество.
Зухвалій, удалой.
Зыборъ, собраніе, сборъ вещей.
Зыскъ, розыскъ.
Зѣло, весьма.

И.

Изшацовати, оцѣнить.
Имбрикъ, чайникъ.
Инщій, иной, другой.

К.

Казанне, проповѣдь.
Казнодѣй, проповѣдникъ.
Кайданы, оковы.
Кветъ, цвѣтъ.
Кветнѣйшій, цвѣтный.
Келѣха, чаша.
Килька, сколько, нѣсколько.
Кновати, вымышлять что злое, дѣлать что злое.
Кожній, каждый.
Кольвѣкъ, нибудь, ни есть.
Колми, сколько.
Коло, около.
Комонній, конный.
Конви, родъ сосудовъ, употребляемыхъ для питья.
Конвокація, созваніе.
Кондиція, условіе.
Конечне, конечно.
Копіи, списки.
Користь, польза, выгода.
Корогвъ, отрядъ войска.
Котвиціи, якорь.
Корчебницы, корчмы.
Кохати, любить.
Коштовный, цѣнный.
Кредепсъ, столовое сребро.
Кривда, неправда.
Ксіонже, князь.
Кулотня, смятеніе.
Куля, пуля.
Купа, толпа.

Л.

Латво, легко.
Лечъ, но.
Личманъ, ремешки.
Лотрыга, пройдоха, плутъ.
Любо, хотя.
Людъ, народъ.
Лѣчба, число.
Ляментовати, сожалѣть, жаловаться.
Лямпартовый (кожи), леопардовый.

М.

Маетность, имущество, имѣніе.
Мандата, указъ.
Марный, напрасный.
Марно, напрасно.
Мати, имѣти.
Медіованный, посредствующій.
Месце, мѣсто.
Мешкати, жить.
Мindза, монета.
Минать, объѣхать.

Мито, подать.
Мовити, говорить.
Моцъ, сила.
Моцно, сильно.
Моцный, мощный, крѣпкій.
Муситн, долженствовать.
Муръ, каменная стѣна.
Мужатка, замужная женщина.
Мѣдница, мѣдный сосудъ.
Мѣти, имѣти.

Н.

Наветъ, даже.
Надане, даръ.
Надлежащій, принадлежащій.
Надѣя, надежда.
Накшталтъ, на подобіе.
Наметъ, шатеръ.
Намова, наговоръ.
Намовить, наговорить, склонить.
Напотымъ, потомъ.
Напродъ, напередъ.
Наразится, наткнуться.
Наступовати, наступить.
Натирать, налегать.
Начиння, подкладки, обкладки.
Небы, какъ бы, если бы, не.
Неборакъ, бѣдняшка.
Небожчикъ, покойникъ.
Невимовный, несказанный.
Недбальство, нерадѣніе.
Недовле, неудовлетворительно, не надлежаще.
Незвѣтяжоный, непобѣдимый.
Незабавомъ, не медля.
Незконченный, безконечный.
Незлеченный, безчисленный.
Неищетный, безчисленный.
Неуважный, неосторожный, безразсудный.
Нехай, пусть.
Нивецъ, въ нивецъ, въ ничто.
Нобилитовать, пожаловать кому дворянство, утвердить.
Нужный, трудный, тяжкій.
Нѣмъ, развѣ только, пока.

О.

Обаче, но.
Обернути, поворотить.
Облеженне, осада.
Облеженецъ, осажденный.
Облога, осада.
Обмежъ, въ сосѣдствѣ, сопредѣльно.
Обозъ, станъ, лагерь.
Ображеній, оскорбленный.
Образа, обида, оскорбленіе.
Обфитовать, изобиловать.
Обѣтница, обѣщаніе.
Овій, иной.

Одесятствовать, брать десятую часть.
Оздоба, украшеніе.
Ознаймити, извѣстить.
Окренты, суда.
Онамо, тамъ, индѣ.
Огравный, исправный.
Опрочь, кромѣ.
Освѣдчати, извѣщать.
Ослаба, облегченіе.
Осталецъ, остатній, остальной.
Осѣдати, осѣсти, осадить.
Отбѣглій, бѣжавшій, дезертиръ.
Отписъ, отвѣтъ.
Отсѣчъ, отраженіе.
Отнога, морская коса.
Отчистій, отеческій.
Отуха, бодрость, отрезвленіе, водвореніе, спокойствіе.
Офѣровати, посвящать.
Оцкнутися, осмотрѣться.
Ошукать, обмануть, провести.
Ошуканье, обманъ.

П.

Пакты, договоры, условіе.
Паля, колъ.
Палубъ, кузубъ.
Панщина, барщина.
Паросъ, парусъ.
Парканъ, ограда, заборъ.
Паша, подножный кормъ.
Пашты (паштеты?).
Певный, увѣренный.
Переѣдпанс, перемиріе.
Перво, сперва, прежде.
Пересуда, осужденіе.
Перешкода, препятствіе.
Перешкожованный, воспрепятствовавшій.
Пилновать, усердствовать.
Пильный, крайне нужный, неотложный.
Платній, получающій плату.
Пляцъ, мѣсто, площадь.
Плюндровати, разорить.
Побоиско, битва.
Повольность, отдыхъ.
Повѣтъ, уѣздъ.
Погамовать, угомонить.
Погодный, благопріятный.
Погодное время, благопріятное время.
Подъѣздъ, отрядъ тайный и неожиданный.
Подманути, обмануть, обольстить.
Подъ-часъ, на пору.
Пожегнать, при отъѣздѣ проститься.
Поза, за.
Позыка, заемъ.
Полатать, подчинить, сдѣлать заплаты.

Помпа, пышность.
Помста, мщеніе.
Попасъ, кормленіе лошадей въ дорогѣ.
Порадѣти, постараться, поусердствовать
Порада, совѣтъ.
Порушеніе, препорученіе.
Послушенство, повиновеніе.
Посполу, вмѣстѣ, съ-обща, посполъство, народъ, простолюдины.
Посродокъ, средина.
Пострахъ, угроза, пристрашка.
Потаемный, тайный.
Потомній, послѣдующій, грядущій, будущій.
Поткать, встрѣтить.
Потреба, стычка, схватка, сраженіе, потребность.
Поты, до тѣхъ поръ.
Потуга, помощь.
Похвалка, хвастовство.
Поховать, похоронить.
Пошлюбити, сочетать бракомъ.
Почити, отдохнуть.
Почути, послушать.
Працовати, трудиться.
Прати, мыть, стирать бѣлье.
Превлащати, привлекать.
Презъ, чрезъ.
Презацній, славный.
Презѣлно, чрезвычайно.
Презорство, коварство.
Препятіе, препятствіе.
Прето, впрочемъ.
Прещеніе, запрещеніе.
Привилей, привелегія.
Привлащати, привлекать на свою сторону.
Пріймовати, принимать.
Пришлій (сеймъ), предстоящій (сеймъ).
Прихильній, преданный.
Прыкрій, противный, непріятный.
Пробитый шляхъ, торый путь.
Противно, противъ.
Пугаръ, бокалъ.
Пуздерикъ, небольшая фляжка.
Пукля, украшеніе выпуклое на бляхѣ.
Пуклеръ, щитъ.
Пулкортанъ, 24-фунтовая пушка.
Пупки, подбрюшины драгоцѣнныхъ мѣховъ.

Р.

Работа, рабство.
Рада, совѣтъ.
Радителство, стараніе, усердіе.
Радитися, совѣтоваться.

Рама, плечо.

Распуженный, разогнанный.

Ратовати, спасать.

Ратунокъ, спасенье.

Рачей, лучше, паче.

Региментъ, полкъ, начальство.

Резидентъ, знатный королевск. чиновникъ, депутатъ.

Респектъ, почтеніе, уваженіе.

Ридванъ, старинный панскій экипажъ.

Рисѣ, рысьи мѣхи.

Риштунокъ, приборъ, принадлежности.

Роговое, родъ подати.

Розирване, розрывъ.

Роздруха, тревога, смятеніе.

Розмова, разговоръ.

Рокъ, годъ.

Рондъ, конская блестящая военная сбруя.

Ропа, слюна на губахъ мертваго.

Росказане, распоряженіе, приказъ.

Рукговати, изгнать, выселить.

Румакъ, конь ратный.

Рушать, двинуться.

Рушница, мушкетъ, ружье.

Роспача, отчаяніе.

Рядно, холщаная постилка.

С.

Сагайдакъ, лукъ.

Сакраментъ, таинство.

Саморучъ, собственноручно.

Самопалъ, ружье.

Самотугъ, своими силами, безъ помощи другихъ.

Сваръ, ссора, споръ, угроза.

Свариться, ссорится, спорить, угрожать, сердится.

Свитание, разсвѣтъ.

Сермягъ, сермяга.

Сице, такимъ образомъ.

Сирица, сырая кожа.

Скарбъ, казна, сокровище.

Скарга, жалоба,

Скаржитися, жаловаться, заносить жалобу.

Слонце, солнце.

Слушный, порядочнѣе, болѣе надлежащимъ, правильнымъ образомъ.

Содригнутися, содрогнуться.

Спеклый, сожженый.

Спежъ, шпіонъ.

Споряженій, приготовленный, распоряженный.

Спрацованный, усталый.

Сребній, сребрянный.
Сромота, стыдъ.
Становиско, станъ, состояніе.
Старожитній, древній.
Статекъ, имѣніе.
Сткло, стекло.
Стражци, стража.
Студъ, стыдъ.
Супостатъ, врагъ.
Суплѣка, прошеніе.
Сурма, труба.
Сухомельщизна, родъ подати.

Т.

Таборъ, лагерь.
Тарча, защита, цѣль, мишень.
Таемный, тайный.
Тать, воръ.
Теразнѣйшій, теперешній.
Тиждень, недѣля.
Треба, нужно.
Тривать, ждать.
Тропи, слѣды, (ишли въ тропы).
Трутина, отрава.
Трусовый (перья), строусовый.
Туга, печаль.
Тщатися, стараться.
Тягота, отягченіе, тяжесть.
Тяжары, обозъ въ войскѣ.

У.

Убезпечить, обезпечить.
Ублагане, мольба,
Увишъ, вверхъ.
Увойти, войти.
Угонзнути, уйти.
Удатися, уйти, поворотить.
Удержоване, задержаніе.
Ужити, попользоваться.
Уймовати, лишить, отнимать, уменьшать.
Укарати, наказать.
Уконтентовати, удовольствовать.
Улжене, облегченіе.
Умкнути, утащить.
Упевнять, завѣрять, ручаться.
Упривиліованный, привилегированный.
Уражати, обижать оскорблять.
Урвати, отсрвать.
Усиловне, усильно.
Утарчка, схватка.
Утворенный, упрошенный.
Утекти, убѣжать, уйти.
Утискъ, притѣсненіе, стѣсненіе.
Утрапленне, утѣсненіе.
Утяжати, отягощать.

Уфать, надѣятся.
Уфецъ, рота.
Ушиковать, приводить въ порядокъ.

Ф.

Фарина, мука.
Фолговати, облегчить, щадить.
Фортелне, хитро.
Фортуна, счастіе.
Фрасоватися, безпокоиться волноваться.
Фундоватися, основываться.
Фурманъ, кучеръ.
Фурѣя, неистовство, проклятіе, ярость.

Х.

Хандожене, уходъ.
Хврастіе, хворостъ.
Хиба, развѣ.
Хлопъ, мужикъ.
Хлопецъ, мальчикъ.
Ховать, прятать.
Храпъ, гнѣвъ.
Хорій, слабый.
Хортъ, собака борзая.
Худоба, имущество.

Ц.

Цедула, письмо, записка.
Цнотливый, честный, достойный.
Цукри, конфекты.

Ч.

Чати, отряды.
Чекать, ждать.
Честовать, угощать.
Чтири, четыре.
Чулій, осторожный.
Чути, слышать.

Ш.

Шабля, сабля.
Шанецъ, ровъ.
Шкода, убытокъ, вредъ.

Щ.

Щентъ, до щенту, до тла.
Щиро, усердно, искренно.
Щирій, усердный; щирое серебро, чистое серебро.
Щось, что-то.

Ѣ.

Ѣзда, кавалерія.
Ѣздній, конный, кавалерійскій.

Ю.

Юнакъ, парень, молодецъ.

Я.

Явне, явно.

Ясиръ, добыча.

Ятки, рядъ; мясныя ятки, мясной рядъ, кровопролитіе.

УКАЗАТЕЛЬ.

А.

Б.

В.

Г.

И.

М.

Н.

О.

П.

Р.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Ю.

Я.

Ѳ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строк.*	*Напечатано.*	*Надо читать.*
2—11	снизу	мерскихъ	мірскихъ
4——	прим. 2	находится	находятся
6— 2	снизу	показался	показалося
32——	послѣд.	боится.	боится?
63 - 65	прим.	спискѣ Комм.	спискѣ, прин. Г. Пом. Попеч.
66—13	сверху	себѣ повѣряютъ, аще	себѣ повѣряютъ? аще
68— 5	снизу	бяхуся	бояхуся
68—71	и друг.	въ спискѣ, прин. Ком.	въ спискѣ, прин. Г. Помощ. Попеч.
73—16	сверху	зъ еднимъ	зъ ездимъ
75— 7	снизу	способникомъ	способниковъ
109——	прим.	Хмеланцкій	Хмелницкій.
115— 6	сверху	тажней	сажней,
133— 3	— —	Хечницкій	Хмелницкій.
136—16	— —	Готекимъ	Готскимъ
142— 5	снизу	жестокимъ бранми	жестокими бранми
164—12	— —	созерзати	созерцати
173— 5	— —	о той	отай.
175— 3	— —	Маѳодія	Меѳодія
191—14	сверху	зъ Богушковой	въ Богушковой
201—12	снизу	Судіею	Судію
209—12	— —	бити	быти
212—14	— —	не били	не были
318— 9	сверху	бившаго	бывшаго
— —17	— —	поездъ	подъездъ
— —21	— —	бити	быти,
246—14	— —	Компанѣй	Компанѣйскій
247—11	снизу	скопѣями	съ копѣями
249—12	сверху	дущевнаго	душевнаго

Стран.	*Строк.*			
261	12	сверху	озвался Гетманомъ, въ томъ же року, мая 2;	озвался Гетманомъ; въ томъ року, мая 2,
299—	7	— —	Коцицкаго	Копицкого
304—	3	снизу	щанцахъ	шанцахъ
312—	7	— —	Боярину	Боярину
336—	13	сверху	Бучно-пышино	Бучно-пышно.
336—	16	— —	ведлугъ, въ окношеніи,	ведлугъ, въ отношеніи
— —	21	— —	Вязення, пленница.	Вязення, темница
341—	3	снизу	Палубъ-кузубъ.	Палубъ-кузубъ, обозъ; палубы разграблять - обозы грабить, 9 строка сверху.

Сверхъ того въ нумераціи вкрались опечатки между стр. 193 и 260.

ОГЛАВЛЕНІЕ

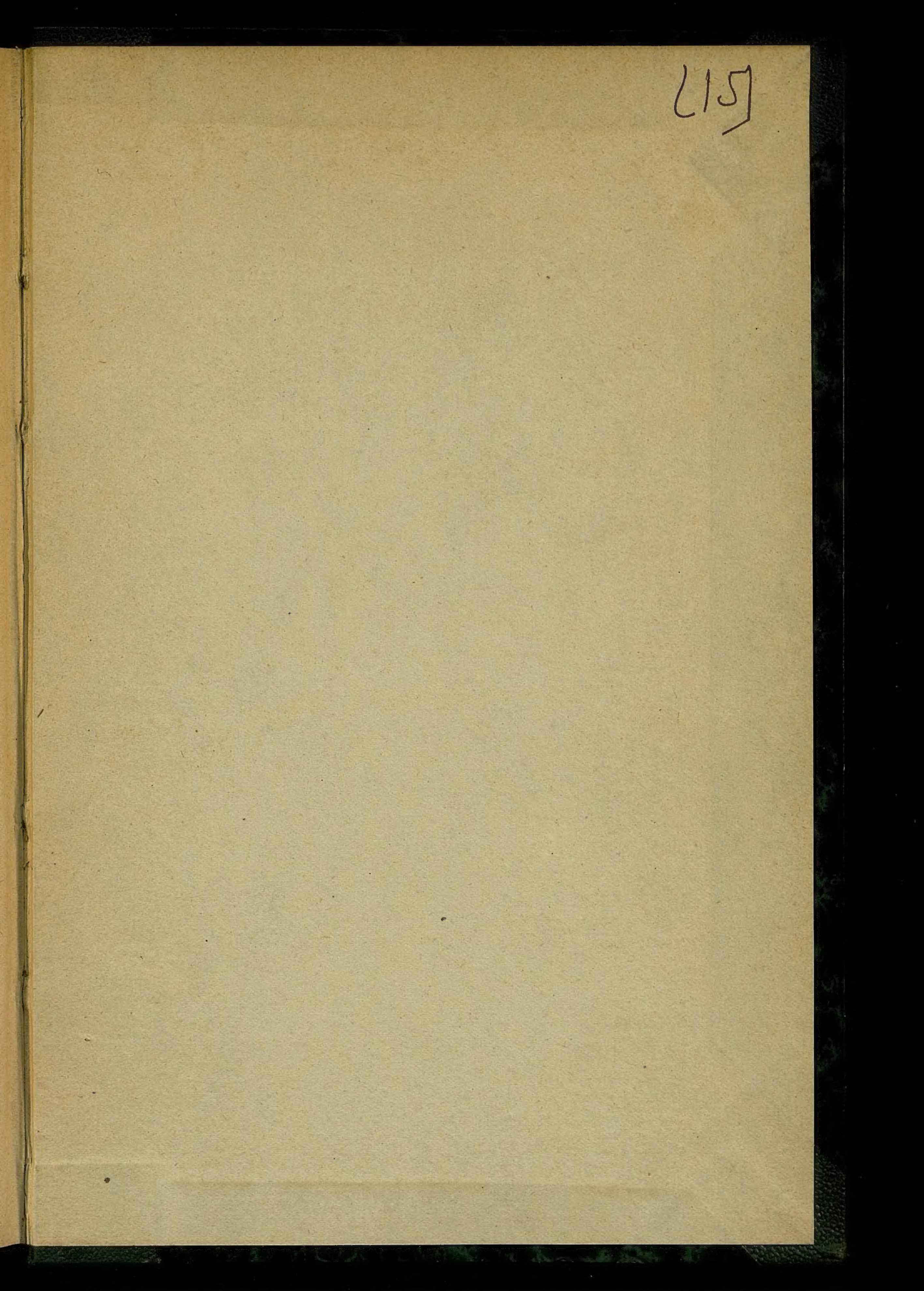
I. ЛѢТОПИСЬ.

страи.

страп.

II. ПРИЛОЖЕНІЯ.

КОНЕЦЪ.

[15]

